AA взрослеет

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ AA

ALCOHOLICS ANONYMOUS WORLD SERVICES, INC.
NEW YORK

АА ВЗРОСЛЕЕТ
Copiright © 1957, 1985 by Alcoholics Anonymous World Services, Inc.

All rights reserved

First printing 1957
Thirty first printing 2005
Первое издание русского перевода 2009

This is A.A. General Service Conference-approved literature

Отпечатано в России

Содержание

Исторические вехи АА v
Предисловие xi
I. АА: взросление, *Билл У. — один из основателей Сообщества Анонимных Алкоголиков* 1
II. Три завета Сообщества Анонимных Алкоголиков: Выздоровление (стр. 51); Единство (стр. 79); Служение (стр. 139) 49
III. В воскресенье, в 4 часа пополудни 223
IV. Медицинский взгляд на Анонимных Алкоголиков 235
VI. Дружеский взгляд на Анонимных Алкоголиков 273
ПРИЛОЖЕНИЯ
Приложение «A»: Как связаться с Анонимными Алкоголиками и группами родственников алкоголиков — Ал-Анон 285
Приложение«B»: Почему Анонимные Алкоголики должны сохранять анонимность, *Билл У.* 286
Приложение«C»: Устав Конференции 295
Приложение «D»: Речь на вручении премии Ласкера 301

Приложение «E»: Доклады об Анонимных Алкоголиках 302
a. Новый подход к психотерапии хронического алкоголизма, *У.Д. Силкуорт, врач* 302
b. Терапевтический механизм деятельности Анонимных Алкоголиков, *Гарри М. Тьебу, врач* 309
c. Прения среди членов Медицинского общества штата Нью-Йорк, Фостер Кеннеди, врач 320
d. Рецензия на книгу Анонимных Алкоголиков (1939 г.), Д-р Гарри Эмерсон Фосдик (с цитатами из его автобиографии) 322
Приложение «F»: Список публикаций Всемирного центра обслуживания Анонимных Алкоголиков 325

Исторические вехи АА

Дата	
1934, лето	Доктор Уильям Д. Силкуорт выносит Биллу У. приговор «безнадежный алкоголик».
1934, август	Эбби Т., друг Билла, трезвеет при помощи Оксфордских групп.
1934, ноябрь	Эбби навещает Билла и рассказывает ему свою историю.
1934, декабрь	Духовный опыт Билла в больнице Таунс.
1934, декабрь – 1935, май	Билл работает с алкоголиками, но ему не удается вытрезвить ни одного из них.
1935, май	Доктор Боб и Билл встречаются в Акроне.
1935, 10 июня	Последняя пьянка доктора Боба. Основание Анонимных Алкоголиков.
1937	Анонимные Алкоголики Нью-Йорка отделяются от Оксфордских групп.
1937, ноябрь	Доктор Боб и Билл, встречаясь в Акроне, подводят итог. Сорок случаев выздоровления. Первое осуществление определенных успехов.
1938, февраль	Знакомство с Джоном Д. Рокфеллером, младшим. Он дает 5000 $. Отказывается дать больше. Спасает АА от профессионализма.
1938, май	Основывается Фонд алкоголиков, попечительство над АА.
1938, май	Начало написания книги Анонимные Алкоголики.
1938, декабрь	Написаны Двенадцать шагов.
1939	Количество членов достигает 100.
1939, апрель	Опубликование книги Анонимные Алкоголики.
1939	Обзор Книги, данный доктором Фосдиком.
1939, лето	Анонимные Алкоголики Среднего запада отходят от Оксфордских групп; АА становятся полностью самостоятельными.

1939, август	Доктор Боб и сестра Игнасия начинают работу в больнице святого Фомы в Акроне. В последующие десять лет они лечат 5000 алкоголиков.
1939, сентябрь	Внезапное расширение АА в Кливленде доказывает, что АА может вырасти до очень больших размеров.
1939, декабрь	Первая группа АА в психиатрической больнице Роклэнд Стейт, Нью-Йорк.
1940	Религиозные лидеры одобряют АА. Отец Доулинг, доктор Фосдик — предшественники многих.
1940, февраль	Первый офис всемирного обслуживания АА, Визи стрит, Нью-Йорк.
1940, февраль	Первый клуб АА, 334 1/2 Вест 24 Стрит, Нью-Йорк, Нью-Йорк.
1940, февраль	Ужин у Рокфеллера.
1941, март	Статья в Сатедей Ивнинг Пост вызывает огромное признание и распространение АА. Количество членов к концу 1941 года подскакивает с 2000 до 8000.
1942	Образование первой группы в тюрьме, Сан Квентин, Калифорния.
1944, июнь	Основан АА Грейпвайн.
1945	Доктор Силкуорт и Тедди Р. Начинают работу в больнице Никербокер, Нью-Йорк. В последующие 10 лет они имеют дело с 10000 пациентов.
1946	Впервые сформулированы и опубликованы Двенадцать традиций АА.
1949	Американская Ассоциация психиатров признает АА.
1950, июль	Первая международная конференция в Кливленде. Движение АА принимает Двенадцать традиций.
1950, ноябрь	Умирает доктор Боб.

1951, апрель	Собирается Первая общая конференция по обслуживанию, Начинается пятилетний экспериментальный период, объединяющий попечителей АА со всем товариществом.
1951, октябрь	Американская общественная ассоциация здоровья присуждает АА премию Ласкера в Сан-Франциско.
1953, июнь	Публикуется книга «Двенадцать шагов и двенадцать традиций».
1954, октябрь	Фонд Алкоголиков становится Советом общего обслуживания АА. Отказались от первоначальной идеи универсального Фонда.
1955, июль	Конференция к 20-летней годовщине АА в Сент-Луисе. Публикуется второе издание книги Анонимные Алкоголики.
3 июля	Ветераны передают движению АА три завета — Выздоровление, Единство и Служение.
1956	Создание комитета по информированию общественности, который взял на себя работу по общественным связям, до этого выполнявшуюся Биллом У.
1957	Создание первого иностранного совета по обслуживанию АА в Великобритании и Ирландии. В октябре публикуется книга «АА взрослеет». Количество членов АА переваливает за 200000 в 7000 групп в 70 странах и США.
1958	Выходит полнометражная ТВ передача «Дни вина и роз». Кинофильм с этим же названием вышел в 1963 году. АА участвовали в производстве обоих.
1959	A.A. Publishing, Inc. (Издательство АА) становится A.A. World Services, Inc. (Всемирное обслуживание АА).
1960	Июль. Лонг Бич, Калифорния, Конференция к 25-й годовщине АА. Книга Джозефа Кесселя «С алкоголиками» («Avec Les Alcooliques») стимулирует рост АА во Франции и Германии.

1961	Переписка Билла с доктором Карлом Юнгом. В 1930 году, помощь доктора Юнга одному алкоголику оказалась первым шагом в формировании АА.
1962	Публикация книги «Двенадцать принципов всемирной службы», написанной Биллом У.
1963	Первые попечители от регионов избраны в Совет по всеобщему обслуживанию. Эта процедура заменяет попечителей от округов, избиравшихся до этого от каждого штата. По новой процедуре Соединенные Штаты разделены на шесть регионов.
1963–1967	Этот период характерен стремительным ростом групп за рубежом. Он был ускорен увеличившейся деятельностью всемирной службы, такой как консультативной перепиской, учреждением новых литературных центров, большим количеством новых и качественных переводов, лучшим внедрением традиций АА и т.д.
1965	Конференция по случаю 30-й годовщины в Торонто, Канада, июль. Присутствовало более 10000 человек. Краеугольным камнем собрания стала, впоследствии широко используемая Декларация — «И Я отвечаю за это... Если где-то кто-то в беде, и ему нужна наша помощь, АА всегда будет рядом, И я отвечаю за это...». В Торонто вышло карманное подарочное издание книги «Двенадцать шагов и двенадцать традиций». Снят цветной документальный фильм только для просмотра на группах, где Билл и Лоис рассказывают историю раннего периода АА
1966	Смена количественного соотношения Попечителей в Совете Всеобщего обслуживания для обеспечения большинства (2 трети) членов-алкоголиков, ставшая историческим событием, в котором Сообщество

	АА принимает на себя максимальную ответственность за будущее ведение своих дел. С этой сменой число региональных попечителей возрастает до восьми — шесть от США и два от Канады.
1955–1967	Публикация книги «Жизнь по АА» (сейчас озаглавленная «Как это видит Билл»), которая представляет из себя выдержки из записок Билла У. В этот период количество групп АА вырастает с 5927 до 13279; зарубежные группы представляют уже около 20% всего АА.
1969	В Нью-Йорке, 9–11 октября, проводится первое собрание Всемирной службы с представительством делегатов от 14 стран. (С 1972 эти собрания проводятся каждые два года).
1970	В Майами-Бич, Флорида, проводится Международная конференция по случаю 35-й годовщины. Примерно 11000 присутствующих. Последнее появление Билла на публике. Основная идея доклада — Декларация Единства.
1971	Билл умирает 24-го января в Майами-Бич, Флорида. Его имя, фотография и история впервые распространяются общественными средствами массовой информации по всему миру. 14 февраля группы АА во всем мире проводят мемориальные рабочие собрания.
1973	Публикация книжки «Пришли к убеждению...», которая выражает широкий спектр личных духовных взглядов членов АА.
1973, апрель	Распространение книги «Анонимные Алкоголики» достигает 1000000 экземпляров
1975	В Денвере, Колорадо, проводится Международная конференция к 40-й годовщине АА. Более 19000 присутствующих повторяют лейтмотив «Пусть начнется с меня».

1975	Публикация книжки «Жить трезвым», подробно излагающей практические методы, которые используют члены АА для того, чтобы не пить.
1976	Всемирные цифры — более чем 1000000 членов, почти 28000 групп. Публикуется третье издание книги «Анонимные Алкоголики».
1978	Тираж журнала «Грейпвайн» превышает 100000. Распространение книги «Анонимные Алкоголики» переходит отметку в 2000000 экземпляров.
1980	Количество зарегистрированных делегатов переваливает за 22500 человек, когда Анонимные Алкоголики собираются в Новом Орлеане, чтобы отпраздновать «Радость жизни» на Международной конференции АА к 45-й годовщине Сообщества. Книга «Доктор Боб и славные ветераны», представленная на съезде, объединяет в себе биографию и историю АА на Среднем Западе.
1981, август	Распространение книги «Анонимные Алкоголики» превышает отметку в 3000000.
1988	5-го октября умирает Лоис Бернхэм Уилсон.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга для всех членов Сообщества Анонимных Алкоголиков и их друзей. Эта книга для всех тех, кого интересует история создания АА, она о том, как появились три основополагающих завета сообщества — Выздоровление, Единство и Служение — и как это братство росло и распространяло свои идеи по всему миру. В этой книге показана деятельность АА изнутри, но под широким углом зрения.

В первой части книги дается панорамный обзор встречи в Сент-Луисе (*июль 1955, Второй международный сьезд АА*), где Сообщество Анонимных Алкоголиков заявило о своей зрелости и приняло на себя ответственность за все свои решения.

Во вторую часть вошли три беседы, отредактированные и расширенные, с Биллом У., одним из основателей АА, состоявшиеся во время встречи в Сент-Луисе и посвященные истории рождения принципов Выздоровления, Единства и Служения.

В третью часть вошли обращения друзей АА, каждый из которых известен в своей области. Среди них: д-р Гарри М. Тибот, психиатр; д-р У.У. Бауэр из Американской медицинской ассоциации; отец Эдвард Доулинг из Ордена иезуитов; д-р Самуэль М. Шумейкер, священник епископальной церкви; а также г-н Бернард Б. Смит, адвокат из Нью-Йорка и бывший председатель Генерального совета по обслуживанию Сообщества Анонимных Алкоголиков. Эти люди рассказывают о своем сотрудничестве с Анонимными Алкоголиками и вкладе в развитие АА, а также излагают свой взгляд на будущее этого товарищества.

Дорогие друзья!

Читая эту книгу, вы заметите, что события, описываемые в ней, хронологически не связаны.

Автор решил, что в этой книге лучше сделать акцент на основных принципах АА — Выздоровлении, Единстве и Служении, поэтому в нее включены отдельные истории, посвященные этим основным заветам. Такой подход позволяет сконцентрировать внимание на каждом из них в отдельности. Однако некоторые читатели сочтут необходимым начать знакомство с книгой со страницы 51, которая описывает начальный этап создания сообщества и то, как возникла Программа выздоровления от алкоголизма в ее сегодняшнем виде.

Название книги «АА: Взросление» и сейчас, и ранее вызывало вопросы, поскольку оно дает повод думать, что члены АА действительно считают себя «взрослыми», и что они уже достигли высокой эмоциональной зрелости.

На самом деле, мы использовали слово «взросление», вкладывая в него несколько иной смысл. Мы просто хотим сказать, что достигли такого этапа жизни, когда нужно начинать иметь дело со взрослой ответственностью, такой, на какую мы только способны. И здесь мы рассчитываем на себя и на Господа Бога.

Искренне Ваш,
Билл У.

Март 1967

I

АА: ВЗРОСЛЕНИЕ

Билл У.,
один из основателей Сообщества Анонимных Алкоголиков

С 1 по 3 июля 1955 года Сообщество Анонимных Алкоголиков провело встречу в Сент-Луисе в честь своего двадцатилетия, на которой оно заявило о том, что достигло достаточной зрелости, чтобы взять на себя всю полноту ответственности. На этой же встрече товарищество приняло эстафету приверженности трем основным заветам — Выздоровлению, Единству и Служению, — переданную его основателями и старейшими членами.

Я никогда не забуду эти три дня, которые стали одним из важнейших событий в моей жизни.

В последний день встречи, в четыре часа по полудни, в зале Киля в Сент-Луисе присутствовало 5000 человек, среди которых были члены АА, их семьи и друзья. Здесь собрались представители от всех штатов Америки и провинций Канады. Некоторые прибыли издалека, проделав очень долгий путь. На сцене в зале разместились члены Генеральной конференции АА — около семидесяти пяти делегатов из Соединенных Штатов Америки и Канады, попечители Генерального совета АА по обслуживанию, директора и секретари наших всемирных служб в Нью-Йорке, моя жена Луиза, моя мать и я.

Генеральная конференция Сообщества Анонимных Алкоголиков была готова взять на себя роль хранителей Двенадцати Традиций и роль попечителей ее организаций по всему миру. Ее должны были назвать постоянным преемником основателей АА. Выступая от имени одного из основателей д-ра Боба и от имени старейших членов АА, я ознакомил все сообщество и его представительную Кон-

ференцию с главными тремя заветами Сообщества Анонимных Алкоголиков. И с этого времени АА пошло своим путем — служить делу Божьей воли настолько, насколько нам предопределено перенести и выдержать по Его промыслу.

Было очень много разных событий, прежде чем мы пришли к этому моменту. Общим результатом всей деятельности стало то, что 5 000 человек смогли увидеть АА с совершенно новой для себя стороны. Они ознакомились с основными историческими этапами развития АА. С некоторыми из нас, старейшими членами, они как бы заново пережили те волнующие моменты, которые привели к созданию Двенадцати Шагов выздоровления и к появлению книги «Анонимные алкоголики». Они услышали, как «ковались» Традиции АА на «наковальнях» группового опыта. Они услышали историю о том, как АА создало плацдармы в семидесяти странах мира. И когда они увидели, что АА само теперь полностью отвечает за свою судьбу, они осознали, что теперь каждый отвечает за все.

На этой встрече впервые высоко оценили тот факт, что никто не изобретал Анонимных Алкоголиков. И что многие потоки усилий и многие люди, некоторые из которых не были алкоголиками, соединились вместе и оказали помощь, милостью Божьей, в достижении целей АА.

Среди наших друзей есть и люди, которые не страдают от алкоголизма. Это и медики, и религиозные служители. И они, и попечители Совета прошли с нами этот «жаркий и пыльный» путь до встречи в Сент-Луисе, и теперь они здесь, с нами, на этом радостном событии и готовы рассказать о своем участии в развитии движения АА. Среди них был священник Сэм Шумейкер, чьи проповеди вдохновили д-ра Боба и меня, и всеми любимый отец Доулинг[1] с его божественным вдохновением, который сделал так много, чтобы открыть для мира движение АА и превратить Сообщество в то, чем оно стало теперь. Был также д-р Гарри Тибот,[2] наш самый первый специалист по психиатрии, который начал применять концепции АА в своей частной практике и чей юмор, скромность, острый ум и смелость значили так много для нас.

Это был именно д-р Тибот, которому вместе с помощью д-ра Кирби Коллиера из Рочестера и Дуайта Андерсона из Нью-Йорка

[1] Отец Доулинг скончался в 1960 году.

[2] Д-р Тибот скончался в 1966 году.

удалось убедить в 1994 году Медицинское общество штата Нью-Йорк, а позднее, в 1949 году, и Американскую ассоциацию психиатров и позволить мне, дилетанту, ознакомиться с публикациями, рассказывающими о ежегодных встречах АА и тем самым добиться скорейшего признания в то время мало известного медикам Сообщества АА во всем мире.

Трудно переоценить вклад д-ра Тибота и тогда, и на протяжении всех прошлых лет. Когда мы познакомились с Гарри, он работал главным психиатром в одном из лучших американских санаториев. Все, и пациенты, и коллеги, признавали его высокий профессионализм. В то время искусство психиатрии выходило из стадии своей «юности», и только начинало привлекать внимание к себе во всем мире как одно из величайших достижений нашего времени. Процесс проникновения в тайны и мотивы бессознательного в человеке развивался в полную силу.

Естественно, представители различных школ в психиатрии значительно расходились во мнении относительно действительного смысла новых открытий. В то время последователи Карла Юнга видели ценность, значимость и реальность религиозной веры, однако подавляющее большинство психиатров того времени этого не признавало. Они скорее придерживались взглядов Зигмунда Фрейда, который считал, что религия является утешающей фантазией в условиях незрелости человека; и что когда человек дорастет до современного уровня знаний, то ему более не понадобится такая поддержка.

И вот на таком фоне в 1939 году д-р Гарри стал свидетелем двух грандиозных случаев выздоровления его пациентов — Марты и Гренни. Это были очень тяжелые случаи, как с точки зрения алкоголизма, так и неврастении. После недолгого посещения встреч АА они вдруг резко перестали пить (и, кстати сказать, навсегда) и у них произошло поразительное изменение в мировоззрении и настроении; д-р Гарри был потрясен. Он был также несказанно удивлен, когда обнаружил, что как психиатр он может «достучаться» до них, хотя всего несколько недель назад между ними стояла каменная стена глухого сопротивления при любой его попытке добраться до их души. Для Гарри это были совершенно новые факты. Будучи ученым и просто отважным человеком Гарри пошел напрямик. И не всегда это происходило в стенах его офиса. Полностью убедившись в результате, он представил АА своим коллегам и широкой публике. (См. указа-

тель его медицинских работ)[3] И с тех пор, несмотря на то, что он в значительной степени рисковал своей профессиональной карьерой и репутацией, он продолжал поддерживать АА и продолжал работать там в качестве психиатра.

Достойную пару д-ру Тиботу в медицинской группе на этой встрече составил д-р У.У. Бауэр из Американской медицинской ассоциации, который протянул руку дружбы АА и который с теплотой говорил о нас.

И эти добрые друзья-медики ни в коей мере не были удивлены заявлениям д-ра Эрла М., который также входил в медицинскую группу АА. Хорошо известный в медицинских кругах по всей стране д-р Эрл решительно заявил, что, несмотря на весь свой багаж медицинских знаний, включая и психиатрию, он узнал об АА от мясника. Таким образом, он подтвердил все, что поведал нам д-р Гарри относительно необходимости понизить раздутое самомнение алкоголиков до того, как они присоединятся к АА и после этого.

Воодушевляющие речи этих докторов напомнили нам о той помощи, которую мы получали в течение многих лет от наших друзей-медиков. Многие из присутствующих здесь были в тот памятный вечер 1961 года в Оперном театре в Сан-Франциско, когда Сообществу Анонимных Алкоголиков вручили Премию Ласкера — дар Альберта и Мэри Ласкер — от имени 12000 врачей, входящих в Американскую ассоциацию здравоохранения.[4]

Обращения, с которыми выступили перед собравшимися на той встрече преподобный Самуэль Шумейкер,[5] д-р Гарри Тибот и д-р У.У. Бауэр, вошли в эту книгу, их можно прочитать, начиная со страницы 235. Кроме того, мы публикуем выступление еще одного нашего друга — Бернарда Б. Смита, адвоката из Нью-Йорка, который все последние годы беззаветно и блестяще справлялся с обязанностями Председателя Попечительского совета АА. Его всегда будут помнить как неалкоголика, чья уникальная способность примирять различные точки зрения явилась одним из решающих факторов, способствовавших формированию Генерального совета, от деятельности которого во многом зависит будущее всего АА. Как и другие выступавшие Бернард Смит говорил не только о значении АА для алкоголиков и для всего

[3] См. Приложение E:b — работы д-ра Тибот.

[4] См. Приложение D. Текст Премии Ласкера.

[5] Преподобный Сэм Шумейкер скончался в 1963 году.

мира в целом, но и том, какое значение для него самого имеют принципы АА, которых он придерживался всю свою жизнь.

На встрече выступили со своими вдохновляющими речами и многие другие наши давнишние друзья. Их выступления, как и все встречи в Сент-Луисе, были полностью записаны на пленку, и с ними можно ознакомиться. [Эти записи не сохранились.] Очень жаль, что ограниченный объем этой книги не позволяет включить в нее все выступления.

Так, например, в самый первый день Встречи один из старейших и наиболее ценных друзей АА— г-н Леонард В. Харрисон, председательствовал на одном из заседаний по теме «АА и промышленность». За более чем десятилетнее пребывание в составе Попечительского совета мы полюбили Леонарда, который по-прежнему остается одним из наших Попечителей. Он был предшественником Бернарда Смита на посту Председателя Совета, и он вместе с АА пережил все смутные времена поиска, свойственные «юности» АА, когда никто не мог сказать, сплотится ли наше сообщество, или наоборот распадется. Трудно описать, что значили его мудрые советы и уверенное руководство для нас в АА в те бурные времена.

Г-н Харрисон привел к нам нового друга Генри А. Милкарека, работающего в большой компании «Allis-Chalmers», где он занимался проблемой алкоголизма. При компетентной поддержке Дейва, также члена АА, который занимает схожую должность в компании Дюпон, г-н Милкарек рассказал собравшимся о возможностях использования АА и его принципов в промышленности. Наше понимание возможной роли АА в промышленности расширилось после заключительного выступления д-ра Джона Л. Норриса[6] из компании «Истман Кодак». На нашей Встрече он выступал в двух ипостасях. Являясь первопроходцем в области применения принципов АА в промышленности, он также был нашим давнишним Попечителем и входил в состав Генерального совета АА. Он всегда был одним из наиболее преданных и самоотверженных наших членов. И опять те из нас, кто присутствовал на встрече, неизменно задавались вопросом: чего бы мы смогли достигнуть без наших друзей?

Во второй день Конференции было проведено заседание по теме «АА в исправительных учреждениях». Выступавшие совершили экскурс по двум когда-то самым темным «ямам», куда помещали алкоголиков: тюрьмам и психиатрическим лечебницам. Нам поведали, как в таких местах, где властвовала тьма, зародилась новая надежда,

[6] «Д-р Джек» Норрис скончался в 1989 году.

и появился новый свет. Многие из нас были изумлены, узнав о масштабах работы АА в этих учреждениях: сегодня во всем мире начитывается 265 групп, которые работают в лечебницах, и 335[7] в тюрьмах. Раньше лишь около 20 процентов алкоголиков, условно-досрочно освобожденных из лечебниц и тюрем, смогли приобщиться к нормальной жизни. Но с появлением АА 80 процентов таких людей обрели постоянную свободу.

С яркими речами на этом заседании выступили еще два наших преданных друга, которые не были алкоголиками. Один из них — д-р О. Арнольд Килпатрик, психиатр, работающий в Государственной психиатрической лечебнице Нью-Йорка. Он рассказал нам о потрясающих успехах, достигнутых в его лечебнице при содействии АА. После него выступил г-н Остин Маккормик, одно время занимавший пост Уполномоченного по исправительным учреждениям в Нью-Йорке, а ныне профессор криминологии в Калифорнийском университете. И это был настоящий старый друг, добрый и преданный, который внес огромный вклад в качестве попечителя в создание Фонда лечения алкоголиков АА. Когда он переехал на Запад, то это стало приобретением для Калифорнии и безусловной потерей для Центрального офиса АА. И вот он опять здесь, рассказывает нам, как он работал с руководителями тюрем по всей Америке. В то время, как д-р Килпатрик подтвердил успех АА в психиатрических лечебницах, Остин Маккормик, опираясь на приобретенный им опыт, говорил о постоянно растущем влиянии групп АА в тюрьмах. И опять мы приобрели новые знания, которые добавили нам воодушевления.

В рамках этой Конференции проводились многочисленные кулуарные встречи. И вот на этих заседаниях, а также в разговорах в коридорах, кофейнях и гостиничных номерах мы непрестанно и с большой благодарностью вспоминали наших друзей и обо всем том, что Провидение предназначило им сделать для нас. Мысленно мы часто обращались к тем, кого не было с нами: тем, кто перешел в мир иной, кто был болен в данное время или кто просто не сумел приехать сюда. Среди последних мы особенно жалели, что с нами нет Попечителей Джека Александера, Фрэнка Амоса, д-ра Леонарда Стронга мл., Фрэнка Гульдена.

И, конечно, больше всего мы говорили об одном из наших основателей — д-ре Бобе и его жене Анне. Очень немногие из нас помнят сейчас те первые дни в 1935 году в Акроне, когда вспыхнула

[7] Данные на 1957 год. В 2003 году в США и Канаде в исправительных учреждениях насчитывалось уже более 2500 групп, а в лечебных учреждениях — более 1000 групп.

искра и появилась первая группа АА. Некоторые из нас еще помнят и могут пересказать те истории, которые звучали в гостиной д-ра Боба в его доме на Ардмор Авеню. И мы помним Анну, которая сидела в углу у камина и читала нам из Библии Послание Иакова и, в частности, слова: «вера без дел мертва». И вот на этой Встрече присутствуют молодой Боб и сестра Сью, которые были свидетелями появления первой группы АА., и муж Сью — Эрни, четвертый по значимости человек в АА. Старого Билла Д., третьего по значимости человек в АА, представляла его вдова Генриетта.

Все мы были безмерно рады увидеть вновь Этель, трезвенницы с самым большим стажем в районе Акрон-Кливленд, чью удивительно трогательную историю можно прочитать во втором издании книги «Анонимные Алкоголики». Она напомнила нам всех первых ветеранов Акрона (всего полторы дюжины), чьи истории стали основой первого издания книги «Анонимные алкоголики» и которые вместе с д-ром Бобом создали первую в мире группу АА.

Знакомясь с историями, мы видим, как д-р Боб входит в здание Больницы Святого Томаса, первой монастырской больницы, которая стала регулярно брать на лечение будущих членов АА. И вот здесь-то и возникло это великое партнерство между д-ром Бобом и несравненной Сестрой Игнасией[8] из ордена Сестер милосердия при монастыре Святого Августина. При упоминании ее имени тут же вспоминается классическая история о том, как она с д-ром Бобом взяли на лечение первого алкоголика. Ночная сиделка сестры Игнасии не очень-то жаловала алкоголиков, особенно тех, у кого были разнообразные виды белой горячки, и тут приехал д-р Боб и попросил отдельную палату для своего первого пациента. Сестра Игнасия сказала ему: «Доктор, у нас не хватает коек, не говоря уже о палатах, но я сделаю все, что смогу». И она тайно разместила сотрясаемого дрожью первого кандидата в АА в оранжерее больницы. И с этой первой робкой госпитализации в те давние времена начал расти поток людей, страдающих алкоголизмом, которые входили в двери Больницы Святого Томаса и выходили из них в новый мир. Большинство из них уже никогда не возвращались сюда, разве что в качестве посетителей. Начиная с 1939 года и до 1950 года, когда д-р Боб ушел от нас, здесь прошли лечение более 5 тысяч человек. Таким образом, миссионерская деятельность д-ра Боба, его жены Анны, Сестры Игнасии, и первые пациенты в Акроне являют собой пример реализации Двенадцати шагов на практике, который навсегда останется в истории АА.

[8] Сестра Игнасия скончалась в 1966 году.

И эта великая традиция продолжает жить в лице Сестры Игнасии. Она и сейчас продолжает работать и дарить свою любовь пациентам благотворительной больницы Святого Винсента в Кливленде. Благодарные члены АА этого района пожертвовали личные средства на реконструкцию старого крыла больницы, которое окрестили «Розарием» и которое было выделено в самостоятельное отделение, где работает Сестра Игнасия и ее помощники. Лечение здесь прошли 5000 тысяч человек.[9]

И сегодня многие члены АА считают, что лучшим путем к трезвой жизни являются отделения для лечения алкоголизма в монастырских больницах, которые сотрудничают с нами. И те, кто прошел лечение в больнице Святого Томаса в Акроне и благотворительной больницы Святого Винсента в Кливленде, с радостью согласятся с нами. И мы надеемся, что со временем монастырские больницы различной конфессиональной принадлежности последуют этому великому примеру. То, что Сестра Игнасия со своими помощниками уже сделали в стенах больницы Святого Томаса, является мощной отправной точкой. Но в будущем труд этих людей может получить еще большее признание, поскольку их пример дал толчок целому движению.

В 1949 году, десять лет спустя после начинаний д-ра Боба и Сестры Игнасии, отделения АА в штате Огайо пришли к глубокому пониманию важности этих действий. Был создан специальный комитет, по решению которого на здании крыла в больнице Святого Томаса, отведенного под лечение алкоголиков, повесили мемориальную доску, и этот шаг отражает все то, что многие из нас думают и чувствуют. Меня попросили подготовить текст для этой мемориальной доски и председательствовать на церемонии ее открытия. Несмотря на недавнюю кончину Анны, д-р Боб смог быть с нами в это время. Очень характерно, то, что Сестра Игнасия не разрешила поставить свое имя на этой доске. Днем 8 апреля 1949 года в субботу было сброшено покрывало, и собравшиеся увидели мемориальную доску со следующим текстом:

В БЛАГОДАРНОСТЬ

ДРУЗЬЯ Д-РА БОБА И АННЫ С.
С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЮТ ЭТОТ МЕМОРИАЛ
СЕСТРАМ И СОТРУДНИКАМ
БОЛЬНИЦЫ СВЯТОГО ТОМАСА

[9] По данным на 1957 год.

В АКРОНЕ, ГДЕ ЗАРОДИЛОСЬ
СООБЩЕСТВО АНОНИМНЫХ АЛКОГОЛИКОВ,
БОЛЬНИЦА СВЯТОГО ТОМАСА СТАЛА
ПЕРВЫМ РЕЛИГИОЗНЫМ ИНСТИТУТОМ, КОТОРЫЙ
ОТКРЫЛ ДВЕРИ НАШЕМУ СООБЩЕСТВУ.

ПУСТЬ СЕРДЕЧНАЯ ПРЕДАННОСТЬ ТЕХ,
КТО ТРУДИЛСЯ В ЭТИХ СТЕНАХ НА
САМЫХ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ,
СТАНЕТ ЯРКИМ И УДИВИТЕЛЬНЫМ ПРИМЕРОМ
НЕПРЕХОДЯЩЕЙ МИЛОСТИ БОЖЬЕЙ
ДЛЯ ВСЕХ НАС.

Все прекрасно помнят ставший знаменитым совет д-ра Боба в адрес Сообщества анонимных алкоголиков: «Давайте не усложнять ситуацию. Давайте действовать просто». И я помню, что в книге «АА. Грейпвайн», я отмечала как раз его великую простоту и силу...

Тихо проговорив своей сиделке: «Я думаю, она пришла за мной. Я думаю — это она», д-р Боб ушел в мир иной днем шестнадцатого ноября 1950 года. Так закончил свой путь человек, который, снедаемый болезнью, показал всем нам, как высоко истинная вера помогает нам подняться над мучительными страданиями. Он умер, как и жил — будучи уверенным, что «В доме Отца обителей много».

Воспоминания захлестывают всех, кто знал его. Но кто может сказать, что думают и чувствуют те тысячи больных людей, которых он лечил лично и которым оказывал бесплатную врачебную помощь? Кто может рассказать о раздумьях людей, живших с ним в одном городе, которые видели, как он практически ушел в неизвестность, чтобы потом взлететь высоко и приобрести известность в области исцеления людей, страдающих алкоголизмом? Кто может выразить благодарность тех десятков тысяч членов семей АА, которые часто слышали о нем, но никогда не встречали его лично? И каковы были переживания близких ему людей, когда они с благодарностью думали о тайне его возрождения, произошедшего пятнадцать лет назад, и обо всем, что последовало после этого? Мы можем постичь лишь малую толику этого благословения. Мы можем лишь сказать: «Чудны дела Твои, Господи!»

Д-р Боб никогда не хотел, чтобы его воспринимали как какого-то святого или супермена, и не хотел, чтобы мы возносили его или горевали по поводу его кончины. Мы практически слышим, как он

говорит нам: «Сдается, ребята, вы уделяете мне слишком много внимания. Меня не стоит воспринимать так серьезно. Я был лишь первым звеном в цепи ниспосланных свыше обстоятельств, которые носят название АА. Благодарение судьбе, мое звено не оборвалось, хотя мои ошибки и неудачи зачастую могли привести к несчастливому результату. Я был просто еще один алкоголик, который пытается справиться со своим недугом милостью Божьей. Не думайте обо мне, а просто делайте так же. Добавьте в эту цепочку свое звено. С Божьей помощью надежно скрепите эти звенья». Именно таким образом, но, возможно, не такими именно словами, д-р Боб давал оценку себе и наставлял нас.

Через несколько месяцев после кончины д-ра Боба, в 1951 году состоялась первая Генеральная конференция Сообщества анонимных алкоголиков, на которой последователям д-ра Боба — молодому Бобу и Сью — было вручено послание, которое явилось завершающим аккордом. Оно гласило следующее:

Памяти д-ра Боба

Настоящим Сообщество Анонимных Алкоголиков выражает свою безграничную благодарность за деяния д-ра Роберта Холбрука С., одного из основателей Сообщества.

Называемый с любовью «д-р Боб», он исцелился от пьянства 10 июня 1935 года. В этом же году он принимал участие в создании первой группы Анонимных Алкоголиков, и благодаря усилиям его самого и его прекрасной жены Анны свет этого маяка озарил весь мир. Ко дню своей кончины, 16 ноября 1950 года, он помог огромному числу людей, страдающих алкоголизмом, как в духовном, так и медицинском плане.

Д-р Боб обладал смиренностью, которая сдерживала все личные почести, прямотой, которая не терпела никаких компромиссов. Он был предан человеку и Богу, и этот прекрасный пример будет озарять нас вечно.

Мировое Сообщество Анонимных Алкоголиков передает это завещание благодарности его наследникам — д-ру Бобу и Анне С.

Мысленно возвращаясь к тем годам становления в Акроне, мы вспоминаем о наших первых шагах на востоке США; о борьбе за создание Группы номер два в Нью-Йорке осенью 1935 года. Раньше в том же году, еще до знакомства с д-ром Бобом я уже имел довольно большой опыт работы с алкоголиками, но у меня не было положительных результатов в Нью-Йорке, пока я не вернулся домой в сентябре. Я рассказал на встрече, как идея начала обретать сторонников: о первых встречах в небольшой гостиной в доме 182 по Клинтон стрит в Бруклине; о «вылазках» в Кавалерийскую часть в Нью-Йорке и в больницу Таунс в лихорадочном поиске новых потенциальных членов сообщества; о тех, кто вылечился от алкоголизма, и о многих, кто потерпел фиаско. Моя жена Лоис вспоминает, как в течение трех лет наш дом на Клинтон Стрит был буквально «набит» от подвала до чердака алкоголиками всех мастей и как к нашему огромному огорчению они опять скатывались к пьянству, сводя на «нет» усилия всех. (Некоторые из них стали трезвенниками, но позднее, возможно вопреки нам!)

В Акроне в домах д-ра Боба и Уолли домашнее лечение давало лучшие результаты. Там Уолли с женой на дому добились возможно наилучших результатов лечения и реабилитации новых членов АА. Процент успеха и них был очень высоким и в то время их пример широко использовали в домах других жителей Акрона. По словам Лоис, это была прекрасная лаборатория, в которой мы экспериментировали и познавали — это был тяжелый путь.

Я напомнил жителям Джерси, присутствовавших на Встрече, о более ранних встречах в Верхнем Монтклере и Южном Оранже, а также в Монси, Нью-Йорке, когда Лоис и я приехали туда в то время, когда как раз вышла в свет книга об АА. Это было весной 1939 года после того, как мы не смогли выкупить заложенный дом ее родителей в Бруклине, где мы жили до тех пор. Стояла теплая погода, и мы жили в летнем лагере около тихого озера в западной части Нью-Джерси благодаря помощи хорошего друга, члена АА и его матери. Еще один наш друг позволил нам пользоваться его машиной. Я вспоминал, как все лето мы пытались поправить дела с обанкротившимся изданием книги об АА. В финансовом плане она «провалилась». Мы всеми силами старались не допустить шерифа в наш мини-офис в доме 17 по Уильям Стрит в Ньюарке, где была написана большая часть книги.

Мы посетили первую встречу АА в Нью-Джерси, проходившую летом 1939 года в доме Генри П. в Верхнем Монтклере, моего партнера по этому ненадежному предприятию — изданию книги. Там мы познакомились с Бобом и Мэг В., ставшими в будущем нашими близкими друзьями. Когда наш летний лагерь на День Благодарения покрылся снегом, они пригласили нас провести зиму в их доме в Монси, штат Нью-Йорк.

Эта зима вместе с Мэг и Бобом была тяжелой и волнующей одновременно. Ни у кого не было денег. Их дом, когда-то большой

особняк, пришел в полный упадок. Печное отопление и водяной насос попеременно ломались. Один из членов семьи Мэг еще раньше достроил две огромные комнаты, одну внизу и одну наверху, которые могли «похвастаться» полным отсутствием отопления. В комнате наверху было так холодно, что ее прозвали «Сибирь». Мы поставили туда подержанную печку, которая топилась углем, которая стоила 3,75 долларов. Мы постоянно боялись, что она вот-вот развалится, и я до сих пор не пойму, как нам удалось не сжечь весь дом. Но это было очень счастливое время. Делясь с нами всем, что у них было, Боб и Мэг сохраняли жизнерадостность.

Огромное душевное волнение вызвало появления первой группы в психиатрической лечебнице. Боб разговаривал с д-ром Расселом Е. Блейсделлом, возглавлявшем больницу Рокленд в Нью-Йорке, являвшейся психиатрической лечебницей, расположенной неподалеку. Д-р Блейсделл сразу же принял идеи АА в отношении своих подопечных-алкоголиков. Он показал нам помещения, где они располагались, и вскоре разрешил нам провести встречу уже в стенах лечебницы. Результаты оказались таким хорошими, что через несколько месяцев он целыми автобусами направлял закоренелых алкоголиков на встречи АА, которые в то время проходили в Южном Оранже, Нью-Джерси и в Нью-Йорке. Для руководителя психиатрической лечебницы это было хождение по острию. Но алкоголики не подвели его. В то же самое время встречи АА стали регулярно проводиться и в самом Рокленде. Улучшение отмечалось у самых тяжелых пациентов, и после выхода из лечебницы они продолжали идти этим же путем. Так были установлены первые рабочие контакты АА с психиатрической лечебницей, которые впоследствии преумножились более, чем в 200 раз. Д-р Блейсделл вписал яркую страницу в хроники алкоголизма.

В этой связи следует отметить, что ранее три или четыре пациента-алкоголика направлялись из психиатрических лечебниц Грейстоун и Овербрук в Джерси в АА по рекомендации друзей-врачей. Но д-р Блейсделл из больницы Рокленд был первым, кто отважился на полномасштабное сотрудничество с АА.

Наконец Лоис и я переправились еще раз через реку Гудзон, чтобы поселиться в Нью-Йорке. В то время небольшие по численности участников встречи стали проводиться в швейной мастерской Берта, который был новичком в АА. Позднее эти встречи переместились в небольшую комнату в Стейнвейн Холле, а затем в свое постоянное помещение, когда открылся первый клуб АА под названием «Старые двадцать-четыре». И мы с Лоис переехали туда жить.

Оглядываясь назад на те давнишние эпизоды нашей жизни в Нью-Йорке, мы часто видели там маленького доброго доктора, который любил этих пьяниц — Уильяма Дункана Силкуорта, тогда занимавшим должность главного врача в больнице Чарльз Б. Таунс в Нью-Йорке. Можно сказать, что этот человек был в большой степени основателем АА. От него мы узнали о природе нашего заболевания. Он давал нам средства, с помощью которых можно было добраться до внутреннего «я» самых закоренелых алкоголиков, эти потрясающие слова, которыми он описывал нашу болезнь: «навязчивая идея», которая заставляла нас пить, и «аллергия ума и тела», что давало нам два пути — которая приговаривала нас либо к сумашествию, либо к смерти. Это были совершенно необходимые ключевые слова. Д-р Силкуорт научил нас, как «перепахивать» черную почву безнадежности, на которой с тех пор появляляются ростки духовного пробуждения в нашем содружестве. В декабре 1934 года этот ученый скромно сидел у моей кровати, следя за моими неожиданными и чрезвычайными духовными открытиями и подбадривая меня «Нет, Билл, говорил он, у тебя не галлюцинации. Чтобы ты ни чувствовал, тебе лучше держаться за это; ведь это намного лучше, чем то, чем было, скажем, час назад». Это были великие слова, и они предопределяли приход АА. Кто еще мог произнести их?

Когда я изъявил желание работать с алкоголиками, д-р Силкуорт отвел меня прямо к ним в этой же больнице, хотя при этом он ставил под угрозу свою профессиональную репутацию.

Когда через шесть месяцев я потерпел фиаско со своими попытками вылечить пьяниц, он еще раз напомнил мне о наблюдениях профессора Уильяма Джеймса, что настоящей причиной трансформирующих духовных переживаний почти всегда являются крах и полное отчаяние. «Перестань читать им наставления, говорил д-р Силкуорт, а лучше приведи им сначала жесткие медицинские факты. Это может сделать их более податливыми, и они очень захотят сделать хоть что-нибудь для выздоровления. И только после этого они смогут воспринять твои духовные идеи, и даже идею Высшей Силы»

За последующие четыре года д-ру Силкуорту удалось превратить г-на Чарльза Б. Таунса, владельца лечебницы, в большого энтузиаста АА и побудить его предоставить ссуду в размере 2500 долларов на подготовку книги «Анонимные алкоголики». Впоследствии

эта сумма возросла до более чем 4000 долларов. Поскольку в то время это был наш единственный друг-медик, то этот добрейший доктор отважился написать предисловие к нашей книге, где оно сохранилось до сих пор и где оно останется навсегда.

Возможно, ни один врач больше никогда не посвятит столько внимания такому огромному количеству алкоголиков, как д-р Силкуорт. Мы подсчитали, что за свою жизнь он принял около 40 тысяч таких пациентов. В последние годы перед своей смертью в 1951 году только он, в тесном сотрудничестве с АА и нашим рыжеголовым «моторчиком» — сиделкой Тедди, принял около 10 тысяч алкоголиков в больнице Никербокер в Нью-Йорке. И те, кого он лечил, никогда не забудут этого человека, ведь большинство из них бросило пить совсем. Свое воодушевление Силки и Тедди черпали у д-ра Боба и Сестры Игнасии из Акрона, и всегда будут считаться их Восточными партнерами в те ранние времена становления. Эта великолепная четверка дала яркий пример и создала основы для прекрасного сотрудничества с медициной, что мы широко практикуем сейчас.

И, конечно, мы не могли уехать из Нью-Йорка, не воздав должное тем, кто сделал возможной сегодняшнюю работу АА: первым основателям Фонда АА, который был предтечей нынешнего Генерального совета.

Первым (если считать по порядку появления) был д-р Леонард В. Стронг мл., мой зять. Когда Луис и я ощущали себя одинокими и покинутыми, он вместе с моей матерью не бросал нас в мой самый тяжелый запойный период. Именно д-р Стронг познакомил меня с г-ном Уиллардом Ричардсоном, одним из прекраснейших служителей Господа и великолепного человека, которого я когда-либо встречал. И это знакомство привело к созданию Фонда алкоголиков. В самые первые годы становления крепкая вера, мудрость и духовная сила Дика Ричардсона являлись нашими главными якорями, помогающими выдерживать все шквалы, обрушившиеся на АА и на только зарождающийся центр, и он заражал своим энтузиазмом и убеждением всех тех, кто трудился с нами. С начала 1938 года и до своего ухода на пенсию в 1955 году д-р Стронг со всей свойственной ему преданностью и беззаветностью выполнял обязанности секретаря нашего Попечительского совета.

Дик Ричардсон был старым и близким другом Джона Д. Рокфеллера, старшего и младшего. В результате г-н Рокфеллер младший, проявил глубокий интерес к АА. Он видел, что у нас собрана небольшая сумма для того, чтобы запустить наш проекта, но все же она недостаточна для того, чтобы сделать его профессиональным. И в 1940 году он дал обед, на котором было много его друзей. Тем самым он дал им возможность лучше познакомиться с нами и самим понять, что такое АА. Этот обед, на котором выступили д-р Гарри Эмерсон Фосдик и невропатолог д-р Фостер Кеннеди, оказался великолепной рекомендацией нашему содружеству в те времена, когда нас было совсем немного и когда о нас никто не знал. Проведение такого обеда могло стать поводом для насмешек в адрес г-на Рокфеллера. Но тем не менее он организовал его, потратив на него лишь малую толику своего состояния, но вложив в него большую часть своей души.

Г-н Ричардсон привел и других его друзей к нам на помощь. Среди них был г-н Алберт Скотт, глава инженерной компании и Председатель Попечительского совета Церкви Риверсайд в Нью-Йорке, который председательствовал на знаменитой встрече в конце 1937 года в офисе г-на Рокфеллера, где некоторые из наших алкоголиков впервые встретились с нашими новыми друзьями. И вот, на этой встрече прозвучал исторический вопрос д-ра Скотта: «А не испортят ли деньги саму идею?» Д-р Боб, д-р Силкуорт и я присутствовали на этой встрече, где также были еще два друга г-на Ричардсона, которым в будущем было предназначено оказать огромное влияние на наши дела.

В начале весны 1938 года с помощью наших новых друзей мы создали Фонд алкоголиков, а г-н А. Лерой Чипман в течение многих лет был нашим неутомимым казначеем. В 1940 году мы почувствовали необходимость присоединения к Фонду небольшой компании «Уоркс Паблишинг Инк.», которую мы создали для публикации книг. В течение двух лет г-н Чипман проделал огромную работу и собрал 8 тысяч долларов, необходимых для осуществления выплат акционерам и г-ну Чарльзу Таунсу. В результате Фонд стал единственным владельцем этой издательской компании, и она навсегда перешла в доверительное распоряжение АА. Недавно г-н Чипман из-за болезни был вынужден покинуть пост, который он занимал в Попечительском совете, и его величайшему сожалению он не смог присутствовать на нашей встрече в Сент-Луисе. На этой же встрече мы, к сожалению, не увидели и Дика Ричардсона, который умер за несколько лет до ее проведения.

Однако во встрече, проходившей в начале 1940 года, участвовал еще один друг г-на Ричардсона — Фрэнк Амос, газетный работник,

занимавшийся рекламой, который входил в состав Попечительского совета АА и который совсем недавно ушел на пенсию. В 1938 году Фрэнк приехал в Акрон, чтобы встретиться с д-ром Бобом и внимательнейшим образом ознакомиться с тем, что там происходило. Именно его пламенная статья о д-ре Бобе и Акронской Группе номер один привлекла внимание г-на Рокфеллера и способствовала появлению Фонда. Этот Фонд стал ядром всемирной сети отделений АА, который стал ответственным за объединение и развитие всего сообщества. К Фрэнку Амосу можно было обратиться за помощью в любое время дня и ночи либо в его офисе, либо прямо дома, и его советы и вера очень помогли нам.

Мы, жители Нью-Йорка, возвращаясь мысленно к встрече в Сент-Луисе, неизменно вспоминали и о Руфь Хок[10], девушке, не страдающей алкоголизмом, но преданной нам, которая написала кучу текстов под диктовку, а потом печатала и перепечатывала их в течение многих месяцев, пока шла подготовка к изданию книги «Анонимные Алкоголики». Она часто работала без всякой оплаты, вместо которой получала экземпляры книги, которые в то время стоили немного. Я вспоминаю с глубокой признательностью, как очень часто ее мудрые советы и добрый юмор и нескончаемое терпение помогали нам разрешать бесчисленные споры о содержании книги. Один из «ветеранов» вспоминал в Сент-Луисе с большой благодарностью те теплые письма, которые Руфь посылала ему, когда он в одиночку пытался сохранять трезвость среди обычных людей.

Руфь была нашим первым Национальным Секретарем, и когда в начале 1942 года она покинула нас, ее место занял Бобби Б. В течение нескольких лет Бобби, почти в одиночку, пришлось решать огромное количество групповых проблем, которые возникли после публикации очерка Джек Александера об АА в газете «Сэтудей Ивнинг Пост». Отправляя тысячи писем борющимся одиночкам и еще не вполне сформировавшимся группам, он совершенно отличался от многих других людей в те времена, тогда никто точно не мог сказать выживет ли АА.

Мысленно возвращаясь в те далекие времена в Нью-Йорке, мне приходили на ум имена других моих друзей-алкоголиков. Вот я вспомнил Генри П., моего партнера по «Уоркс Паблишинг» и предприятию по изданию книги. Среди перспективных случаев д-р Силкуорт указал мне на больницу Таунс, где в 1935 году Генри был первым, кто бросил пить. Он был замечательным управленцем и торговцем, и весь свой поистине необыкновенный энтузиазм он обратил на формирование группы АА в Нью-Йорке. Также многие из жителей Джерси помнят, что ему удалось сделать и у них. Когда в 1938 году члены Фонда поняли, что им не собрать денег на издание книги об АА, то только по настоянию Генри был создан «Уоркс Паблишинг Инк.» и, пока мы работали над книгой, благодаря его непрестанным поискам жертвователей для «Уоркс Паблишинг», у нас были постоянные поступления (хотя их едва хватало!), но все же это позволило нам закончить работу.

[10] Руфь Хок Крицелиус умерла в 1986 году.

В то же самое время в Нью-Йорке у нас появился еще один человек — Фиц М., один из самых милых людей, которых когда-либо знали АА. Фиц был сыном священника и глубоко религиозным человеком. Об этом было много написано в Большой Книге в главе «Наш южный друг», посвященной ему. Фиц тут же включился в жаркую полемику с Генри относительно религиозного содержания готовящейся книги. Новичок Джимми Б., который, как и Генри, был бывшим торговцем и придерживавшийся в прошлом атеистических взглядов, был также втянут в эту полемику. Фиц хотел, чтобы это было чисто религиозное издание, а Генри и Джимми были против этого. Они хотели, чтобы в книге была больше психологии, что могло привлечь к ней читателя; и когда этот читатель окажется среди нас, то у нас будет достаточно времени, чтобы раскрыть ему духовную сторону нашего сообщества. Пока шла лихорадочная работа над этим изданием, Фиц много раз ездил из своего дома в Мериленде в Нью-Йорк, где продолжал отстаивать свою идею придания большей религиозности книге об АА. Результатом этих дебатов было появление духовной формы и содержания этой книги и, в частности, выражения: «Бог, как мы Его понимаем», которое имело грандиозный успех. Являясь посредником в этом споре, мне приходилось придерживаться середины, и при написании книги я говорил больше о духовной, а не религиозной или только психологической стороне проблемы.

И Фиц и Джимми страстно желали донести до читателей идеи АА. В 1940 году Джимми основал группу в Филадельфии, а Фиц принес благую весть в Вашингтон. Первая встреча в Филадельфии проходила в доме Джорджа С. — он был одним из первых одиночек, который пришел к трезвой жизни после прочтения статьи «Алкоголизм и Бог», написанной в 1939 году Моррисом Марки и опублико-

ванной в журнале «Либерти» тогдашним его издателем Фултоном Оурслером, который впоследствии сделал так много хорошего для нас. Случай Джорджа был очень тяжелым, даже для тех людей, которые опустились до сбора окурков. Когда Джорджу принесли этот номер «Либерти», он лежал в постели и пил виски, страдая депрессией, и принимал настойку опия от колита. Статья Марки так поразила Джорджа, что он немедленно прекратил принимать грог и опиум. Он написал письмо в Нью-Йорк, и мы направили его к Джимми, который как торговец, ездил по этому району. Вот так АА появилось в Городе Братской Любви.

Вскоре филадельфийское отделение АА привлекло к себе внимание трех известных докторов, живших в Филадельфии — А. Уизе Хаммера, С. Дадли Сола и Джона Ф. Стоуффера (последний работал в Главной больнице Филадельфии). Результатом этого интереса стало лучшее обслуживание алкоголиков в этой больнице и открытие специальной клиники. Благодаря дружбе д-ра Хаммера с г-ном Куртисом Боком, владельцем «Сэтурдей Ивнинг Пост», в 1941 году это издание опубликовало статью Джека Александера. И эти люди едва ли могли сделать что-то большее для нас.

Фиц, который жил недалеко от Вашингтона, штат Колумбия, не имел таких успехов. В течение многих лет он был на грани провала. Но благодаря своим титаническим усилиям, ему удалось посеять семена, которые дали всходы, и к счастью ему удалось увидеть плоды своих трудов до того, как он умер в 1943 году. Его сестра Агнесс радовалась вместе с ним. После краха с книгой об АА в 1939 году, когда все казалось безысходным, она оказала ему и мне материальную поддержку в размере 1000 долларов из своих скромных средств. И я посылаю ей нашу бесконечную благодарность.

В 1939 году к нам присоединился еще один незабываемый человек — женщина-алкоголичка, известная многим из нас просто как Марти. Она была пациенткой д-ра Гарри Тибота в санатории Блитвуд в Гринвиче, штат Коннектикут, и он дал ей рукопись книги об АА. Первое прочтение вызвало у нее бурю протестов, но после повторного прочтения книга убедила ее. Она приехала к нам на встречу, которая проходила в гостиной в доме 182 по Клинтон Стрит и оттуда вернулась в Блитвуд с нашим классическим посланием друзьям-пациентам в санатории: «Гренни, мы больше не одиноки».

И вот, в начале 1939 года Марти создала группу в Гринвиче, и многие считают, что она заслуживает названия «Группа номер три».

Благодаря поддержке д-ра Гарри и г-жи Уайли, владелицы Блитвуда, первая встреча проходила в стенах санатория. Марти оказалась одной из первых женщин, которая присоединилась к АА. Впоследствии она стала одним из самых активных работников и была первой, кто начал работать в области образования и реабилитации алкоголиков. Сегодня она имеет самый большой стаж «трезвости» в АА среди женщин. Была еще одна замечательная женщина, Флоренс Р., которая пришла к нам в 1937 году. Ее история была напечатана в первом издании книги «Анонимные алкоголики». Она с большим энтузиазмом взялась помогать Фицу в Вашингтоне, но была захвачена волной неудач и умерла от алкоголизма.

Старые участники со Среднего Запада, приехавшие на Встречу, помнят, как происходили все эти события в Акроне и Нью-Йорке, и как в Кливленде были зажжены несколько свечей, превратившиеся в настоящее пламя, которое сейчас разрастается по всей стране. Некоторые старые члены кливлендского отделения АА помнят, как некоторые из них ездили на встречи в Акроне, проходившие тогда в доме Т. Генри и Кларес Уильямс в Оксфорде. Там они познакомились с д-ром Бобом и Анной и с удивлением смотрели на алкоголиков, которые не пили один, два или три года. Там они познакомились и слушали рассказы Генриетты Сейберлинг, которая не была алкоголиком, но тем не менее три года назад свела в своем доме д-ра Боба и меня. Она была человеком, глубоко понимавшим эту проблему и озабоченным ею, и уже была одним из самых крепких звеньев в цепи событий, которые Провидение разворачивало перед нами. Другие встречи проходили в доме д-ра Боба в Акроне. Там кливлендцы собирались на кухне за чашечкой кофе вместе с д-ром Бобом и Анной и разговаривали. Они с большой готовностью впитывали в себя рассказы о сути их проблемы и о возможных ее решениях и глубоко вдыхали в себя воздух той атмосферы удивительной духовности, царившей там. Они подружились с д-ром Биллом Д., который считался третьим по значимости человеком в АА. Иногда д-р Боб брал их в больницу Святого Томаса, где они разговаривали с Сестрой Игнасией, наблюдали за ее работой и, в свою очередь, вели беседы с новичками, которые еще лежали на больничных койках. Вернувшись в Кливленд, они начали проводить работу там и впервые ощутили боль, радость и благую выгоду Двенадцати шагов АА.

Кларенс С. и его жена Дороти были одними из первых, кто приехал из Кливленда на встречу в Акрон. В началу лета 1939 года в Клив-

ленде вокруг них начала формироваться группа, и уже к осени они уже могли гордиться десятком или даже более случаев прогрессирующего выздоровления.

И как раз в это же время газета «Кливленд Плейн Дилер» поместила серию статей, с которых для Сообщества АА началась новая эра — эра массового «производства трезвости».

Эрик Б. Девис, публицист, глубоко понимающий проблему, был автором серии передовиц в «Плейн Дилер». После этого каждые два-три дня печатались страстные статьи самих редакторов. В целом, основную идею выступлений «Плейн Дилер» можно было сформулировать так: «Сообщество Анонимных Алкоголиков — прекрасное начинание, и оно работает. Присоединяйтесь».

Телефоны редакции разрывались от шквала обрушившихся на них звонков. И днем и ночью звонки переводились Кларенс и Дороти, а через них членам их маленькой группы. В начале этого же года благодаря усилиям медицинской сестры Эдны Макди и преподобного Киттерера, администратора больницы Диконесс, удалось добиться того, что эта больница стала принимать алкоголиков на лечение. Но одна эта больница была не в состоянии справиться с ситуацией, которая возникла в Кливленде. В течение многих недель члены АА лихорадочно принимали звонки от желающих пройти Двенадцать Шагов и составляли быстро растущие списки потенциальных членов. Большое количество желающих приходилось отправлять в другие больницы Кливленда, например в Пост Шейкер и Восточную кливлендскую клинику и в целый ряд других. Как при этом оплачивались счета, никто не знал.

Воодушевленные Кларенсом и Дороти, священнослужители и врачи начали оказывать АА огромную помощь. Отец Нейгл и Сестра Викторин из благотворительной больницы Святого Винсента встречали с любовью и пониманием этот поток новых пациентов, так же как и Сестра Мерсед из больницы Святого Иоанна. Д-р Дилуорт Лаптон, известный протестантский священник, с большой теплотой говорил и писал о нас в своих проповедях. Этот прекрасный человек однажды попытался вернуть к трезвой жизни Кларенс, но когда он увидел как эту работу сделало АА, он был поражен. Он опубликовал в Кливленде памфлет под названием «Господин Х и Сообщество Анонимных Алкоголиков». А «господином Х» была, конечно, Кларенс.

Вскоре стало очевидным, что для новых пациентов надо продумывать схему персонального спонсорства. К каждому потенциальному члену АА прикрепляли более «старого» члена АА, который посещал его и дома и в больнице, разъяснял ему принципы АА и сопровождал его на его первую встречу. Но с растущим валом призывов о помощи обеспечить это было практически невозможно — не хватало «старичков». Совсем молодым членам АА, которые сами-то вступили на путь трезвой жизни всего месяц или или даже неделю назад, приходилось оказывать поддержку алкоголикам, которые находились в больницах.

Двери домов были открыты для проведения встреч. Первая встреча в Кливленде прошла в июне 1939 года в доме Эбби Дж. и его жены Грейс. На ней были сам Эбби и с десяток пациентов, которые ехали в Акрон на встречу в доме Уильямса. Но пространства в квартире Эбби уже стало не хватать, поэтому группе Эбби пришлось разделиться, и часть из нее, следуя великодушному приглашению Т.Е. Бортона, финансиста из Кливленда, стала проводить встречи в его доме. Другая часть группы нашла пристанище в зале, расположенном в районе Лейквуд в Кливленде, и она стала называть себя Группой «Орчард Гроув». А третья часть группы Эбби стала встречаться под названием Группа «Ли Роад».

И вот этим растущим и множащимся группам по-прежнему не хватало мест для проведения собраний, и они стали встречаться в небольших залах и церковных подвалах. К счастью за полгода до этого вышла в свет книга «Анонимные Алкоголики», и был уже доступен целый ряд брошюр об АА. Они явились путеводителями, которые позволили к тому же сэкономить много времени и, возможно, спасти ситуацию от полного хаоса и анархии.

Мы, «старички» из Нью-Йорка и Акрона, наблюдали за тем, как разворачивалась эта поистине фантастическая ситуация с глубоким опасением. Ведь у нас ушло минимум четыре года, полные ошибок и провалов, чтобы добиться сотни выздоровлений. И вот в Кливленде двадцать членов АА, сами не имеющих достаточного опыта, вдруг оказались лицом к лицу с сотнями новичков, и все это благодаря публикации нескольких статей в «Плейн Дилер». Как они справятся с этой ситуацией, мы не знали.

Но через год мы *узнали*. К этому времени в Кливленде было уже около тридцати групп, объединявших несколько сот человек. Заботы и проблемы были огромными, но никакие мелкие ссоры не могли остановить эту массу людей, стремящихся к трезвой жизни. И несмотря ни на что наши результаты в Кливленде были пока наилучшими. Они были так хороши, а группы АА в других местах были так

малы, что многие кливлендцы действительно уверились, что АА началось с них.

«Пионеры» Кливленда доказали три основные вещи: значение персонального спонсорства; полезность книги «Анонимные Алкоголики» для ознакомления новичков с идеями Сообщества и, наконец, факт огромной важности — при широком информировании численность групп АА может достигнуть больших размеров.

Многие из существенных моментов АА, как мы видим это сейчас, можно было обнаружить уже в тех пионерных группах в Акроне, Нью-Йорке и Кливленде еще в 1939 году. Но предстояло сделать еще очень много, и многие вопросы ждали своего решения. Например, добьются ли успеха члены АА, покидающие свои группы и отправляющиеся в новые города? В то время уже первые члены АА, предвестники массового движения, стали ездить по другим городам с просветительской миссией.

Мы видели, как в 1937 году один из таких людей, Эрл Т., который прошел школу д-ра Боба и отделения АА в Акроне, вернулся к себе в Чикаго. С большим беспокойством мы следили за постоянными, но тщетными попытками организовать группу. Его борьба длилась целых два года, несмотря на помощь Дика Р., его первого «новообращенного», и Кена А, который в 1938 году покинул группу в Акроне. Затем в середине 1939 года на сцене появились два чикагских врача. Друг Эрла, д-р Дан Краске, передал ему двух своих «тонущих» пациентов, один из которых — Седи — начал оставаться сухим.

Немного позднее д-р Браун из Эванстона передал Эрлу несколько своих пациентов. Среди них были Сильвия, Люк и Сэм со своей женой Ти. Все они до того дня перестали принимать спиртное. Однако, Сильвия понемногу стала возвращаться к прежнему. В отчаянии она посетила Акрон и Кливленд, главные центры в Огайо. И здесь она попала к д-ру Бобу и Генриетте. С ней работали д-р Кларент с Дороти, старейшины АА в Кливленде. Но она продолжала пить. Она вернулась домой в Чикаго и там одному Богу и ей известно, почему она вдруг бросила пить совсем.

Сейчас Чикаго превратился в мощное ядро, которое может дать жизнь многим ответвлениям. При постоянном поощрении со стороны д-ра Брауна, поддержке Грейс Калтис, личного секретаря неалкоголика Сильвии, и подбадриваемая Кэти, женой Эрла, организация в Чикаго стала искать новых членов АА. И вскоре встречи стали проходить в доме Эрла и Сильвии.

По мере медленного, но неуклонного роста АА в Чикаго, Грейс постоянно поддерживала деловые контакты с Сильвией и стала первым секретарем группы. Когда в 1941 году в газете «Сатурдей Ивнинг Пост» появилась статья об АА, приток людей заметно увеличился. Рабочее место Сильвии стало своего рода Chicago Grand Central (центральный вокзал в Чикаго), и то же самое было с домом Эрлом и Кэти. Надо было что-то делать. И вот они сняли одну комнату под офис в Лупе, и секретарь Грейс «воцарилась» там для управления потоком кандидатов, желающих пройти Двенадцать Шагов, на размещение в больницах и для оказания иной помощи. Это был первый организованный центр АА, предвестник многочисленных Интергрупп, которые сейчас существуют в крупных городах. Многие из групп АА, которые находятся в радиусе нескольких сот миль вокруг Чикаго, были созданы благодаря работе этого центра, особенно первые группы в Грин Бей, Висконсине, а также Миннеаполисе и Миннесоте.

Тем временем Кэти поняла, что семьи алкоголиков нуждаются в программе помощи в не меньшей степени, чем сами алкоголики, и она энергично стала продолжать эксперимент, начатый Анной и Луисом, которые в своих домах, а также во время поездок вместе с д-ром Бобом и мной и даже в комнате над клубом на Двадцать четвертой улице в Нью-Йорке продвигали идею 12 шагов АА среди непьющих жен и мужец алкоголиков, пытаясь таким образом вернуть семейную жизнь в нормальное русло.

Никто точно не может сказать, когда же именно появилась первая Семейная Группа. Один из крупнейших, наиболее энергично работающих и хорошо воспринимаемых семейных центров появился впервые в Канаде в Торонто. Эти центры работали так хорошо, что многие группы АА в этом районе взяли за правило приглашать спикеров из Семейной Группы на свои встречи. К 1950 году Семейная Группа в Торонто получила такое широкое признание, что их спикеры были приглашены на Международную Встречу АА в Кливленде, которая состоялась с том же году. И то, что хорошо срабатывало в Торонто, также хорошо подходило для Лонг-Бич (штат Калифорния) и Ричмонда (штат Вирджиния). Возможно, некоторые из этих Семейных Групп в чем-то даже предшествовали группе в Торонто. В любом случае Анна, Луис и Кэти еще давно заронили идеи, которые за это время дали свои плоды — появились сотни новых Семейных Групп Ал-Анон, что является наибо-

лее впечатляющим достижением работы всего Сообщества АА за последние годы.

Еще один «путешественник» АА — это Арчи Т., который благодаря чуткому подходу к нему в доме д-ра Боба и Анны в Акроне вернулся к трезвой жизни. Все еще больной, слабый и испуганный, он возвратился в свой родной город Детройт, где и произошло его падение, где его личный имидж и финансовая репутация были на нуле. Мы видели, как Арчи старался загладить свою вину везде, где только мог. Мы видели, как он доставлял заказы из химчистки на своем старом драндулете к задним дверям его некогда светских знакомых в Гросс Поинте. Мы видели, как он с помощью преданного друга неалкоголика, Сары Клейн, создавал группу, которая проводила встречи в подвале ее дома. Арчи и Сара уже вместе «вызволили» человека по имени Майк, фабриканта, а еще даму из высшего света Анну К. Именно с этих людей началась Детройтская Группа, которая за последние годы сильно разрослась.

Потом был Лари Дж., газетчик, который едва избежал смерти от белой горячки и истощения. Несмотря на болезнь легких, которая заставляла его проводить много времени в кислородной палатке, он мужественно совершил путешествие из Кливленда в Хьюстон, штат Техас, и в поезде он ощутил духовное пробуждение, которое дало ему почувствовать себя, по его выражению, «опять одним целым». По приезду в Хьюстон Лари написал серию статей для газеты «Хьюстон пресс», которая привлекла внимание горожан и епископа Квинна. И вот, наконец, после целого ряда жестоких неудач, в Техасе родилась первая группа. Первыми удачами Лари были торговец Эд, донесший впоследствии послание АА в Остин; армейский сержант Рой, который помог создать первую группу в Тампа, штат Флорида, и позднее оказал огромную помощь в создании группы в Лос-Анжелесе; а также некая Эстер, которая поехала в Денвер, где со свойственными ей энтузиазмом и энергией она создала группу АА в этом городе, и стала главным наставником для всех пьющих дам в этом удивительном штате Техас.

Тем временем сообществу АА в Кливленде удалось вернуть к трезвой жизни Ролли Х., знаменитого атлета. Газетные статьи об этом случае вызвали сенсацию, в результате у АА появилось много новых потенциальных членов. Тем не менее, этот случай был одним из первых, который вызвал озабоченность в связи с нашей личной анонимностью.

Еще одним известным пациентом-путешественником в Кливлендской Группе АА оказался Ирвин М., который стал лучшим продавцом жалюзи в универмагах на всем дальнем Юге. Он обычно охватывал территорию от Атланты и Джексонвиля, с одной стороны, и до Индианаполиса, Бирмингема и Нового Орлеана, с другой стороны. Ирвин весил 250 фунтов и был полон энергии и задора. Перспектива видеть Ирвина в качестве миссионера пугала нас не на шутку. В нашем Центральном офисе в Нью-Йорке у нас имелись списки алкоголиков, живущих в разных больших и малых городах на юге Америки, людей, к которым лично никто не приезжал. Ирвин уже давно нарушал все правила осторожности и осмотрительного подхода к новичкам, поэтому мы с большой неохотой дали ему этот список. Затем стали ждать — но ждать пришлось недолго. Ирвин, как торнадо, пронесся по всем из них. Кроме того, он день и ночь писал письма своим подопечным и убедил их писать письма друг другу.

Ошеломленные, но счастливые, южане стали присылать письма благодарности в Центральный офис. По словам самого Ирвина, многие из первых семей, с которыми он имел дело на Юге, были легкой добычей. Он освоил эту территорию, и в результате создал и способствовал созданию там многих групп.

Все еще думая о Юге, мы вспомнили и о группах АА в Ричмонде, члены которых верили, что проблема пьянства может быть решена разводом или переходом только на пиво, но которые стали более ортодоксальными после того, как на помощь пришли сквайр из Вирджинии Джек У. и некоторые командированные члены АА. Мы также вспоминали об инспекторе котельных из Джерси, неутомимом Дейве Р., докатившимся до города Шарлоты в Северной Каролине; и о Фреде К., еще одном человеке из Джерси, который положил начало распространения идей АА в Майами; и о супер-промоутере Брюсе Х., который, работавшим в Джексонвиле и его окрестностях, который впервые использовал радио для донесения нашего послания.

Вскоре после того, как АА появилось в Атланте, жемчужиной этой первой, еще не вполне сформировавшейся группы оказался Сэм, энергичный проповедник с Севера, Новой Англии, временно бывший без прихода и дохода. Сэм с одинаковой убедительностью говорил с кафедры и со сцены АА. Он создал для АА своего рода «Шатокуа» в АА (Шатокуа — графство в США, где проводились джазовые фестивали), против чего выступали некоторые члены. Однако

некоторые восприняли это с радостью. Сэма давно уже нет, но все вспоминают о его работе с большой благодарностью.

Воспоминания о тех, кто начинал это дело, нахлынули на нас, когда мы в Сент-Луисе говорили о том пути, который прошло АА. Мы вспоминали о волнениях, сопровождавших создание первой группы АА по переписке в Литтл Роке, штат Арканзас; первую группу в Торонто (Канада), а также группы в Виндзоре и Ванкувере, округ Британская Колумбия, которые появились вскоре после первой; первые группы в Австралии и на Гавайях, создавших схему, которую затем использовали в семидесяти зарубежных странах и во владениях США; вспомнили об истории маленького норвежца из Гринвича, штат Коннектикут, который рассказал, что ему пришлось продать все, что он имел, чтобы добраться до Осло и помочь своему брату — и в результате там появилась первая группа; о группе на Аляске, которая сформировалась после того, как один изыскатель, работая в диких местах, обнаружил в очень в старой коробке из-под масла книгу об АА; об алкоголиках из Юты, протрезвевших в АА и запустивших настоящую ядерную реакцию в распространении трезвости; о появлении АА в Южной Африке, Мексике, Пуэрто-Рико, Южной Америке, Англии, Шотландии, Ирландии, Франции и Голландии, а позднее в Японии, Гренландии и Исландии; рассказе капитана Джека, плавающем на нефтяном танкере компании Стэндарт Ойл, как он доносил идеи АА во время рейсов. И вот, погруженные в эти счастливые воспоминания, мы, пребывая в Сент-Луисе, обнаружили, что АА удалось преодолеть все расстояния, расовые, религиозные и языковые барьеры и проникнуть на все четыре стороны света.

Все эти рассказы вызвали у нас с Лоис приятные воспоминания о нашей шестинедельной поездке за границу в 1950 году.

Мы вспомнили о разгоревшейся дискуссии между шведами из Стокгольма и шведами из Гетеборга о том, должно ли АА создаваться на основе «Семи шагов», принятых в Стокгольме, или на американских «Двенадцати шагах». Мы также вспомнили о встрече с основателем замечательной группы в Хельсинки, в Финляндии. Мы все еще помним датчан в Копенгагене и как их «Ринг и Ринг» пытался понять, что лучше АА или антабус. Мы также вспомнили о Хенке Краувиль, у которого мы гостили, когда были в Голландии. Хенк был социальным работником и сам не пил. Но администрация Амстердама поручила ему разобраться с вопросом, как можно помочь людям, страдающим алкоголизмом. Он мало что мог сделать, пока однажды не наткнулся

на книгу «Анонимные Алкоголики». Переведя ее на голландский язык, он дал эту книгу некоторым из его подопечных. К его удивлению несколько закоренелых алкоголиков бросили пить. А к тому времени, как мы встретились с ним, таких случаев у него стало намного больше. Идеи АА укоренились в Нидерландах и продолжали свое развитие. С тех пор наш большой друг Хенк Краувиль стал одним из ведущих авторитетов в Европе по решению проблемы алкоголизма.

В Париже мы обнаружили несколько разрозненных членов АА из Америки, которые действовали в большей степени, как некий комитет по приему путешествующих ААевцев, либо непьющих, либо находящихся в глубоких неприятностях. Французы в Париже относились к идее АА еще с достаточной долей скептицизма, и у них была чудесная рационализаторская идея, что вино не является спиртным напитком и, следовательно, оно безобидно!

В Лондоне и Ливерпуле мы встречались со многими анонимными англичанами. В те дни на их встречах царила парламентская атмосфера, включая стук молотка в определенные моменты. Конечно, в ирландских АА мы увидели то, что и ожидали и даже больше. В АА в южной Ирландии, в частности в Дублине, атмосфера была более радушная, чем на севере Ирландии в Белфасте, где еще были отдельные случаи, когда сограждане забрасывали друг друга камнями на улицах. Мы наблюдали, как АА давало ростки в Шотландии и когда мы испытали на себе шотландское гостеприимство, мы уже твердо знали, что шотландские алкоголики не были ни скупыми, ни угрюмыми.

Для нас с Лоис эта поездка по зарубежным странам как бы вернула нас назад, к истокам движения АА у нас на родине. В зависимости от стадии развития, группы АА в других странах в то время либо действовали вслепую, либо только нащупывали почву и были охвачены огромными надеждами, либо достигли уже своего совершеннолетия со всеми присущими этому периодами страхами и ссорами. Они проходили тот же путь, что и мы в Америке пятнадцать, десять и пять лет назад. Мы вернулись домой с глубоким убеждением, что ничто уже не сможет остановить их развитие и что они смогут преодолеть все социальные и языковые барьеры. Через семь лет после нашей поездки в 1950 году успехи АА в других странах превзошли все наши ожидания.

Я приберег свои норвежские впечатления на конец раздела о нашей зарубежной поездке, поскольку история зарождения АА там уже стала классикой. Все началось в Гринвиче, штат Коннектикут, в кофей-

не, которая принадлежала спокойному норвежцу невысокого роста и его преданной жене. Группа в Гринвиче привела его к трезвой жизни, и его магазин превратился в популярное место встреч членов АА.

Маленький норвежец уже около двадцати лет не писал писем домой и не получал писем оттуда, он в по сути оказался отверженным. Но сейчас, ощутив в себе некую уверенность, он отправил письмо своим родным, в котором рассказал им подробно о себе и о своем избавлении от алкогольного кошмара благодаря АА.

Вскоре он получил взволнованное и умоляющее письмо, в котором рассказывалось об ужасающем положении его брата, работавшим наборщиком в одной из газет Осло. Как писали родственники, его брату уже недолго оставаться в газете, а, возможно, и на этом свете. Что делать?

Маленький норвежец из Гринвича, посоветовавшись с женой, продал свою кофейню и вообще все, что имел, и отправился в Осло только с небольшими средствами про запас. Через несколько дней они увидели свою родину. Прямо из аэропорта они тут же отправились на восточный берег фьорда в Осло в дом его несчастного брата. Все было точно так, как им написали в письме — брат был близок к тому, чтобы перейти в мир иной.

Брат отличался упрямством. Этот маленький норвежец из Гринвича еще и еще раз рассказывал ему об АА. Он перевел ему книгу про двенадцать шагов АА, а также небольшую брошюру, которую он прихватил с собой. Но все напрасно. Брат не воспринимал ничего. Путешественники сказали: «И мы проделали весь этот путь в Осло ради этого? Скоро наши деньги закончатся, и нам придется вернуться назад». Брат ничего не ответил на это.

Тогда маленький норвежец из Гринвича стал проводить разъяснительную работу среди священников и некоторых врачей в Осло. Они вежливо слушали его, но интереса не проявляли. Полные уныния от неудачи, маленький норвежец и его жена стали думать о возвращении в Америку.

Но случилось невозможное. Брат неожиданно позвал его и сказал: «Расскажи-ка мне еще об этих анонимных алкоголиках в Америке. Объясни мне еще раз их Двенадцать шагов. В короткое время он бросил пить и уже через некоторое время смог наблюдать, как самолет с его братом поднимается в воздух, направляясь в Нью-Йорк. Он воспринял послание АА, но пока оставался в одиночестве. Что он мог сделать дальше?

Вернувшись на работе, он начал помещать скромные объявления в своей газете по одному каждый день в течение месяца. Никаких откликов не было до самого последнего дня, когда ему написала жена одного из уличных торговцев цветами в Осло, которая просила помочь ее мужу. После того, как торговцу цветами рассказали подробно эту историю, и он изучил все Двенадцать шагов, он бросил пить. Группа, теперь уже из двух человек, продолжала помещать объявления в газете о том, что в городе появилась группа АА. Вскоре у них появился третий человек, бросивший пить благодаря АА. Среди тех, кто пришел к ним позднее, был пациент д-ра Гордона Йохансона, ведущего психиатра в Осло. Доктор Йохансон, будучи религиозным человеком, быстро понял суть Двенадцати шагов АА и тут же, используя все свое влияние и репутацию, стал оказывать поддержку этой маленькой группе.

Через три года Лоис и я смотрели сквозь ворота таможни на большую делегацию в аэропорту в Осло, которая встречала нас. Они знали всего несколько слов по-английски, но это было не главное. Мы видели и чувствовали, что у них произошло. По пути в гостиницу мы узнали, что в Норвегии уже насчитывается сотни ААевцев, входящих во многие группы. В это было трудно поверить, но это факт.

А что же случилось с маленьким норвежцем из Гринвича? Он вернулся домой и заново начал свой кофейный бизнес. Через четыре года у него случился сердечный приступ, и он умер. Но он еще был свидетелем грандиозного распространения АА в Норвегии.

И еще немного о Норвегии. Это малоизвестный факт, но группа АА в Бергене была создана одновременно с Осло. Ганс Х., американец скандинавского происхождения, вернулся в свой родной город и привез книгу об АА. Прекрасно владея английским языком, он «с листа» переводил книгу на норвежский язык для небольшой группы алкоголиков, которых ему удалось собрать вместе. Благодаря такому успешному началу несколько человек бросили пить и стали распространять идею АА в Бергене. Они добились огромного успеха, и сейчас в Бергене функционируют шестнадцать групп, что является замечательным результатом.

По выступлениям на многих других встречах во время Съезда мы смогли нарисовать панораму теперешнего состояния АА. Сегодня клубы АА, которых насчитываются уже сотни, открыто говорят о своих проблемах, а также плюсах и минусах. Происходит оживленный обмен опытом о том, как мы может наилучшим образом по-

мочь нашим страдающим братьям и сестрам, находящихся в психиатрических лечебницах и в тюрьмах, отказаться от этой пагубной привычки и пока они находятся в указанных местах и после того, как они покинут их. Огромное число этих людей уже идут на поправку, и они стали нашими близкими друзьями и сотрудничают с нами, а мы понимаем, что раньше очень зря опасались, что на этих алкоголиках стоит двойное клеймо. На другом семинаре секретари и члены комитетов из местных центральных служб, так называемая Интергруппа, рассказывали о многих проблемах и были рады получить советы от других членов АА, стремясь помочь преодолеть функциональные слабости более новых служб, которые только начинают свой путь.

На другом заседании очень заинтересованно обсуждали тему денег в АА. Принцип АА «никаких обязательных гонораров или взносов» можно истолковать и свести к следующему «никакой добровольной групповой или индивидуальной ответственности», и это заблуждение оказалось несостоятельным и лопнуло как мыльный пузырь. Было полное единодушие в том, что за счет добровольных взносов должны оплачиваться законные счета групп, территорий и АА в целом или мы просто не сможем должным образом выполнять нашу миссию. Все согласились, что казна АА не должна быть слишком большой. Однако, отмечалось, что поддержание идеи «простоты» и «духовности» АА за счет урезывания жизненно важных услуг, которые требуют времени, хлопот и денег, рискованна и абсурдна. Все участники заседания согласились, что излишнее упрощенчество, которое может испортить всю работу по Двенадцатому шагу, как в региональном, так и мировом масштабе, не может быть названо ни действительно простым, ни действительно духовным.

Была также очень трогательная встреча с одиночками из АА, которые приехали издалека из уединенных мест, чтобы познакомиться с необычными взглядами нашего братства, что и позволила сделать встреча в Сент-Луисе. И именно таким людям Встреча дала больше всего. Они ощутили ранее не испытываемое чувство принадлежности, и они поняли, что их изоляция не настолько сильная, как им иногда казалось. И они поняли, как и некоторые другие, какое огромное влияние может оказать литература об АА и ее мировых службах, и что их трезвая жизнь зависела в большой мере от Большой Книги и от писем, которые постоянно приходили к ним из Центрального офиса и от таких же, как они, одиночек. Они прибегали ко всевозможным уловкам и тренировкам в своем стремлении улучшить свой сознательный контакт с Богом, который, как они радостно обнаружили, можно ощущать и слышать и на корабле, пересекающем экватор, или рядом с полярными льдами.

В качестве типичной истории одиночки можно привести рассказ австралийского овцевода, который жил в 2 тысячах милях от ближайшего города, куда он каждый год приезжал, чтобы продать овечью шерсть. Чтобы получить больше денег, ему приходилось приезжать в город в определенный месяц года. Но когда он узнал, что большая региональная встреча АА состоится в более позднее время, когда цены на шерсть падают, он с радостью пошел на убытки, но приехал на эту встречу. Вот как много значила для него встреча АА. И каждый одиночка, приехавший в Сент-Луис, прекрасно понимал это.

Была еще одна очень интересная встреча, в которой приняли участие основатели многих групп. Они обменивались информацией о том, как лучше организовывать группы в новых местах. Поскольку тогда существовало уже более более 7 тысяч[11] групп АА, объединявших более 200 тысяч людей, и каждый день в мире появлялись новые группы, то было уже предостаточно опыта для обмена с другими группами.

На заседании другой секции можно было познакомиться с Вестником АА «Грейпвайн» (Виноградная лоза или еще одно из значений — быстрый и тайный обмен информацией). Его тираж составлял 40 тысяч[12] экземпляров в месяц. Этот журнал является самым мощным и лучшим средством рассказать о текущих идеях и опыте АА, дать совет, как не свернуть с пути трезвой жизни, почему надо держаться вместе и как оказывать помощь друг другу в служении. Из членов редколлегии журнала «Грейпвайн» на Встрече были редактор Дон, три его заместителя, фотограф, а также несколько художников и экспертов. Своими рассказами и демонстрацией прекрасно иллюстрированных страниц журнала они показали, что такой журнал может в живой и убедительной манере представить новичкам или потенциальным членам Сообщества информацию об АА, и как статьи в этом журнале могут оказаться серьезной темой для обсуждения на закрытых встречах и дискуссиях. «Грейпвайн» был

[11] По данным на 2002 год в мире существовало 100 тысяч групп, которые объединяли около двух миллионов человек.

[12] В 2002 году его тираж составил 111 тысяч.

как бы ежемесячным «отражением» деятельности АА, всегда сохраняющий свои принципы, но в то же время развивающийся и ищущий новые способы действий и мышления на новых фронтах нашего замечательного приключения в совместной жизни и работе.

Проводилось также заседание на тему «Знакомство с сотрудниками Штаб-квартиры». Руководство персоналом осуществлял Хэнк Дж. Среди сотрудников штаб-квартиры были таланты в области финансов, связей с общественностью и т.д., а также пять очень деятельных женщин АА. Было представлено много экспонатов, показывающих широту деятельности нашей главной службы. Для людей со стороны Всемирная штаб-квартира Сообщества Анонимных Алкоголиков не представлялась теперь просто набором сухой статистики о тоннах литературы, тысячах звонков с просьбами о помощи и о тысячах ответах в письмах, и о тысячах (сотнях!) проблем, с которыми сталкиваются в группах, и о публичной информации или просто обращениях с просьбой о добровольных взносах. В штаб-квартире работали такие же люди из плоти и крови, которые действительно все это делали, и они составляли прекрасно обученную, энергичную и преданную команду, как и в журнале «Грейпвайн».

Огромное число членов АА, приехавших на эту Встречу, познакомилось с нашими Попечителями, преданными нашими друзьями, как бывшими алкоголиками, так и неалкоголиками, которые так давно работают с нами. Многим простым людям удалось поговорить с Арчи Рузвельтом, этим энергичным и радушным человеком, который недавно был избран в Совет и выполнял там работу казначея, иногда неблагодарную работу, но которая всегда отнимала так много времени. И вот эти простые люди, горожане начали говорить: «Если наш новый друг — неалкоголик Арчи тратит годы, «приглядывая» за финансами АА, то, как нам кажется, мы вполне можем выкроить минутку два раза в год, порыться в наших карманах и отдать Арчи эти два доллара, которые так нужны для сведения баланса АА».

Большой интерес среди тех, кто открыл для себя Встречу, были заседания Семейной группы Ал-Анон по темам: «Познакомьтесь с персоналом», «Дети алкоголиков», «Урегулирование отношений мужа и жены» и «Двенадцать шагов». В Сент-Луисе многие скептики впервые имели возможность познакомиться с этим движением в движении и с удивлением узнать, что количество Семейных групп увеличилось только за три года с 70 до 700 и что в этот самый момент каждый день появляется одна новая группа. Лоис и представители

многих областей рассказали нам, что Семейные группы имеют свою всемирную информационную службу наподобие Штаб-квартиры АА и что уже выпущена литература о Семейных группах, уже организовывается выпуск журнала и даже готовится книга по этому направлению.

Многие члены АА задавались вопросом — что представляют собой эти Семейные группы. Были ли это просто «посиделки», сочувствующие общества? Или может это были встречи с кофе и сладостями? Не отвлекают ли они АА от их основной цели — трезвой жизни? И встречи с Семейными группами дали ответы на все эти вопросы. Эти группы не были ни какими-то аутсайдерами по отношению к АА, ни «фабрикой сплетен». Члены семей алкоголиков — жены, мужья, отцы, матери и дети — рассказывали о принципах АА прямо на своих примерах, а не на чужих.

Членам Семейной группы ответили на огромное число вопросов, таких как: «Разве мы не были такими же бессильными в отношении алкоголя, как и сами алкоголики? Конечно, были». «А когда мы это обнаружили, разве не заполняло нас чувство горечи и жалости к себе, как и у алкоголиков? Да, иногда так и было». «После первого ощущения огромного облегчения, когда АА вошло в вашу жизнь, разве вы не чувствовали временами скрытую и глубокую обиду, что АА сделало свое дело, а мы нет? И многие из нас скажут «да», так и было». «Еще не понимая, что алкоголизм — это болезнь, разве мы вместе с нашими детьми не выступали против пьющего члена семьи? Да, и так было не раз, и это причиняло только вред. И не удивительно, что когда пришло освобождение от алкоголизма, эмоциональная атмосфера в наших домах была то нормальной, то ухудшалась».

И далее представители Семейной группы продолжали: «Могли ли мы найти ответы на все эти вопросы? Поначалу, нет. Встречи АА иногда помогали нам. Мы лучше понимали проблемы алкоголизма, но все-таки получали недостаточно для понимания нашего собственного состояния. Мы думали, что Двенадцать шагов были прекрасным средством для алкоголиков, но мы и не предполагали, что *мы сами* должны воспринимать их со всей серьезностью. Ведь, в конце концов, *мы* делали все возможное. И ведь *с нами* было все в порядке. Так мы рассуждали и так мы жаловались, когда дома дела шли из рук вон плохо. Или часто, когда дела шли нормально, мы становились благодушными или может просто ревновали к тому времени, которое наши партнеры считали необходимым проводить в АА.»

«Но когда появились Семейные группы, эти взгляды и отношения стали меняться, и изменения коснулись в основном нас самих. Изменения начались, когда мы начали реализовывать Двенадцать шагов в нашей каждодневной жизни, во всех наших делах и вместе с теми, кто мог понять наши проблемы так, как не мог понять ни один партнер-алкоголик».

«В Семейных группах мы встречаем мужчин и женщин, даже тех, у кого партнеры продолжают пить, которые сбрасывают с себя все свои невзгоды и начинают вести тихую спокойную жизнь без обвинений или взаимных упреков. Мы видели, как полностью менялось мышление тех, у кого партнер бросил пить благодаря АА, но с которым по-прежнему было тяжело жить. И, наконец, мы встречали несчастных поникших детей, которым удалось распрямиться и заново научиться любить и уважать своих родителей. Мы были свидетелями, как заносчивость и страхи, доминирование и раздражимость, а также сводящее с ума чувство собственности постепенно уходили, когда мы начинали практиковать в своих семьях Двенадцать шагов. Как и наши АА партнеры, мы, Семейные группы, получаем сейчас прекрасные результаты от практики Двенадцатого шага, от донесения идей. А послание нашей Семейной группы следующее: «Вы можете получить в своих семьях не только трезвость от алкоголя, вы можете обладать так же и эмоциональной трезвостью». Даже если ваша семья еще не достигла стабильности, вы можете обрести *свою собственную*. И ваша собственная эмоциональная уравновешенность может ускорить приближение счастливых дней перемен».

Многие члены АА, который видел Семейные группы в действии в Сент-Луисе потом говорили: «Это самое прекрасное, что произошло после создания АА».

Когда они увидели пресс-центр Конференции, то многие посетители поняли, возможно, в первый раз, что налаженная связь, как внутренняя, так и внешняя, напоминала артерии, по которым от одного к другому перетекала «кровь» АА, дарующая жизнь, а затем от нас к нашим страждущим братьям и сестрам по всему миру. Иногда требовалось что-то большее, чем передача послания из уст в уста. И, конечно, немного можно было бы сделать по работе 12-го шага, если бы не удалось убедить и пациентов и членов их семей, что АА может помочь им. Такое общение требует наличия доброй воли у священников, врачей, работодателей и друзей — на самом деле, доброй воли у всего общества в целом. В течение многих лет Штаб-квартира

АА использовала все возможные средства, чтобы добиться проявления такой доброй воли. И помимо наших собственных усилий наши друзья-журналисты, работающие в газетах, журналах, а позднее на радио и телевидение излагали наши истории правдиво и часто и давали репортажи о событиях в АА, когда бы и где бы они ни происходили. Таким образом, им удалось привлечь в наши ряды многих алкоголиков, и они продолжают такую работу.

Конечно, они все это делали не без нашей помощи. Много лет назад мы поняли, что просто точное и полезное информирование об АА не срабатывает. Нельзя было ограничивать работу нашего отдела по общественным связям только случайными встречами репортеров с членами АА, которые могут, а могут и не быть достаточно информированными о нашем содружестве в целом. Такая неорганизованная «простота» зачастую искажала реальную картину АА и отдаляла от нас людей. Плохо информированная пресса может продлить страдания людей и даже привести к их гибели.

Когда в 1941 году «Сэтердей Ивнинг Пост» дала задание Джеку Александеру познакомиться с АА, чтобы написать о них документальный очерк, мы уже извлекли урок из предыдущих случаев. На этот раз мы не полагались на случай. Если бы Джек смог приехать на Встречу в Сент-Луисе, то он сам бы рассказал о том, с каким скептицизмом он принял это задание. Он только что закончил статью о размахе мошенничества в Джерси, и теперь он просто никому не верил, если бы даже человек поклялся ему на стопке Библий высотой в милю.

После того, как Джек появился у нас в штаб-квартире, мы его взяли на буксир и водили за собой почти целый месяц. Для написания убедительной статьи ему потребовалось все наше внимание и тщательно организованная помощь. Мы дали ему наши записи, книги, познакомили его с Попечителями, которые не были алкоголиками, организовали для него интервью с самыми разными членами АА и, наконец, показали ему, что такое АА, организовав для него поездку из Нью-Йорка и Филадельфии в Чикаго с посещением Акрона и Кливленда. Хотя он не был алкоголиком, но вскоре он стал настоящим Анонимным алкоголиком по духу. И когда он, наконец, сел за свою пишущую машинку, он своим сердцем был с нами. Он больше не был наблюдателем со стороны, он смотрел на АА изнутри. После публикации его статьи на наше почтовое отделение в Нью-Йорке обрушилось около шести тысяч «неистовых» запросов. Статья Джека превратила Сообщество Анонимных Алкоголиков в од-

ночасье в национальный институт, а Джек стал одним из наших ближайших друзей, а впоследствии и одним из наших Попечителей.

Помощь, которая была оказана Джеку Александеру — прекрасно налаженная система информирования общественности — явилась важнейшей составляющей нашей PR службы, которую большинство членов АА никогда ранее не видели. Но в пресс-центре в Сент-Луисе посетители наконец-то смогли познакомиться с одним из ее аспектов — на этот раз обслуживание самой Конференции. Там присутствовал наш Ральф, который курировал наши связи с прессой. Он сидел в окружении телефонов, машинисток, стопок пресс-релизов, макетов, телеграмм, т.е. всех атрибутов его работы. Так что же он делал и зачем? Может, это был просто рекламный трюк, что противоречит Традициям АА?

Ничего подобного. Ральф выполнял эту работу просто, чтобы помочь нашим друзьям-журналистам, нашим друзьям на радио и телевидение. Весь мир хотел знать о нашей двадцатой годовщине существования. Газеты и журналы хотели получить интервью и пресс-релизы. Радио и телевидение также хотели организовать интервью с нами. Люди хотели, чтобы им объяснили, что имеется в виду, когда мы говорим, что АА вступило в свое «совершеннолетие».

Наши друзья в АА и миллионы простых людей хотят видеть, читать и слышать об АА, и мы должны помочь им в этом. И не всегда это была проблема общения *с ними*: многие хотели общения *с нами*, особенно страдающие алкоголики и члены их семей. Мы получили самый теплые поздравления от отцов города Сент-Луис, и это напомнило нам об их щедрости, когда нам было разрешено, причем совершенно бесплатно, воспользоваться Залом Киль. Мы также вспоминали о большом радушии, проявленном местными группами этого города, о гостеприимстве клубов и о многих встречах.

В Зале Киль мы получали телеграммы от членов и групп АА находящихся в самых разных местах. Одним из самых ярких проявлений идеи Встречи было следующее послание:

Выходные данные: Белый Дом
Отправитель: Президент Соединенных Штатов Америки

Прошу передать всем участникам юбилейной Двадцатой встречи мои наилучшие пожелания. Рекордный рост и служение вашего общества является вдохновением для всех, кто посредством исследований, упорства и веры продвигается вперед в решении серьезных проблем в области личного и общественного здравоохранения.

Дуайт Д. Эйзенхауэр

Когда эту телеграмму зачитали участникам Встречи, мы испытали огромный душевный подъем, смешенный с глубоким смирением. И действительно, АА повзрослело. В глазах всего мира мы опять стали полноправными и ответственными гражданами нашего общества.

В последний день Встречи мы перешли от крещендо утром к кульминации днем. В 11:30 началось заседание по теме: «Бог как мы понимаем его». В зале воцарилась тишина, когда д-р Джим С., представитель АА, рассказал о себе, как он сильно пил, что привело к кризисной ситуации, в результате которой он достиг духовного пробуждения. Он рассказал нам о тех трудностях, которые сопровождали создание самой первой группы среди Своего народа. Поддерживаемый женой, которая, казалось, излучала неисчерпаемую энергию, он превратил свой дом одновременно и в больницу и место собраний АА, куда мог прийти каждый. Он рассказал о том, как неудачи на первых порах постепенно, по милости Божьей, закончились удивительным успехом. Все слушатели поняли, что АА способно не только пересечь моря и горы и языковые барьеры и национальные границы, но может также преодолеть расовые барьеры и различия вероисповеданий.

С большой радостью аудитория приветствовала появление Отца Эдда Доулинга, который, не обращая никакого внимания на свою сильную хромоту, пробирался к кафедре. Отец Доулинг из Иезуитского ордена в Сент-Луисе хорошо известен всем членам АА на тысячу и более миль вокруг. Многие из присутствующих на этой Встрече с благодарностью вспоминают, как осуществлял духовное пастырство, чтобы духовно поддержать их. Старейшие члены АА в Сент-Луисе вспоминали, как он помог им с организацией их первой группы, которая оказалась более протестантской, но это не мешало ему ни в какой мере. Некоторые из нас помнят его первую статью о нас, опубликованную в общинном журнале «Квинз Уорк». Он первым отметил, как тесно связаны принцип Двенадцати шагов с некоторыми ритуалами Святого Игнатия, основной духовный обряд Ордена Иезуитов. Он смело написал, обращаясь ко всем алкоголикам и, особенно, к тем, кто разделял его веру: «Люди, АА — это благо. При-

ходите и воспользуйтесь им». И они последовали его совету. И его первые написанные слова положили начало удивительно благотворной поддержке нашего содружества, которое невозможно оценить.

Субботним утром Отец Эд выступал перед нами, и его речь была пронизана юмором и глубокой интуицией. Пока он выступал, воспоминания о том, когда он впервые появился в моей жизни, проступили так явно, как будто это было только вчера. Это произошло зимней ночью 1940 года в старом клубе АА на двадцать четвертой улице в Нью-Йорке, где проходили встречи АА. Я лег спать около десяти часов вечера с изрядной дозой жалости к себе самому из-за моей воображаемой язвы. Лоис не было дома. Град и дождь со снегом барабанили по железной крыше над моей головой; была ненастная ночь. В Клубе никого не было, кроме старого Тома, отставной пожарник, этот «неотшлифованный алмаз», которого недавно спасли от психушки в Рокленде. Зазвенел дверной колокольчик, и через минуту Том открыл дверь в мою комнату. «Там какой-то мужик из Сент-Луиса», проговорил он, «хочет видеть тебя». «О, Боже!» воскликнул я. «Неужели еще одни! И в такое время ночи. Ну, ладно. Приведи его».

Я услышал тяжелые шаги на лестнице. И затем, пытаясь сохранить равновесие, опираясь на трость, он вошел в комнату. На голове у него была изрядно потрепанная черная шляпа, которая уже потеряла всякую форму и походила на капустный лист. Шляпа была покрыта снегом. Он опустился на мой единственный стул, и когда он расстегнул пальто, то я увидел под ним воротничок церковного одеяния. Он откинул назад копну седых волос и посмотрел на меня. Я увидел пару необычайно внимательных глаз, которые я когда-либо видел в своей жизни. Мы говорили о многом, и мое настроение стало улучшаться. И вдруг я начал ощущать, что этот человек излучает доброту, которая заполняет всю комнату, становясь осязаемой. Я ощутил это очень остро; это был волнующий и мистический опыт. За годы, прошедшие с этого случая, я часто виделся с ним, и независимо от того, пребывал ли я в радости или испытывал боль, он неизменно создавал у меня ощущение благодати и Божьего присутствия. И мой случай не единственный. Многие, кто встречался с Отцом Эдом, говорили, что они как будто прикоснулись к вечности. И не удивительно, что ему удавалось передать неповторимый дух того воскресного утра всем нам, присутствующим в Зале Киля.

И вот у кафедры появилась фигура, которую немногие анонимные видели прежде. Это был Епископальный священник Сэм Шумейкер. Это от него в самом начале д-р Боб и я впитали принципы, которые впоследствии воплотились в Двенадцати шагах Анонимных Алкоголиков, шагах, которые отражали суть образа жизни АА. Д-р Силкуорт дал нам необходимые знания о нашей болезни, а Сэм Шумейкер дал нам конкретный совет, что мы можем сделать с болезнью. Один открыл нам секреты замка, который держал нас в тюрьме, а другой передал нам духовные ключи, с помощью которых мы сможем выйти на свободу.

Д-р Сэм, казалось, выглядел так же, как двадцать один год назад, когда я впервые познакомился с ним и его энергичной группой, встречающейся в помещении приходской Голгофской церкви в Нью-Йорке. Когда он заговорил, то все, находящиеся в Зале Киля, ощутили то же, что и мы с Лоис в те далекие годы. Как всегда, он все называл своими словами, и своим энтузиазмом, искренностью и кристальной четкостью он доносил до нас, пункт за пунктом, свои идеи. При всей своей решительности и яркой речи Сэм, тем не менее, держался с нами на одном уровне. Перед нами был человек, который был готов говорить о *своих* грехах более, чем о грехах кого бы то ни было. Он стал свидетелем Божьей любви и силы, что мог сказать каждый из АА.

Появление Сэма перед нами было еще одним подтверждением того, что Провидение Господне использовала много каналов, чтобы создать Анонимных Алкоголиков. И ни одна из групп не была столь жизненно необходимой, чем та, которую создал Шумейкер целое поколение назад. Основные принципы, которые проповедовали члены Оксфордской группы, были стары как мир и носили общечеловеческий характер. Некоторые из первоначальных точек зрения и представлений оказались непригодными для целей АА, и взгляд самого Сэма на эти менее значимые аспекты деятельности Оксфордской группы со временем изменились и приблизились к нашим сегодняшним взглядам АА. Но важно другое: на ранних этапах АА перенимали идеи самоанализа, признания недостатков в характере, возмещения ущерба и работы с людьми именно от Оксфордской группы и непосредственно от Сэма Шумейкера, их лидера в Америке, и ни от кого еще. Он навсегда останется в наших исторических хрониках, как человек, чей вдохновляющий пример и принципы сделали так много для создания духовного климата, в котором алкоголики могут выжить и идти вперед. АА всегда будут безмерно благодарны Богу за его послания, которые он передавал через Сэма и его друзей

во времена младенчества АА, которое в то время было еще в своей колыбели.

Возвращаясь к нашей последней Встрече, надо сказать, что на ней говорили о множестве серьезных проблем, которые остались все еще не решенными. Что будет, когда уйдут организаторы и старейшие члены АА? Будет ли АА и дальше расти и процветать? Сможем ли мы сохранить свое единство, несмотря на все опасности, таящиеся в будущем? *Действительно* ли АА вступило в фазу полной ответственности? Могут ли члены и группы по всему миру осуществлять полный контроль и направлять деятельность АА? Может ли АА взять на себя бразды правления из рук таких старейшин, как д-р Боб и Билл? Если да, то с чьей помощью и каким образом?

Долгое время мы с большой озабоченностью задавались этими вопросами, и в течение последних пяти лет активно искали ответы на них, особенно мы, «старейшины» АА, к которым отношу и себя, которым скоро предстоит освободить свои места в Попечительском совете, которые они занимали в течение двадцати лет, и передать их новому окрепшему поколению. Пришло время дать ответы на все вопросы.

Почти под потолком Зала Киля висит баннер, на котором каждый может увидеть новый символ Сообщества Анонимных Алкоголиков — треугольник внутри круга. На сцене, прямо под этим баннером в четыре часа в воскресенье будет официально объявлено о нашем совершеннолетии. Избранная генеральная Конференция , которая возьмет на себя функции хранителей наших Традиций и наших Всемирных служб, станет впоследствии преемником основателей нашего Сообщества Анонимных Алкоголиков. Тысячи собравшихся в едином душевном порыве ожидали открытия этого последнего заседания. Трудно описать, что мы чувствовали и о чем думали в этот момент, особенно одному человеку. Было бы лучше, если бы кто-то высказался от имени всех нас, и, возможно, это получилось бы...

Каждый день во время этой Встречи я разговаривал со многими членами АА, самыми разными и с разными убеждениями: людьми, жившими на равнинах и в горах, жителями больших и малых городов, рабочими и бизнесменами, школьными учителями и профессорами, священниками и врачами, людьми, работающими в рекламе, и журналистами, художниками и строителями, служащими и банкирами, общественными деятелями и деградировавшими людьми, деловыми леди и домохозяйками, людьми из других стран, говорящих со странным акцентом и на странном языке, католиков и протестантов и евреев, а также мужчинами и женщинами, не принадлежащими ни к какой религии.

Многим из этих людей я задавал один и тот же вопрос: «Каковы ваши впечатления от Встречи?» и «Что вы думаете о будущем АА?» Каждый, конечно, отвечал, исходя из своих воззрений, но я был поражен, когда ощутил единство чувств и мнений у всех, с кем разговаривал. Я это почувствовал и до сих пор чувствую так явно, что думаю было бы позволительно представить здесь говорящего за всю эту Конференцию, своего рода собирательный образ, который, тем не менее, может точно описать, что собравшиеся в Сент-Луисе действительно увидели, услышали и почувствовали. Давайте назовем этого гипотетического человека г-н Простой человек. Он приехал из Сентрвилля, США, и вот, что он сказал:

«Я приехал в Киль до начала этого последнего собрания и Конференция еще не началась. Пока я ждал начала, то невольно вспоминал все, что произошло со мной за эти три дня, что я здесь. Я приехал из города Сентрвилля, там я родился и вырос. Там же я начал пить и и был почти полностью подавлен, когда в городе появилось АА. Несколько лет назад приезжий подбросил нам идею и с тех пор около десятка алкоголиков Сентрвилля ухватились за эту идею, как за спасательный канат.

«Группы в моем штате очень небольшие и разбросаны по разным местам, поэтому мы очень редко встречаемся. У нас ни разу не проходила встреча всех АА в масштабах штата. Наша Сентервильская группа и была для меня всем АА. И это была хорошая группа. Конечно, у нас была Большая Книга, и несколько брошюр, и журнал «Грейпвайн». Иногда люди, проезжавшие через наш город, рассказывали нам кое-что об АА в других местах. Мы с радостью узнавали, что другие люди, как и мы сами, пытались воспользоваться этим шансом. Но нашей главной заботой были мы сами и алкоголики Сентрвилля, которые никак не бросали пить. Казалось, что другие АА находятся от нас очень далеко. Однако, казалось, что мы ничего не могли поделать с этим, даже если бы очень хотели. Вот так проходила моя жизнь до Сент-Луиса.

«Эта Встреча была удивительным событием. Здесь, в гостинице я познакомился с сотнями других АА и их семьями. Затем я увидел

тысячи людей, собравшихся зале, где проходила Встреча. Я довольно стеснительный по натуре, но преодолел свое стеснение. Я был среди людей, для которых это было великое событие, среди людей, которые приехали сюда, преодолев расстояние в сотни и даже тысячи километров, из таких мест, о которых я только читал в газетах. И вскоре я уже рассказывал им об АА в Сентрвилле, ощущая при этом огромную радость.

«Эти люди не были для меня чужаками. Казалось, что я знал их, доверял им и любил их всю свою жизнь. Подобные чувства я испытывал дома к своей группе, и вот теперь я чувствовал то же самое по отношению ко всем АА и к каждому АА. Не могу передать вам, что это значило для меня. Было ощущение чего-то огромного. Это было настоящее братство. Это были мои люди, мои собраться, такие же, как я. Я принадлежал им, а они принадлежали мне. Я совершенно забыл о всяких барьерах, о принадлежности к разным расам, о различиях в вероисповедании или национальностях. И эти удивительные и важные события произошли со мной в течение всего нескольких часов.

«Я буквально впитывал в себя всю информацию. Я слушал выступления врачей, которые рассказывали, как много значит для нас их профессия. Я побывал также на встрече Ал-Анон и впервые понял, что АА нужно всей семье. Посетив заседания, посвященные работе в тюрьмах и психиатрических заведениях, я понял, что, будучи алкоголиком, я был просто трусом и что АА под силу справиться с любым, самым сложным случаем алкоголизма. На других встречах я узнал, что, оказывается, АА приходится решать такие проблемы, о существовании которых я и не предполагал. И эти проблемы существуют, как в крупных городах, так и по всему миру. Я также понял, что у нашего товарищества имеется и много недостатков, но я уверен, что наши теперешние проблемы сгладятся, как и прошлые.

«В пятницу вечером я услышал об истоках АА — как многие люди, даже не будучи алкоголиками, принимали участие в создании Сообщества АА — о тех многих случаях, когда мы могли «сойти с рельсов и разбиться», но как нам все же удалось не потерять свой путь и вписываться в повороты. Рука Высшей Силы все время держала руль».

«Вечером в субботу я опять почувствовал волнение, когда Билл рассказал нам, как д-р Боб в течение всего времени с 1939 года и до

1945 года все еще сомневался, удастся ли АА все же сплотиться, и удастся ли решить проблемы отдельных членов, групп и новичков в других странах. Я даже вздрогнул, когда услышал, что Большая Книга и Штаб-квартира АА в Нью-Йорке были даже причиной ужасной склоки. Нет гарантий, что такое не повторится когда-нибудь, но я успокоился, когда стало ясно, что все эти прошлые беды и волнения сыграли для нас и свою положительную роль, поскольку без таких событий, возможно, и никогда не появились бы Двенадцать традиций АА. И я совсем успокоился, услышав, что к 1950 году большинство этих «передряг» ушло в прошлое и что на Международной Встрече в Кливленде в 1950 году были единогласно приняты Двенадцать традиций. И на этой встрече в последний раз выступал д-р Боб, который с уверенностью говорил о его вере в будущее АА.

«Утром в воскресенье, в последний день Встречи, я обнаружил, что все еще думаю об этих Двенадцати традициях. Каждая из них является испытанием нашего смирения, которое оберегает нас в каждодневных делах в АА и защищает нас от самих себя. Если АА действительно руководствуются Двенадцатью традициями, то ни политика, ни религия, ни деньги, никто из ветеранов, которые могут возомнить, что они стали важными шишками, не смогут разъединить нас. Поскольку мы не говорим на каждом углу о нашей значимости, то вряд ли АА можно использовать для достижения каких-то личных целей. Впервые я столкнулся с анонимностью АА и понял, *что это такое на самом деле*. Это не просто что-то, что спасает нас от стыда и позора за то, что мы алкоголики. Понятие «анонимности» преследует более глубокую цель — удержать свое безрассудное «я» от безудержного стремления к деньгам и всеобщей известности за счет АА. На самом деле оно означает личную и групповую жертву ради блага всего АА. Именно тогда я решил выучить все Двенадцать традиций наизусть так же, как я заучил Двенадцать шагов. И если каждый АА сделает так же и просто-напросто впитает в себя эти принципы, то мы, алкоголики, будет держаться вместе всегда.

«Я наблюдал, как заполнялся огромный зал в Киле. Тысячи моих новых друзей пришли сюда для завершающего мероприятия. Вот Отец Эд опустился в кресло через проход от меня. Он он был великолепным напоминанием об утреннем заседании, по-

священном духовной стороне программы. На этом заседании со мной случилось что-то такое, о чем я никогда не забуду.

«У меня всегда была толика предубеждения против церкви и церковных служителей и их понятий о Всевышнем. Как и у многих других АА, мое понимание Бога было еще очень смутное.

«Однако после выступления этих двух людей, до меня дошло, что большая часть духовных принципов АА пришла к нам именно через служителей церкви. Без них АА никогда бы не смогло подняться. Пока я лелеял свое непонимание церкви, Отец Эд и д-р Сэм трудились для нас. Это было совершенно новое откровение для меня. И вдруг я понял, что должен полюбить их хотя бы за то, что они любят меня и мне подобных.

«Когда я понял, что могу это сделать, то на душе у меня стало тепло. Ко мне пришло убеждение, что любовь — это мощная сила. А затем пришло ощущение, что, возможно, мой Создатель действительно знает и любит меня, поэтому я также начинаю ощущать чувство любви к Нему. Это было лучшее, что случилось со мной в Сент-Луисе, и я думаю, что там было много других людей, которые испытали то же самое.

«И вот началось наше последнее заседание. Оно открылось молчанием, которое, казалось, было пронизано чувством надежды и веры. Мы знали, что наше братство было пронизано духовностью, и что Бог был с нами».

Хотя эти слова были вложены в уста нашего выдуманного персонажа г-н Простой человек, но они отражают тот дух и ту правду, которые живут в сердцах многих АА, кто был свидетелем кульминации встречи в Сент-Луисе.

Со сцены Киля я смотрел на море лиц, и я был взволнован до глубины души тем чудом, которое произошло за эти невероятные двадцать лет и которое достигло своего апогея здесь. Если бы этот зал вмещал еще больше людей, то он все равно не смог бы вместить всех АА и членов их семей и их друзей.

Кто сможет подсчитать все несчастья, через которые нам пришлось пройти и кто может оценить чувства освобождения и радости, которые поселились в нас в последние годы? Кто может рассказать о тех мощных последствиях, которые были приведены в движение благодаря Божьей помощи (которые Божье дело через АА привело в движение)? И кто может проникнуть в тайну нашего

полного освобождения от рабства, полной зависимости от этой безнадежной и фатальной привязанности (одержимости), которая веками владела умами и телами мужчин и женщин таких же, как мы.

Возможно, объяснение можно найти в душевных переживаниях, через которые прошли мы. Но я часто пытался объяснить свои ощущения, но у меня получался лишь рассказ о них. (Может быть и возможно найти объяснения духовным опытам таким как наши, ноя часто пытался объяснит свой собственный опыт и преуспел только в его пересказе) Я понимаю, какие чувства это пробудило во мне, и какие результаты дало, но вряд ли я когда-нибудь смогу дать ответы на вопросы: почему и как.

Мы, члены АА, испытали на себе действие радикальной и старой формулы, которая сейчас явно не популярна, и это сработало. «Мы признали, что мы беспомощны, что наши жизни стали неуправляемыми» и «мы решили препоручить нашу волю и наши жизни Богу, такому, как мы его понимаем». Каждый из нас, кто смог прийти к такому пониманию и поддерживать его, ощутили освобождение от этого наваждения и стали вырастать в людей с совершенно иным умственным, физическим и духовным складом.

Тут мне вспомнился д-р Фостер Кеннеди. Много лет назад этот именитый врач спросил меня, сможет ли кто-либо из давнишних друзей АА — специалистов по психиатрии прийти в Академию медицинских наук в Нью-Йорке и рассказать об АА на заседании секции невропатологов. Поскольку целый ряд врачей открыто поддержали нас, некоторые из которых поместили свои статьи в 1941 году в «Сэтедей Ивнинг Пост», я посчитал, что с этим трудностей не будет. Но все наши друзья-медики отклонили эту необычайную возможность.

И вот, что они сказали мне: «В АА мы видим необычное сочетание социальных и психологических сил, которые работают бок-о-бок над решением проблемы алкоголизма. Вполне понимая такую новую возможность, мы не можем объяснить *быстроту* появления результатов. АА за несколько недель или месяцев дает такие результаты, которые обычно ожидают годами. Они не только резко бросают пить, но уже через несколько недель или месяцев у них происходит изменение в разуме. В АА работают какие-то механизмы, которые мы сами до конца не понимаем. Мы называем это явление «Х-фактором». Вы же, ребята, называете это Богом. Вы не можете

объяснить, и мы не можем этого сделать, особенно в Нью-Йоркской Медицинской Академии.

Таков парадокс духовного возрождения в АА: сила, возникающая из полного поражения и слабости, расставание с прежней жизнью как условие поиска нового пути. Но мы, анонимные алкоголики, даже не должны пытаться постичь этот парадокс — мы просто должны быть благодарны за него.

Моя мать была на сцене вместе с другими людьми, моя мать, которая дала мне жизнь пятьдесят пять лет назад и которая много лет жила в тревоге, пока мои годы, полные неудач, не завершились столь счастливо. Рядом с ней была моя жена Лоис, которая старалась держаться из последних сил, когда, казалось, надежды совсем не было, которая была свидетелем моего второго рождения и которая как настоящий друг делила со мной все беды и радости наших последних очень непростых двадцати лет.

Там же, на сцене, был мой спонсор Эбби, который первым принес мне это Слово, которое помогло мне выбраться из алкогольной бездны[13]. Вместе со всеми собравшимися я радовался, что он был с нами. И я вспомнил о о друзьях неалкоголиках самых ранних дней АА. Без них не было бы никакого АА. Они являли собой пример бескорыстной преданности. Они были прототипами тысяч мужчин и женщин доброй воли, которые помогли нам создать то общество, каким мы его видим сейчас.

Я смотрю по очереди на всех моих друзей и соратников, работающих в штаб-квартире АА — попечителей, руководителей, других сотрудников — чей многолетний самоотверженный труд способствовал совершенствованию нашей структуры.

Среди тех, кто собрался в огромном зале Киля, я увидел многих «старичков». Это была как бы встреча ветеранов. Они были первыми факелоносцами, и это особое ощущение родства между нами останется навсегда. Я также подумал о том, как поредели их ряды и что скоро мы — первопроходцы АА станем историей этого сообщества. И вдруг меня охватило желание повернуть время назад. Я почувствовал острую тоску по прошлому, которая странным образом смешивалась с чувством благодарности за те великие дни, которые я переживал сейчас.

[13] Эбби скончался в 1966 году.

Бернард Смит[14], наш председатель, пригласил меня выступить. И я как бы заново прожил эти семнадцать лет, в течение которых создавалась структура Всемирной службы АА. Мое выступление, а также полный отчет обо всех последующих выступлениях в этот исторический день вы можете найти далее в этой книге.

Тысячи АА, собравшиеся в Сент-Луисе и представляющие точный срез мнений АА, теперь сидят здесь перед нами, на этом съезде. На сцене находился Совет по обслуживанию Конференции, около сотни мужчин и женщин, избранных представителей от всего содружества. Конференция, завершающая пятилетний экспериментальный период, закончившийся огромным успехом, уже больше не является экспериментом. Она стала инструментом, который призван стать ядром Третьего завета АА Служения, всего группового сознания АА по всему миру.

Во время простой церемонии я предложил принять резолюцию о том, что наше сообщество готово взять все свои дела в свои руки и что Конференция должна стать постоянным преемником учредителей Сообщества анонимных алкоголиков.

Под шумное одобрение собравшихся Собрание представило эту резолюцию. Затем воцарилось молчание, и мы услышали, как председатель Смит предлагает эту резолюцию на утверждение Конференцией. Простым поднятием рук участники этой Конференции выразили свое согласие с резолюцией и отметили точный момент, когда АА вступило в совершеннолетие. Было четыре часа.

Затем к аудитории обратился Бернард Смит. Благодаря своему умению и преданности ему удалось склонить Попечителей АА, хотя у всех у них были огромные сомнения, к решению обратиться в первую очередь к Конференции. И теперь мы знаем, что это был прекрасный день в жизни Берна Смита и в нашей жизни.

И вот этот исторический момент подходил к концу. Осталось только Лоис и мне сказать прощальные слова.

Участники Собрания с большой теплотой слушали воспоминания Лоис, которая благодарила судьбу за все те благодеяния, которые были ниспосланы за эти годы нам и ей. Для всех собравшихся она была символом того, что пережила каждая семья под ударами Джона Ячменное зерно, она была также символом воссоединения

[14] Бернард Смит скончался в 1970 году.

семей после таких ударов. Лоис заставила нас почувствовать, что мы успешно прошли все испытания.

Стоя перед Собранием в последний раз, я себя чувствовал как любой отец, когда он понимает, что пришло время и его сын или дочь должны сами принимать решения и жить своей жизнью. Больше я не буду действовать за АА, принимать решения за АА или защищать АА. Я понимал, что родители, действуя из лучших побуждений, цепляясь за свой авторитет и пытаясь продлить свое влияние на детей, только наносят им вред. Мы, ветераны АА. Не должны совершить этой ошибки в отношении нашей семьи АА. Если в будущем они обратятся к нам за помощью, мы с радостью поможем им. Но не более того. Новый тип отношений — это главное, что произошло здесь сейчас.

Как и большинство родителей в такие трудные времена, я не мог устоять, чтобы не высказать ряд предостережений, о которых вы можете прочитать в Части III этой книги.

И пока я говорил, я опять почувствовал желание перевести часы назад и в какой-то момент я почувствовал страх перед этими изменениями. Но это состояние быстро прошло, и я знал, что все мои волнения как родителя закончились. Самосознание АА, направляемое Господом Богом, обеспечит их будущее. И отныне моей главной задачей было выпустить АА в свободное плавание под Божьим покровительством. Наконец Сообщество анонимных алкоголиков было свободно — даже от меня.

II
ТРИ ЗАВЕТА СООБЩЕСТВА АНОНИМНЫХ АЛКОГОЛИКОВ

Основным наследием первых двадцати лет существования Сообщества анонимных алкоголиков были заветы Выздоровления, Единства и Служения. Следуя первому завету, мы выздоравливали от алкоголизма, второму — мы стремились к единению и третьему — наше сообщество действует и служит своей главной цели — донести идеи АА всем, кто нуждается в нем и ждет его.[1]

Далее эта книга включает три истории Билла, одного из основателей АА, которые он рассказал во время празднования двадцатилетнего юбилея АА. Первая — это рассказ о людях и потоках воздействия, которые сделали возможным *Выздоровление* АА. Вторая рассказывает об опыте, на основе которого создавались традиции Сообщества анонимных алкоголиков, традиции, которые сегодня *Объединили* АА. Третья история расскажет, как Сообщество анонимных алкоголиков развивало Служение, целью которого было донести послание АА до самых отдаленных уголков на Земном шаре.

[1] См.: Выздоровление, стр. 51; Единство, стр. 79; Служение, стр. 139.

ДВЕНАДЦАТЬ ШАГОВ

Шаг первый: Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что потеряли контроль над собой.

Шаг второй: Пришли к убеждению, что только Сила более могущественная, чем мы, может вернуть нам здравомыслие.

Шаг третий: Приняли решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу, *как мы Его понимали*.

Шаг четвертый: Глубоко и бесстрашно оценили себя и свою жизнь с нравственной точки зрения.

Шаг пятый: Признали перед Богом, собой и каким-либо другим человеком истинную природу наших заблуждений.

Шаг шестой: Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от наших недостатков.

Шаг седьмой: Смиренно просили Его исправить наши изъяны.

Шаг восьмой: Составили список всех тех людей, кому мы причинили зло, и преисполнились желанием загладить свою вину перед ними.

Шаг девятый: Лично возмещали причиненный этим людям ущерб, где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им или кому-либо другому.

Шаг десятый: Продолжали самоанализ и, когда допускали ошибки, сразу признавали это.

Шаг одиннадцатый: Стремились путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, *как мы понимали Его*, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого.

Шаг двенадцатый: Достигнув духовного пробуждения, к которому привели эти шаги, мы старались донести смысл наших идей до других алкоголиков и применять эти принципы во всех наших делах.

ПЕРВЫЙ ЗАВЕТ: ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Мы собрались здесь, в Сент-Луисе, чтобы отметить двадцатилетие существования Сообщества анонимных алкоголиков. Мы благодарим Господа, что Он помог огромному числу людей выбраться из кабалы. Мы собрались здесь, чтобы выразить огромную благодарность огромному числу наших друзей, которые так помогли нам совершить это чудо выздоровления и поделиться с ними и друг с другом явным подтверждением того, что на нас была ниспослана Божья благодать.

В этот вечер рядом с нами находятся наши жены, мужья, матери, отцы, сыновья и дочери — все те, кто пережил с нами эту темную ночь алкоголизма, те, кто преданно и с большой надеждой ожидали наступления светлого утра. И их вера и преданность, наконец, были вознаграждены, и именно они в большой степени способствовали получению такого результата. И степень нашей благодарности трудно выразить словами, но мы надеемся, что все те, кто был рядом с нами, наши самые близкие люди, осознают в полной мере ту благодарность, которая царит в наших сердцах.

Мы хотели бы выразить нашу благодарность нашим друзьям от медицины и священнослужителям, чьи знания, беспредельная вера и помощь способствовали созданию нашего общества и его развитию в течение двадцати лет до настоящего момента.

Мы также никогда не забудем вестников АА, работавших с АА, мужчин и женщин, работавших в журналистике и в разных органах коммуникаций, которые доносили идеи АА другим людям, страдающим алкоголизмом, и их семьям. Только Бог знает, скольким несчастным они дали надежду и скольких людей они спасли от смерти, рассказав всему миру об АА.

Мы собрались здесь, в Сент-Луисе, еще по одному поводу — заявить о том, что Сообщество АА достигло своего совершеннолетия. Мы не говорим, что мы стали, наконец, взрослыми! Но мы собрались здесь, чтобы рассмотреть, чему эти двадцать лет научили нас, как работают наши заветы и какова наша ответственность за сохранение этого драгоценного наследия. Мы собрались здесь, чтобы оценить наши знания, которые мы приобрели в процессе выздоровле-

ния от нашего заболевания, как оставаться вместе и как служить далее, донося идеи АА всем тем, кто все еще страдает от этой странной и смертельной болезни — алкоголизма.

В Сообществе анонимных алкоголиков существует традиция — мы не любим выступать с речами, мы просто рассказываем о нашем опыте и говорим об опыте тех, кто окружает нас. И мой рассказ не будет исключением.

Примерно в середине лета 1934 года я находился в больнице Чарльз Б. Таунс, расположенной в восточной части Сентрал Парк. Я уже был здесь раньше. Я встретил тут моего дорогого д-ра Силкуорта. Одно время он верил, что я могу выздороветь. Но я круто катился вниз, и вот я лежу на верхнем этаже больницы, осознавая впервые, что я в полной безнадежности.

Лоис была внизу, и этот добрый старый доктор пытался донести до нее в возможно более мягкой манере плохие новости, которые пришлось выслушать столь многим женам и мужьям. Он пытался сказать ей, что он ошибся на мой счет и что я *действительно* был безнадежен. Но Лоис сказал (воскликнула): «У Билла огромная сила воли. Вы никогда не встречали более упрямого человека, если он действительно решил достичь чего-либо. Он отчаянно боролся за выздоровление. Мы перепробовали все возможное. Доктор, но почему же он не может остановиться?» И этот мягкий человек невысокого роста объяснил, что мой алкоголизм, бывший сначала просто привычкой, превратился в наваждение, настоящее безумие, которое заставляло меня пить против моей же воли. На что она сказала: «Доктор, что мы можем сделать?!» Тогда он ответил что, либо меня надо сажать под замок, либо Я сойду с ума или умру.

Находясь наверху, я знал об этом разговоре. Это был конец длинной дороги. Для наших друзей, которые может быть еще не знают, как алкоголики доходят до такой жизни, мне бы хотелось вернуться назад в мое детство, в те времена, когда я приобрел некоторые черты, имевшие много общего с моей нестерпимой тягой к алкоголю.

Я рос в маленьком городке в Восточном Дорсете, штат Вермонт, где было всего пятьдесят домов. Я появился на свет под сенью горы, которая называлась Эоловой горой. В своих детских воспоминаниях я вижу себя, смотрящим вверх на огромную таинственную гору, пытаясь понять, что это такое, и смогу ли я забраться так высоко. Но тут от моих созерцаний меня отвлекла моя тетка, которая в качестве

подарка на мое четырехлетие преподнесла мне тарелку с помадками. И в течение последующих тридцати пяти лет я гнался за иллюзиями жизни и начисто забыл о горах.

Когда мне было десять лет, я переехал жить к моему дедушке и бабушке. Эта была прекрасная, старомодная семья янки, таких, пожалуй, сейчас и не встретишь. Я был высоки и неуклюжим ребенком и очень стеснялся этого, поскольку во время ссор младшие ребята дразнили меня. В течение года или даже больше это очень угнетало меня, но затем я стал развивать в себе страстное стремление побеждать. Я поставил себе цель — стать человеком Номер Один.

Однажды мой дедушка подошел ко мне, а в руках у него была книга. Он сказал: «Эта книга об Австралии. Тут говориться, что только австралийские бушмены знают, как надо бросать бумеранг». «Да, — подумал я, — вот и мой шанс. Я буду первым человеком в Америке, который умеет бросать бумеранг». Любому парнишке может прийти в голову такая мысль. Она может продержаться два-три дня, а может и две-три недели. Но для меня это была настоящая движущая сила в течение 6 месяцев — я бросил все и занимался только тем, что оттачивал умение бросать эти проклятые бумеранги. Я отпилил кусок от изголовья своей кровати, чтобы получить кусок дерева и в старом сарае ночью при свете фонаря я вытачивал бумеранг. И, наконец, я сделал бумеранг, который пролетел по двору перед нашим домом и чуть не попал в голову деду, возвращаясь обратно.

Под влиянием эмоций я начал создавать несколько иной бумеранг, который позднее чуть не убил меня. В тот ранний период я должен был быть атлетом, поскольку я не был атлетом. Я должен был быть музыкантом, поскольку не мог повторить мелодию. Я должен был быть президентом в своем классе в интернате. Я хотел быть первым во всем, поскольку в своем извращенном, упрямом сердце я чувствовал себя самой последней Божьей тварью. Я не мог смириться с чувством неполноценности, и поэтому я стал капитаном бейсбольной команды и научился играть довольно прилично на скрипке и выступал с оркестром гимназии, хотя оркестр был ужасным. Я был лидером, и я должен был быть либо лидером, либо никем иным. Вот так все было. Все или ничего. Я должен быть Номером Один.

Затем все изменилось. В интернате я добился больших успехов. Я чувствовал себя уверенно при достаточно солидной денежной помощи деда и любви и уважения со стороны моих одноклассников. Я был личностью, значительной и реальной, но в моей

жизни не хватало одного: любви. Но вот я познакомился с дочерью пастора и, несмотря на всю свою подростковую неуклюжесть, я завоевал ее. Теперь у меня была любовь, надежность и аплодисменты. Я был счастлив.

Но однажды утром в класс пришел наш директор, лицо его было грустным. Он сообщил нам, что этой ночью скоропостижно умерла моя девушка. Я погрузился в депрессию на целых три года. Я так и не закончил школу. Я просто не мог этого сделать, поскольку никак не мог примириться с потерей какой-то моей части, которая, как я думал, принадлежала мне. Здоровый парень, конечно, сильно бы переживал, но он никогда бы не опустился так глубоко и не оставался там так долго.

Но вот появилась Лоис, и я вдруг ожил. Мы поженились во то время, когда шла мировая война, и я был молодым офицером служившем в Нью-Бедфорде. Там мы вращались среди местного высшего общества. Впервые в жизни я увидел дворецкого. Но вот опять ко мне вернулось ужасное чувство неполноценности, застенчивости, из-за которых я мог произнести только одно-два слова. Я ничего не мог поделать с этим. Но вот однажды на вечеринке кто-то предложил мне коктейль Бронкса. Алкоголь был причиной смерти многих моих родственников, и меня предупреждали об этом. Но я все же выпил этот напиток, а потом еще и еще и еще. Это было чудо! Я нашел эликсир жизни! Самым волшебным образом рухнул тот барьер, который отделял меня от других людей. Я стал ближе к моим знакомым, а они ко мне. Наконец, я стал частью жизни. Я свободно разговаривал, общался. Это было недостающим звеном.

По окончании войны я вернулся из Франции, и мы с Лоис поселились в городе. Мне, бывшему офицеру, пришлось пойти работать клерком. Но это только подтолкнуло мои прежние амбиции. Я был лишь клерком в офисе Нью-Йоркской центральной железной дороги, но я намеревался стать президентом сталелитейной корпорации. Когда меня уволили с железной дороги за плохую работу, я поклялся, что покажу всем и этой железнодорожной компании тоже, на что я способен.

Наконец, я попал на Уолл Стрит — эту известную короткую улицу, которая вела к богатству, власти... или бедности. За несколько лет я заработал огромные деньги для такого молодого человека, как я. И меня совершенно не волновало, что стал пить, хотя Лоис

все больше и больше волновалась по этому поводу. В этот период я пил, чтобы грезить об еще большей власти. Я хотел стать директором многих крупных предприятий; и я был очень близок к реализации своих амбиций. Но это был 1929 год, когда разразился кризис и когда люди теряли все. И хотя у меня было долгов на многие тысячи долларов, я был очень самонадеян. Я с отвращением смотрел на людей, ставших банкротами, которые бросались вниз с небоскребов. Я сказал сам себе и верил, что «Я смогу сделать это еще раз. Я уже сделал это однажды, значит, я смогу сделать это еще раз».

Но я не смог сделать это еще раз. Алкогольная одержимость уже вынесла мне приговор; я уже не мог удержаться даже на первой ступеньке лестницы, ведущей к нормальной жизни. Так я начал свое падение в бездну. У меня больше не было точки опоры, и на Уолл Стрит я был теперь просто «прихлебателем». Без денег и вечно пьяный, я дискредитировал себя повсюду. Люди прекрасно понимали, куда я скатываюсь. И, наконец, я дошел до того состояния, когда я пил уже не для того, чтобы грезить о власти; я пил, чтобы заглушить боль и забыться.

И вот когда я был уже на самом дне, появился шанс, который мог бы принести мне с Лоис многие миллионы долларов. Но для этого я должен был подписать официальный контракт, обязывающий меня отказаться от выпивки. В период действия данного соглашения, который мог быть достаточно длительным, я давал обязательство полностью отказаться от принятия алкоголя. Это была потрясающая возможность по всем меркам Уолл Стрит. И я сказал себе: «Скоро я смогу вытащить Лоис из этого универмага, где она работает, чтобы кормить меня, и заработаю так много денег, как никогда раньше. На этот раз мы, наконец, будем победителями!»

Мы открыли в Вермонте огромный магазин. Я действительно намеревался соблюдать подписанное соглашение, и в течение двух или трех месяцев я не брал в рот спиртного. Бизнес раскручивался, и я поехал в командировку, посмотреть, как идут дела на местах.

Как-то вечером я сидел с несколькими инженерами в моем гостиничном номере. Они предложили выпить. С большим облегчением я обнаружил, что с легкостью могу сказать «Нет». Я не забывал о данном обещании. Я все время помнил о Лоис. Но вечер продолжался, и я начал скучать. Бутылка ходила по кругу и, наконец, кто-то

сказал: «Билл, это же яблочная водка «Jersey Lightning». Только попробуй». И вдруг я понял, что за все время, что я пил, я ни разу не пробовал именно эту водку. И я сказал: «Парни, маленькая стопка не повредит». Непонятным образом я тут же забыл и о Лоис и о моем обещании. Я мог думать только об этой яблочной водке. За какое-то мгновение моя безумная одержимость охватила меня вновь. В течение следующих трех дней я был в полном забытье. Затем мне позвонили мои новые партнеры и сказали, что разрывают наш контракт.

И вот тогда я действительно стал терять надежду. Мой психический распад прогрессировал очень быстро и неумолимо. Вскоре я очутился в больнице, первой из целой череды лечебниц, в которых я лежал в течение последующих двух лет. Но только в тот сентябрьский вечер 1934 года мы с Лоис услышали от врача, что меня ждет.

Покинув эту больницу в сентябре месяце, я не пил некоторое время из-за очевидного страха и постоянной настороженности. Наступил ноябрь и по-прежнему не притрагивался к спиртному. Это было неслыханно. Но боязнь выпить постепенно ослабевала. Я уже не должен прилагать много усилий, чтобы подавить желание выпить. И я начал вести разговоры с людьми об алкоголизме. Когда мне предлагали выпить, я тут же откровенно рассказывал о характере своего заболевания. Это как бы защищало меня от соблазна выпить и оправдывало мое прошлое состояние. Во мне быстро росла уверенность в себе, а мои страхи постепенно исчезали. Каким-то образом мне удалось заработать несколько долларов. Может у меня все же не такой серьезный случай. Я сам себе доказал, что я могу остановиться, и я знал, как это сделать.

Был 1934 год. Праздновали день памяти погибших на войне. Лоис и мне надо было пойти в универмаг в Бруклине, где работала Лоис. Уолл Стрит была закрыта для меня, и я начал думать, как мне дальше жить, чем я буду заниматься. И тут я подумал о гольфе. Я не играл в него уже много лет. Наш семейный кошелек был тощим, поэтому я сказал Лоис, что мог бы поехать на Стейтен Айленд, где были общедоступные поля для гольфа. Ей не удалось скрыть свое дурное предчувствие, но ей удалось сказать с радостью: «Ну, конечно же, поезжай. Это будет замечательно».

Я сел на паром, а затем на автобус. И вот я сижу рядом с человеком, у которого в руках винтовка для стрельбы по мишеням. Я тут же

вспомнил однозарядный Ремингтон, который дед подарил мне, когда мне было одиннадцать. И мы разговорились о стрельбе.

В это время совершенно неожиданно наш автобус наезжает на другой, ехавший впереди автобус. Удар был не сильным и повреждения были небольшие. Мы с моим спутником вышли на дорогу и стали дожидаться другого автобуса. Так, обсуждая огнестрельное оружие, мы вдруг заметили неподалеку что-то наподобие питейного заведения. Он спросил, «А как насчет того, чтобы пропустить по маленькой?» И я ответил, «Прекрасно, я готов». Мы зашли в это заведение. Он заказ скотч, а я имбирный эль. «Вы что не пьете?» «Нет, — ответил я. — Я один из тех, кто не может управлять этим». И я стал рассказывать и об аллергии на алкоголь, и о навязчивой идее, и вообще об алкоголизме. Я рассказал ему, как пережил эти ужасные времена, когда пил, и что теперь я полностью разделался с этим. Я подробно рассказал ему об этой болезни.

Мы сели на другой автобус и вот, наконец, мы очутились перед деревенской гостиницей на Стейтен Айленде. Я собирался пойти на поле для гольфа, которое было неподалеку, а моему спутнику надо выло сесть еще на один автобус, чтобы добраться до стрельбища. Но был уже полдень, и мой спутник сказал мне: «Пойдемте и перекусим немного. И я бы не отказался от еще одного стаканчика». На этот раз мы сидели за стойкой бара. Как я уже говорил, это был день памяти погибших на войне. Народу все прибавлялось. Это были, в основном, постоянные посетители. И вот уже отовсюду слышался знакомый шум подвыпившей компании. Мы с приятелем продолжали наш разговор о стрельбе. Бутерброды и еще одна порция выпивки для него, бутерброды и еще одна порция эль для меня.

Я опять стал вспоминать о том, как мы отмечали этот день во Франции, какая это была радость, и какой это был праздник. Я больше не слышал, что говорил мой собеседник. Вдруг бармен — огромный ирландец — подошел к нам с широкой улыбкой на лице. В каждой руке он держал по стаканчику с выпивкой и воскликнул: «Парни, выпивка за счет заведения! Ведь сегодня праздник — день памяти погибших на войне». Без колебаний я взял стопку и выпил. Мой спутник в ужасе смотрел на меня. «О, Боже!» — воскликнул он. — Неужели вы можете пить после всего того, что рассказали мне? Вы, должно быть, сошли с ума!» И я ответил: «Именно».

На следующее утро около пяти часов Лоис нашла меня без сознания недалеко от нашего дома. Падая, я ударился о железную ре-

шетку, и их огромной раны на голове у меня шла кровь. В руках я все еще сжимал сумку с клюшками для гольфа. Когда я пришел в себя, мне нечего было сказать. Да и что тут можно было сказать? Мы опять пошли на дно. Я опять запил — одну, две, три бутылки джина в день. Я знал, что уже не смогу остановиться.

Но вот однажды днем у нас зазвонил телефон. Это был Эбби, мой старый друг по интернату и собутыльник. Даже по телефону я почувствовал, что он был трезв. Я не мог припомнить и раза, чтоб в Нью-Йорке он был трезвым. Еще в те времена я считал его безнадежным. И действительно я слышал, что они хотели избавиться от него из-за его алкогольного безумия. Я с радостью сказал: «О, приходи. Вспомним наши старые времена». Почему я так сказал? Может потому, что мое теперешнее состояние было невыносимым, и я догадывался, что у меня нет будущего. Вскоре Эбби стоял в дверях, широко улыбаясь. Мы прошли на кухню и сели там друг против друга. На столе между нами стояла большая бутылка джина и ананасовый сок.

Я сразу же почувствовал, что в Эбби что-то изменилось. И это не только то, что он был трезв. Но я никак не мог выразить это ощущение словами. Я предложил ему выпить и он отказался. Наконец я спросил его: «В чем дело? Ты ведь сказал, что бросил пить. Но в то же время ты сказал, что что ты не в «завязке». Что случилось? »

«Знаешь, — сказал Эбби, — я обрел религию».

Эти слова ошеломили меня — Эбби и религия! Может его алкогольное безумие перешло в религиозное безумие. Для меня это было полным разочарованием. Я учился в прекрасном инженерном колледже, где у меня составилось представление о том, что человек является Божеством. Но я должен был соблюдать приличия, поэтому я добавил: «Эбби, а что это за религия?» «Знаешь, вряд ли я могу точно назвать ее. Я просто вхожу теперь в группу людей, Оксфордскую группу, хотя и не разделяю всех их учений. Но эти люди подали мне потрясающие идеи. Я должен был понять, что я сражен; я должен был понять, что мне надо критически оценить себя и признаться в своих ошибках перед другим человеком честно и в доверии; я должен был понять, что я обязан возместить тот вред, что я нанес другим людям. Мне сказали, что я должен совершенно бескорыстно приносить своего рода «пожертвования», что я должен открыть себя людям. А сейчас, — добавил он, — насколько я понимаю, ты будешь смеяться над этим, но они учили меня,

что я должен молить Бога, каким я его себе представляю, чтобы он дал мне силы исполнить эти простые правила. А если я не верю, что Бог вообще существует, я должен попробовать обращаться к Богу, который мог бы быть. И знаешь Билл, странная вещь, но даже до того, как я проделал все это, как только я решил, что попытаюсь с открытым сердцем сделать это, мне показалось, что моя проблема алкоголизма просто улетучилась из меня. И это совсем не похоже на старание воздержаться от употребления спиртного. На этот раз я почувствовал полное освобождение от этого желания и, знаешь, я уже не пил много месяцев».

Эбби не пытался давить на меня или обращать меня в свою веру. Вскоре он ушел. Несколько дней я продолжал пить. Но каждый раз при пробуждении я вспоминал о своем друге. Я не мог забыть того, о чем он мне поведал. Будучи собратьями по несчастью, *один алкоголик разговаривал с другим.*

Мои настроения колебались от восстания против Бога к надежде и потом обратно. Однажды, находясь в слезливом настроении, мне в голову пришла потрясающая мысль. Я решил, что пришло время мне самому провести некое религиозное исследование. Вспомнив, что при Голгофской церкви Сэма Шумейкера действовала миссия, куда друзья Эбби по Оксфордской группе поместили его, я решил поехать и посмотреть, что там происходит. Я вышел из подземки на пересечении Четвертой Авеню с Двадцать третьей стрит. Я довольно долго шел по Двадцать третьей стрит. Это был довольно долгий пеший путь по 23-й авеню, и я стал останавливаться у каждого бара. Большую часть дня я провел в барах и совсем забыл о миссии. Уже стемнело, когда у меня в баре завязалась оживленная беседа с финном по имени Алек. Он рассказал мне, что в своей стране был мастером по изготовлению парусов и рыбаком. И при слове «рыбак» у меня что-то щелкнуло внутри. Я вдруг вспомнил о миссии. Там я обязательно встречу ловцов. Странно, но мне показалось, что это прекрасная идея.

Я уговорил Алека пойти со мной и вскоре мы ужу стояли перед дверью миссии. Текс Франциско, бывший алкоголик, встречал нас у дверей. Он заведовал этим местом и попросил нас удалиться. Такое обращение разозлило (уязвило) нас, ведь мы пришли с добрыми намерениями.

Как раз в этот момент появился широко улыбающийся Эбби, который спросил: «А как начет тарелки бобов?» После еды у нас с

Алеком немного просветлело в голове. Эбби сказал нам, что скоро в миссии начнется встреча, и спросил, не хотели бы мы остаться. Конечно, мы хотели, ведь именно для этого мы и были здесь. Вскоре мы втроем уже сидели на жестких деревянных лавках, расставленных в помещении. Я раньше никогда не посещал миссионерские организации и немножко поеживался, глядя на собравшихся — это были, в основном, опустившиеся люди. В помещении пахло смесью пота и алкоголя. Я хорошо представлял себе, какие страдания претерпевали собравшиеся здесь люди.

Сначала прочитали несколько псалмов и молитв. Затем Текс, руководитель миссии, прочел нам проповедь. Только Иисус может спасти нас, говорил он. И почему-то это утверждение не вызвало во мне раздражения! Некоторые мужчины вставали и выражали благодарность. Будучи в состоянии оцепенения, я все же ощущал, как во мне растет интерес и душевное волнение. Затем прозвучал призыв. Некоторые люди стали продвигаться вперед к оградке. Совершенно бессознательно я тоже встал и потащил за собой Алека. Эбби пытался ухватить меня за пальто, но было поздно. Я опустился на колени среди дрожащих кающихся грешников. Может быть, только там и тогда, я впервые испытал покаяние. Что-то во всем этом затронуло мои душевные струны и, более того, попало прямо в цель. У меня возникло непреодолимое желание говорить, и, вскочив на ноги, я заговорил.

Впоследствии я даже не мог припомнить, что я говорил, но это звучало так искренне, что остальные стали обращать на меня внимание. Эбби, который поначалу был в полном замешательстве, сказал мне потом с облегчением, что я сделал все правильно и что я «вверил свою жизнь в руки Господа».

После встречи Эбби повел меня наверх, где было устроено общежитие и где спали бездомные. Я познакомился с некоторыми из них, у которых выздоровление шло хорошо. Некоторые продолжали жить в миссии, а днем где-то работали. Я с большим интересом слушал их рассказы. Я очень быстро протрезвел, и мне показалось, что тяжесть, которая давила на меня, постепенно исчезает. И тут я вспомнил о Лоис. Ведь я не позвонил ей, а она наверняка очень волновалась. Я должен немедленно рассказать ей обо всем. Мне было приятно услышать вздох облегчения на другом конце провода.

Медленно и стараясь не привлекать внимания я шел по Двадцать третьей стрит к подземке. Когда я уже спускался вниз, то вдруг осознал, что не заглянул по дороге ни в один бар. Это было что-то совершенно новое для меня. Неужели я тоже начинаю освобождаться от этого недуга?

Перед тем, как лечь спать, мы очень долго разговаривали с Лоис. Каждое мое слово было пронизано надеждой. Не «приняв» перед сном ни капли джина, я спал, как младенец. Утром я должен был страдать от ужасного похмелья, но его почти не было. И все же это небольшое похмелье вернуло все вспять. Я решил, что мне будет приятней встречать рассвет, если я немного выпью. Может быть всего одну-две стопки. Ничего не сказав Лоис, я опрокинул обе залпом, а потом прополоскал рот. Она ничего не заметила, и я чувствовал себя прекрасно.

После того, как она ушла на работу, мне опять стало плохо. Это будет последней, решил я, уговаривая себя так же, как всегда. Но потом все пошло по нарастающей, и к шести часам вечера, когда вернулась домой моя бедная Лоис, я лежал наверху мертвецки пьяным.

Но я не забывал о том проблеске света, который увидел, и, хотя я пил еще три дня, я продолжал вспоминать те ощущения, что я испытал в миссии. Временами у меня были реальные видения, но я отметал их, полагая, что это разыгралось мое «пьяное» воображение.

Но на утро третьего дня мне удалось сфокусировать свои мысли. Я припоминаю, что сравнил себя с больным раком. Если бы я был болен раком, то сделал бы все возможное, чтобы выздороветь, разве не так? Да, именно так. Разве я сидел бы дома и мазал кремом пораженные участки? Конечно же, нет. А что бы я делал? Я бы нашел лучшего специалиста в этой области и умолял бы его разрушить или отсечь эти всепожирающие клетки. Я бы полностью зависел от этого человека, Бога от медицины, только бы он спас меня. И моя зависимость от него была бы абсолютной, ведь я сам ничего не мог бы сделать.

Но я страдал алкоголизмом, а не раком, но разве не все равно? Разве алкоголь не пожирал так же, как и рак, мое тело и мозг? Алкоголизм убивает дольше, а результат тот же. Значит, если д*ействительно есть* такой великий Целитель, который может излечить меня от алкоголизма, я должен найти Его прямо сейчас. Мне нужно найти то же, что нашел мой друг. Смогу ли я, как и больной раком, найти способ спасти себя? Если выздоровление потребует от меня совершения молитвы в полдень на людной площади вместе с другими такими же страждущими, смогу ли я проглотить свою гордость и сделать это? Возможно, смогу. А пока я решил пойти опять в больницу Таунс к д-ру Силкуорту, чтобы он вывел меня из этого состояния еще раз, тогда я мог бы на трезвую голову еще раз обдумать формулу трезвости, о которой говорил Эбби. Возможно, мне не потребуется и волнующее

преображение. Возможно, я, как консервативный скептик, смогу обойтись без этого. И вот я отправился в больницу.

Пока я шел по Клинтон Стрит к подземке, я пошарил в карманах и выудил оттуда шесть центов. Этого было достаточно, так как дорога до больницы стоила пять центов. Но я ничего не забыл сделать? Вот я на пути к своему выздоровлению. И как типичный алкоголик я вполне логически предположил, что надо себя порадовать в последний раз, прежде чем я окажусь в больнице. Я вошел в магазин, где мне давали в долг. Я помню, как объяснял служащему, что я алкоголик, стоящий на пути к исцелению, и сейчас иду ложиться в больницу для лечения. Не могу ли я получить в долг четыре бутылки пива?

Первую бутылку я выпил прямо на улице, вторую в подземке. Мой воодушевление возросло, и я предложил третью бутылку какому-то пассажиру. Он отказался, и я выпил эту бутылку на платформе станции подземки рядом с больницей. Вот так держа за горлышко четвертую бутылку, я и вошел в больницу Таунс, где в вестибюле меня уже встречал д-р Силкуорт.

И находясь совсем в приподнятом состоянии, я помахал бутылкой и воскликнул: «Ну, наконец-то, доктор, я что-то нашел!» Несмотря на замутненность сознания, я все же заметил, как этот добрый старый доктор сник. Теперь я понимаю, как он любил меня. И этот мой новый срыв очень расстроил его. Я пытался рассказать ему о новых ощущениях, которые открылись для меня. Он посмотрел на меня, покачал головой и, наконец, тихо сказал: «Итак, мой мальчик, не пора ли тебе пойти наверх и лечь в постель?»

Мое состояние не было слишком тяжелым, и через три-четыре дня я уже не принимал седативные средства, которые давали мне здесь, но у меня была ужасная депрессия. Меня душили все эти «Божьи дела». И вот однажды ранним, светлым утром у меня в палате появился Эбби. Он стоял в дверях, широко улыбаясь. Но я не мог взять в толк, что тут было такого забавного. Потом вдруг у меня зародилось подозрение: может быть, он пришел, чтобы обратить меня в веру, может быть он собирается пролить на меня сладость и свет. Но ничего подобного, он стоял и ждал, пока я сам с ним заговорю. «Ну, — произнес я, — а на этот раз какой у тебя рецептик?» И находясь в самом хорошем расположении духа, он опять он опять начал выдавать: Ты должен осознать, что ты сражен; ты должен быть честным с самим собой; ты должен поговорить об этом с кем-то; ты должен понять, что обязан возместить тот вред, который причинил ; ты должен попытаться отдавать себя другим, не требуя вознаграждения; и ты должен молиться такому Богу, который существует в твоем понимании, хотя бы в качестве эксперимента. Это было просто и одновременно таинственно. Поговорив еще немного со мной, он ушел.

Моя депрессия только невыносимо усугубилась, и мне показалось, что я нахожусь на самом дне пропасти. Меня все еще воротило от существования какой-то Силы более могущественной, чем я, но в какой-то момент последние остатки моей упрямой гордости рассыпались. И в тот же момент я обнаружил, что выкрикиваю: «Если Бог есть, пусть Он явит себя! Я готов на все, на все!»

И вдруг комната озарилась белым светом. Я впал в экстаз, который трудно описать словами. Мне казалось, что я нахожусь где-то высоко в горах, и что меня обдувают не потоки воздуха, а потоки духа. И в этот момент я осознал, что я свободный человек. Постепенно это экстатическое состояние улеглось. Я по-прежнему лежал на кровати, но теперь я ощущал себя в другом мире, в новом мире осознания себя самого. Меня пронизывало чувство Его присутствия, и про себя я подумал: «Вот Бог проповедников!» На меня снизошло огромное умиротворение, и я подумал: «Неважно, что дела кажутся плохими. Все в порядке. Все в порядке, когда Бог и Его мир рядом».

Затем понемногу меня стал охватывать страх. Мое современное образование дало о себе знать и как бы нашептывало мне: «У тебя просто галлюцинации. Тебе лучше обратиться к врачу». Д-р Силкуорт задавал мне много вопросов, а потом сказал: «Нет, Билл, ты не сумасшедший. Здесь произошло какое-то очень важное психологическое или духовное событие. Я читал о таких случаях в книгах. Иногда духовные переживания излечивают людей от алкоголизма». Почувствовав облегчение, я опять стал размышлять над тем, что со мной произошло.[2]

Еще больше ясности в этом принес следующий день. Я думаю, это был Эбби, кто мне принес книгу Уильяма Джеймса «Ре-

[2] Почти каждый член АА приобрел духовный опыт, который совершенно изменил его взгляды и отношения. Обычно, это постепенный и длительный процесс, который может длиться месяцы и даже годы.

Значительное количество членов АА, и в том числе сам Билл, которые приобрели совершенно разный, но внезапный духовный опыт, не видят, в принципе, большой разницы, что касаемо полученных результатов, в том, проходил ли этот процесс в виде мгновенного озарения, или шел довольно медленно, что было более типичным.

лигиозные переживания». Это было не простое чтение, особенно для меня, но я буквально «проглотил» ее от начала и до конца. Духовные переживания, по мысли автора, могут обрести объективную реальность. Почти как дары с небес, они могут изменять людей. Иногда это были яркие мгновенные озарения; в других случаях это происходило постепенно. Одни проистекали по религиозным каналам, другие нет. Но все они имели одно общее — боль, страдания, отчаяние. Полная безнадежность и полное опустошение до глубины души делали людей готовыми к таким переживаниям. Значимость все этого просто поразила меня. *Полное опустошение* — совершенно *точно*. Именно это и произошло со мной. Д-р Карл Юнг сказал одному из друзей Эбби по Оксфордской группы о том, что он был безнадежным алкоголиком, ту же фразу сказал мне и д-р Силкуорт. Тогда Эбби, тоже будучи алкоголиком, дал мне такую же дозу. Если бы не авторитет д-ра Силкуорт, может, я бы никогда не принял полностью прозвучавший вердикт, но когда появился Эбби, и один алкоголик начал разговаривать с другим, я принял окончательное решение.

Мои мысли начали лихорадочное движение, когда я представил цепную реакцию среди алкоголиков, каждый из которых передает это послание и эти принципы другому. И теперь, как никогда раньше, я ясно понял, что хочу работать с другими алкоголиками.

Как только я вышел из больницы, я связался с Оксфордской группой. Мы работали с миссии Келвери под руководством д-ра Шумейкера и в больнице Таунс. Эбби переехал жить к нам с Лоис в наш дом в Бруклине. Как бы движимый огромной реактивной энергией, я стал разыскивать пьяниц.

Однако, мое неожиданное духовное прозрение имело и определенные недостатки. Вскоре я уже говорил о том, что я собираюсь вылечить всех пьяниц на свете, хотя за последние 5 тысяч лет достигнутые успехи в этом направлении были более, чем скромными. Члены Оксфордской группы делали попытки, в большинстве случаев они закончились неудачей, и им это наскучило. Сэм Шумейкер как раз только что столкнулся с такой неудачей. Он поселил группу пьяниц в квартире рядом с церковью, и один из них, который все еще не был готов к спасению своей души, в раздражении запустил свои ботинком в окно церкви и разбил прекрасное витражное окно.

И не удивительно, что мои друзья по Оксфордской группе считали, что мне лучше забыть обо всех этих алкоголиках. Но я все еще

петушился и проигнорировал их слова. Во мне как бы работало два мотора, одним двигала истинная духовность, а другим — мое давнишнее стремление быть Номером Один. Но ситуация была не из лучших. Через шесть месяцев не было ни одного случая, чтобы человек бросил пить. И поверьте мне, через меня прошли десятки людей. На какое то время они бросали пить, а затем опять погружались в эту мрачную пучину. Естественно, члены Оксфордской группы довольно равнодушно взирали на мою «возню» с пьяницами.

Тем временем Лоис продолжала работать в универмаге, и люди, окружавшие нас, начинали поговаривать: «Неужели Билл так и останется миссионером на всю жизнь? Почему бы ему не пойти работать?» Даже мне начинало казаться, что это хорошая мысль. Я опять начал бывать на Уолл Стрит, и через случайного знакомого попал в брокерский офис. Мне удалось внедриться в посредническую контору, которая контролировала небольшую станкостроительную компанию в Акроне, штат Огайо. В мае 1935 года группа работников поехала в Акрон, чтобы бороться за контроль над этой компанией. Я уже видел себя президентом этой компании. Но когда мы раскрыли карты, то у другой стороны оказалось больше голосов, т.е. мы проиграли. Мои новые знакомые были разочарованы, и они бросили меня в гостинце «Мейфлауэр» в Акроне с десятью долларами в кармане.

Они уехали в пятницу. В субботу, накануне Дня Матери, я ходил взад и вперед по вестибюлю и раздумывал, что же мне теперь делать. С одной стороны у меня был бар, который быстро заполнялся людьми. До меня уже доносился знакомый гул голосов. И вдруг я задержался у другой стороны вестибюля, где лежал указатель церквей. И вдруг я понял, что собираюсь напиться. О, нет, может, я не буду напиваться, а просто зайду в бар и выпью немного эля и познакомлюсь с кем-нибудь. Меня охватила паника. И это было потрясающе! А ведь я никогда раньше не паниковал перед принятием алкоголя. Может это значит, что моя психика полностью вернулась в норму. Я вспомнил, что пытаясь помочь другим людям, я сам совсем перестал пить. Я впервые *глубоко* осознал это. И я подумал: «Тебе нужен другой алкоголик, чтобы поговорить с ним. Ты нуждаешься в другом алкоголике так же, как и тот другой нуждается в тебе!»

Затем последовала странная цепь событий. Я наугад выбрал в указателе церковь и позвонил католическому священнику Уолтеру

Танксу, который и до сих пор является большим другом АА. Находясь в сильном возбуждении, я буквально «обрушился» на него со своим рассказом. Я спросил, не знает ли он каких-то людей, который могли бы вести меня с другим алкоголиком. Я думал, может он знал кого-то из Оксфордской группы в Акроне. Когда этот добрейший человек узнал, что я был алкоголиком и что я ищу другого алкоголика, чтобы поработать с ним, он сразу представил, как пьет не один человек, а два. Но, наконец, он понял, о чем идет речь, и дал мне список десяти человек, которые могли бы помочь мне.

Я тут же начал обзванивать этих людей. Был субботний полдень. Кого-то не было дома. У кого-то это не вызвало интереса, и они вежливо отказались. Список быстро подходил к концу, и вот в самом низу страницы осталось одно имя. Это была Генриетта Сейберлинг. У меня были смутные воспоминания с моих времен на Уолл Стрит, где я встречался с пожилым г-ном Сейберлингом, бывшим тогда основателем и президентом компании «Гудиар Раббе». Мне было трудно представить, как я буду звонить его жене и говорить ей, что я, алкоголик из Нью-Йорка, ищу другого алкоголика, чтобы поработать с ним. Я опять спустился вниз и стал мерить шагами вестибюль. Но внутренний голос говорил мне: «Позвони ей». И я, наконец, решился и позвонил. Неожиданно, на другом конце провода мне ответил молодой голос, который принадлежал невестке Сейберлингов. Я объяснил ей, что я был алкоголиком из Оксфордской группы в Нью-Йорке, которому просто необходимо помочь какому-то другому алкоголику, чтобы самому остаться трезвым. Она очень быстро поняла суть того, о чем я ей говорил. И она сказала: «я сама не пью, но у меня есть свои проблемы. Когда вы говорите о о духовности, я думаю, что я понимаю вас. Я знаю одного человека, которому вы могли бы помочь. Не могли бы вы приехать ко мне прямо сейчас? Я живу в сторожке владений Сейберлинг».

Когда я добрался туда, меня встретила очаровательная и все понимающая женщина. Она рассказала, что ей пришлось справляться с очень тяжелыми проблемами, и что она нашла ответы на свои вопросы именно в Оксфордской группе. Она понимала всю глубину моих страданий. После того, как я поведал ей свою историю, она заметила: «Я знаю того, кто вам нужен. Он врач. Мы все зовем его — д-р Боб. У него есть жена Анна, тоже потрясающая женщина. Боб приложил столько усилий; я знаю, что он хочет остановиться. Он пробовал медицинские средства, он обращался и к

религии, в частности он посещал Оксфордскую группу. Он использовал все свою силу воли, но ему никак не удавалось добиться успеха. Может вы хотели бы поговорить с Бобом и Анной?»

Вскоре Генриетта уже разговаривала с Анной по телефону — нашей Анной, которую обожают все АА. Она вкратце пересказала мою историю: алкоголик из Нью-Йорка, который хотел бы поговорить о своих проблемах. Может быть, она с Бобом приедут к ней? Но Анна ответила: «Мне очень жаль, Генриетта, но может быть не сегодня. Боб обычно очень много суетится, чтобы отпраздновать День Матери. Он только что пришел домой и принес большое растение в горшке». Но она не сказала о том, что растение стояло на столе, а Боб лежал под столом — он так «набрался», что не мог встать (игра слов «potted plant» — растение в горшке и «potted Bob» — надравшийся Боб). Тогда Генриетта сказал: «А как насчет завтра? Может быть вы оба придете ко мне на ужин?» Анна ответила, что они постараются.

На следующий день около пяти часов эта удивительная супружеская пара — д-р Боб и Анна — приехали к Генриетте.

Это был тот человек, который в будущем станет моим партнером и основателем Группы Номер Один в Акроне. Вместе с Сестрой Игнасией он будет лечить от алкоголизма и через его руки пройдет около 5 тысяч человек, и это в то время, когда Сообщество АА было совсем молодым. Он станет моим лучшим другом, от которого я ни разу не услышу резких слов. Это был д-р Боб — один из будущих основателей АА.

Но в этот воскресный день в пять часов Боб совсем не походил на основателя чего-либо. Все его тело содрогалось. Испытывая явное неудобство, он сказал, что может пробыть у нас только пятнадцать минут. Несмотря на явное смущение, его лицо просветлело, когда я сказал, что может ему надо просто немного выпить. После обеда, к которому он даже не притронулся, Генриетта отвела нас в свою маленькую библиотеку. Там Боб и я проговорили до одиннадцати часов.

Перед тем, как вернуться в Акрон, д-р Силкуотер дал мне прекрасный совет, без которого, возможно, Сообщество АА никогда бы и не появилось. «Послушай, Билл, — сказал он мне, — тебя преследуют неудачи, потому что ты читаешь алкоголикам наставления. Ты говоришь с ними о заповедях Окфордской группы — быть абсолютно честным с собой, абсолютно непогрешимым, абсолютно бескорыстным и любить всех. Это очень серьезные вещи. И свой разговор ты завершаешь рассказом о твоем таинственном духовном преобра-

жении. Не удивительно, что они крутят пальцем у виска, как будто ты сумасшедший, и идут пить. Почему бы тебе не сменить стиль общения? Разве ты не тот парень, который однажды показал мне книгу, написанную психиатром Джеймсом, в которой говориться, что глубокое дно является основой причиной возникновения серьезнейших духовных переживаний? Разве ты забыл об этом? Разве ты забыл, как д-р Карл Юнг из Цюриха рассказывал об алкоголике, который впоследствии помог твоему другу Эбби встать на путь трезвости, что его единственной надеждой на спасение было духовное перерождение? Нет, Билл, у тебя телега стоит поперед лошади. Сначала ты должен показать им их дно. Говори с ними с медицинской точки зрения и о медицинских вещах, не жалея, жестко. Расскажи им об этой навязчивой идее, которая заставляет их пить, и о физической чувствительности или аллергии их организма, в результате которой они либо сойдут с ума, либо умрут, если продолжат пить. Может быть, если такие разговоры будут исходить от другого алкоголика, если один алкоголик будет разговаривать с другим об этом, то, возможно, удастся добраться до их «я», которое запрятано так глубоко. Только тогда ты можешь попробовать другое лекарство — этические принципы, которые ты почерпнул в Оксфордской группе».

И вот сейчас, разговаривая с д-ром Бобом, я припоминал все, что мне говорил когда-то д-р Силкуорт. И я очень постепенно стал говорить на тему о роли религии в духовном возрождении. Я просто рассказывал ему о своем случае, пока он не начал отождествлять себя со мной, тогда он, наконец, сказал: «Да, да, это про меня. У меня тоже так было».

В свою очередь Боб рассказал мне о себе такое, о чем никогда ни с кем до этого случая не говорил. Он тоже был родом из Вермонта. Семья жила в Сент-Джонсбери, где его отец был очень строгим, но всеми уважаемым судьей. Как и у меня, склонность к питью проявилась у д-ра Боба довольно рано. Именно по этой причине его выставили из колледжа в Дартмунде. Но каким-то образом ему удалось попасть в медицинскую школу, а затем в интернатуру в Чикаго. Несмотря на злоупотребление алкоголем, у него оказался талант к хирургии. После женитьбы на Анне они обосновались в Акроне. Через определенное время у них родился сын, которого тоже назвали Бобом, а позже они еще удочерили девочку по имени Сью.

Когда мы впервые встретились, д-ру Бобу было пятьдесят пять лет, т.е. он был лет на пятнадцать старше меня. Но, видимо, у него

было железное здоровье, ведь все эти годы, по его словам, он пил не переставая. Когда у него слишком сильно дрожали руки, и он не мог оперировать или лечить больных, он принимал большие дозы седативных препаратов. Когда это средство не помогало, он исчезал куданибудь на неделю или больше, чтобы «просохнуть» и чтобы снова начать тот же круг. Даже в те редкие периоды, когда он был трезвым, его не оставляло желание выпить. Этот физиологический феномен очень мучил его даже в первые годы пребывания в Сообществе АА, когда только круглосуточное донесение идей до других алкоголиков заставляло его забыть об этой тяге. Хотя противиться этой тяге было очень трудно, она несомненно явилась тем стимулом и придала ту энергию, с которой он включился в создание Группы Номер Один в Акроне. Духовное освобождение Боба шло не так просто; оно шло мучительно медленно. И оно всегда подразумевало тяжелейшую работу над собой и постоянно быть начеку. Однако, серьезных невротических нарушений у него не наблюдалось. Как он часто говаривал: «Я просто люблю грог».

К тому моменту, когда я впервые познакомился с ним, эта любовь чуть не стоила ему жизни. Его талант хирурга еще не забыли, но мало кто из его коллег или пациентов доверяли ему свои жизни. Он потерял свою должность хирурга в городской больнице Акрона, и он с трудом существовал на заработки от нестабильной и все время сокращающейся общей практики. Будучи по уши в долгах, его отделял всего один шаг от тюремного заключения из-за неуплаты по закладной. Анна была на грани нервного срыва, а их двое детей ужасно переживали все это. Такова была плата за двадцать пять лет алкогольных возлияний. Слово «надежда» старались не произносить.

Во время нашей первой беседы я делал основной акцент на безнадежность случая с Бобом с медицинской точки зрения. При этом я широко пользовался словами д-ра Силкуорта при описании дилеммы, перед которой стоит каждый алкоголик, т.е. проблема «навязчивой идеи» и «аллергии». Хотя Боб сам был медиком, но, как оказалось, для него это было новостью, хотя, надо сказать, новостью плохой. Лучше ориентируясь в вопросах духовного бытия, чем я, он меньше внимания обратил на этот аспект в моем рассказе. Хотя он и не мог заставить их работать, но он сразу же понял, каковы будут результаты в духовном плане. Но что по-настоящему поразило его, так это медицинский вердикт — полное самоуничтожение. И тот факт, что я, сам, будучи алкоголиком и прекрасно зная на собствен-

ном опыте то, о чем я говорил, нанесло ему первый сокрушительный удар.

В истории д-ра Боба, написанной впоследствии для книги АА и через многие годы во время длительной беседы в Детройте, он очень четко обозначил этот момент: никакое духовное учение, о котором я распространялся, а равно как и не две страшилки: сумасшествия и смерти, а именно аллергия и одержимость, заставили его начать новую жизнь. Именно идея д-ра Силкуорта, подтвержденная Уильямом Джеймсом, поразила его до глубины души.

Понимаете, наш разговор был *обоюдным*. Я перестал читать нотации. Я понимал, что нуждаюсь в этом алкоголике ничуть не меньше, чем он во мне. И в этом было все дело. Этот принцип «давать-получать» лег в основу всей теперешней работы по Двенадцатому Шагу. Именно таким образом доносились идеи от одного человека к другому. Последним недостающим звеном был как раз этот первый мой разговор с д-ром Бобом.

Неожиданно я получил небольшие финансовые средства от моих коллег из Нью-Йорка, поэтому в то лето 1935 года я остался в Акроне и продолжил свою борьбу. Все еще беспокоясь за Боба, Анна пригласила меня пожить в их доме на Ардмор Авеню 855. Как прекрасно я помню нашу утреннюю медитацию: Анна сидела в углу около камина и читала нам Библию, затем какое-то время мы сидели и молчали, как бы ожидая вдохновения и руководства.

Через три или четыре недели после прорыва, который произошел на День матери, д-р Боб как-то утром посмотрел на меня и сказал: «Билл, в течение многих лет я ездил в Атланту на медицинские конгрессы и ни разу не пропускал их. Как ты думаешь, может мне съездить и на этот раз?» В испуге Анна воскликнула: «О, нет, нет!» Но, понимая, что рано или поздно ему придется встретиться с трудностями, я ответил: «Ну, а почему бы и нет? В конце концов, мы должны учиться жить в мире, где полно алкогольных напитков». На что Боб, немного подумав, ответил: «Может быть, ты и прав».

Он уехал в Атланту на медицинский конгресс, и в течение нескольких дней мы ничего не знали о нем. И вот как-то утром нам позвонила его медсестра и сообщила: «Он у нас. Мой муж и я забрали его с железнодорожной платформы около четырех часов утра. Пожалуйста, приезжайте и посмотрите, что можно сделать».

Мы привезли Боба домой, положили в постель, и именно тогда узнали очень тревожную новость. Ему предстоит оперировать, потому что эту операцию может сделать только он. И предельный срок — три дня; он просто не может отказаться; а он лежал в постели и дрожал как осиновый лист. Сможем ли мы привести его в нормальное состояние? Анна и я, сменяя друг друга, круглые сутки делали все возможное, чтобы привести его в нормальное состояние. Утром в день операции он был трезв. Я спал в его комнате. Периодически поглядывая на него, я видел, что он не сомкнул глаз и его по-прежнему била дрожь. Я никогда не забуду, как он посмотрел на меня и проговорил: «Билл, я должен это сделать». Я думал, что он имеет в виду операцию. «Нет, — добавил он, — я имею в виду то, о чем мы говорили с тобой».

В девять часов утра мы с Анной привезли его в больницу. Я дал ему бутылку пива, чтобы успокоить нервы и чтобы он мог держать в руках скальпель, и он ушел. Мы вернулись домой и стали ждать. Прошла, как нам показалось, целая вечность, прежде чем зазвонил телефон: все прошло успешно. Но после этого звонка он очень долго не приходил домой. Несмотря на ужасное напряжение, он вышел из больницы, взял такси и поехал с визитами к кредиторам, которые пострадали из-за его поведения (и другим людям, которым он причинил ущерб). Было 10 июня 1935 года. И до дня своей смерти, которая произошла через пятнадцать лет, д-р Боб не брал в рот спиртных напитков.

На следующий день он сказал:

— «Билл, а тебе не кажется, что работать с другими алкоголиками ужасно важно? Мы будем себя чувствовать в большей безопасности, если будем активными, не так ли?»

На что я ответил:

— «Мне тоже так кажется. Но где мы будем искать алкоголиков?»

— «Их всегда много в городской больнице Акрона. Я позвоню им и посмотрю, что можно сделать».

Встретив знакомую медсестру из приемного покоя больницы, д-р Боб объяснил ей, что один человек из Нью-Йорка нашел новый способ лечения алкоголизма. (В те дни мы называли это лечением.) Но она знала д-ра Боба давно и поэтому спросила:

«Это правда, д-р Боб? Вы хотите сказать, что сами излечились этим способом?»

—Именно так.

Новый «клиент» оказался в ужасном состоянии. Но через два дня д-р Боб и я смотрели в лицо первого человека, «который ле-

жал в кровати». Это был старый Билл Д., Номер Три в АА. Его историю вы можете прочитать во втором издании «Большой книги». Глаза у Билла были еще стеклянные. Когда д-р Боб и я рассказали ему о плохих медицинских прогнозах и относительно аллергии и навязчивой идеи, у старика Билла проснулся интерес. Но когда мы начали говорить о духовности, Билл покачал головой и произнес: «Нет, это не для меня, я зашел слишком далеко. Я всегда верил в Бога, я даже был священником (дьяконом) в церкви. Знаете, за последние четыре месяца я уже был здесь шесть раз. В этот раз (в белой горячке) я сильно избил одну из сестер. Я знаю, что, выйдя отсюда, я не могу добраться трезвым даже до дома. Я боюсь выходить отсюда. Нет, нет, все слишком поздно. Я все еще верю в Бога, но я также прекрасно знаю, что Он больше не верит в меня».

«Слушай Билл, — сказали мы, — а что если мы зайдем к тебе завтра?» «Да, ребята, — заметил он, — вы действительно все понимаете. Конечно, я бы встретился с вами еще раз». На следующий день мы пришли к нему опять, он разговаривал со своей женой Генриеттой. Билл указал на нас и сказал: «Вот те парни, о которых я тебе рассказывал. Они все знают. Они понимают, что происходит».

Затем Билл рассказал нам, как ночью на него снизошла надежда. Если Боб и я смогли сделать это, то он сможет тоже. Может быть, вместе мы сделаем то, что не может сделать поодиночке. Через два дня Билл неожиданно сказал Генриетте: «Послушай, принеси мою одежду, я хочу встать и уйти отсюда». Билл покинул больницу свободным человеком, и ни разу после этого не притрагивался к алкоголю. Искра, которая должна была разгореться и привести к созданию первой группы АА, была зажжена.

Д-р Боб, Билл Д. и я с огромным энтузиазмом стали работать с другими алкоголиками, которые находились в Городской больнице. Мы пережили целую череду неудач. Примечательно, что среди них был Эдди. На самом деле д-р Боб и я пытались работать с ним еще до нашего первого визита к Биллу Д. каждый раз, как Эдди напивался, он хотел спрыгнуть с причала в Кливленде. Однажды, когда он особенно разозлился, он пытался настоять на своем, махая при этом ножом передо мной и Анной. Но, наконец, он преодолел все трудности и не так давно написал мне, что вот уже семь прекрасных лет он не брал в рот алкоголя. Таким образом, Эдди, как бы наша первая «неудача», сегодня оказался нашим успехом.

Но зато из другого места мы приехали с призом. Мне кажется, это было начало создания отделения АА для молодежи. Наш новичок по имени Эрни казался безумным случаем, однако, он очень быстро воспринял наши идеи и стал в АА Номером Четыре. Насколько я помню, за все то лето в Акроне нам удалось добиться успеха только в двух случаях. К сентябрю месяцу мои соратники опять почувствовали усталость, и мне пришлось вернуться домой в Нью-Йорк.

И здесь я хочу выразить безмерную благодарность, которую содружество всегда будет испытывать к Генриетте Сейберлинг, которая и познакомила меня и д-ра Боба. Из десяти людей, к кому меня направил священник Уолтер Танкс, Генриетта оказалось единственной, кто понял проблему, и кого она волновала. А ведь это было только начало ее миссии. В первое лето пребывания в Акроне она с большой любовью давала советы членам семей алкоголиков. То же, что делала Анна. Несмотря на то, что она сама не имела опыта алкоголизма, Генриетта обладала уникальной способностью понимать нас, проникать в суть вещей и помогать нам, поэтому люди тянулись к ней. Невозможно оценить то, что она сделала для Сообщества АА. И больше всех в долгу перед ней д-р Боб и я.

К тому времени, когда я вернулся домой, я обладал уже несколько бóльшим смирением, бóльшим пониманием и значительно бóльшим опытом. Очень медленно, но все же начала формироваться группа в Нью-Йорке. Лоис, для которой было мало ухаживать за мной все эти годы, решила, что в старом фамильном доме на Клинтон Стрит они могут поселить алкоголиков. Ее мать умерла, а отец, который был доктором, куда-то уехал. Так почему бы не использовать этот дом? Мы полагали, что сможет на небольшие деньги прокормить наших подопечных и при этом получить больше знаний об алкоголиках. Но случилось так, что нам не удалось вернуть к трезвой жизни ни одного человека. Но мы *действительно* приобрели много знаний. Обычно у нас в доме жило пять человек, и иногда они напивались одновременно. Однажды мы пришли в дом и обнаружили, что они лежат и спят вповалку в погребе. Я уже не помню, каково было их возмущение. В другой раз мы отсутствовали около недели, при этом в доме оставался один проблемный пьяница. Когда мы вернулись, то обнаружили его мертвым — он покончил жизнь самоубийством.

Мы продолжали работать с алкоголиками либо в группе Сэма Шумейкера, либо в Миссии страданий на Голгофе, либо в больнице Чарли Таунс, где добрый старый д-р Силкуорт, рискуя своей репутацией, разрешил нам работать с ними. Однако, Лоис и я продолжали считать, что если допустить слишком сильную зависимость алкоголиков от нас, то они, скорее всего, никогда не бросят пить. Осенью 1935 года в нашей небольшой гостиной в Бруклине стали проводиться еженедельные встречи. Несмотря на неудачи, а их было достаточно много, нам, наконец, удалось создать прочную группу. В нее входили Генри П. и Фиц М., оба из больницы Таунс. Вслед за ними последовало много других случаев выздоровления.

До середины 1937 года мы в Нью-Йорке работали бок о бок с Оксфордскими группами. Но в конце этого года наше сотрудничество с этими «большими друзьями» уже начинало тяготить нас. По понятным причинам они не очень-то одобряли нашу задачу — работать только с алкоголиками. А мы со своей стороны были уверены, что не сможем оказать помощь Оксфордским группам в спасении всего человечества. Но с каждым днем в нас росла уверенность, что мы сможем излечить от алкоголизма многих людей.

Члены Оксфордских групп ясно показали нам, что надо делать. Но не менее важно и то, что мы узнали от них, чего не надо делать, когда речь шла об алкоголиках. Мы поняли, что некоторые из их идей и подходов просто не подходили для лечения алкоголиков. Например, пьяницы не воспринимают давление ни в какой форме, что со стороны самого Джона Ячменное Зерно. Их нужно вести, а не давить на них. Они бы не выдержали довольно агрессивное религиозное проповедование, существовавшее в Оксфордских группах. И они бы не приняли принцип «группового наставничества» для своей частной жизни. Здесь для них было слишком много авторитарности. Что касается других проблем, то мы также поняли, что должны «поспешать не торопясь». При первых контактах большинство алкоголиков хотят только протрезветь и больше ничего. Они цепко держаться за свои другие недостатки и отказываются от них очень медленно. Они просто не хотят «становиться хорошими слишком быстро». Принцип «абсолютности» Оксфордских групп — абсолютная чистота, абсолютная честность, абсолютная бескорыстие и абсолютная любовь — были зачастую слишком сложными для алкоголиков. Эти

идеи надо подавать медленно, «по чайной ложке», а не обрушивать на людей как из ведра.

Кроме того, понятие «абсолютный» было характерно именно для Оксфордских групп. В общественном сознании эта терминология отождествляла нас именно с членами Оксфордской группы, хотя мы полностью отошли от нее.

Была и еще одна трудность. Из-за клейма позора, которое относили к пьющим людям, многие алкоголики хотели сохранить анонимность. Мы опасались, что появятся неустойчивые известные в обществе люди, которые могут напиться в общественном месте (и их анонимность невозможно гарантировать) и, тем самым, подорвать веру в нас. Оксфордские группы наоборот довольно широко использовали известные имена — это было, без сомнения, выгодно им, но нам приносило серьезный вред. Тем не менее, мы многим были и сейчас обязаны им, поэтому наш разрыв был довольно болезненным.

В Акроне мы продолжали приобретать прекрасных друзей. И среди них в первую очередь хочется назвать Т. Генри Уильямса и его жену Клерейс, а также членов Оксфордской группы. Они вместе с Генриеттой старались сделать все возможное, чтобы помочь д-ру Бобу. Несколько раз в беседах с ним они даже углублялись в обсуждение своих собственных недостатков, чтобы стать ему ближе. Это произвело на него глубочайшее впечатление и, когда я приехал, то почувствовал его готовность работать со мной. Я познакомился с Т. Генри во время борьбы за контроль над компанией. Из-за своего пристрастия к алкоголю он потерял прекрасную работу. У него было очень доброе сердце, и он разрешил нам, алкоголикам, проводить свои встречи в его доме вместе с его друзьями из Оксфордской группы. Думаю, что семье Уильямсов «доставалось» от этих первых наших алкоголиков: начиная от раздражающей картины примитивного существования до окурков, затушенных о ковер.

Но Т. Генри и Клерейс всегда обращались с нами великодушно и с большой добротой. Ни один из нас никогда не забудет вдохновляющую атмосферу, царившую в их доме, и то их духовное влияние на первую испуганную группу алкоголиков в Акроне, каждый из которых думал про себя: кто же сорвется следующим. Но гораздо позже, уже после выхода книги об АА наша группа в Акроне отделилась от Оксфордской группы и, наконец, покинула дом, где мы нашли такое

прекрасное пристанище. Т. Генри и Клерейс Уильямс навсегда будут в числе самых первых «пионеров» движения АА.

Постепенно группы в Нью-Йорке и Акроне стали множится: они уже шагнули от Нью-Йорка до Филадельфии и Вашингтона. В Акроне к нам стали приходить люди из Кливленда: Кларенс и Дороти, Эбби, а также другие великие люди. Искра АА стала крепнуть и распространяться.

В 1937 году я на какое-то время вернулся на Уолл Стрит. Осенью этого года в США опять разразилась депрессия, и я в одно мгновение оказался без работы. Я поехал на запад и попытался найти место в финансовом бизнесе в Детройте и Кливленде. Попытки закончились неудачей, но эти поездки дали мне возможность посетить д-ра Боба в Акроне. Стоял ноябрь, и мы д-ром Бобом сидели в его гостиной, пытаясь подсчитать, скольких людей мы вылечили. Было очень много неудач, но теперь мы могли уже говорить и о поразительных удачах. К этому времени самые закоренелые, непреклонные и на последнем дыхании алкоголики вот уже два года вели трезвую жизнь, доселе неслыханный успех. И таких людей уже было двадцать или даже больше. По нашим подсчетам в общей сложности более сорока человек уже бросили пить.

И вот пока мы производили наши подсчеты, мы неожиданно поняли, что для алкоголиков действительно появился свет в конце туннеля. Несмотря на срыв Эбби, постепенно начала вступать в действие цепная реакция, начатая д-ром Бобом и мной, когда один алкоголик передает хорошие новости другому и так далее. По замыслу эта цепочка должна однажды охватить весь мир. И как потрясающе осознавать это! Наконец у нас появилась уверенность. Больше не будет блуждания в потемках. Мы не могли сдержать слез радости, а затем Боб, Анна и я склонили головы в знак благодарности.

Но от одной мысли мы быстро пришли в себя — осознание того, что этим драгоценным опытом владели очень немногие. Неужели алкоголику нужно приехать в Нью-Йорк или Акрон за излечением? Нет, это не выход; да это просто невозможно. Тогда, как мы будем передавать наше послание? С большим сожалением мы вспомнили, что алкоголики, даже в трезвом состоянии, ведут себя не как взрослые люди. Все мы еще не обрели устойчивость. Может быть силы, которые повсеместно разделяют общество, ворвутся и раздавят нас, как они ворвались и разрушили многообещающие начинания алкоголиков Вашингтонской группы в прошлом веке? Как нам удастся

объединиться и следовать новой линии жизни, линии, которая соединяет в себе медицину, религию и наш собственный опыт? Сможем ли мы передать свое послание алкоголикам, находящимся далеко от нас? Сможем ли мы быстро и умело двигаться вперед?

Мы поняли, что взяли на себя огромную ответственность. К счастью у нас была огромная вера — вера в то, что мы способны на большее, возможно, намного большее. Но я должен признаться, что, когда мы сидели в тот вечер в гостиной д-ра Боба, то не понимали, как найти ответы этим загадкам. Однако сегодня, через каких-нибудь восемнадцать лет, тысячи таких, как мы, собравшихся в этом зале, могут сидеть, слышать и прикасаться друг к другу. Объединенные нерушимым родством общих страданий и всеобщим освобождением мы, наконец, поняли, что Сообщество Анонимных Алкоголиков «встало на ноги». Даже это огромное собрание представляет только частичку тысяч групп АА, насчитывающих 200 тысяч членов в самих Соединенных Штатах и в зарубежных странах. И мы ожидаем, что в будущем к нам присоединятся еще больше людей.

И если бы сегодня д-р Боб мог быть среди нас, то он выразил бы словами все те чувства, которые мы испытываем. И все те, кому посчастливилось знать его лично, как будто видим и ощущаем его присутствие на этом собрании. И я знаю, что он воскликнул бы со всеми нами: «Чудны дела Твои, Господи!»

ДВЕНАДЦАТЬ ТРАДИЦИЙ

Первая. Наше общее благополучие должно стоять на первом месте; личное выздоровление зависит от единства АА.
Вторая. В делах нашей группы есть лишь один высший авторитет — любящий Бог, воспринимаемый нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании. Наши руководители всего лишь облеченные доверием исполнители, они не приказывают.
Третья. Единственное условие для того, чтобы стать членом АА — это желание бросить пить.
Четвертая. Каждая группа должна быть вполне самостоятельной, за исключением дел, затрагивающих другие группы или АА в целом.
Пятая. У каждой группы есть лишь одна главная цель — донести наши идеи до тех алкоголиков, которые все еще страдают.
Шестая. Группе АА никогда не следует поддерживать, финансировать или предоставлять имя АА для использования какой-либо родственной организации или посторонней компании, чтобы проблемы, связанные с деньгами, собственностью и престижем не отвлекали нас от нашей главной цели.
Седьмая. Каждой группе АА следует полностью опираться на собственные силы, отказываясь от помощи извне.
Восьмая. Сообщество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением, однако наши службы могут нанимать работников, обладающих определенной квалификацией.
Девятая. Сообществу АА никогда не следует обзаводиться жесткой системой управления; однако мы можем создавать службы или комитеты, непосредственно подчиненные тем, кого они обслуживают.
Десятая. Сообщество Анонимных Алкоголиков не придерживается какого-либо мнения по вопросам, не относящимся к его деятельности; поэтому имя АА не следует вовлекать в какие-либо общественные дискуссии.
Одиннадцатая. Наша политика во взаимоотношениях с общественностью основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде; мы должны всегда сохранять анонимность во всех наших контактах с прессой, радио и кино.
Двенадцатая. Анонимность — духовная основа всех наших Традиций, постоянно напоминающая нам о том, что главным являются принципы, а не личности.

ВТОРОЙ ЗАВЕТ: ЕДИНСТВО

Сегодня мы в АА все вместе, и мы знаем, что и дальше будем вместе. Мы находимся в мире друг с другом и со всем, что окружает нас. Мы разрешили столько конфликтов, что наше будущее кажется нам вполне стабильным. Вчерашние проблемы оказались сегодня благословением.

Наша история — это не история обычного успеха. Это скорее история того, как по милости Божией неожиданная сила выросла из великой немощи, и о существовании этой силы мы даже не подозревали; о том, как перед угрозой разъединения и разрушения «ковалось» наше единство и братство. Приобретая такой опыт, мы мы выработали набор принципов, в соответствии с которыми мы существуем и работаем, и которые объединяют нас в братство по всему свету. Эти принципы называются «Двенадцать традиций Анонимных алкоголиков». Они представляют собой квинтэссенцию нашего прошлого опыта, и они помогают нам сохранять наше единство в преодолении трудностей и опасностей, которые могут ожидать нас в будущем.

Но так было не всегда. В самом начале мы обнаружили, что одно дело, когда несколько алкоголиков излечиваются и переходят к трезвому образу жизни, и совсем другое — жить и работать всем вместе. Поэтому, заглядывая в неизвестное будущее из окна гостиной в доме д-ра Боба в 1937 году, мы впервые поняли, что что алкоголики могут выздоравливать в больших количествах, работая с довольно большим количеством алкоголиков. Мир вокруг нас, мир нормальных людей, был оторван от нас. Сможем ли мы, выздоравливающие алкоголики, сохранить его целостность? Сможем ли мы передать наши идеи другим АА? Сможем ли мы и далее функционировать как группы и как нечто целое? Никто не мог дать ответа на эти вопросы. Наши друзья-психиатры вполне резонно предостерегали нас: «Это братство алкоголиков — эмоциональный динамит. Его невротическое содержание способно разорвать все на части». При употреблении алкоголя мы становимся взрывоопасными. Но теперь, когда мы стали трезвенниками, не взорвут ли нас сухие «кутежи» и эмоциональные пики?

Когда говорят о взрывоопасности, я всегда вспоминаю моего друга Ики. В Хьюстоне, штат Техас, его прозвали «человек-динамит». Ики является специалистом по взрывчатым веществам и разрушениям. Во время войны он был в тылу отступавших русских и взрывал мосты. После войны он опять вернулся к своей работе, и, как мне кажется, он сделал ту же ошибку, что и один бедный парень в Лондоне. Этот алкоголик, живущий в Лондоне, предстал перед судом «в стельку пьяный». Бутылка в его руках была пуста. Судья спросил: «Это ты ее выпил?» «Да, — ответил он. А почему ты выпил все?» «Потому что я потерял пробку» последовал ответ. И вот в Хьюстоне в один из таких дней, когда наш друг Ики по-видимому потерял пробку от бутылки, и произошел следующий случай. Ики приказали взорвать определенный пирс в гавани Хьюстона, а он взорвал не тот!

И в те ранние годы нашего существования возник серьезный вопрос: распадемся ли мы или нам удастся сохранить целостность? И сегодня у нас есть ответ на этот вопрос. Этот юбилейный конгресс Сент-Луисе является доказательством того, что нас *удалось* сохранить единство.

Дальнейшие поиски в АА не прекратились. И я надеюсь, что этого никогда не случится. Сегодня мы чувствуем себя надежно, но есть еще на земле места, где как раз сейчас АА проходят через всю боль и испытания наших начальных лет. Например, в наш офис в Нью-Йорке пришло письмо от священника-иезуита из Индии. В нем он рассказал историю одного школьного учителя — индуса, у которого была корова и маленький участок земли. Его жена была абсолютно глухая. У него еще была сестра, которая, как и он, очень сильно пила. Его зарплата учителя составляла около пятидесяти центов в день. Иезуитский священник перевел для него книгу 12 шагов АА. И вот, несмотря на свою бедность, несмотря на то, что его жена была абсолютно глухой, несмотря на свою властную и сильно пьющую сестру, он бросил пить. Мы понимаем, что этот одинокий Индус возможно испытывает те же беспокойства, что и д-р Боб и я тогда в гостиной в Акроне. И возможно этот Индус задается теми же вопросами: «Смогу ли я сам себя поддержать? Смогу ли я передать свой опыт кому-то еще? Смогу ли я создать группу?» Да, он задается теми же вопросами. Но скоро с ним свяжутся сотрудники из нашего всемирного офиса, и мы сможем передать этому человеку, живущему в таком отдаленном месте, нашу поддержку и сказать, что все мы вместе с ним, и что он может использовать наш опыт.[3]

И вслед за этим письмом пришло еще одно от пресвитерианского священника с другого фронта АА. В нем говорилось: «Долгое время я пытался создать группу здесь, в Таиланде. Недавно у нас появился образованный таец, который свободно говорил по-английски. Он страдал ужасным алкоголизмом и очень хотел избавиться от этого недуга. Сейчас он не пьет, и ему очень хочется перевести всю литературу по АА на сиамский язык. Мы с ним уже пытаемся создать первые группы. Не могли бы вы помочь нам?» Далее священник продолжает: «Мы взяли книгу про 12 шагов АА, и привезли ее в самый большой Буддистский храм в нашей провинции. Мы показали ее главному священнику этого храма. Просмотрев всю книгу до конца, монах сказал: «Но это же великолепно! Поскольку мы, Буддисты, понимаем Бога не так, как вы, то в этой книге можно заменить слово «Бог» на слово «добро». Тем не менее, в этой книге написано «*Бог, как вы его понимаете*». Это разъясняет ситуацию для нас. Да, да, книга «Двенадцать шагов АА» будет принята Буддистами.

Некоторым из нас замена слова «Бог» на слово «добро» в книге «Двенадцать шагов АА» может быть воспринята, как размывание послания АА. Но здесь следует вспомнить, что «Двенадцать шагов АА» являются только рекомендацией. Вера в них, как они определены в книге, не является обязательным условием для вступления в наше сообщество. Свободное толкование привлекло к нам тысячи людей, которые никогда бы этого не сделали, если бы мы настаивали на своем толковании Двенадцати шагов, которое прописано в книге. Но любые изменения в толковании обычно не живут долго; оригинальная версия все же побеждает. То, что доказало свою правоту в Америке, может оказаться правильным и во многих других отдаленных местах. Алкоголиков можно только привести к вере в Бога, но заставить их нельзя.

Но что же все это значит? Это значит, что и в Индии, и в Таиланде, и во многих более отдаленных местах, где есть алкоголики, такие группы появятся. На первых порах они столкнуться с огромным числом страхов, но мы поможем им и окажем им поддержку.

---

[3] В 1987 году в Индии был открыт Генеральный офис.

Если вернуться к проблеме страхов, то в офисе оказалась еще одна история. Создается впечатление, что движение АА начинается и в Токио. Как обычно, оно зародилось среди алкоголиков-американцев, но затем охватило и японцев. Вскоре сформировался полностью японский контингент, и мы получили от него очень хорошие отчеты. Затем один японец приехал к нам в Нью-Йоркский офис. Он слышал, что его приятели на родине создали группы АА, и он начал писать им, чтобы получить информацию из первых рук. Сильно взволнованный, он сказал: «Там, в Японии, происходят ужасные вещи! Вы знаете, что у них там существует два вида АА? Конечно, у них есть «Двенадцать шагов АА», как и у нас здесь, но у них появился новый лидер, который написал «Десять шагов», и они берут сто иен за посещение встреч!»

Когда-то такой вид «ереси» пугал нас до смерти. А сегодня это забавляет нас. Мы знаем, что скоро они отфильтруют все это и у них возобладает здравый смысл и опыт. Они поймут, что никто не сможет сделать 12-й шаг своей профессией, и старший, который имеет хорошие намерения, но действует при этом неправильно, найдет правильный путь. Он, в конце концов, увидит, что это вопрос жизни и смерти, на котором лучшее может оказаться врагом хорошего и что только хорошее может принести настоящее добро.

Еще очень многое мы можем сказать на тему об АА по информации из отдаленных районов, с наших далеких пионерных форпостов. Например, круглосуточно по радио передаются сведения об АА с танкеров, находящихся в Атлантике, на танкеры в Тихом океане. Здесь следует сказать о старом капитане Джеке на нефтетанкере, который заходил в порты разных стран; каждый раз, когда он сходил на берег, он брал с собой литературу об АА, он разыскивал барменов, врачей и священников и расспрашивал их о потенциальных членах АА, алкоголиках. Недавно группа АА появилась во Флоренции в Италии после того, как какой-то моряк АА сойдя на берег, получил от хозяина бара потенциального «клиента». И многие группы создаются таким же невероятным и фантастическим путем. Можно сказать, что там, где собираются двое-трое из нас во имя Господа, то там, как правило, появляется группа.

Разрешите мне рассказать вам прекрасную легенду о создании группы АА в Поинт Берроу на Аляске. Двое старателей вышли в поход и остановились в хижине с ящиком виски. Мороз крепчал, было уже ниже пятидесяти градусов. Они выпили так много, что не заметили, как погас огонь. Чуть не замерзнув до смерти, один из них во время проснулся и разжег печку заново. Он ходил вокруг дома в поисках топлива, заглянул в пустую бочку для топлива — в ней была замерзшая вода. Во льду он заметил вмерзший красновато-желтый предмет. Они вытащили его, и это оказалась книга об АА. Один из них прочитал книгу и тут же протрезвел. Легенда гласит, что именно этот человек и основал первую, самую удаленную северную группу. Возможно, сейчас она является одной из многочисленных групп, существующих у эскимосов. Последнее, что я узнал об этих группах на Аляске, было то, что они ежедневно поддерживали связь по радио с группой АА, которая работала на северной оконечности Гренландии с персоналом нашей военно-воздушной базы.

Движение Анонимных Алкоголиков зародилось в Ирландии в 1946 году, когда Коннор Ф., АА и владелец таверны из Филадельфии решил поехать с женой на отдых на Изумрудный остров. Добравшись до Дублина, они решили: «Бог с ним, с отдыхом. Мы создадим группу здесь». И они направились в местную психиатрическую больницу, ту самую, основанную на средства писателя и церковного деятеля Свифта. Там они нашли своего первого алкоголика — Ричарда П. Так в Ирландии началось движение АА. Кстати, Дублинская группа приобрела особую известность благодаря Секвиллю М., который был почетным секретарем организации и вел переписку по всему миру. Когда дело доходило до помощи алкоголикам по переписке, он, вне всякого сомнения, был чемпионом в этой области.

Движение АА зародилось в Англии в 1947 году, и это было ярким событием. Несколько лет назад Боб Б., горный инженер из Канады, приехал в Лондон, где познакомился с Биллом Х., торговцем овощами и фруктами, страдающим алкоголизмом. Поддерживая переписку с Нью-Йорком, два или три англичанина уже боролись за трезвость. Появления этих двух людей привело к созданию активной группы АА. В результате Лондон и вся Англия изобилуют сегодня группами. На первых порах в Британии они встретились с активным сопротивлением, и только газета «Файненшиал кроникл» решилась опубликовать объявление об АА. Все другие английские газеты опасались, что это мошенничество.

Обратный процесс наблюдался, когда знатный шотландский господин, Филипп, поехал в Америку, чтобы познакомиться с Международным движением христианских лидеров, где он встретил группу бизнесменов, которые хотели привлечь Господа к бизнесу через

устройство утренних клубов для молитв и планирования. Филипп подумал, что, может быть, ему удастся претворить идею утренних кафе в Шотландии. Он надеялся, что такое благое дело поможет ему преодолеть пагубную привязанность к спиртному. На первой встрече он познакомился с давним АА из Филадельфии, Джорджем Р., который тут же рассказал ему об основном духовном принципе АА. Руководитель одной из самых древних кланов в Шотландии тут же протрезвел. Он привез заветы АА к себе на родину, и вскоре алкоголики Шотландии стали бросать пить, начиная от поставщиков товаров на суда в Глазго до знатных персон в Эдинбурге.

Канадское сообщество АА также является одним из самых успешных. В 1940 году участник движения трезвенников в Торонто показал книгу об АА одному алкоголику, который противился всем попыткам спасти ему. И опять книга об АА помогла. Эти двое нашли в Торонто много алкоголиков, на которых также оказала влияние книга об АА, и процесс разрастания пошел. В результате почти в каждом большом и маленьком городе в провинции Онтарио люди узнали об АА. А наш добрый друг Джордж Литл, проповедник и участник движения трезвенников, совсем не расстроился из-за того, что его новая странная паства не проявляла интереса к тому, чтобы убедить остальных бросить пить. Они настаивали на том, что их волнуют только местные пьяницы, которые хотели присоединиться к АА. Тем самым впервые было доказано, что движение АА никогда не станет «крестовым походом» против пьянства. И этот факт приводил в замешательство многих тех, кто боролся с пьянством. За этим первым случаем преодоления границы последовал другой в 1941 году, когда в Виндзоре, провинция Онтарио, расположенном как раз напротив Детройта, на другом берегу реки, начала формироваться Канадская группа номер два.[4]

В Ванкувере, провинция Британская Колумбия, с самого начала сошлись один непьющий и один алкоголик, который был кондитером, проникнутым духом гражданственной ответственности, он и передал книгу об АА Чарли Б., брокеру по недвижимости. Вдохновленные полученными знаниями и заряженные энергией эти двое быстро провели агитационную кампанию в городе Виктория и в половине провинции, и вскоре новая эра Анонимных Алкоголиков

[4] Хотя некоторые встречи проводились еще в 1941—1942 годах, но считается, что Виндзорская группа была создана в октябре 1943 года.

в Британской Колумбии превратились в реальность. Через некоторое время послание (идеи) АА распространилось на восток в провинции Альберта, Саскачеван и Манитоба.

Тем временем процесс пошел и в Монреале. Дейв Б., основатель группы в Монреале и «марафонец» 12-го шага, прочитав книгу об АА, которую ему прислала сестра, бросил пить. В это же время в группах АА стали появляться первые французы. Я никогда не забуду те первые встречи в провинциях, которые проводились на двух языках, и где я впервые услышал «Отче наш» на французском языке. Через некоторое время устойчивые группы АА стали появляться в провинциях Ньюфаундленд и в приморских областях. И, конечно, появление своих собственных групп в Квебеке и Труа-Ривьер было только вопросом времени. Священнослужители Квебека поначалу сомневались, но сегодня они являются одними из самых горячих сторонников АА. То же можно сказать и о государственных чиновниках. Мы никогда не забудет вечер, устроенный мэром Монтреаля г-ном Уд в нашу честь. Возможно, это был первый официальный прием, когда-либо устраиваемый в честь группы АА.

Как известно, литература об АА может попасться в совершенно неожиданном месте. Брокер из Йоханнесбурга, Южная Африка, прочитал о нас в статье в «Ридерс Дайджест» и обратился в наш Нью-Йорский офис, чтобы ему прислали брошюру. То, что он узнал, так взволновало его, что он обрушился как жужжащая пила на отверженных пьяниц в его городе. Он обратился с предложением поскрести по сусекам и найти немного денег на «реабилитацию». Конечно же, на его предложение откликнулась толпа страждущих претендентов, которых, как вскоре стало очевидным, больше интересовало вознаграждение, чем трезвость. Будучи на грани полного крушения, это предприятие было спасено благодаря своевременному приезду еще одного алкоголика — Вэла Д,, который имел при себе экземпляр книги об АА. Даже после одного прочтения этой книги он бросил пить насовсем. Примерно в это же время еще один африканец родом из Перта не только сам стал трезвенником благодаря этой книге, но и тут ринулся работать с другими алкоголиками в его городе. Благодаря применению более ортодоксальных методов этими двумя ревностными поклонниками «Большой книги об АА» и при поддержке из штаб-квартиры в виде писем дела в Южной Африке пошли хорошо. Мы уже можем написать целый том об успехах, достигнутых там, и о тех робких начинаниях, которые там были вначале.

В конце 1942 года мы стали получать первые письма из Австралии: от С.Дж. Минога, психиатра, работающего в психиатрической больнице Сиднея, и от священника, отца Данли, работающего там же. Мы снабдили их литературой, и в том числе книгой об АА, и у нас завязалась переписка с д-ром Миногом, которая длится и по сей день.

Месяц за месяцем врач и священник работали рука-об-руку с самыми сложными случаями. Им помогал санитар, г-н Арч Маккинон. В каждом письме д-р Миног сообщал об отсутствии результатов. Действительно, потребовалось более двух лет, чтобы создать подобие группы АА. Непьющим людям очень трудно отождествлять себя со своими пациентами, но в конце 1944 года им удалось добиться успеха с двумя пациентами — Беном и Рексом, причем Рекс впоследствии стал первым в Австралии секретарем АА.

В марте 1945 года Рекс написал Бобби, который работал в нашем Нью-Йоркском офисе, следующее: «Дорогой Секретарь, д-р Миног доверил мне вести всю переписку, поскольку он так занят в Ридалмере, руководителем которого он является, что не может отвечать на все письма. Но это не означает, что интерес доктора ослабевает. Все как раз наоборот. Вам будет приятно узнать, что в Сиднее наконец-то создана группа. Наш адрес приведен выше в письме. Движение АА стало возможным благодаря усилиям д-ра Миног, Отца Данли и г-на Маккинона, санитара больницы. Сами они не были алкоголиками, но им удалось собрать вокруг себя семь-восемь настоящих алкоголиков, и я в их числе, и мы вели ежедневные поиски новичков. Мы чувствуем, что в Австралии это движение набирает силу, поэтому теперь мы хотели бы стать официальным отделением Сообщества Анонимных Алкоголиков... Искренне Ваш, Рекс А., Секретарь».

И действительно, австралийцы нашли свой путь. А сейчас в Австралии насчитывается тысячи членов АА из различных слоев общества, и они получают благословение от всего общества. Развитие движения АА в Австралии мы будем помнить, как редкий пример изначальной силы духа и веры.

Краткий обзор развития движения АА по всему миру выявил тот невероятный путь, который прошло АА с того осеннего дня 1937 года, когда д-р Боб и я с тревогой смотрели в будущее. В то время у нас была лишь устная программа, идея формулы трезвости, которую дал мне Эбби. 12 шагов АА еще не были написаны, и издание книги

АА было просто идеей. Всемирная служба и всеобщее единение были только в мечтах.

Первое национально значимое событие для АА произошло в 1939 году. В сентябре этого года Фултон Оурслер, который в то время был редактором журнала «Либерти», опубликовал небольшую заметку «Алкоголики и Бог», автором которой был Моррис Марки. Безумный поток запросов, их было более 800, тут же нахлынул на нас, и мы ответили каждому.

Затем был обед в 1940 году, организованный г-ном Рокфеллером. После этого на нас опять нахлынула лавина писем с мольбой о помощи. Но самое большое число писем мы получили в 1941 году, в газете «Сетурдей Ивнинг Пост» появилась статья Джека Александера. Этот поток писем можно было сравнить с Ниагарой. Нас засыпали письмами, алкоголики приходили к нам тысячами.

И вот такой неожиданный рост популярности открыл период ужасной неопределенности. Началась настоящая проверка единства АА на прочность. У нас в арсенале были лишь эпизодические контакты, отдельные путешественники, направлявшиеся из одного места в другое, письма из офиса, одна брошюра и одна книга. Могли ли мы, обладая такой скудной основой, формировать из себя группы, которые могли бы действовать и поддерживать единство? У нас не было ответа на этот вопрос. Нам приходилось напряженно работать с алкоголиками, приходившими к нам по двое или по трое, но если они будут собираться гораздо более многочисленными группами, что тогда? Уже тогда у нас возникало предчувствие проблем в связи с быстро растущими группами; ссоры по поводу руководства, денег, членства, клубов, использования названия АА, попрошайничества и даже романтических отношений. В то время как после статьи в «Сетурдей Ивнинг Пост» алкоголики пытались сформировать сотни новых групп, опасения относительно разобщения и развала приобретали пугающие размеры. Мы делали, что могли, а остальное было в руках Божьих.

Как раз до большого испытания нас на прочность, один из членов нашей Нью-Йоркской группы по имени Рей У. поехал в Сан-Франциско на курсы по торговле. Был 1940 год. Это еще один пример совершенно невероятного появления новой группы. Рей был атеистом и довольно упорным даже в АА. Тем не менее, он не пил около двух лет и поскольку он был человеком широких взглядов, то взял с собой в Сан-Франциско книгу об АА. Мы передали ему список

людей, которые присылали свои запросы из этого района и с которыми мы контактировали только по переписке. Приехав в Сан-Франциско Рей стал обходить людей, указанных в списке; некоторые из них пришли к нему в гостиницу. И он сказал им: «Парни, АА — это действительно стоящая вещь. Они спасли мне жизнь. Но здесь есть один момент, который мне не нравится. Я имею в виду то, что связано с Богом. Поэтому когда вы будете читать эту книгу, вы можете пропустить все, что касается Бога». Через десять дней Рей уже возвращался обратно домой на восток, оставив после себя дрожащих и разобщенных людей, которые пытались создать группу.

Но вскоре они нашли двух замечательных друзей — г-жу Гордон Орам и д-ра Перси Полиака, психиатра, который был потрясен АА после того, как увидел их в работе в больнице Беллевью в Нью-Йорке. И вот теперь в Сан-Франциско в Окружной больнице д-р Полиак поддержал эту группу в тот момент и продолжал это делать и потом. У г-жи Орам был квартирант, Тед, которому она дала почитать книгу об АА. В конце 1939 года она предоставила свою квартиру для проведения первой встречи АА, где люди из списка торговца Рея познакомились с Тедом.

Тед так и не смог преодолеть себя и добиться успеха, а вот некому Джону К. это удалось, и он с тех пор бросил пить. Вскоре к ним присоединились Фред и Эмми К., а немного позже Кинг, Нед и другие. На этом этапе в их работе были и частые пробуксовки и откаты назад. Но благодаря поддержке г-жи Оррам и д-ра Полиака группе удалось сохранить свою целостность.

Из Нью-Йорка мы стали писать письма в Сан-Франциско, но их ответы были обрывистыми, и в них сквозила неуверенность. Однажды в конце года в нашем Нью-Йоркском офисе, расположенном на Висей Стрит, появилась дама-алкоголичка. Она была напряжена и плакала. Конечно, немного преувеличивая, она сказала: «Билл, мы в Сан-Франциско продержались целый год, и, представь себе, на Рождество мы все напились».

А через несколько лет, в 1951 году, Сообщество Анонимных Алкоголиков принимало Награду Ласкера, которую ему вручали в Оперном театре в Сан-Франциско. На следующий вечер после получения этой награды проходила встреча АА, зал был набит до отказа. Трезвые бывшие алкоголики буквально висели на балках. То, что когда-то было маленьким желудем, сейчас превратилось в огромный дуб.

В 1941 году группа приобрела таких прекрасных работников, как Ник Н., Рей Х. и Уоррен Т. В районе залива стали появляться новые группы, в частности Ник создал группу в Оакленде, а Вик М. и д-р П. в Сакраменто.

Вся проделанная работа как бы подготовила этот район к восприятию статьи Джека Александера, опубликованной в «Сетурдей Ивнинг Пост». Так Уоррен, работавший на верфях Кайзера, стал первым членом АА в промышленности. И что более важно — Уоррен и другие[5] смогли организовать первую группу в местах лишения свободы в тюрьме Сан-Квентин.

К тому времени, как мы получили награду Ласкера, уже большинство наших членов прекрасно знали об этой вдохновляющей истории создания первой группы АА в стенах тюрьмы в Сан-Квентине.

Еще до 1942 года Клинтон Т. Даффи, просвещенный и либеральный начальник тюрьмы, задумывался над острой и настоятельной необходимостью реформирования тюрем с учетом специфических потребностей заключенных, находящихся в тюрьме за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. По словам начальника тюрьмы Даффи, программа, предлагаемая им в настоящее время, «включает образование, профессиональное обучение, предоставление медицинской, психиатрической и религиозной помощи. Однако, создается впечатление, что алкоголики не вписываются полностью в эту программу... никто не поможет им, если проблемы, которые привели к алкоголизму, не будут решены. Если каждый правонарушитель имеет право воспользоваться преимуществами предлагаемой программы, то алкоголикам также должны получать всю необходимую помощь и понимание, предоставляемые современным уровнем знаний и методик. Помимо такого нового подхода к реабилитации я рассматриваю Сообщество Анонимных Алкоголиков как средство для переустройства их жизни».[6]

На помощь к Даффи пришли Уоррен и другие члены группы Сан-Франциско, и как результат такого сотрудничества в 1942 году в под-

---

[5] Лео Ф. из Лос-Анджелеской группы приложил особенно много сил для создания группы в Сан-Квентине. Это стало возможным благодаря поддержки других преданных членов группы в Сан-Франциско. Кроме того, большой вклад на начальном этапе внес Риккардо, заключенный.

[6] Клинтон Даффи умер в 1982 году.

шефной ему тюрьме появилась первая группа АА. Как сказал Даффи: «Если бы не регулярная помощь и понимание со стороны наших друзей-АА из других групп, глава, посвященная созданию группы АА в Сан-Квентине, не была бы написана. По той же причине, если бы не упорство заключенных-алкоголиков, вошедших в первую группу АА, которые осознали свои серьезные проблемы и их жажда помощи, мы бы не продвинулись далее первых нескольких встреч».[7]

Но даже при наличии такого огромного энтузиазма и желания нам пришлось решать много серьезных проблем. Проведение регулярных встреч АА означало, что машины с АА будут въезжать и выезжать с территории тюрьмы. Возможно, это вызовет смех у других заключенных. Те специалисты, которые занимаются изучением тюрем, которые все еще считают крутые меры единственно возможными, и те, которые с большой долей скепсиса рассматривают АА только как «бесполезную причуду», возможно, только покачают головами. Это все будет означать большое скопление заключенных без охраны. Риск был велик, но надзиратель Даффи взял его на себя, и его надежды оправдались. Вскоре АА завоевало уважение других заключенных, и многие из них, хотя они не были алкоголиками, захотели посещать эти встречи. Моральный дух, связанный с появлением такого действительно прогрессивного института, был на необычайно высоте. АА могли теперь свободно приходить и уходить. На встречах был всего лишь один охранник, который располагался за дверями комнаты, где проходила встреча, и основной его заботой было выполнять необходимое для анонимных извне.

Когда цифры по условно-досрочному освобождению из тюрьмы заключенных-алкоголиков снизились с обычных 80 процентов тех, кто попадал обратно в тюрьму, до впечатляющих 20 процентов, и этот уровень удерживался, то это убедило даже скептиков. Такое открытие вошло в историю АА. С тех пор было создано более 300 групп среди заключенных за стенами тюрем. Теперь мы точно знаем, что тысячи бывших заключенных добиваются успехов на воле.

Уоррен, о котором говорили как об организаторе первой группы в тюрьме, был также инициатором создания групп АА на промышленных предприятиях. Во время этой тюремной эпопеи он работал на верфях Кайзера и занимался там проблемами алкоголиков. Хотя он добился значительных успехов, но это было лишь началом. Через несколько лет он со своей женой Эллис, которая была членом

[7] Там же.

АА, уговорили руководство одного из ведущих в Америке железнодорожных компаний, согласиться на проведение работы с рабочими-алкоголиками, как в офисах, так и на железнодорожных линиях. Возможно, значение этой работы в том году даже преуменьшено. Продолжая работать до сих пор, Уоррен и Эллис уже имеют на своем счету выздоровление сотен друзей-железнодорожников, и это не совпадение, что данная железнодорожная компания имела наилучшие показатели в технике безопасности. И я уверен, что другие перевозчики однажды также воспользуются этой великолепной моделью для реабилитации своих рабочих, страдающих алкоголизмом.

Прежде чем вернуться к последствиям публикации статьи в «Сетурдей Ивнинг Пост», давайте совершим путешествие по побережью к Лос-Анджелесу. Как раз перед выходом в свет в 1939 году «Большой книги», мы сделали с нее мимеографические предварительные копии, всего их было сделано четыреста. Они были разосланы разным людям, чтобы мы могли выявить и исправить допущенные ошибки и получить отзывы, чтобы улучшить книгу. В конце этого же года у меня была деловая поездка в Кливленд, где я передал один мимеографический экземпляр моему другу, юристу. Оказалось, что он является адвокатом одного очень богатого молодого человека из Кливленда, который жил в то время на побережье. Из-за своего пристрастия к алкоголю он все время оказывался в затруднительных положениях.

Мой друг юрист отправил ему предварительный экземпляр «Большой книги», и он буквально «проглотил» ее. Он настоял на том, чтобы немедленном поехать в Акрон, где он отдал себя в руки д-ра Боба и на попечение Уолли Дж., в чьем доме он даже жил некоторое время. Его бывшая жена, Кайе М., не была алкоголиком, но она тут же появилась в Нью-Йорке, воспринимая с воодушевлением само АА. Ее вдохновил тот же дух, который сегодня царит в семейных группах.

Она села на пароход, который перевез ее на западное побережье, и прибыла в Лос-Анджелес. И следующее, что мы узнали — это то, что она навестила Джонни Хоува из городского Департамента по условному освобождению. У него было полно пьяниц, как в больницах, так и досрочно освобожденных, как заключенными, находящимися в больнице, так и с условно-освобожденными заключенными. Джонни очень напряженно работал со своими подопечными, но результаты были незначительны. Когда ему показали книгу «Анонимные Алкоголики» и рассказали о том, что Кайе видела в двух Мекках — Акроне и Нью-Йорке, у него опять появилась надежда. Он попросил Кайе помочь ему, но с некоторыми ограничениями.

Джонни вел занятия для алкоголиков на строго психологической основе. Его лозунг: «Познай себя и стань свободным». Книга об АА была для него откровением, которое он сначала не принял. Он не мог принять сентенцию «полное препоручение себя Высшей силе». Просто духовная сторона АА была не для Джонни.

Предание гласит, что они с Кайе пошли на компромисс: Джонни, как и раньше, будет продолжать свои лекции заключенным. Но он и Кайе договорились испробовать некоторые идеи АА на некоторых условно освобожденных заключенных. Потенциальные «клиентам» сказали, что они могут попробовать или идеи Кайе, или Джонни, а то и обоих. Конечно, такой подход нельзя отнести к общепринятому в АА, тем не менее, он принес определенные результаты. Например, некоторые люди, широко известные в Лос-Анджелесе и его округе, из-за пристрастия к алкоголю попали в руки правосудия, а затем и в руки Джона. После условного освобождения некоторые из них стали обращать внимание на новый способ избавления от этой вредной привычки, который предлагали Кайе и Джонни. Самым первым был Хэл С. Впоследствие он стал основателем группы в Сан-Диего. Среди других, которые прошли тот же путь, следует назвать Маршалла Б., Барни Б. и д-ра Форриста Х. Последний в течение многих лет пропагандировал Двенадцать шагов в окрестностях Лос-Анджелеса. Только после завершения этого этапа Кайе и Джонни взяли настоящий старт в Лос-Анджелесе. И мы хотим выразить свою огромную благодарность этим двум неалкоголикам за все, что они сделали для нас.

Тем временем Нью-Йоркский офис прислал сообщение на побережье о приезде Чака, художника, со своей женой Ли, которая в то время была членом АА в данной семье, первого алкоголика, который приехал с Востока. Ли была действительно работягой. Она и Чак приехали в Лос-Анджелес специально к началу первой из так называемых «домашних» собраний. Эта встреча проходила 19 декабря 1939 года в доме Кайе на Бенеция Авеню. Здесь были Кайе и Джонни, Ли и Чак и несколько потенциальных членов АА. Ли согласилась с Кайе, что акцент надо делать на духовном аспекте программы для АА, и на этой встрече зачитали целую главу из книги об АА. Джонни прочитал лекцию и рассказал о медицинской статье, посвященной лечению алкоголизма.

В течение последующих нескольких недель встречи такого же плана проводились в разных местах. Кайе и Ли считали, что главным является «высшая Сила», а Джонни отдавал предпочтение исключительно психологическому аспекту.

Примерно в это время Ли удалось опубликовать несколько статей в газетах Лос-Анджелеса, в результате чего у нас прибавилось перспективных членов АА и завязались дружественные отношения с Тедом Лебертоном, известным в Лос-Анджелесе журналистом, чьи статьи в прессе имели далеко идущие последствия для нас.

Как мы и ожидали, эта маленькая пионерная группа столкнулась со множеством проблем, как личных, так и относящихся к доктрине АА. На нашу штаб-квартиру в Нью-Йорке обрушились яростные письма противников. В конце концов Ли начала пить. Она позвонила Джонни и попросила поместить ее в больницу, где она пробыла несколько дней. Этот случай оказался очень серьезной встряской для всех. Но тем не менее группа продолжала функционировать. После этого случая Ли с Чаком вернулись на Восток, и с тех пор они живут счастливо и оба бросили пить.

Пока происходили эти события, в сентябре 1939 года житель Денвера по имени Морт Дж. принес книгу об АА. Даже не проглядев ее, Морт бросил книгу в чемодан и отправился на гулянку, которая длилась несколько недель. Когда он пришел в себя, он был в Палм Спрингс и только тогда обнаружил книгу об АА у себя в чемодане. Сотрясаемый дрожью, он начал читать книгу. Это случилось где-то в ноябре 1939 года, и с этих пор он бросил пить совсем. Морт изменился просто под влиянием книги.

В марте 1940 года Морт поехал в Лос-Анджелес. Он разыскал группу Бенеция и обнаружил, что она находится на грани распада. Прежних стойких участников, таких как Хэл и д-р Х. теперь видели редко. Кайе была настолько разочарована, что заявила о своем отъезде в Гонолулу. Перед отъездом она передала Морту список алкоголиков, которых еще не успели посетить. Свеча, зажженная в Лос-Анджелесе, начала мерцать, но она никогда не угасала.

Морт тут же принялся заниматься списком, который ему передала Кайе. Очень быстро он вышел на клиента по имени Клифф У., который моментально уцепился за «спасательный круг», который ему бросили, и вскоре он совсем отказался от алкоголя.

Морт снял за свой счет номер в гостинице Сесил в Лос-Анджелесе для проведения встреч. Именно тогда появился Фрэнк Р., который бросил пить благодаря книге. Постоянный клиент реабилитационных центров, Фрэнк Р., живший в Аризоне, прочитал книгу об АА, и по предложению нашей Нью-Йоркской штаб-квартиры он отправился в Лос-Анджелес, чтобы проверить достоверность того, что написано в книге.

Вскоре это трио основателей стало посещать собрания в гостинице Сесил. Морт настаивал на чтении Главы 5 из книги об АА вначале каждой встречи. Это стало традицией и одновременно отличительной чертой встреч АА на западном побережье. Это позволило группе Сесиль стать краеугольным камнем, основой АА. Споры по поводу того, должна ли встреча основываться на «психологии» или на «вере в Бога как ты его понимаешь», обычно подходили к концу. Так был построен первый фундамент для АА в Южной Калифорнии. Впоследствии встречу в отеле Сесиль стали называть «материнской группой» Лос-Анджелеса.

Из Нью-Йорка мы делали все возможное, чтобы ободрить и поддержать советом группу в Лос-Анджелес. Книга об АА стала ее главной опорой, своего рода библией. Еще долго им не удастся встретить опытного члена АА, который встал на путь трезвости, вне их района. Однажды они откровенно написали нам следующее: «Вы знаете, у нас уже много случаев, когда люди бросают пить. Но мы иногда задаемся вопросом, есть ли такие же люди по другую сторону Скалистых гор. Мы ни разу не встречали ни единого человека с востока, который бы был действительно трезвенником. Они все, как правило, пьяницы».

Под руководством Морта эта основная троица продолжала работать. То же можно сказать об их женах. Жена Морта — Франсис оказывала огромную помощь Морту в работе по 12-му шагу. Фрэнк часто страдал от приступов лихорадки, в эти периоды его жена Элеонор брала на себя заботы о его пациентах, а также вела обширную переписку с нашим офисом в Нью-Йорке. Когда в следующем году появилась статься в «Сэтудей Ивнинг Пост», Клифф установил у себя дома телефон, зарегистрированный на АА, чтобы принимать огромное количество просьб на оказание срочной помощи. Жена Клиффа — Дороти работала вместе с ним до полного изнеможения. Усилия, которые приложили эти шестеро людей, не забудутся никогда и будут включены в летопись Сообщества Анонимных Алкоголиков.

Статья в «Сэтудей Ивнинг Пост» привлекла к нам не только огромное число новых членов, но и несколько десятков потрясающих работников различных направлений и уровней. Без их непрестанного труда группы в Лос-Анджелесе никогда бы не достигли тех успехов, которые она имеет. Очень жаль, что ограниченный объем данной книги не позволяет нам более подробно рассказать об их огромном вкладе в наше дело.

А теперь давайте еще раз вернемся к тому резонансу, который имела статья, опубликованная в «Сэтудей Ивнинг Пост». Как-то в 1943

году мы с Лоис поехали в Лос-Анджелес, и местные группы организовали встречу в зале Американского легиона. Когда я заглянул в зал из-за занавеса, то увидел около тысячи людей, сидящих в зале. Это казалось просто невероятным. Это было подтверждением того, что АА было способно самостоятельно пересекать моря и горы без чьей-либо помощи. В будущем алкоголики, доносящие идеи, уже не потребуются.

Мощный натиск, предпринятый в Лос-Анджелесе, и сопровождавшийся усиливающимися страданиями, просто пугал. Казалось невозможным, что им удастся пережить неразбериху и этот высокий темп. Уже к концу нашего первого визита сюда меня стали одолевать сомнения, смогут ли они выстоять в такой ситуации. Но в 1959 году, всего через семь лет, я обращался к людям, собравшимся в зале храма, который вместил около 7 тысяч членов АА и их семьи. К тому времени во всем нашем Сообществе округ Лос-Анджелеса насчитывал самое большое число членов АА. Сегодня эта цифра уже достигла 14 тысяч, и они такие же стойкие, как Гибралтар.

Но во время той первой поездки в 1943 году на побережье Лоис и я заехали к Доку Х., хиропрактику из Орегона, который сражался с алкоголиками в Портленде. А в Сиэтле, штата Вашингтон, мы впервые встретились с бизнесменом Дейлом А., который предпринимал доблестные попытки сохранить маленькую группу. Это было ему по силам, и он достиг реальных успехов.

Тем временем дела стали разворачиваться и в Миннеаполисе. В 1940 году Чану Ф. и Биллу У. из Чикаго пришлось задержаться здесь из-за снежной бури. Они воспользовались этим, чтобы передать свой опыт и знания Пэту Ч. Пэт предпринял титанические усилия для организации здесь группы и клуба АА одновременно. Ему удалось убедить одного из четырех городских магнатов продать АА его бывший городской дом практически задаром. Сегодня это самая клубно-ориентированная группа во всем Сообществе АА. Жизнь АА в этом городе по-прежнему вращается вокруг этого первого клубного дома. И можете верить или нет, но уже через три года алкоголики из Миннеаполиса сожгли закладную на этот клубный дом.

Насколько я помню, работа в Буффало и Питтсбурге началась не намного позднее. И как раз в середине страны появился всеми любимый торговец Джонни П. и начал создавать группу АА в Канзас-Сити, штат Миссури. Вслед за ней, как раз на другом берегу реки, появилась еще одна группа в Канзас-Сити, штат Канзас. Искра загорелась благодаря одному из первых членов АА — д-ру Майлсу Н., который впоследствии стал прекрасным работником в АА и нацио-

нальным авторитетом во всем, что касается химизма процессов, происходящих в организме алкоголиков.

В эти же годы жители Бостон Айриш (ирландский район Бостона), объединив усилия с несколькими жителями Бэк Бэй (престижный район Бостона) и крепко ухватившись за спасательную веревку АА, создали прекрасное ядро, из которого впоследствии появилось так много сторонников Сообщества АА в Новой Англии. Бостонская группа заставила нас не только вновь удивиться, но и принесла большое горе. Ее основатель так и не смог отказаться от алкоголя и, в конце концов, умер от этого недуга. Пэдди был слишком болен, чтобы продолжить начатое им дело. Шаг за шагом он скатывался вниз, но каждый раз, когда он пытался начать новую жизнь, ему удавалось передать послание АА, и в этом деле он был на удивление успешен. Раз за разом группа нянчилась с ним, пытаясь вернуть его к жизни. Затем была последняя попойка, и он перешел в мир иной. Этот очень больной человек оставил после себя большую группу и наивысшую оценку за мужество. Его два первых успешных случая — Берт К. и Дженни Б., которые продолжают работать и по сей день.

Такова была наша юность. Я надеюсь, что когда-нибудь мы расскажем еще много других удивительных историй. Из этой волнующей и пугающей стихии родились Двенадцать традиций АА, которые были впервые опубликованы в 1946 году. На этом фоне мы сейчас рассмотрим эти Двенадцать традиций, являющихся основополагающими принципами для выживания Анонимных Алкоголиков.

Все традиции АА подразумевают признание того, что наше товарищество не без греха. Мы признаем, что у нас как у общества имеются личные недостатки и что эти недостатки постоянно угрожают нам. Наши Традиции наставляют нас на путь лучшей жизни и работы. Они так же являются профилактикой наших недугов. Предназначение Двенадцати традиций состоит в том, чтобы соединить выживание и гармонию, так же как Двенадцать шагов означают трезвость и душевный покой для каждого АА.

Однако Двенадцать традиций также прямо указывают на многие наши индивидуальные недостатки. Подразумевается, что они просят каждого из нас отбросить гордыню и обиды. Они требуют личной и групповой жертвенности. Они требуют никогда не использовать имя АА в стремлении заполучить для себя власть или почести или деньги. Эти Традиции гарантируют равенство всех членов и независимость всех групп. Они показывают, как мы можем наладить отношения друг с другом и с миром вокруг нас. Они указывают, как

все мы может действовать в гармонии, как одно единое целое. Ради благополучия всего нашего общества эти Традиции требуют, чтобы каждый человек и каждая группа отказались от всех устремлений, амбиций и недостойных действий, которые могут привести к распаду единства или утрате доверия к нам всего мира.

Двенадцать традиций Анонимных Алкоголиков символизируют жертвенный характер нашей общей жизни. Они также являют собой самую мощную силу к единению, которую только можно представить.[8]

Возьмите Традицию 1. Она гласит: «*Наше общее благополучие должно стоять на первом месте, личное выздоровление зависит от единства АА*» Возможно, ни одно общество так не заботиться о личном благополучии отдельного человека, как АА. Однако, много лет назад мы поняли, что сначала должно идти общее благополучие; без него личное благополучие практически невозможно. Сначала мы чувствовали себя как Эдди Рикенбахер и его компания после того, как их самолет потерпел аварию над Тихим океаном. Они спаслись от смерти, но оказались плавающими в опасном море. В их мыслях не было сомнений — общее благополучие должно идти впереди. Все следили, чтобы плот не раскачивался, иначе они все погибнут. Хлеб и воду делили поровну; никто не жадничал.

Наш случай напоминает эту историю. При этом некоторые из наших больных и беспечных членов все же раскачивали плот, и это нас пугало до смерти. Некоторые из подобных опасений кажутся нам теперь почти забавными. Первой серьезной проблемой были скатывание вниз или рецидивы. Сначала почти каждый алкоголик, с которым мы общались, возвращался к старому, если, конечно, он не бросал пить совсем. Некоторые алкоголики не пили в течение шести месяцев или даже года, а затем скатывались вниз. Это всегда воспринималось как настоящая катастрофа. В таких случаях мы переглядывались и спрашивали: «Кто следующий?» Мы боялись, что алкоголь может полностью уничтожить нас. Но сегодня мы видим десятки тысяч членов АА, которые вот уже пять, десять, пятнадцать и даже двадцать лет не притрагиваются в алкоголю. Сбои создают очень большие трудности, но всей группой мы преодолеваем их сходу. Страх испаряется. Алкоголь всегда угрожает отдельному человеку, но мы знаем, что он не способен разрушить общее благополучие.

Другим серьезным страхом были романтические отношения, вне всяких рамок приличия. Почти у половины наших членов се-

[8] См.: «Двенадцать традиций АА», стр. 78.

мейные отношения были нарушены. Алкоголизм превращал мужа в головную боль семьи, мальчика-сорванца, а жен в матерей-собственниц и опекунш, которые всегда встанут на защиту. Если такие отношения сохранялись и после прихода в АА, то мужья иногда начинали смотреть на сторону. Пьющие женщины, чьи мужья уже давно махнули на них рукой, ненадолго появлялись на свет. То тут, то там мы видим, как эти ситуации становятся взрывоопасными. Люди принимают ту или иную сторону. Целые группы приходят в волнение, и большое количество людей напиваются. Были даже случаи, когда грешников забрасывали камнями. Мы опасались как за репутацию АА, так и за ее существование. Но наконец мы осознали, что не только мы, но и другие сообщества сталкиваются с трудностями в отношениях между полами; мы, возможно, в меньшей степени. Мы поняли, что очень часто такие ситуации разрешаются сами по себе, если относится к людям терпеливо и по-доброму. Грешники и люди, уверенные в своей правоте, в конечном счете, понимали безрассудство своего поведения. Большинство алкоголиков, чьи жены пережили вместе с ними самые трудные времена, возвращаются к нормальной жизни. Так появилось движение семейных групп Ал-Анон, которое совершало чудеса для нормализации бытовых отношений АА. Этот опыт дает хорошие результаты. В настоящее время процент разводов с АА самый низкий по всему миру. Становится очевидным, что проблема взаимоотношений между полами не должна разрушить нас, и наши страхи в отношении этого улеглись.

Как и в любом другом обществе, мы вскоре обнаружили, что среди нас существуют силы, угрожающие нам иным образом, чем, скажем, пристрастие к алкоголю или семейные отношения. Этим силами были жажда власти, славы и денег. Они оказались более опасными, поскольку ими двигали чувства собственной правоты, самооправдания, а также все разрушающая сила гнева, обычно маскируемая под праведное негодование.

Гордость, страх и гнев — вот основные враги нашего общего благополучия. Достойными ответами на них являются братство, гармония и любовь, усиленные чистой интуицией и правильными действиями. Традиционные принципы АА направлены на то, чтобы возвысить эти силы и удерживать их на этой высоте. Только тогда мы может обеспечить наше общее благополучие; только тогда единство АА станет непоколебимым.

Теперь давайте рассмотрим Традицию 2: «*В делах нашей группы есть лишь один авторитет — Любящий Бог, такой каким Он может выражать себя в нашем групповом сознании*». Мы в АА усвоили этот принцип очень твердо. Препятствия, которые мешали нам понять, что групповое сознание АА может быть единственной конечной инстанцией в наших делах, преодолеть было гораздо труднее, чем иные трудности.

Я думаю, что многие ветераны все еще не верят в это утверждение. Они считают, что они старше и более умудрены опытом, чем нынешнее поколение АА, и что благодаря их указаниям и руководству это нынешнее поколение вступило в новую жизнь. Мы, ветераны, подчас рассматриваем наш опыт как своего рода признание права или даже получения лицензии на бессрочное управление АА. Когда мы становимся больными, усталыми или стареем, мы естественно считаем, что имеем право выбирать себе преемников. Кто же знает это лучше, чем мы?

Но со временем мы сталкиваемся со сложными фактами в жизни АА. Мы с сожалением констатируем, что группы независимо от того, насколько они любят или уважают нас, просто не хотят, чтобы мы сами себя назначали их руководителями на все времена и направляли их политику и службу. Они также противятся тому, чтобы мы сами назначали себе преемников, которые будут работать с ними. Они хотят назначать комитеты по обслуживанию по своему собственному разумению. Опять и опять они доказывали нам, что высшие полномочия должны принадлежать группам. И некоторым из нас было очень трудно смириться с этим.

Еще труднее было смириться с тем, и это сейчас уже доказано, что групповое сознание, если оно имеет достаточно информации о фактах, проблемах и принципах, оказывается чаще мудрее, чем любой руководитель, самоназначенный или нет. Мы постепенно пришли к пониманию, что ветеран часто имел ложные суждения. Занимая властное положение, на его решения зачастую оказывали влияние его личные предубеждения и интересы. Несмотря на его огромный опыт и длительную работу, следует сказать, что он лично не является непогрешимым и непререкаемым.

Не означает ли это, что ветераны оказываются бесполезными? Нет, не означает. Как только мы, ветераны, признаем групповое сознание, мы с приятным удивлением обнаруживаем, что группы, сталкиваясь с какими-либо трудностями, обращаются к нам за советом, поскольку только мы, обладающие большим опытом, можем дать его.

Я хорошо помню тот случай, когда мне впервые пришлось проглотить первую дозу этого неприятного, но полезного принципа.

В 1937 году мы на Клинтон Стрит 182 испытывали серьезные финансовые трудности. С нами жило несколько алкоголиков и большинство из них не оплачивало свое проживание. Лоис все еще работала в универмаге, и ее зарплата была единственным источником средств к существованию. В то же время многие члены нашей группы, которые бросили пить и которые приходили на наши встречи, уже твердо стояли на ногах и зарабатывали неплохие деньги.

Однажды в больнице Таунс Чарли поманил меня в свой кабинет для строго мужского разговора. «Послушай, Билл, — сказал он мне, — у меня есть предчувствие, что однажды твои (ваши) АА заполнят Мэдисон Сквер Гарден. Я не религиозный человек и ты должен знать, что я довольно скептически относился к твоему занятию, когда ты впервые появился здесь. Однако Силкуорт действительно напугал меня своей готовностью сотрудничать с тобой. Но теперь все изменилось. Я верю в вас, ребята. Ваши методы работают». Немного погодя он добавил: «Послушай, Билл, тебе не кажется, что эта работа не доведет тебя до добра? Ты практически голодаешь, твоя жена продолжает работать в этом универмаге. А алкоголики, которые окружают тебя, начинают преуспевать и зарабатывать деньги. Ты отдаешь этой работе все свое время, а сам оказываешься у разбитого корыта. Это несправедливо».

Чарли покопался в ящике своего стола и вынул оттуда старый финансовый отчет. Он протянул его мне, сказав при этом: «Здесь показано, как больнице еще в 1930-х годах удавалось зарабатывать деньги. Тысячи долларов в месяц. Это должно сработать и сейчас, но это произойдет, только если ты поспособствуешь этому. Почему бы тебе не перейти на работу сюда? Я выделю тебе кабинет, неплохой расходный счет и довольно «большой кусок» прибыли. То, что я предлагаю, не нарушает этики. Ты можешь стать внештатным терапевтом и оказаться намного успешнее, чем другие в твоей области».

Я был в замешательстве. Угрызения совести мучили меня недолго, когда я понял, что предложение Чарли действительно не нарушало этики. Не было ничего плохого в том, чтобы стать внештатным терапевтом. Я представил себе Лоис, которая каждый вечер приходила домой безумно уставшая после каждодневной работы в этом универмаге. У нее едва хватало сил приготовить ужин для целой оравы алкоголиков, которые даже не платили за свое проживание. Я вспомнил об огромной сумме, которую я задолжал кредиторам с Уолл Стрита и которую так и не выплатил. Я подумал о моих друзьях-алкоголиках, которые после выздоровления зарабатывали ничуть не

меньше, чем до появления пристрастия к алкоголю. Почему же я не могу сделать то же самое?

Хотя я сказал Чарли, что хочу немного подумать, но решение я уже фактически принял. По пути домой в Бруклин в подземке на меня как бы снизошло озарение свыше. Это было одно единственное предложение, но оно звучало очень убедительно. На самом деле это была строчка из Библии. Голос продолжал повторять: «Трудящийся достоин награды за труды свои».

По возвращении домой я увидел, что Лоис как всегда готовила еду, а три алкоголика «пожирали» голодными глазами дверь кухни. Я отозвал ее и сообщил радостную новость. Казалось, это заинтересовало ее, но я не увидел того волнения, которого ожидал.

В этот вечер должна была состояться очередная встреча. Хотя очень немного алкоголиков, которые жили у нас, бросили пить, но другие сделали это. Вместе со своими женами они толпились в прихожей на первом этаже. Я тут же рассказал им о полученном предложении. Я никогда не забуду это бесстрастное выражение на их лицах и твердый взгляд, направленный на меня. По мере того, как мой рассказ приближался к концу, энтузиазма у меня становилось все меньше. Затем наступило долгое молчание.

Довольно робко один из моих друзей сказал: «Мы знаем, как тебе трудно, Билл. И нас это очень волнует. Мы часто думаем, что мы можем сделать для тебя. Но то, что ты сейчас рассказал нам, беспокоит нас гораздо больше, и мне кажется все, кто собрался здесь, думают так же». Голос говорившего стал более уверенным. «Разве ты не понимаешь, — продолжал он, — что ты никогда не не можешь стать профессионалом? Несмотря на щедрость Чарли, разве ты не видишь, что мы не можем связать наше выздоровление ни с этой больницей, ни сни с какой-либо другой? Ты говоришь, что предложение Чарли не нарушает этики. Конечно, оно этично. Но то, что мы имеем, связано не только с этикой; это нечто большее. Конечно, идея Чарли прекрасна, но все же она не достаточно хороша. Это вопрос жизни и смерти, Билл, поэтому здесь может помочь только лучшее». Мои друзья смотрели на меня, и в их глазах читалось сомнение. А между тем мой друг продолжал: «Билл, помнишь, как ты часто говорил нам здесь, на наших встречах, что иногда хорошее является врагом лучшего? Это как раз тот случай. Ты не можешь так поступить с нами».

Так сказало групповое сознание. Группа была права, а я нет: голос, который я слышал в подземке, не был голосом Божьим. А вот

здесь был настоящий глас моих друзей. Я выслушал их и, слава Богу, согласился с ними.

Опыт нашей группы подвергся трем важным и серьезным испытаниям. Они до сих пор звенят в моей душе. «Общее благополучие превыше всего», «У АА недолжно быть класса профессиональных терапевтов» и «Бог, который говорящий через групповое сознание, является нашим высшим авторитетом». И все эти три основополагающих принципа нашей традиции подразумевали и четвертый: «Наши руководители являются только его доверенными лицами; они не направляют нас».

Долгое время третья традиция также была для нас загадкой. Она гласит: «*Единственным условием вступления в Сообщество АА является желание бросить пить*». Мы очень боялись беспокоились насчет вопросов членства в АА. На самом деле, когда о нас впервые стало широко известно благодаря прессе, мы ощущали ужасный страх. Мы говорили себе: «Разве не проявят ли себя всевозможные люди со странностями? Последствия от этого нам известны; к алкоголизму прибавляются другие странности». В то время мы обычно говорили о каком-то вымышленном образе чистого алкоголика; никаких осложнений (наворотов), просто пьяница в чистом виде. Мы думали, что мы сами такие же! Но когда к нам повалил народ, то наши опасения стали расти. Мы спрашивали сами себя: «Нет ли среди них гомосексуалистов? Нет ли среди них криминальных элементов? Нет ли среди них социально нежелательных людей?» это было выражение страха с примесью некого снобизма и самодовольства. Мы просто не знали, что или, вернее, кто может оказаться среди этих людей.

С тех времен самые разные люди находили свой путь к Анонимным Алкоголикам. Теперь мы действительно готовы принять самых разных людей. Например, не так давно я разговаривал в своем кабинете с женщиной, которая носила титул графини. После этого разговора я как раз был на одной из встреч АА. Был зимний вечер, и наши пальто в раздевалке принимал тихий господин небольшого роста. Он ничего не требовал за свой труд. Он делал это просто потому, что это надо. Я спросил: «Кто этот парень?» И кто-то ответил мне: «А, он здесь уже довольно давно. Он всеобщий любимец. Когда-то он был одним из членов банды Аль-Капоне». Вот каких разных людей объединяет АА сегодня.

Но прошло очень много времени, прежде чем наше сообщество стало действительно демократичным. По началу в разных группах существовало великое множество правил вступления в наше братство, и если бы все они вступили в силу, то никто — действительно никто — не смог бы присоединиться к Сообществу Анонимных Алкоголиков. Но после того как наши страхи понемногу улеглись, мы сказали себе: «Кто мы такие, чтобы не допускать людей в наше Сообщество? Для многих отчаявшихся пьяниц АА является последней надеждой. Разве мы можем захлопнуть дверь перед теми, кто стоит снаружи?» нет, мы не имеет право на это. Мы всегда должны рисковать независимо от того, кто к нам приходит. Может наш престиж и пострадает из-за того, что среди нас есть несколько специфических людей. Несомненно, престиж — это очень важно, но разве истинный характер нашего сообщества не есть нечто более важное? Кто из нас посмеет сказать: «Нет, вы не можете быть членом нашего сообщества», тем самым, беря на себя роль судьи, присяжного и, даже возможно, палача по отношению к своему собрату-алкоголику? Поэтому опыт, который собирался по крупинкам в течение многих лет, вылился в Традицию три, которая гласит: «Ты являешься членом АА, если заявляешь об этом. Независимо от того, что ты совершил, или еще совершишь, ты останешься членом АА так долго, как ты этого захочешь».

А теперь о Традиции четыре «*Каждая группа должна действовать самостоятельно, кроме решения вопросов, которые могут повлиять на другие группы или АА в целом*».

Будучи одним из тех, кто стоял у истоков этого движения, я долгое время считал, что я должен руководить им из Нью-Йорка. Но вскоре обнаружилось, что ни я, ни кто-либо другой из штаб-квартиры АА не сможет этого делать. Группы заявили нам: «Нам нравится, что вы делаете. Иногда ваши советы и предложения очень хорошие. Но принять или отвергнуть вас — наше собственное решение, решаем мы сами. Мы, в своих группах, будем принимать свои решения. Нам не нужно собственное «правительство» в Нью-Йорке или где бы то ни было еще. Службы — да. Правительство — нет».

Таким образом, эта традиция АА подразумевает автономность групп. Этот принцип сформулировали довольно быстро. Они говорили нам, чего хотят, и они имели право на свои ошибки.

В качестве примера расскажу следующее. Несколько лет назад в каком-то городе супер-учредитель бросил пить благодаря АА. У него тут же возникли грандиозные идеи, все, конечно, во благо делу АА. Он решил, что для АА потребуется очень большое здание, которое будет стоить уйму денег. На одном этаже будет клуб, на другом будут проводиться встречи, на третьем разместится клиника и реабили-

тационный центр, на четвертом — ссудная касса, где неимущие алкоголики смогут брать взаймы небольшие суммы денег. Таким он видел в своем воображении этот центр! Он был учредителем, и он действительно «продал» эту идею горожанам. Естественно, он должен был стать главным менеджером. Его проект включал создание трех отдельных корпораций: одну для создания клуба, другую — для клиники и третью — для ссудного отдела. Он разработал шестьдесят одно правило, постановление и положение, которые бы обеспечили нормальную работу этих корпораций.

За исключением нескольких крепких орешков, на его идею «купились» многие АА. Это был «факир на час». Он обратился в Нью-Йоркский офис за специальным разрешением. Узнав об этом, не которые недовольные написали нам. Нам пришлось ответить им, что каждая группа АА имеет право сама вести свои дела так, как считает нужным, если только при этом она не наносит вред другим группам. Но при этом мы достаточно решительно, насколько нам это было позволено, мы указали на то, что даже менее грандиозные схемы потерпели везде фиаско. Но эта очень самостоятельная группа проигнорировала наши предупреждения, и она имела на это право.

Вы наверно догадаетесь, что случилось дальше. После большой шумихи все дело кончилось провалом. Это походило на взрыв парового котла. Отзвуки от столкновения своих «я» слышались на мили вокруг.

Но, в конечном счете, все успокоилось, и через довольно большой промежуток времени мы получили письмо от учредителя. Он писал: «Вы говорили нам, что внешние предприятия могут оказать очень большую помощь. Но вы также говорили, что их нельзя смешивать с АА. А я думал, что это возможно и даже нужно. Но вы, ребята из штаб-квартиры, были правы, а я нет».

В это письмо была вложена карточка, которую он уже разослал каждой группе в Америке. Она была сложена как карта очков в гольфе, и на внешней стороне было напечатано: «Такая-то группа, такое-то место. Правило 62 «Когда вы раскрываете карточку, то видите одно предложение: «Не воспринимайте себя слишком серьезно».

Так, в соответствии с Традицией четыре группа АА использовала свое право на ошибку. Более того, она сослужила хорошую службу Сообществу Анонимных Алкоголиков, так как смиренно согласилась учесть тот урок, который получила. Она посмеялась над собой и настроилась на свершении лучших дел. Даже сам главный архитектор, стоя посреди руин своей мечты, нашел в себе силы посмеяться над самим собой — и это является верхом смирения.

Некоторые могут подумать, что мы довели идею автономности групп до крайности. Так, в своем первоначальном «длинном» варианте Традиция четыре звучала следующим образом: «Любые два или три человека, которые объединились ради трезвости, могут называть себя группой АА при условии, что как группа они не принадлежат другой организации».[9] Это означает, что эти два или три алкоголика могут бороться за трезвый образ жизни, используя любые средства, которые они выберут. Они могут не соглашаться с любым или никаким принципом АА, но при этом по-прежнему считать себя членами группы АА.

Но такая сверхсвобода не так опасна, как это может показаться. В конце концов, новаторы должны будут принять принципы АА — по крайней мере, некоторые из них — чтобы навсегда бросить пить. С другой стороны, если они найдут какое-то иное средство, лучше, чем АА, или если им удастся улучшить наши методы, тогда, скорее всего, мы примем то, что они открыли, для всеобщего использования. В то же время такая свобода не позволяет АА превратиться в застывший свод догм, которые нельзя усовершенствовать, даже если их неправота очевидна. АА следует самому здравому методу проб и ошибок. Любой инакомыслящей группе советуют — но ни в коем случае не приказывают — не присоединяться к другим организациям. Очевидно, что у нас не может (нам не следует иметь) быть католических групп АА, протестантских групп АА, республиканских групп АА, демократических групп АА или коммунистических групп АА. Группе АА не следует связывать себя с любым конкретным направлением медицинского или психиатрического лечения. Мы можем сотрудничать со всеми, но название «Анонимные Алкоголики» должно принадлежать только нам.

Многие удивляются, как АА удается функционировать при кажущейся анархии. В других обществах действуют законы, постановления, санкции, наказания, которые применяются уполномоченными лицами. К счастью мы поняли, что нам не нужен никакой руководящий состав. У нас есть две власти, которые намного эффективнее: одна — добрая, другая — злая. И есть Бог, наш Отец, который просто говорит нам: «Я жду, что вы исполните мою волю». Другая власть носит имя Джон Ячменное зерно, который говорит: «Вам лучше исполнить волю Божью, а не то я убью вас». И иногда он действительно убивает. И когда мы доходим до предела, то у нас есть два пути — либо подчиниться воле Божьей, либо погибнуть. На этом этапе смертный приговор угрожает не только члену АА и его группе, но всему Сообществу АА в целом.

[9] Эта цитата неверна. Билл имеет в виду Традицию три.

Таким образом, мы пользуемся выгодами, которые дает нам жесткая политическая диктатура, но не несем бремя ее обязательств. В результате мы имеем достаточно власти, достаточно любви и достаточно наказаний — и при этом человек не имеет в своих руках рычагов власти. Это наша защита от угрозы распада и наша гарантия выживания в существующих условиях. Для нас это вопрос жизни и смерти.

Но это еще не все. Так, по мере развития отдельной личности и группы в целом, мы начинаем следовать традициям АА по другим причинам. Мы начинаем следовать им, потому что думаем, что они нам подходят. Мы подчиняемся этим принципам, потому что считаем их хорошими, даже если кое-что вызывает в нас сопротивление. Затем мы приходим к высшей и наилучшей степени послушания. Мы следуем Традициям и Шагам АА, потому что действительно сами хотим этого. Это больше не является вопросом добра или зла; мы следуем им, потому что на самом деле хотим им следовать. Так идет процесс укрепления нашего единства и повышения эффективности нашей деятельности. Таково проявление Божьей милости и любви среди нас.

Большая часть этих рассуждений подводят нас непосредственно к Традиции пять, которая гласит: «*У каждой группы есть лишь одна главная цель — донести наши идеи до тех алкоголиков, которые все еще страдают*».

Мы полагаем, что лучше мы будем хорошо делать что-то одно, чем заниматься многими вещами, к которым мы не призваны. Такова центральная идея наших Традиций, благодаря которой крепнет единство нашего Сообщества. От ее сохранения зависит само существование нашего товарищества. «Пускай сапоги всегда тачает сапожник» — для Анонимных Алкоголиков это отнюдь не избитая фраза. Вместе мы нашли довольно мощное лекарство от ужасной болезни. Разумеется, мы можем интересоваться такими вещами, как образование, научные исследования, неврозы и т.д. Но должны ли мы заниматься этим как сообщество? Наш опыт определенно говорит о том, что этого делать не надо. Мы можем оказывать помощь в этих областях как частные лица, и мы действительно помогаем. И это хорошо. Но как товарищество мы знаем, что нам нельзя отклоняться от нашего пути. Именно наш собственный опыт алкоголиков придает нам такую ценность на общем фронте борьбы с алкоголизмом. Мы можем предложить такой подход к алкоголикам, какого нет больше ни у кого. Поэтому на нас лежит сильнейшее моральное и этическое обязательство заниматься только этим и ничем более. Если бы мы нашли универсальное лекарство от рака, нас умоляли бы лечить

только это заболевание и никакие другие. Мы не стали бы заниматься всеми видами опухолей и не пытались в придачу лечить туберкулез и выводить глистов. В подобном случае мы, безусловно, занимались бы только раком. Несмотря на то, что АА очень многим обязаны медицине и религии, мы не можем стать экспертами в этих областях. Мы знаем, что богословие — это занятие священнослужителей, а врачевание и психиатрия — дело врачей. Разумеется, вместе мы можем сделать гораздо больше, чем по отдельности, и поэтому мы всегда будем сотрудничать, но никогда не станем соревноваться. Нам следует направлять свою энергию туда, где она нужнее всего.

Поэтому настоятельно подчеркивается, что единственная цель АА состоит в том, чтобы *донести наши идеи до тех алкоголиков, которые все еще страдают.* Это наша главная задача и подлинное основание для нашего существования.

Логическим продолжением Традиции пять является Традиция шесть: «*Группе АА никогда не следует поддерживать, финансировать или предоставлять имя АА для использования какой-либо родственной организацией или посторонней компанией, чтобы проблемы, связанные с деньгами, собственностью и престижем, не отвлекали нас от нашей главной цели*».

В прежние дни устав нашего Фонда (ныне преобразованного в Генеральный совет АА) изначально позволял заниматься любой деятельностью кроме лоббирования сухого закона. Мы были вправе заниматься просветительской деятельностью, мы были вправе заниматься научными исследованиями; мы могли делать почти все. И мы имели обыкновение думать, что нам требуется много денег, чтобы заниматься различными вещами. Подобные идеи часто преобладали в различных группах.

В те времена больницы не хотели сотрудничать с нами, и мы думали, что откроем собственные больницы и будем работать в них. Надо было рассказывать людям об алкоголизме, и мы считали, что будем вести воспитательную работу среди общественности и, возможно, перепишем школьные и медицинские учебники. Мы думали, что пересмотрим существующие в мире законы, чтобы объявить алкоголиков больными людьми. Мы хотели распространить деятельность АА на наркоманов и преступников. Мы хотели образовать группы для людей, пребывающих в депрессии и параноиков, и чем сильнее человек страдает от невроза, тем лучше для нас.

Если можно покончить с алкоголизмом, то можно справиться с любой проблемой! Бескомпромиссная честность АА легко могла бы

внести чистоту в ряды политиков. На фабриках мы могли бы породить взаимную любовь между работниками и капиталистами. Мы научились бы жить необычайно счастливо и могли указать путь к счастью кому угодно. Мы думали, что наше Сообщество Анонимных Алкоголиков может оказаться инициатором духовного прогресса. Наши принципы могут преобразовать мир!

Да, таковы были наши мечты. Это было вполне естественно, поскольку большинство алкоголиков являются обанкротившимися идеалистами. Почти все мы мечтали творить добро и вершить великие дела, олицетворяющие высокие идеалы. Мы были перфекционистами, которые, отчаявшись достичь совершенства, ударились в другую крайность и стали довольствоваться бутылкой и выключением сознания. Провидение в лице АА подвело нас к возможности реализации наших лучших ожиданий. Так почему бы нам не вовлечь остальных в наш образ жизни?

Что ж, мы пробовали открывать собственные больницы. Эта затея повсеместно провалилась, поскольку группа АА не в состоянии заниматься бизнесом — у семи нянек дитя всегда без глазу. Группы АА попробовали себя в образовании, и когда они начали расхваливать достоинства того или иного образовательного стандарта, люди недоумевали. АА помогают алкоголикам или это образовательный проект? АА — это религиозная или медицинская организация? Это реформаторское движение? Мы с ужасом наблюдали, как нас пристегивают к различного рода начинаниям, не все из которых были хорошими.

Когда мы увидели, что алкоголики волей-неволей оказались вовлечены в работу тюрем и психиатрических больниц, мы начали говорить о необходимости принятия специального закона. На виду у общественности некоторые алкоголики начали стучать по столам в кабинетах законотворческих комитетов и агитировать за реформы в законодательстве. Это привлекало внимание газетчиков, но не более того. Мы увидели, что нас вскоре засосет политика. Мы поняли, что совершенно необходимо принять меры даже внутри нашего собственного движения и изъять наше имя из названий клубов и реабилитационных центров. Эти бурные приключения поселили в нас глубокое убеждение в том, что ни при каких обстоятельствах мы не должны втягиваться ни в какую смежную деятельность, какой бы хорошей она ни была. Мы, Анонимные Алкоголики, не можем быть всем для всех, и даже не стоит пробовать. Как только мы позволяли использовать наше имя для какой-либо посторонней затеи, мы обязательно попадали в неприятности, иногда очень серьезные неприятности.

Как-то раз мы едва не впутались в противостояние между сторонниками и противниками сухого закона. Ассоциация торговцев спиртными напитками хотела привлечь члена АА для осуществления образовательной программы. Члены этой ассоциации хотели внушить людям, что чрезмерное употребление спиртных напитков вредно для всех, а алкоголикам нельзя пить вообще. Сначала все шло хорошо. Однако затем оказалось, что в своей рекламе они постоянно стремились подчеркнуть, что их наставник м-р Х является членом товарищества Анонимных Алкоголиков. Это было совсем другое дело. Люди немедленно решили бы, что Анонимные Алкоголики занялись просветительской деятельностью благодаря производителям спиртного. Если такое произойдет, сторонники сухого закона немедленно найдут себе другого члена АА для своих «воспитательных целей». И мы, конечно, окажемся прямо в центре нескончаемых споров. Мы просто не могли себе позволить принимать чью-то сторону в этой борьбе, одновременно занимаясь лечением алкоголиков.

Наш потенциальный «просветитель» пришел в нью-йоркский офис за советом. Разумеется, мы сказали ему, что просвещение, основанное на фактах, является очень хорошим делом, и что он имеет полное право взяться за эту работу как гражданин и специалист по связям с общественностью. Но стоит ли ему при этом рекламировать свое членство в АА?

Он понял наш намек и сказал: «Анонимные Алкоголики спасли мне жизнь. Это для меня самое главное. Я, конечно же, не стану втягивать АА в шумные скандалы, а эта затея действительно таит такую опасность». Таким образом наш товарищ дал краткое определение угрозе нашей ангажированности. Мы поняли, как никогда раньше, что не можем позволять использовать наше имя для каких-либо иных целей, помимо наших собственных.

Впоследствии мы поняли кое-что еще. Мы поняли, что чем больше АА занимались только своими собственными делами, тем больше возрастал наш авторитет. Медицина, религия и психиатрия начали заимствовать некоторые наши идеи и практический опыт. То же происходило в области научных исследований, медицинской реабилитации и образования. Начали появляться лечебные группы различного рода. Они занимались игроманией, разводами, правонарушениями, наркоманией, душевными заболеваниями и т.п. Они заимствовали наши идеи, но приспосабливали их к своим потребностям. Они работали в своих областях, и нам не надо было одобрять или учить их, как жить.

Наше влияние не ограничивалось только лишь этими областями, оно начинало приобретать всеобщий характер. Это влияние начинало проявляться в политике и в бизнесе. Наша деятельность оказывает сильное воздействие на всех, кто знаком с алкоголиками и их семьями. Те достижения, которые мы некогда хотели искусственно внедрять, начали распространяться сами по себе.

Сегодня мы понимаем и признаем этот парадокс: чем строже АА придерживаются своей основной цели, тем сильнее их положительное влияние на всех вокруг.

Теперь давайте поговорим о деньгах и об отношении к ним Анонимных Алкоголиков. Богатство уничтожило многих людей и многие народы. Будет ли оно губительным для нас? Деньги, особенно в Америке, являются символом авторитета, власти и комфорта. Деньги могут сделать много хорошего, но практически не существует такого порока, который они не могли бы пробудить. Совместима ли вообще репутация духовности, которую имеют АА, с какими-либо деньгами? Или же, напротив, нам надо *много* денег, чтобы творить побольше добрых дел? Это очень давняя дилемма, и это было искушение, стоявшее перед нами.

Наши консерваторы говорили: «Зачем искушать себя деньгами? Они нам не нужны. Мы можем встречаться в своих домах, и группам не нужны денежные кассы. Зачем нам книги, офисы и всемирная деятельность? Один алкоголик доносит смысл наших идей до другого алкоголика. Давайте не будем ничего усложнять и держаться подальше от денежных проблем». Радикалы думали по-другому: «Мы не только должны оказывать основные услуги, но и делать гораздо больше. Нам нужны больницы, платные терапевты, разъездные лекторы, реабилитационные центры и Бог знает, что еще. На это нужны миллионы. А откуда нам взять эти деньги? Давайте сначала возьмем их у общественности, как это обычно делают ради благих начинаний».

Спустя некоторое время мы с радостью обнаружили, что АА сами по себе не нуждаются в больших деньгах. Когда мы избавились от своих грандиозных идей относительно больниц, научных исследований, реабилитационных центров и образовательных проектов, наши расходы оказались весьма скромными. Большие деньги требовались нашим предприятиям, но не нам. Мы избавились от этой головной боли.

В то время большое влияние на наш образ мыслей оказала философия Св. Франциска Ассизского. Его идеи также сначала распространялись непрофессионалами, от одного человека к другому. В его времена отдельные люди довольно часто брали на себя обет бедности, но

чтобы то же самое сделала целая организация или товарищество — это было необычно и даже уникально. Св. Франциск считал корпоративную бедность основным условием существования своего товарищества. Чем меньше денег и имущества они имели, тем меньше поводов для ссор и меньше вероятности свернуть с пути, ведущего к основной цели. И, как и в случае с АА в наши дни, ему не требовалось много денег для осуществления своей миссии. К чему искушения и отклонения от избранного пути, если в них нет нужды?

Поэтому АА взяли себе на вооружение мудрость Франциска Ассизского. Мы не только сведем к минимуму обслуживающие функции, мы будем тратить как можно меньше денег. Для нас это не означает полный отказ от денег, но лишь минимальное количество денег, необходимых, чтобы хорошо выполнять свою работу. Именно в этом смысле АА провозглашают принцип корпоративной бедности. Это является для нас основной гарантией нашего будущего.

Несмотря на нашу давнюю Традицию поддержания бедности АА в целях собственной безопасности, три раза у нас все же возникали искушения.

Впервые это произошло осенью 1937 г., когда мы познакомились с м-ром Джоном Д. Рокфеллером-младшим и его друзьями. В тот период возможность получения неограниченной финансовой поддержки очень сильно затуманила нашу прежнюю точку зрения, основанную на идеях Св. Франциска. Д-р Боб и я, да и большинство из нас очень сильно бедствовали. Мысли о приличной и хорошо оплачиваемой работе, открытии ряда собственных больниц, издании тонны бесплатной литературы для страдающих алкоголиков завладели нашим воображением. Но у м-ра Рокфеллера были свои соображения на этот счет. Он сказал: «Я думаю, деньги все испортят». Его слова не разошлись с его действиями, и АА продолжали пребывать в бедности. Св. Франциск подарил нам идею, а Джон Д. заставил нас жить в соответствии с ней. Традиция АА в отношении денег возникла и укрепилась благодаря странной комбинации этих людей. Благодарим Бога за то, что Он послал нам их обоих.

Второе искушение возникло из другой крайности. Мы настолько нуждались в деньгах, что стали ужасными скрягами и с трудом соглашались поддерживать наши основные службы в центре и регионах, без которых мы не могли бы действовать и развиваться. Мы все еще жадничаем, когда пускаем шляпу на поддержание местной Интергруппы. И эти задержки возникают отнюдь не из-за недостатка денег. Коллективный доход членов АА, который складывается из зарплат и других

вознаграждений в форме платежей, в настоящее время достигает миллиарда долларов в год. Когда алкоголики сохраняют трезвость и постоянную работу, большинство из них не нуждаются в деньгах. Как отдельные личности мы, пожалуй, в состоянии зарабатывать вдвое больше среднего уровня. Благодаря своему образу жизни АА получают совершенно невероятное материальное, а также духовное вознаграждение. Тем не менее, мы все еще мешкаем, когда дело доходит до скромной оплаты услуг АА. Иногда я думаю, что это может быть даже к лучшему. Не существует ни малейшей опасности, что АА когда-нибудь слишком разбогатеют от добровольных пожертвований своих членов!

Насчет этого существует забавная, но поучительная история. Она касается меня. Это случилось в 1941 г., сразу после появления статьи в «Сэтерди Ивнинг Пост». Дохода от продажи нашей книги еще не хватало на то, чтобы отвечать на тысячи заявок, и мы установили добровольные ежегодные пожертвования в размере 1 доллар с человека, что помогло бы нам свести концы с концами. Это был первый раз, когда штаб-квартира АА обратилась к группам за какой-либо помощью.

В то время мы с Лоис получали по 30 долларов в неделю благодаря обеду у м-ра Рокфеллера. Мы жили в маленькой комнатке в здании клуба на 24-ой улице. Мебель из нашего дома все еще стояла на складе, и мы очень сильно бедствовали. Как-то утром один наш товарищ, только что вышедший из запоя, просунул свою голову с затуманенными глазами в скромный офис на Визи-стрит. Я расхаживал по нему взад и вперед, отчаянно ругая пьяниц за то, что они так медленно присылают свои доллары. Я действительно был в скверном настроении, поэтому начал резко жаловаться на скупость алкоголиков своему другу с затуманенным взором. Конечно, он согласился со мной. Чтобы доказать свою щедрость, я достал пятидолларовую банкноту и протянул ему. Эти деньги нужны были Лоис для покупки продуктов, и я хорошо знал, что он их тут же пропьет. Но мне самому очень понравился мой грандиозный поступок. Я, бедняк, смог отдать пять долларов, когда остальные не могли прислать даже одного!

Явно довольный собой, в тот же вечер я отправился на собрание в нашем клубе. Клуб задерживал арендную плату. В те времена материальное никак нельзя было смешивать с духовным. О деньгах почти нельзя было даже упоминать. Но так как владелец здания не получил своей платы, о них *пришлось* упомянуть. В перерыве мой старый друг Том Б., который вел это собрание, робко сказал: «Ну, ребята, не положить ли сегодня в шляпу побольше? Мы задолжали владельцу этого здания». Он произнес это извиняющимся тоном. Я сидел на ступенях с одним из новообращенных товарищей, но услышал его слова, и я знал, что клуб запаздывает с арендной платой. Шляпа пошла по кругу и наконец дошла до меня. Я засунул руку в карман и достал монету в 50 центов. Почти бездумно, я отправил ее назад в карман и достал 10 центов. Они упали в шляпу, едва звякнув. Через минуту я опомнился. Я, который утром так хвалился собственной щедростью, отнесся к своему родному клубу хуже, чем алкоголики, которые забывали перечислять в наш Фонд по одному доллару. Я понял, что мой подарок отступнику, вернувшемуся к дурным привычкам, был актом удовлетворения собственного эго, и это было плохо и для него, и для меня. На самом деле, *существовало* такое место, где духовные вопросы смешивались с денежными, и таким местом была та шляпа для сбора денег. С тех пор я никогда не критиковал тех, кто забывал прислать свой доллар на содержание штаб-квартиры.

Третий случай искушения деньгами был самым серьезным.

Как-то вечером члены нашего Попечительского совета собрались на свое квартальное заседание. На повестке дня стоял очень принципиальный вопрос: умерла одна женщина, и когда огласили ее завещание, выяснилось, что она оставила Анонимным Алкоголикам, чьим попечителем был Фонд, сумму в 10 тысяч долларов. Вопрос заключался в том, можем ли мы принять эти деньги.

Какой же спор разгорелся по этому поводу! Фонд тогда испытывал очень большую нужду: группы присылали слишком мало денег на содержание офиса, мы тратили весь доход от продажи книги, и даже этого не хватало; резервный фонд таял, как снег весной. Нам очень нужны были эти 10 тысяч. Некоторые говорили: «Возможно, группы никогда не будут полностью содержать наш офис. Мы не можем допустить, чтобы он закрылся, это слишком важно. Давайте возьмем эти деньги. Давайте и впредь будем принимать все подобные пожертвования. Они нам понадобятся».

Затем раздались голоса оппозиции. Они указали на то, что, как известно Совету Фонда, согласно завещаниям еще живущих людей, нам предстоит унаследовать в общей сложности около полумиллиона долларов. Только Богу известно, сколько еще существует подобных завещаний, о которых мы *пока* не знаем. Если не отклонить посторонние пожертвования, не отказаться от них полностью, то в один прекрасный день Фонд станет богатым. Более того, стоит через наших попечителей лишь слегка намекнуть общественности, что нам нужны деньги, мы можем стать невероятно богатыми. На фоне такой перспективы эти 10 тысяч долларов не слишком большая сумма, но если принять их, то,

подобно первому глотку алкоголика, они неизбежно вызовут разрушительную цепную реакцию. Куда нас это приведет? Кто платит, тот и заказывает музыку, и если Фонд АА будет принимать деньги из посторонних источников, у его попечителей может возникнуть искушение вести дела без учета пожеланий всех АА в целом. Каждый алкоголик, почувствовав себя свободным от обязательств, пожмет плечами и скажет: «Ах, так Фонд богат! К чему тогда мне беспокоиться?» Груз больших денег наверняка подвигнет Совет к изобретению различных схем, которые обычно применяют для приумножения богатства фондов, и это отвратит АА от нашей основной цели. Как только это произойдет, доверие нашего товарищества будет поколеблено. Совет может оказаться в изоляции и падет под натиском обвинений и критики со стороны АА и общественности. Таковы были доводы «за» и «против».

Тогда наши попечители вписали яркую страницу в историю АА. Они высказались в пользу принципа, согласно которому АА всегда должны оставаться бедными. Отныне финансовая политика Фонда подразумевала оплату разумных текущих расходов и наличие некоторого достаточного резерва. Невзирая на наши нужды в тот период, Попечительский совет официально отказался взять эти 10 тысяч долларов, но принял бескомпромиссную официальную резолюцию о том, что все подобные дары в будущем будут аналогичным образом отклоняться. С того момента принцип корпоративной бедности был твердо и окончательно закреплен в традициях АА.

Когда об этом узнали газеты, последовала сильнейшая реакция. Для людей, знакомых с бесконечными кампаниями по сбору денег благотворительными фондами, АА представляли собой странное и занятное зрелище. Передовицы с выражением одобрения в местных и зарубежных газетах породили новую мощную волну уверенности в надежности Анонимных Алкоголиков. В газетах отмечалось, что безответственные стали ответственными, и что сделав финансовую независимость частью своих традиций, Анонимные Алкоголики возродили почти позабытый в наше время идеал. Вот почему Традиция семь теперь гласит: «*Каждой группе АА следует полностью опираться на собственные силы, отказываясь от помощи извне*».

Традиция восемь гласит: «*Содружество Анонимных Алкоголиков должно всегда оставаться непрофессиональным объединением, однако наши службы могут нанимать работников, обладающих определенной квалификацией*».

Анонимные Алкоголики никогда не станут профессиональными лекарями. Мы начали понимать мудрость старинного выражения: «Даром получили, даром отдавайте»». В нашем случае мы сделали открытие,

что на уровне профессионализма духовность и деньги *не* совместимы. Мы не уменьшаем значения профессионализма в других областях, но мы ясно отдаем себе отчет, что в нашем случае он не годится. Всякий раз, когда мы пытались поставить на профессиональный уровень работу по Двенадцатому Шагу, результат был одним и тем же — мы терпели поражение в осуществлении нашей единственной цели

Вы помните, как групповое сознание АА подсказало, что мне нельзя работать в больнице Чарли Таунса в качестве профессионального лекаря, и они были правы. Мы очень рано поняли, что члены АА ни при каких обстоятельствах не могут брать плату за распространение своих идей, которые передаются лично от человека к человеку. Это абсолютно исключалось. Если бы мы допустили профессионализм на этом уровне, мы были бы обречены.

Однако проблема профессионализма имеет и другие аспекты. В течение многих лет мы пытались понять, что для АА является профессионализмом, а что нет. Эта проблема возникла из-за потребности в наемных работниках для наших служб, т.е. потребности в людях, которые делали бы работу, которую не могут или не станут делать волонтеры. Являются ли сотрудники наших служб профессионалами или нет? Это был сложный вопрос.

Насколько я помню, впервые подобная ситуация возникла в нашем старом клубе на 24-ой улице в Нью-Йорке. Волонтеры отдраили и покрасили помещение, отвечали на телефонные звонки, и это было прекрасно. Когда они уходили домой, они передавали ключи от здания нашим полуночникам, часть из которых имела обыкновение напиваться и валяться в клубе в любое время и в любом состоянии. Это было нехорошо. Волонтеры также устали от уборки помещений, и большую часть времени они оставались грязными. Было совершенно очевидно, что нам нужен домоправитель.

Что ж, мы обратились к старине Тому, отставному пожарному, недавно вышедшему из психиатрической больницы в Рокленде. Мы выбрали тонкий подход. Мы знали, что как бывший пожарный, Том получает пенсию. Поэтому мы сказали: «Том, почему бы тебе не приехать и не жить в клубе? Там есть для тебя хорошая комната». Том спросил, на кой ему это сдалось.

— Ну, Том, у тебя будет хорошая комната, а ты мог бы немного присмотреть за зданием.

— Семь дней в неделю? — спросил Том.

— Ну да.

— Что я должен делать?

— Ну, Том, тебе придется варить кофе и выводить пьяных, если они слишком разойдутся, ну и прибирать помещение.

— И это семь дней в неделю? — спросил Том. — Знаете, ребята, вам нужен дворник.

— Ну да, конечно, — сказали мы, — Нам нужен дворник.

— Ну, так что, вы не собираетесь мне ничего платить?

— Нет-нет, — сказали мы, — Это превратило бы тебя в профессионала. Мы же Анонимные Алкоголики. Мы не должны смешивать духовность с деньгами.

— О.К., — сказал Том, — не будет денег, не будет и работы. Я делаю свою работу по Двенадцатому Шагу бесплатно, но если вы хотите, чтобы я был здесь дворником, вы должны мне платить, понятно?

В то время многие из нас работали и зарабатывали деньги. Но хотите — верьте, хотите — нет, мы упорно торговались со стариком из-за каждого цента за эту грязную работу!

Но старик Том был прав. Для того чтобы АА могли функционировать, нам надо было нанять помощников. На всех просторах, где существуют АА, ныне насчитывающие 200 тысяч членов, на нас работают всего 200—300 платных помощников. В их число входят повара, которые жарят гамбургеры в клубах, уборщицы, которые убирают помещения, и женщины, отвечающие на телефонные звонки в центральных офисах. В их число вхожу и я. Когда-то я написал для вас несколько книг и теперь получаю за это авторские отчисления. Вот где, наконец, пролегла граница: индивидуальное, с глазу на глаз, лечение алкоголика никогда не происходит за деньги. Но АА приходится нанимать людей для выполнения определенных работ, когда это оправданно, чтобы обеспечить себе возможность функционирования.

Даже после того, как Традиция восемь была в принципе установлена, потребовались годы, чтобы выработать пути ее практического применения. Возникали разнообразные пограничные ситуации, которые всегда сопровождались жаркими спорами.

С такими эмоциональными вспышками приходилось особенно бороться тем членам АА, которые отваживались принимать предложения о сотрудничестве от посторонних организаций, занимающихся проблемой алкоголизма. Так, например, один из университетов хотел, чтобы член АА занялся просвещением общественности по проблеме алкоголизма. Некая корпорация также хотела нанять человека, не понаслышке знакомого с этой проблемой. Реабилитационный центр штата хотел иметь руководителя, который действительно сумел бы справиться с пьяницами. Город хотел иметь опытного социального работника, понимавшего проблемы, которые возникают в семьях из-за алкоголизма. Комиссия штата по изучению алкогольных проблем хотела нанять исследователя для научной работы. Это лишь несколько примеров вакансий, которые сейчас занимают члены АА, выступающие как частные лица. Время от времени члены АА покупают фермы или дома отдыха, где сломленные алкоголики могут получить необходимый уход. В связи с этим постоянно возникал вопрос: можно ли считать такую деятельность профессиональной с точки зрения Традиций АА?

Наш многолетний опыт дает нам отрицательный ответ на этот вопрос. Члены АА, которые отдают подобной деятельности все свое время, не не делают 12-й шаг своей профессией. Мы шли к этому выводу долгим и тернистым путем. Первоначально мы не видели стоящей за этим реальной проблемы. В прежние времена, как только член АА начинал заниматься подобной деятельностью, у него немедленно возникало искушение воспользоваться именем Анонимных Алкоголиков в целях рекламы или сбора денег. Реабилитационные фермы, образовательные проекты, законотворческие комитеты штатов — все афишировали то обстоятельство, что на них работали члены АА, которые бездумно раскрывали свою анонимность в целях пропаганды своих проектов. По этой причине несколько очень хороших начинаний и все, что было с ними связано, подверглись несправедливой критике со стороны групп АА. Раздавались крики: «Профессионализм! Парень делает деньги на имени АА!» Но ведь ни один из них не выполнял за деньги работу по Двенадцатому Шагу.

Нарушение Традиций во всех этих случаях заключалось вовсе не в профессионализме, а в нарушении анонимности. Единственная цель АА была скомпрометирована, а название товарищества использовано не по назначению.

Важно отметить, что теперь, когда почти никто из членов АА не нарушает принципа анонимности перед общественностью, все страхи улеглись. Мы считаем, что не имеем ни права, ни необходимости удерживать тех, кто хочет как частное лицо работать в любой из указанных выше областей. Если бы мы это запрещали, это было бы ущемлением их прав. Мы не можем объявить себя закрытой организацией, которая хранит свои знания и опыт под замком. Если член АА, как и любой другой гражданин, может преуспеть в научной деятельности, образовании или работе с кадрами, то зачем мешать ему? Каждый от этого выигрывает, и мы ничего не теряем. Правда, некоторые из проектов, с которыми связали себя члены АА, завершились не столь удачно, но это не имеет никакого отношения к принципу, который мы обсуждаем.

Все эти волнующие события помогли окончательно сформулировать традицию непрофессионализма для АА. Вся наша деятельность по программе Двенадцатого Шага (распространение идей АА) бесплатна, но люди, находящиеся у нас на службе, получают зарплату.

Традиция девять гласит: «*Сообществу АА никогда не следует обзаводиться жесткой системой управления; однако мы можем создавать службы или комитеты, несущие непосредственную ответственность перед теми, кого они обслуживают*». Эта традиция до сих пор приводит многих в недоумение. Как может общество быть таким неорганизованным и, в то же время, создавать службы? Да, Анонимным Алкоголикам это удается.

Когда Традиция девять впервые была записана, она гласила: «Анонимным Алкоголикам нужна лишь минимальная организация». С тех пор наши взгляды по этому вопросу изменились. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что в целом Сообществу АА не нужна никакая организация. Не противоречат ли этому принципу создаваемые нами специализированные советы и комитеты, которые сами по себе являются организованными структурами? Как мы можем говорить о неорганизованности движении, которое создает для себя систему обслуживания? Размышляя над этой загадкой, люди говорят: «Что они имеют в виду, когда говорят, что им не нужна организация?»

На самом деле, мы имеем в виду, что у АА никогда не может быть организованного руководства или властных органов. Давайте рассмотрим это подробнее. Слышал ли кто-нибудь когда-нибудь о нации, церкви, политической партии или даже благотворительной ассоциации, у которых не было бы правил для определения принадлежности к ним? Слышал ли кто-нибудь о сообществе, которое тем или иным способом не заставляло бы своих членов подчиняться дисциплине и не налагало бы на них определенных правил и ограничений? Разве не все существующие на Земле сообщества передают власть некоторым из своих членов с тем, чтобы они заставляли остальных членов подчиняться им и могли наказывать или исключать нарушителей правил? Поэтому каждая нация, а точнее, каждое сообщество, обзаводится органами управления, которое осуществляется людьми. Власть, данная для руководства и управления, составляет сущность всякой организационной структуры.

В этом отношении АА представляют собой полное исключение из правил. Наше Сообщество не следует ни одной модели управления. Ни Генеральная конференция АА, ни Генеральный совет, ни самый скромный групповой комитет не могут издать ни одной директивы

для членов АА и заставить их подчиниться ей, не говоря уже об установлении наказания за ее нарушение. Мы много раз пытались это сделать, но всегда безуспешно. В некоторых группах были попытки исключать своих членов, но исключенные всегда приходили на собрания и говорили: «Это наша жизнь, вы не можете выгнать нас». Комитеты рекомендовали прекращать работу с безнадежными хрониками, но в ответ слышали: «Я выполняю свою работу по Двенадцатому Шагу так, как считаю нужным. Кто вы такие, чтобы судить меня?» Член АА может принять совет или предложение от ветеранов, но он никогда не подчинится приказу. Никто не будет пользоваться такой непопулярностью, как ветеран, преисполненный мудрости, переехавший в другой район и пытающийся научить тамошнюю группу, как надо вести дела. Он и ему подобные, «с тревогой следящие за судьбой АА», сталкиваются с упорным противодействием или, хуже того, с насмешками. На самом деле, АА отличаются таким отсутствием какой-либо организации, что кто-то предложил повесить в наших клубах объявления следующего содержания: «Здесь, ребята, позволяется все, что угодно, только не курите опиум в лифтах!»

Вы, может быть, думаете, что штаб-квартира АА и Генеральная конференция составляют исключение? Конечно, тамошние люди, возможно имели бы какой-нибудь авторитет. Но много лет тому назад наши попечители и персонал штаб-квартиры поняли, что они могут всего лишь давать рекомендации, и притом в самой мягкой форме. Они были вынуждены даже сформулировать некоторые клише, которые включаются в половину рассылаемых писем: «Конечно, у вас есть полная свобода решить этот вопрос удобным для вас способом, но опыт большинства членов АА подсказывает, что...» Этот тон совсем не похож на правительственные директивы, не правда ли? Мы считаем, что алкоголикам нельзя приказывать — ни коллективам, ни отдельным лицам.

В этот момент мы так и слышим голос служителя церкви: «Они превращают неповиновение в добродетель!» Ему вторит психиатр: «Непокорное отродье! Они никак не вырастут, и не подчинятся правилам поведения в обществе». Обычный человек скажет: «Я этого не понимаю. Они просто чокнутые». Но все эти люди не заметили одной уникальной особенности АА. Если член АА не приложит все силы, чтобы следовать Двенадцати Шагам к выздоровлению, которые мы ему предлагаем, то это равносильно подписанию себе смертного приговора. Его пьянство и последующий распад личности не будут наказанием со стороны власть предержащих, они вытекают из его личного неповиновения духовным принципам.

Такая же суровая угроза стоит и перед целой группой. Если она, хотя бы приблизительно, не следует Двенадцати Традициям, то может захиреть и погибнуть. Поэтому мы, члены АА, подчиняемся духовным принципам вначале потому, что обязаны это делать, а в конечном итоге потому, что нам нравится та жизнь, которую несет с собой такое подчинение. Членов АА дисциплинируют огромные страдания и огромная любовь, и нам не нужны другие стимулы.

Поэтому совершенно ясно, что мы никогда не будем организовывать выборные комитеты, которые управляли бы нами, но также ясно, что нам всегда придется привлекать людей, которые будут обслуживать АА. Здесь мы четко различаем дух безусловной власти и дух служения, эти два понятия подчас диаметрально противоположны. Именно руководствуясь духом служения, мы выбираем неформальные комитеты групп с регулярно меняющимся составом, образуем региональные ассоциации и созываем Генеральную конференцию АА, представляющую все Сообщество АА. Даже наш Попечительский совет, который некогда был независимым органом, теперь непосредственно подотчетен нашему Сообществу. Наши попечители являются исполнителями, ответственными за деятельность организации во всем мире.

Так же, как целью каждого члена АА является личная трезвость, так и цель деятельности наших служб состоит в том, чтобы путь к трезвости был доступен любому, кто этого пожелает. Если никто не занимается рутинными делами группы, если ее телефон не отвечает, если мы не отвечаем на поступающие письма, тогда АА в привычном для нас виде прекращают свою деятельность. Наша связь с теми, кто нуждается в нашей помощи, не должна прерываться.

Сообщество АА должно функционировать, но ему необходимо избегать трех главных опасностей, которые таят в себе большое богатство, престиж, сильная власть, столь привлекательные для любого другого человеческого сообщества. Хотя Традиция девять, на первый взгляд, относится исключительно к практическим делам, ее применение является воплощением подлинной духовности. АА — это сообщество, лишенное организации и существующее только благодаря духу служения, и потому оно является подлинным товариществом.

Следующий пример может служить иллюстрацией того, как складывалась эта уникальная ситуация. Предположим, некто Джо Доу приезжает в городок Миддлтаун в США. Он является членом группы АА из другого города. В Миддлтауне нет такой группы. Джо чувствует себя одиноким и слегка испуганным. Кроме того, он хочет распространять идеи АА. Поэтому, возможно, он даст в газету объявление о

том, что в этом городе появились АА. Может быть, он пойдет к священникам, врачам и барменам, чтобы найти себе потенциальных соратников. Вскоре образуется маленькая группа. Поначалу Джо ведет себя как диктатор, и первые члены этой группы являются его паствой в буквальном смысле этого слова. Они пользуются неограниченной властью. Первый основатель этой группы и его друзья проповедуют принципы АА и решают все вопросы, касающиеся существования группы. Затем группа начинает последовательно разрастаться. Какое-то время он соглашаются со всем, что говорят Джо и его друзья; члены группы позволяют руководить собой, потому что на данном этапе невозможно действовать по-другому.

Но постепенно ситуация начинает меняться. Возможно, случится размолвка между Джо и его друзьями, а возможно, какой-нибудь застрельщик в основании этой пирамиды начнет ворчать: «Сколько еще эти ветераны собираются нами командовать?»

Тем временем основатель группы и его друзья наслаждаются своей славой. Они говорят друг другу: «Пожалуй, было бы неплохо, если мы сохраним твердое руководство над АА в этом городе. В конце концов, у нас есть опыт. И посмотрите, сколько всего хорошего мы сделали для этих пьяниц. Они должны быть нам благодарны». На самом деле, основатели групп и их друзья порой ведут себя благоразумнее и скромнее, чем в данном случае, но пока это не так.

Растущее недовольство начинает подтачивать группу. Бедняки бедствуют; одинокие тоскуют; проблемы нарастают. Снова начинает раздаваться ворчание, которое со временем перерастает в громкий крик: «Эти ветераны думают, что будут командовать нами всю жизнь? Давайте назначать выборы». Основатель группы и его друзья чувствуют себя уязвленными и подавленными. Они пытаются заделать то одну, то другую брешь, пытаются заручиться поддержкой то одного, то другого члена группы. Но все напрасно. Назревает революция. Группа готовится захватить власть. Если ее основатель со своими друзьями работали добросовестно, то, к своему изумлению, они могут на какое-то время сохранить свое положение. Если же они ожесточенно сопротивлялись развитию демократических тенденций, их могут быстро «списать на берег». В любом случае у группы отныне будет комитет с периодической сменой состава и очень четко очерченными полномочиями. Его члены ни в коем случае не смогут управлять или руководить группой. Порой на их долю выпадает неблагодарная рутинная общественная работа. Такой комитет имеет лишь возможность осуществлять мероприятия, необходимые для функционирования группы. Он не имеет права давать какие-либо советы духовного порядка,

осуждать чье-либо поведение, издавать какие бы то ни было приказы. Если кто-то из членов комитета попробует давить на своих товарищей, на следующих выборах его быстро выведут из состава комитета. Члены комитетов полностью осознают, что на самом деле они являются слугами, а не сенаторами. Таков универсальный опыт всех АА. Так в рамках нашего товарищества групповое сознание диктует условия, на которых должны служить наши лидеры.

Отсюда возникает законный вопрос: «Есть ли у АА настоящее руководство?» Следует ответить: «Да, есть, несмотря на его кажущееся отсутствие». Давайте вернемся к смещенному со своего поста основателю группы и его друзьям. Что же будет с ними? Когда их беспокойство и печаль развеются, мало-помалу начнут происходить перемены. В конечном итоге они разделятся на два класса, которые на жаргоне АА называются «заслуженные деятели» и «обессиленные знатоки». Первые понимают мудрость коллективных решений и не обижаются на то, что лишились своего положения. Их суждения, подкрепленные большим опытом, разумны, и они согласны тихо отойти в сторону, ожидая дальнейшего развития событий. Вторые же глубоко убеждены, что группа не может обойтись без них, они постоянно стремятся быть переизбранными в «руководящие» органы и не могут освободиться от жалости к самим себе. Некоторые страдают столь сильно, что, забыв о духе и принципах АА, начинают прикладываться к бутылке. Временами атмосфера местной организации АА бывает перенасыщена такого рода страданиями. Почти все старожилы АА в той или иной форме прошли через этот процесс. К их числу принадлежу и я. К счастью, в большинстве своем они перенесли его хорошо и стали «заслуженными деятелями». Такие люди становятся постоянными и подлинными лидерами АА. Их скромно высказанное мнение, их знания и пример личной скромности часто помогают выходить из создавшихся кризисных ситуаций. В сложных ситуациях группа всегда обращается к ним за советом. Они становятся выразителями коллективного сознания, подлинным голосом АА. Они не правят по мандату, они ведут за собой личным примером. Именно таким путем и возникла Традиция девять. Вот почему АА не могут быть организованы с использованием какой-либо известной формы управления.

Но нам также совершенно ясно, что мы можем и должны создавать советы или комитеты, непосредственно подчиняющиеся тем, кому они служат.

Завтра вечером в этом зале разыграется та же драма с лидерством, но уже в масштабах всего Сообщества АА. Коллективное со-

знание Анонимных Алкоголиков в лице выдвинутых и избранных вами делегатов Генеральной конференции возьмет на себя постоянную опеку и заботу о функционировании сети всемирного обслуживания всего Сообщества АА. Мы, ветераны, действуя в духе Традиции девять, отойдем в сторону и будем помогать вам лишь советами, если они вам когда-нибудь понадобятся. Ни мы, ни кто-либо другой не будем больше направлять вас или руководить вами. В этом смысле товарищество АА всегда должно оставаться неорганизованным. Ваша задача — оберегать этот драгоценный принцип.

Мы полагаем, что безопасное будущее Анонимных Алкоголиков очень сильно зависит от соблюдения Традиции десять, которая запрещает вступать в дискуссии по общественным вопросам. Эта традиция гласит: «*Сообщество Анонимных Алкоголиков не высказывает какого-либо мнения по вопросам, не относящимся к его деятельности; поэтому имя АА никогда не следует вовлекать в какие-либо общественные дискуссии*».

Ни разу с момента основания АА у нас не было раскола из-за какого-нибудь спорного вопроса. Наше Сообщество никогда публично не становилось на позиции одной из сторон в этом враждующем мире. Это нельзя считать приобретенной добродетелью. Можно сказать, что наше Сообщество было рождено с этим качеством, ибо, как недавно сказал один наш ветеран: «Практически никогда я не слышал горячего спора по религиозным, политическим или реформистским проблемам среди членов АА. Так как мы никогда не ведем этих споров между собой, мы наверняка не будем вести их публично».

Как будто ведомые каким-то глубинным инстинктом, мы знали с самого начала, что, как бы нас ни провоцировали, наше товарищество никогда не должно вставать на чью-либо сторону в публичных спорах именно как Анонимные Алкоголики, даже когда эта сторона заслуживает всяческой поддержки. Всемирная история дает нам достаточно примеров соперничавших наций и боровшихся группировок, которые, в конце концов, распались, потому что они были созданы для соперничества или оказались втянутыми в него. Иные развалились по причине полнейшей самоуверенности, пытаясь навязать остальной части человечества «золотой век» в своем собственном понимании. В наше время мы видим, как миллионы людей умирают в войнах, обусловленных политическими или экономическими причинами и усугубляемых религиозными или расовыми различиями. Мы живем в условиях нависшей над нами угрозы массового уничтожения в ходе истребительной войны, которая должна решить, как следует управ-

лять людьми и как распределять дары природы и плоды человеческого труда. Вот в таком духовном климате и родилось Сообщество АА, которое, по милости Божьей, процветает, несмотря ни на что.

Мы хотим еще раз подчеркнуть, что нежелание бороться друг с другом или с кем-нибудь еще не рассматривается нами как особая добродетель, которая ставит нас выше других людей. Это не значит также, что члены АА, легализовавшись в мире, будут уходить от обязанности лично действовать так, как они считают правильным, по отношению к проблемам современности. Но когда речь идет о Сообществе АА в целом — это совершенно другое дело. Мы как сообщество в целом не вступаем в общественные споры, потому что, если мы сделаем это, наше товарищество погибнет. Мы считаем, что сохранение Сообщества и расширение его деятельности имеет гораздо большее значение, чем тот вклад, который мы коллективно могли бы внести в борьбу за какое-либо другое дело. Поскольку выздоровление от алкоголизма является для нас содержанием и смыслом жизни, нам важно в полной мере сохранить наше средство для выживания.

Может создаться впечатление, что алкоголики в АА внезапно стали миролюбивыми, и что мы живем одной большой счастливой семьей. Это, конечно, не так. Как и все люди, мы ссоримся. Пока мы не притерлись друг к другу, наши отношения, на первый взгляд, казались сплошными перебранками. Директор корпорации, который только что проголосовал за то, чтобы его компания израсходовала сто тысяч долларов, мог появиться на собрании АА и выйти из себя только из-за того, что требовалось собрать 25 долларов на почтовые марки. Не желая, чтобы кто-нибудь руководил группой, половина членов могла с негодованием выйти из ее состава, чтобы организовать новую группу, где все будет так, как нравится им. Ветераны, на время превратившись в фарисеев, часто дулись на остальных. Порой жестоким нападкам подвергались люди, которых подозревали в нечестной игре. Но несмотря на гвалт, наши стычки никогда не причиняли ни малейшего вреда АА. Они были составной частью нашего обучения совместной жизни и коллективной деятельности. Следует отметить, что почти всегда они касались того, как сделать работу АА наиболее эффективной и принести максимальную пользу наибольшему числу алкоголиков.

Вашингтонское сообщество — движение в среде алкоголиков, возникшее в Балтиморе сто лет тому назад, — почти нашло ключ к решению проблемы алкоголизма. Сначала это сообщество состояло исключительно из алкоголиков, которые пытались помогать друг другу. Его первые члены понимали, что они должны посвятить себя исключительно этой цели. Во многих отношениях «вашингтонцы» были похожи на нас. В эту организацию входило свыше 500 тысяч человек. Если бы они придерживались только своей основной цели, то, вероятно, нашли бы окончательное решение проблемы исцеления от алкоголизма. Но вместо этого «вашингтонцы» позволили политикам и реформаторам, алкоголикам и неалкоголикам использовать их общество в своих целях. Например, в то время важной политической проблемой, вызывавшей в обществе бурные разногласия, была отмена рабства. «Вашингтонцы» резко и открыто принялись поддерживать одну из сторон в этом споре. Возможно, сообщество сумело бы сохранить себя, даже заняв определенную позицию по проблеме отмены рабства, но у него не осталось никаких шансов с того момента, как оно вознамерилось реформировать все американское общество в вопросах отношения к спиртным напиткам. Некоторые «вашингтонцы» пошли в крестовый поход за трезвость. Всего за несколько лет они полностью утратили способность эффективно помогать алкоголикам, и сообщество погибло.

Анонимные Алкоголики извлекли необходимый урок из вашингтонской истории. Проследив причины гибели этого движения, первые члены АА решили, что они должны воздерживаться от участия в публичных дискуссиях.

Учитывая тот факт, что большинство из нас очень любят спорить, этот отказ от возможности публично нападать на кого-то или на что-то является немалым достижением для таких агрессивных по своей природе людей, как мы. Чтобы обеспечить сохранение нашего товарищества, мы часто заходили слишком далеко в противоположную сторону. Например, много лет назад мы очень боялись, как бы члены наших групп и посторонние группы не начали неправомерно использовать наше имя в таких целях, как сбор средств, публичные дебаты или реклама. И нам казалось, что по мере роста АА подобные искушения, безусловно, будут все время возрастать. Поэтому мы считали, что надо найти законный способ для защиты бесценного имени нашего сообщества.

Нашим попечителям был дан совет, что этого можно добиться только путем официальной регистрации нашего названия «Анонимные Алкоголики» во всех американских штатах и всех зарубежных странах. И мы, в самом деле, начали эту сложную, утомительную и дорогостоящую работу, которая в конце концов захлебнулась в ворохе технических, организационных и бюрократических проблем.

Но этот вопрос внезапно снова возник, когда один из крупных кинопродюсеров внезапно обратился к нам за одобрением сценария картины, которую они хотели назвать «Мистер и мисс Аноним-

ные Алкоголики». Изображение АА в этом сценарии отличалось однобокостью и дурным вкусом. Хотя кинокомпания и согласилась изменить название будущего фильма, они отказались вносить сколько-нибудь существенные изменения в этот сомнительный сценарий. Ну и что мы могли поделать?

Мы пришли к выводу, что нам надо добиваться решения суда, которое запретило бы этой кинокомпании неправомерно пользоваться нашим именем. Перспектива судебного разбирательства вынудила кинокомпанию внести в сценарий ряд изменений, которых мы добивались. В противном случае мы подали бы иск, полностью позабыв принцип АА о неучастии в публичных спорах. Вот до какой степени возбуждения мы дошли.

После этого инцидента с кинофильмом наш председатель Бернард Смит выступил с замечательной, на первый взгляд, идеей. Будучи юристом, он полагал, что Анонимные Алкоголики легко могут добиться принятия Конгрессом специального закона, который обеспечивал бы повсеместную защиту имени АА. Это поставило бы нас на уровень таких всемирно известных организаций, как, например, Красный Крест. Мы подумали, что само существование такой охранной грамоты будет сдерживать всех, у кого может возникнуть искушение неправомерно использовать наше имя, и с помощью столь мощной юридической дубины мы легко сможем расправиться с любым, кто все же отважится нарушить закон. Это казалось нам замечательной идеей, и все в штаб-квартире ее поддержали.

Однако у Генеральной конференции, которая была коллективным сознанием Анонимных Алкоголиков, были другие соображения. Она указала нам, какой глупостью было бы официальное узаконивание нашего образа жизни в качестве юридического инструмента, которым мы могли бы атаковать любого, независимо от важности повода. Нам недостаточно было бы просто иметь такой инструмент в качестве оружия сдерживания. При возникновении существенного повода нам пришлось бы начинать публичные судебные разбирательства и таким образом вступать в публичные дискуссии. Это все равно, что изготавливать военную машину, думая, что ее никогда не придется использовать в бою. Это будет означать законную организацию товарищества, чьи Традиции настаивают на том, что оно должно оставаться неорганизованным! По мнению делегатов Конференции, нам следовало позабыть о сомнительных достоинствах, связанных с нашим узакониванием и участием в правовых спорах, и положиться на мнение наших групп и общественности для гарантии нашей защиты. После долгих споров мы в штаб

квартире согласились, что коллективное сознание Анонимных Алкоголиков в лице делегатов Конференции оказалось мудрее нас. Поэтому мы никогда не обращались в Конгресс Соединенных Штатов с просьбой о принятии специального закона для нас.

Резолюция, принятая Конференцией по этому вопросу, заслуживает того, чтобы остаться в анналах истории АА. Ее подготовил Боб Т., юрист из штата Миссисипи. В своем отчете соответствующему профильному комитету он сказал следующее:

Мы рассмотрели все аргументы «за» и «против» по этому вопросу и обсудили его со многими членами АА, как на Конференции, так и за ее стенами, в результате чего пришли к следующим выводам:

1. Предполагаемый вред, из-за которого возник данный вопрос, уже существенно уменьшен.
2. В результате действий Конгресса нам были бы законным путем предоставлены такие полномочия, использование которых противоречило бы нашим Традициям и нарушало их.
3. Это означало бы смешение духовной силы АА с юридическими полномочиями, что, по нашему мнению, могло бы привести к ослаблению духовной силы АА.
4. Когда мы просим предоставить нам законные права, которыми можно воспользоваться в судах, мы, тем самым, допускаем возможность правового регулирования в отношении нас самих.
5. Мы можем оказаться впутаны в бесконечные судебные тяжбы, которые, в сочетании с непредвиденными расходами и ненужной шумихой, могут серьезно угрожать нашему существованию.
6. Предоставление АА официального юридического статуса могло бы вбить клин в наши ряды, породив политиканство и борьбу за власть.
7. С момента своего появления и до наших дней АА всегда оставались товариществом, а не организацией. Предоставление официального юридического статуса неизбежно превратит нас в организацию.
8. Мы полагаем, что такие понятия как «вера» и «образ жизни» нельзя возводить в официальный статус.
9. АА могут и будут продолжать свое существование до тех пор, пока будут сохранять свою веру и образ жизни, и держать свои двери открытыми для всех мужчин и женщин, страдающих от алкоголизма.

Следовательно, памятуя о высокой цели, которую выдвигала Генеральная конференция и которая была в прошлом году озвучена ее председателем, который сказал «Мы ищем не компромисса, но оп-

ределенности», Комитет единогласно рекомендует Анонимным Алкоголикам не приобретать официального юридического статуса.

Так был заложен последний камень в основание Традиции десять: «*Сообщество Анонимных Алкоголиков не высказывает какого-либо мнения по вопросам, не относящимся к его деятельности; поэтому имя АА никогда не следует вовлекать в какие-либо общественные дискуссии*».

Традиция одиннадцать родилась из обширного и трудного опыта отношений с общественностью. В своем нынешнем виде она гласит: «*Наша политика во взаимоотношениях с общественностью основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде; мы должны всегда сохранять анонимность во всех наших контактах с прессой, радио и кино*».

АА никогда не смогли бы вырасти до таких размеров без целой армии сочувствующих нашему движению. Благоприятное освещение нашей деятельности во всем мире было главным средством привлечения алкоголиков в наше Сообщество. В офисах и клубах АА, в домах наших товарищей постоянно звонит телефон. Один голос говорит: «Вчера я прочитал в газете статью...», другой: «Вчера мы услышали по радио...», третий: «Мы видели фильм...» или: «Мы видели программу об АА по телевизору...» Не будет преувеличением сказать, что половина наших членов пришли в АА благодаря средствам массовой информации.

Те, кто звонят нам, не обязательно алкоголики или члены их семей. Врачи читают публикации об АА в медицинских журналах и просят дополнительную информацию. Религиозные деятели находят статьи о нас в церковных публикациях и тоже задают вопросы. Предприниматели узнают, что крупные корпорации одобряют нашу деятельность, и хотят знать, что можно сделать, чтобы уменьшить алкоголизм на своих предприятиях.

Поэтому на нас лежит большая ответственность за выработку наилучшей политики в сфере отношений с общественностью. Пройдя через трудные испытания, мы, как нам кажется, сумели выработать такую политику. Во многих отношениях она является полной противоположностью обычной рекламной практике. Мы поняли, что нашим главным принципом должен стать принцип привлекательности, а не пропаганды.

Посмотрим, как работают на практике эти два противоположные принципа — привлекательности и пропаганды. Когда политическая партия хочет победить на выборах, она рекламирует достоинства своего лидера, чтобы привлечь к нему избирателей. Какое-нибудь благотворительное общество хочет собрать необходимые средства и на своих бланках печатает имена всех выдающихся людей, чьей поддержкой ему удалось заручиться. Политическая, экономическая и религиозная деятельность любого объединения во всем мире серьезно зависит от того, насколько известно его руководство. Тот факт, что определенные люди становятся символами движений и идей, отражает важную психологическую потребность, скрытую глубоко в недрах сознания. Мы в АА не сомневаемся в этом. Но нам надо признать тот факт, что всегда находиться на виду рискованно, особенно для нас. По своему темпераменту многие из нас были неукротимыми пропагандистами, но идея сообщества, состоящего из большого числа таких людей, выглядит пугающей. Мы поняли, что должны проявлять сдержанность.

Такая сдержанность привела к очень любопытным результатам. Она обеспечила Анонимным Алкоголикам более благоприятные отзывы в прессе, чем можно было бы добиться за счет ухищрений наших лучших агентов по рекламе. Конечно, какая-то реклама нам все же нужна, поэтому мы решили, что будет лучше, если это будут делать для нас наши друзья. И они великолепно с этим справились. Опытные сотрудники газет, которые являются также закаленными скептиками, сделали все от них зависящее, чтобы распространить наши идеи. Для них мы не просто источник интересных сюжетов. Представители всех средств массовой информации, мужчины и женщины, стали нашими лучшими друзьями. Вначале пресса не понимала нашего отказа от любой персональной рекламы. Их искренне сбивало с толку наше требование о соблюдении анонимности. Но вскоре они поняли, в чем суть дела. Такое редко бывает в нашем мире — сообщество, которое хочет рекламировать свои принципы и свою деятельность, но не своих членов. Прессе понравился такой подход, и с тех пор ее репортажи об АА всегда проникнуты таким энтузиазмом, который с трудом можно отыскать даже среди самых ревностных членов АА.

Был период, когда американская пресса была в большей степени сторонницей нашей анонимности, чем некоторые из членов АА. В один из моментов около ста наших членов грешили публичным нарушением анонимности. С наилучшими намерениями они заявляли, что принцип анонимности, сослуживший добрую службу при зарождении АА, является анахронизмом. Они были уверены, что

наши дела пошли бы гораздо лучше, если бы АА использовали современные методы рекламы. Ведь среди членов АА есть люди, известные в своем городе, в стране и даже во всем мире. Если бы они захотели — а многие хотели — почему бы им не заявить публично о своем членстве в нашем Сообществе и тем самым не привлечь в него новых членов?

Эти аргументы звучали убедительно, но, к счастью, наши друзья-журналисты не согласились с ними. Задолго до этого наша штаб-квартира разослала письма практически во все новостные агентства Северной Америки, где разъяснялось, что наша политика взаимоотношений с общественностью основана на привлекательности наших идей, а не на рекламе, при этом принцип личной анонимности преподносился как важнейший элемент защиты нашей деятельности. С тех пор издатели и литературные редакторы неоднократно удаляли из номера имена и фотографии членов АА. Не раз они напоминали честолюбцам о политике АА в отношении анонимности. Ради этого принципа они пожертвовали многими прекрасными публикациями. Наше сотрудничество оказалось очень успешным. В настоящее время осталось не так уж много членов АА, намеренно нарушающих принцип анонимности в контактах с общественностью.

Мне вспоминается старая история, позволяющая понять некоторые аспекты проблемы взаимоотношений АА с общественностью. Один из первых членов АА задумал основать в своем городе группу алкоголиков по радио, и местная радиостанция, радиус вещания которой составлял около сотни миль, предложила ему свою помощь. Он подготовил цикл из 12 лекций об Анонимных Алкоголиках. Они представляли собой странную смесь идей АА и его собственных религиозных воззрений. Вскоре он озвучил их с энтузиазмом оратора на летнем сборе учителей. Вопреки нашим ожиданиям, результаты оказались неплохими: к нему поступил ряд обращений, и образовалась группа.

Он был опьянен успехом и обуян замечательными перспективами. Он написал в штаб-квартиру о том, что известная страховая компания обещает спонсировать его выступление с этим циклом лекций по национальному каналу. Он намеревался выступить под собственным именем и объявить о своем членстве в АА. Разумеется, за такую замечательную работу ему полагался щедрый гонорар.

Мы возражали, но это было бесполезно. Мы написали ему, что, по мнению Попечительского совета, его идеи не стоит озвучивать в национальном масштабе. Он ответил нам гневным письмом, суть которого сводилась к следующему: «К черту ваших попечителей, мир ждет моего послания. У меня есть свобода слова, и я выйду в эфир, нравится вам это или нет».

Этот ультиматум вызывал большую тревогу. Это одновременно подразумевало рекламу, профессионализм и нарушение анонимности — все в одном флаконе. Если эта затея окажется успешной с точки зрения нашего пропагандиста, то все торговцы и рекламщики в составе Анонимных Алкоголиков вскоре вольно или невольно будут втянуты в торговлю нашим «товаром». Мы потеряем всякую возможность контроля наших отношений с общественностью.

Поэтому штаб-квартира заняла такую позицию: мы ответили нашему другу с его благими намерениями, что он, конечно, может воспользоваться своей свободой слова. Но добавили при этом, что он должен считаться и с нашей свободой слова. Мы дали ему понять, что если его «лекции» появятся в эфире, мы сообщим об этом во все группы АА и попросим их написать письма протеста в страховую компанию, спонсирующую эти радиопередачи, и эти письма, скорее всего, совсем не обрадуют эту компанию. В итоге передача так и не вышла в эфир. В результате этого инцидента Попечительский совет АА получил право определять политику наших отношений с общественностью, а стержнем наших отношений с окружающим миром стал упор на привлекательность наших идей, а не на их пропаганду. Не случайно в первоначальном «полном варианте» Традиции одиннадцать есть такая фраза: «Лучше пусть нас рекомендуют наши друзья».

Такова, вкратце, история формирования Традиции одиннадцать. Для нас это не просто разумная политика отношений с общественностью и не только отрицание карьеризма. Традиция одиннадцать постоянно напоминает нам о том, что в рядах АА нет места личным амбициям, но при этом она также подразумевает, что в своих связях с общественностью каждый член АА должен быть активным хранителем принципов нашего товарищества.

Как видите, анонимность — это защитный покров, охраняющий все наше сообщество. Но это больше, чем просто защита; у нее есть другое измерение — духовный смысл. И это подводит нас к Традиции двенадцать, которая гласит: «*Анонимность — духовная основа всех наших Традиций, постоянно напоминающая нам о том, что главным являются принципы, а не личности*».

По моему мнению, от этого жизненно важного принципа полностью зависит будущее нашего товарищества. Если мы будем про-

должать сохранять дух анонимности и применять его на практике, нам не страшны никакие препятствия на нашем пути. Если мы позабудем этот принцип, откроется ящик Пандоры, и среди нас воцарятся жажда Денег, Власти и Славы. Если нас обуяют эти демоны зла, мы можем пойти ко дну и погибнуть. Я искренне верю, что этого никогда не произойдет. Из всех принципов АА именно этот заслуживает наибольшего внимания и наиболее широкого применения. Я абсолютно уверен, что анонимность АА является залогом их долгой жизни.

Духовную сущность анонимности составляет жертвенность. Поскольку все Двенадцать Традиций АА постоянно призывают нас отказаться от личных желаний ради общего блага, мы понимаем, что дух жертвенности, символом которого является анонимность, лежит в основе всех Традиций. Именно неоднократно доказанная готовность членов АА идти на такие жертвы дает всем уверенность в нашем будущем.

Но вначале анонимность отнюдь не была порождением нашей твердой уверенности, она была детищем наших ранних страхов. Наши первые безымянные группы были тайными организациями. Новички могли отыскать нас только через своих близких друзей. Нас пугал малейший намек на публичность, даже когда это касалось не лично нас, а нашей деятельности. Хотя мы перестали быть пьяницами, нам казалось, что мы должны прятаться от общественного недоверия и презрения.

Когда в 1939 году появилась Большая Книга, мы назвали ее «Анонимные Алкоголики». В первом предисловии к ней было следующее важное заявление: «Важно, чтобы мы сохранили нашу анонимность, поскольку нас слишком мало в настоящее время для того, чтобы справиться с огромным числом персональных посланий, которые может вызвать эта публикация. Будучи в большинстве своем бизнесменами или специалистами в других областях, мы не смогли бы справляться со своей работой в подобном случае». Между строк этого заявления можно прочитать, что мы просто боялись, что быстрый рост наших рядов может нарушить нашу анонимность.

По мере того как число групп росло, проблемы с анонимностью усложнялись. Радуясь чудесному исцелению каждого из наших братьев-алкоголиков, мы иногда обсуждали интимные или мучительные для него моменты, предназначенные только для ушей его наставника. Пострадавший, оскорбленный в своих чувствах, справедливо жаловался, что его доверие было обмануто. Когда такие истории

начинали циркулировать за пределами группы, терялось доверие к нам, т.к. мы нарушали свое обещание о сохранении анонимности. Это нередко отталкивало от нас людей. Ясно, что имя каждого члена АА и его история должны были храниться в тайне, *если он того желал*. Таков был наш первый урок в практическом применении принципа анонимности.

С другой стороны, некоторые новички с характерным для алкоголиков отсутствием сдержанности не придавали никакого значения сохранению собственной анонимности. Им хотелось кричать об АА на всех углах, что они и делали. Едва протрезвевшие алкоголики с сияющими глазами хватали за пуговицы каждого, кто соглашался слушать их рассказы. Некоторые торопились выступить перед микрофонами и телекамерами. Иногда они напивались и с треском проваливали всю работу своей группы. Из членов АА они превратились в позеров от АА.

Такой контраст в поведении, когда дело касалось проблемы анонимности, заставил нас призадуматься. Перед нами встал прямой вопрос: «В какой мере должен сохранять свою анонимность каждый член АА?» По мере своего развития мы поняли, что не можем быть тайным обществом, но было также очевидно, что мы не должны превращаться в эстрадный хоровод. Поиск золотой середины между этими двумя крайностями занял много времени.

Обычно каждый новичок хотел, чтобы его семья сразу же узнала о том, чем он собирается заняться. Он также хотел посвятить в свои дела всех тех, кто раньше пытался помочь ему — врача, священника, близких друзей. Поверив в себя, он чувствовал, что может рассказать о своем новом образе жизни своему начальнику и коллегам. Когда же он начинал помогать другим, он понимал, что способен свободно говорить об АА почти со всеми. Эти рассказы, не выходящие за рамки определенного круга, помогали ему избавиться от страха, что на нем клеймо алкоголика, и начать распространять новость о существовании АА среди своих соседей. Благодаря таким беседам к нам пришли многие мужчины и женщины. Хотя при этом не соблюдалась анонимность в строгом смысле слова, но ее дух, тем не менее, не нарушался.

Но вскоре стало очевидным, что таких бесед недостаточно для того, чтобы люди узнавали о существовании АА. Наша деятельность нуждалась в публичном освещении. Группы АА стремились сразу охватить как можно больше страдающих алкоголиков. Поэтому многие группы стали проводить открытые собрания, на которых присутство-

вали их друзья и все желающие, с тем, чтобы каждый гражданин мог сам увидеть, что мы из себя представляем. Отношение к этим собраниям было очень одобрительным. Вскоре группы стали получать приглашения выступить с сообщениями об АА в различных организациях, церковных общинах и медицинских обществах. Если представители прессы, присутствующие на таких собраниях, были предупреждены, что полные имена и фотографии членов АА не должны появляться в печати, это приводило к хорошим результатам.

Затем мы впервые попали на страницы крупных СМИ, и это было волнующим переживанием. Статьи о нас в кливлендском издании «Плэйн Дилер» всего за одни сутки увеличили число наших членов в этом городе с нескольких десятков до нескольких сотен человек. Сообщение в газетах об обеде, данном м-ром Рокфеллером в честь АА, помогло удвоить число наших членов всего за год. Знаменитая публикация Джека Александера в газете «Сэтерди Ивнинг Пост» вывела наше Сообщество на общенациональный уровень. Такое чествование наших успехов привело к еще большему признанию нашей деятельности. Другие газеты и журналы просили материалы об АА. Нас хотели снимать кинокомпании. Радиокомпании, а затем и телевидение осаждали нас просьбами о сотрудничестве. Что было делать?

Когда нас захлестнул этот поток публичного одобрения нашей деятельности на столь высоком уровне, мы поняли, что это может принести нам как огромную пользу, так и непоправимый вред. Все будет зависеть от того, в какое русло направить развитие событий. Мы не могли позволить самозванцам брать на себя роль мессий, представляющих АА широкой публике. Пропагандистский инстинкт, сидящий внутри нас, может уничтожить нас. Если хотя бы один из таких пропагандистов напьется в общественном месте или его уговорят использовать название нашего Сообщества для собственных целей, это нанесет нам непоправимый ущерб. На этом высоком уровне (пресса, радио, кино и телевидение) анонимность — имеется в виду *полная стопроцентная анонимность* — была единственным правильным решением. В этом вопросе принципы были гораздо важнее всех личностей без исключения.

Все эти события научили нас, что анонимность является проявлением подлинного смирения в действии. Это всеобъемлющее духовное качество, которое ныне стало определяющим в деятельности АА на всех уровнях. Движимые духом анонимности, мы стараемся отказаться от естественного желания лично выделиться в среде других алкоголиков или в глазах общественности. Отказываясь от этих вполне человеческих устремлений, мы считаем, что каждый из нас ткет защитный покров для нашего Сообщества, под прикрытием которого мы можем духовно расти и совместно работать.

Мы уверены, что смирение, выраженное в анонимности, является наилучшей защитой, которую может иметь Сообщество Анонимных Алкоголиков.

В последние годы наше осознание огромного значения анонимности возросло чудесным и обнадеживающим образом[10]. Было время, когда многие члены АА нарушали принцип анонимности, и я был в их числе. Сегодня такие случаи ограничиваются единицами, несмотря на тщеславные устремления наших алкоголиков. Это является надежной гарантией еще более замечательных достижений.

Разговор, недавно состоявшийся у меня с одной женщиной из Техаса, является хорошей иллюстрацией к пониманию жертвы, которую мы всегда будем обязаны приносить. Ее искушение было чрезвычайно сильным, т.к. она работает в шоу-бизнесе и как артистка пользуется огромной популярностью по всей стране. Вот что она мне сказала: «Я пою в лучших барах и делаю это уже 15 лет. В первый год после того, как я пришла к АА, я похудела почти на 10 фунтов, исчезли мешки под глазами, и я стала похожа на нормального человека. Мой менеджер не мог понять, в чем тут дело, и, в конце концов, я ему рассказала, что со мной произошло. Он тут же сказал: «А почему бы нам с тобой не поведать публике об этой истории? Ведь это же будет громадной рекламой для АА и для тебя». А я ответила: «Я знаю, что на какое-то время это так и будет. Некоторые люди уже пробовали это. Но, пожалуйста, не надо повторять этого со мной. У Анонимных Алкоголиков существует принцип анонимности — никаких общественных важных «шишек». Мы знаем, что АА не могут работать по законам шоу-бизнеса, каким бы выгодным это не казалось в краткосрочной перспективе. АА спасли мою жизнь и мою карьеру. Поэтому будущее благополучие АА для меня гораздо важнее, чем любая реклама, которую я могу получить в качестве члена АА». Затем она добавила слегка задумчиво: «Знаешь, Билл, среди моих слушателей я часто вижу пьяных и думаю, как бы им помочь. Если бы я могла прямо со сцены объявить о том, что я член АА! Но это при-

[10] Дополнительную информацию об анонимности см. в Приложении «В» — «Почему Анонимные Алкоголики должны сохранять анонимность».

несло бы только временную пользу, не так ли? В конечном итоге, мы все погибнем, если начнем так поступать». Я смотрел на нее и был очень-очень рад.

Поскольку я сам всегда был очень предрасположен к погоне за славой, богатством и властью, все Традиции АА отпечатались во мне очень глубоко. Вы, конечно, помните тот давний случай в нашей гостиной на Клинтон-стрит, когда члены нашей группы сказали мне, что я никогда не должен становиться профессионалом от АА. Нечто подобное происходило почти с каждой из наших Традиций. Сначала я повиновался, потому что у меня не было иного выхода — иначе я лишился бы своего положения в АА. Спустя некоторое время я начал подчиняться этим Традициям, потому что осознал их мудрость и правильность. Но даже несмотря на это, внутри меня все еще сохранялось сопротивление.

Это особенно касалось анонимности. Надеюсь, сегодня я подошел к такому моменту в моей жизни как члена АА, когда я подчиняюсь, потому что действительно *хочу* подчиняться, потому что действительно хочу, чтобы я и все наше Сообщество в целом жили в соответствии с этими Традициями. Поэтому каждая из Двенадцати Традиций является выражением жертвы, которую все мы обязаны принести, чтобы быть в состоянии жить и работать вместе.

Доктор Боб по своей сути был гораздо более смиренным человеком, чем я. В некотором смысле он был духовным «самородком» и соблюдение анонимности далось ему довольно легко. Он не мог понять, почему некоторые люди хотят привлекать к себе так много внимания. Пока он был жив, его личный пример соблюдения анонимности очень помогал мне делать то же самое. Я с особой теплотой вспоминаю один случай, о котором, наверное, знают все АА. Когда стало ясно, что у доктора Боба смертельная болезнь, некоторые из его друзей предложили возвести памятник или мавзолей в честь него и его жены Анны, чтобы увековечить память основателя АА и его супруги. Это было очень естественным и трогательным знаком всеобщей признательности. Комитет настолько увлекся этой идеей, что даже показал ему эскиз будущего сооружения. Д-р Боб рассказал мне об этом с широкой усмешкой и сказал: «Да благословит их Господь. Они не хотели ничего дурного. Но ради Бога, Билл, пусть тебя и меня похоронят, как обыкновенных людей».

Через год после его смерти я побывал на кладбище в Акроне, где лежат доктор Боб и его жена Анна. На простом могильном камне нет ни слова об Анонимных Алкоголиках. Некоторые могут подумать, что эта замечательная пара слишком далеко зашла в сохранении анонимности, раз они так решительно отказались от упоминания об Анонимных Алкоголиках даже на своем надгробии. Но лично я так не думаю. Я думаю, что этот трогательный и последний в их жизни пример самоуничижения в перспективе представляет гораздо большую ценность для АА, чем любое привлечение общественного внимания или любой величественный монумент.

ПРИНЦИПЫ СЛУЖЕНИЯ АА

(Согласно Двенадцати Традициям и Двенадцати Шагам)

Единственная основная цель, которая стоит перед каждой группой АА — донести свои идеи до алкоголика, который все еще страдает.

Каждая группа АА должна быть полностью самофинансируемой.

Анонимные Алкоголики всегда должны оставаться непрофессиональным сообществом.

Будучи таковым, АА никогда не создается организационным путем, однако мы можем создать советы или комитеты, подчиняющиеся непосредственно тем людям, которым они служат.

Наши лидеры — это пользующиеся доверием служители, но отнюдь не руководители.

Мы стараемся донести смысл этих идей до алкоголиков и практиковать эти принципы во всех наших делах.

Примечание: Изложенные выше традиционные принципы деятельности АА были развиты Биллом У. и включены в «Руководство для АА» и «Двенадцать принципов всемирного обслуживания».

СЛУЖЕНИЕ: ТРЕТИЙ ЗАВЕТ

Мы собрались здесь на заключительное празднование 20-летнего юбилея АА.

Над нами развивается знамя, на котором изображен новый символ АА — круг, опоясывающий треугольник. Круг символизирует сеть АА, действующую по всему миру, а треугольник символизирует Три Завета АА: Выздоровление, Единство и Служение. В нашем новом чудесном мире мы обрели свободу от своего пагубного пристрастия. Пожалуй, выбор данного символа был не случаен. Священнослужители и пророки древности считали треугольник, опоясанный кругом, средством для отпугивания сил зла и, безусловно, круг и треугольник АА, обозначающие Выздоровление, Единство и Служение, имеют не только этот смысл, но и гораздо большее значение.

В первый вечер нашей встречи здесь, в Сент-Луисе, мы рассматривали основу нашей триады — Выздоровление — как Первый Завет АА, на котором базируется и от которого зависит все остальное. Во второй вечер мы обсуждали Второй Завет АА — Единство — и его огромное значение для нашего будущего. Сейчас мы хотим поразмышлять о третьей составляющей нашей триады — о Служении как Третьем Завете АА, который после завершения сегодняшней встречи будут передан вам на все последующие времена. Таким образом, мы закончим рассмотрение нашего символа, и пусть Выздоровление, Единство и Служение, которые позволили создать наше товарищество по воле Божьей, всегда пребудут во власти Божьей, пока Господь пожелает использовать это сообщество.

Двенадцатый Шаг АА, подразумевающий донесение идей — это основной элемент служения, которое осуществляет наше сообщество; это наша основная цель и главная причина нашего существования. АА — это не просто набор принципов, это действующее общество выздоравливающих алкоголиков. Мы *должны* доносить идеи АА; в противном случае, мы сами придем в упадок, а те, кому еще не открылась истина, могут погибнуть. Вот почему мы так часто говорим о том, что магическим словом является *действие*. Следова-

тельно, действие по распространению идей АА, является краеугольным камнем нашего Служения как Третьего Завета.

Однако у некоторых из нас все еще нет полной ясности в отношении Третьего Завета АА. Мы все еще задаемся вопросом: «Что за штука этот Третий Завет? И на какую территорию распространяется «действенное служение»?»

Ответ прост. Служение АА подразумевает любые законные действия, которые помогают нам добраться до наших страдающих товарищей. Как мы уже видели, телефонный звонок на Двенадцатом Шаге, является важнейшей из услуг АА. Однако для того, чтобы разговор с нами стал возможным и действенным, необходимы такие вещи, как информация о возможности связаться с нами, автомобиль для поездки, деньги на бензин для автомобиля, кофе, который мы покупаем для нашего собеседника. И это только начало. Наши услуги подразумевают также наличие помещений для проведения встреч, в том числе, помещения и офисы для Интергрупп, сотрудничество с медицинскими учреждениями, распространение книг и брошюр. Для оказания услуг могут понадобиться комитеты, делегаты, конференции и попечители. Это подразумевает также небольшие добровольные денежные пожертвования на функционирование группы, региона и всех АА в целом. Эти услуги постоянно варьируются от чашки кофе до содержания Генеральной штаб-квартиры АА для проведения акций в национальном и международном масштабе. В совокупности *все* эти услуги и составляют Третий Завет АА. Такие услуги совершенно необходимы для существования и развития АА. Мечтая о простоте, мы часто задаемся вопросом, нельзя ли обойтись без многих услуг, которые ныне оказывают АА. Как чудесно было бы жить без хлопот, политики, расходов и обязанностей, не правда ли? Однако это всего лишь мечта о простоте; в действительности это не было бы простотой. Без своих основных услуг сообщество АА вскоре стало бы формальным, запутавшимся и превратилось в безответственную анархию.

Говоря о любом конкретном виде услуг, следует задать всего один вопрос: «Является ли та или иная услуга *действительно необходимой*.» Если нет, ее можно упразднить. Но если она *действительно* необходима, тогда мы должны ее сохранять, в противном случае мы не выполним свою миссию в отношении тех, кто желает и ищет помощи от АА. На протяжении вот уже 20 лет мы постоянно пытаемся определить, какие услуги являются необходимыми, а какие нет. Надеюсь, что мой рассказ о развитии услуг АА поможет прояснить понимание нашего Третьего Завета.

Позвольте начать рассказ с моего собственного наставника, Эбби. Когда Эбби услышал о том, насколько серьезно я пил, он решил приехать ко мне. Он находился в Нью-Йорке, а я жил там в Бруклине. Ему недостаточно было просто принять решение: надо было *совершить действие* и *потратить деньги*. Он позвонил мне по телефону и сел в метро — в общей сложности это обошлось ему в 10 центов. Так, с помощью телефонной будки и турникета в метро начался процесс объединения денег с духовным началом. Одно без другого не дало бы никакого результата. Таким образом, Эбби утвердил принцип о том, что деятельность АА требует жертвы в виде большого количества времени и небольшой суммы денег.

А теперь давайте вспомним одну из немноголюдных встреч в наше первое лето в Акроне. Мы собирались в гостиной доктора Боба. Анна предоставляла свой дом, чтобы у нас была крыша над головой. Требовались некоторые расходы на приготовление кофе, и их оплачивал д-р Боб. Если бы Анна и д-р Боб не оказывали такого гостеприимства, проведение встреч было бы невозможным.

По мере роста числа участников встреч в Акроне, они переместились в дом Т. Генри и Клэрис Уильямс. Они закупили большое количество дополнительных стульев, приготовили много ужинов и вытерпели существенный материальный урон для своего дома. Мы, алкоголики, не заплатили ни цента. Т. Генри и Клэрис пожертвовали большим количеством времени и определенной суммой денег. Если бы они этого не сделали, не было бы никаких встреч.

Я думаю, с помощью этих наглядных примеров можно понять, что является подлинной проверкой служения АА. Неважно, будет ли это книга, перевод, проведение очередной конференции или юбилейной встречи, принцип остается неизменным и проверяется аналогичным образом: *Нужна ли нам данная конкретная услуга* или нет? Это единственный вопрос, на который надо ответить.

По мере роста АА частные дома перестали подходить для проведения собраний. Нам пришлось переместиться в гостиничные залы. Так наступило время, когда группам понадобилось взять на себя расходы. Владельцы помещений хотели получать деньги, которые необходимо было собрать. Эти денежные сборы были добровольными, однако сопровождались многочисленными жалобами. Говорилось, что участие в АА не подразумевает никаких расходов. Нельзя смешивать великую духовную идею с меркантилизмом владельцев помещений. Однако это не производило никакого впечатления на последних. Нам надо было либо платить, либо убираться. Поэтому мы платили, и добровольные

пожертвования стали частью существования АА — без них мы не могли бы функционировать. Более того, кто-то должен был собирать эти деньги, хранить и отчитываться за них. Это подразумевало существование казначея. Вскоре группа обнаружила также, что ей необходим секретарь, а порой и председатель. Потребовалось принять абсолютно необходимые меры и назначить или выбрать людей на эти должности. Это зачастую сопровождалось трениями и стремлением к власти, однако выяснилось, что группа должна выжить и функционировать любой ценой. Следовало найти средства, чтобы поставить на место бузотеров и людей, стремящихся к власти. Наличие небольшого исполнительного комитета, значительное, но мягкое принуждение в сочетании с большой любовью и пониманием оказались правильным ответом на проблему. В конечном итоге, этот порой пугающий опыт пошел нам на пользу. Это помогло всем повзрослеть, а тем временем группа продолжала функционировать, поскольку она должна была либо действовать, либо потерпеть поражение в выполнении своей миссии.

В различных городах и районах существовали свои проблемы, связанные с оказанием услуг. Если алкоголики и их семьи не могли по телефону дозвониться до АА, чтобы установить контакт, они испытывали разочарование. Это приводило к ненужным страданиям, а иногда к потере жизни. Больницы также устали осуществлять поспешный и безответственный прием таких пациентов. Такая ситуация характеризовалась отнюдь не простотой, а большой сложностью. Необходимо было вводить наставничество в медицинских учреждениях и за их пределами; в противном случае чаша терпения больниц могла переполниться и они прекратили бы сотрудничество. Не обращая внимания на протесты типа «Давайте не будем все усложнять», ответственные члены местного сообщества, имеющие большой стаж трезвости и побуждаемые исключительно безотлагательностью ситуации, зачастую снимали небольшое офисное помещение, нанимали секретаря и начинали действовать как управляющий комитет центра обслуживания. Затем эти ветераны сообщества обращались к местным группам за добровольными пожертвованиями. Если этих пожертвований не хватало на содержание простой и недорогой структуры, они зачастую залезали в собственные карманы. Если принятая на работу секретарша оказывалась членом АА, это наверняка приводило к неприятностям. Вскоре девушка с испугом узнавала, что ее считают «профессиональным сотрудником АА», зарабатывающим на этом деньги. Разумеется, эти обвинения были необоснованными, так как в первую очередь она исполняла обязанности секретаря. С годами региональные комитеты извлекли для себя те же уроки, что и отдельные группы. Они поняли, что на самом деле необходимо для функционирования регионального сообщества АА, а что нет. В результате этой долгой работы и борьбы появились современные Интергруппы АА или Главные региональные офисы, которые выполняют жизненно необходимую работу в десятках городов.

В то же время мы выяснили, что нам требуются услуги, которые мы не можем оказывать самостоятельно. Главным образом, это связано с госпитализацией в подходящие медицинские учреждения. Лечение и физический уход за самыми тяжелыми больными не могут и не должны осуществляться членами АА. И здесь нам на помощь пришли наши хорошие друзья, такие как д-р Силкуорт и сестра Игнация. С тех пор число больниц, вовлекающих нас в тесное сотрудничество, неуклонно возрастает. Среди пионеров этого движения — больница Чарльза Б. Таунса в Нью-Йорке, больница Св. Томаса в Акроне, благотворительная больница Св. Винсента в Кливленде, больница Никербокер в Нью-Йорке. Эти и другие больницы являют собой превосходные примеры деятельности наших друзей за пределами сообщества АА, помогающей нам лучше функционировать и оказывать необходимые услуги.

Помимо этих больниц, сегодня у нас есть внушительный список вытрезвительных учреждений — на фермах, в клиниках штатов и различных населенных пунктов, а также различных специалистов и групп помощи из числа гражданского населения, заинтересованных в решении проблемы алкоголизма. Нам оказывают помощь юристы, специалисты по пенитарным учреждениям, образовательные комитеты, психиатры, крупные промышленные предприятия. Невозможно переоценить значение их услуг в плане помощи АА и укрепления нашего сообщества.

На помощь к нам пришли и религиозные организации. Мы получили благословение практически от всех церковных течений и конфессий. Преданные служители церкви индивидуально работали с со многими из нас, давая советы и способствуя дальнейшему религиозному пониманию и духовному подъему.

Без этой помощи от сторонних лиц и организаций АА, возможно, никогда не смогли бы начать свою деятельность или продолжать столь успешно развиваться. Это были жизненно необходимые услуги, которые продолжают оставаться таковыми.

Большую услугу иного рода оказали АА наши друзья из газет, журналов и других средств массовой информации. Эти организации обеспечили АА бесплатной рекламой на миллионы долларов. Они привели к нам десятки тысяч алкоголиков и никогда ничего не

требовали, кроме нашего сотрудничества в распространении информации о деятельности АА по всему миру. Мы знаем, что без помощи этих друзей наше развитие происходило бы гораздо медленнее.

А теперь мы подходим к рассказу о деятельности АА во всем мире. Поскольку большинство из нас не связаны с этой деятельностью, немногие знают о том, как создавалась структура всемирного сообщества, и каковы успехи в этой области. Для тех, кто знаком с его подлинной историей, это представляется одним из наиболее важных и волнующих достижений за все время нашего существования.

В тот осенний день 1937 года, когда д-р Боб и я поняли, что около сорока из нас излечились от алкоголизма, мы тут же спросили себя: «Как можно поделиться этим опытом? Как распространить эту информацию.» Д-р Боб выздоровел двумя с половиной годами ранее, а я к тому времени не пил уже три года.

Все это время ушло на усовершенствование программы выздоровления и на то, чтобы привести к трезвости небольшое число больных. Но количество алкоголиков во всем мире, которые хотели избавиться от своего недуга, исчислялось миллионами. Как дать им тот огромный шанс, который был у нас? Мы продвигались вперед с такой черепашьей скоростью, что до большинства из них мы никогда не успели бы добраться, это было очевидно.

Поэтому мы больше не могли оставаться секретным обществом, о котором мало кто слышал. Устное общение с несколькими алкоголиками, которое мы могли поддерживать с помощью наших тогдашних методов, было не только медленным, но и опасным способом распространения информации, т.к. идеи о возможности выздоровления, на которые мы возлагали такие большие надежды, могли быть вскоре искажены до неузнаваемости. Было очевидно, что наше подающее надежды общество и его должны были предстать перед публикой, выйти в свет.

Можно было предположить, что на лечение в Акрон или Нью-Йорк приедет лишь очень небольшое число алкоголиков со всего мира. Однако нам надо было найти способ добраться до них, где бы они ни находились. Возможно, для этой цели надо было выделить деньги для отправки некоторых наших членов в качестве миссионеров. В то время было уже ясно, что большинство больниц не хотят связываться с алкоголиками. Они были заполнены пациентами, которые представлялись более достойными объектами для лечения. Возможно, нам надо было начать действовать в нескольких больницах и использовать получаемые доходы на оплату деятельности миссионеров. Кроме того, необходимо было изложить наши методы на бумаге. Книга с изложением нашего

опыта могла бы донести наши идеи в отдаленные уголки, куда мы никогда не смогли бы добраться лично. Более того, такая книга могла бы предотвратить искажение идей и информации, которое неизбежно началось бы сразу после приобретения известности. Она не только служила бы руководством для алкоголиков на пути к выздоровлению, но и послужила бы основанием для того, чтобы рассказать нашу историю всему миру, т.е. способствовала бы развитию наших связей с общественностью. Таковы были наши мысли и соображения.

Идея написания книги очень нравилась д-ру Бобу. Но когда речь зашла о платных миссионерах и получении прибыли за счет больниц, у него были явные сомнения. Я был приверженцем этих идей и не разделял многих его страхов. Я чувствовал, что нам понадобятся деньги, и возможно, много денег. Никто из нас не мог полностью посвятить себя этой работе, если мы не будем получать материальную поддержку. И нельзя было ожидать от наших членов, что они бросят свою работу и позабудут о нуждах своих семей, чтобы заниматься бесплатной миссионерской деятельностью. Если у нас будут свои больницы, нам потребуется финансирование. Только на подготовку книги понадобится много времени и некоторое количество денег. Ни д-р Боб, ни я не располагали средствами, у нас были только долги. Все остальные члены АА находились примерно в таком же положении. Нам просто необходимо было достать деньги или же прекратить существование. Д-р Боб был лишь наполовину убежден этими доводами и задавался законным вопросом, как эти трудности могут повлиять на идейный дух нашего предприятия — распространение наших идей среди товарищей-алкоголиков, не используя принуждение и не извлекая материальной выгоды. В конце концов, он сказал: «Почему бы нам не собрать всех наших акронских товарищей и не провести встречу в доме у Т. Генри? Давайте опробуем эти идеи на них».

Восемнадцать акронских алкоголиков, собравшихся у Т. Генри, без энтузиазма выслушали наши предложения. Я старался привести как можно больше убедительных доводов в пользу миссионерской деятельности, организации больниц и издания книги. Несмотря на свои сомнения, д-р Боб энергично поддержал меня, особенно по части необходимости издания книги.

Как только мы закончили, эти алкоголики буквально не оставили от нас камня на камне. Они отвергли идею отправки миссионеров. Они сказали, что платные сотрудники уничтожат идею добровольности в работе с алкоголиками, и это будет просто убийственно. Если мы займемся больничным бизнесом, все скажут, что это жуль-

ничество. Многие считали, что нам следует избегать рекламы; нас завалят просьбами, и мы не справимся с этим потоком обращений. Некоторые выступили также против книг и брошюр. В конце концов, говорили они, апостолы никогда сами не занимались распространением печатной информации.

Мы с д-ром Бобом снова вступили в этот спор и возобновили давление. Однако это не дало результатов, и пришлось проводить голосование. С минимальным перевесом, невзирая на энергичные возражения, собрание в Акроне, наконец, постановило, что нам следует предпринять все эти действия — послать миссионеров, организовать больницы, издать книгу. Но даже тогда никто из присутствующих не выразил большого желания принять активное участие в этой деятельности. Если требуется много денег, мне лучше отправиться в Нью-Йорк, где крутятся большие деньги, и собрать их самому. Таков был вердикт собрания, и мы оказались в очень рискованном положении. В последующие годы я был очень благодарен этому сильному меньшинству. Их утверждение, что участие в большом бизнесе и привлечение платных миссионеров уничтожит нас, оказалось абсолютно справедливым. С другой стороны, если бы мнение этих ультраконсерваторов возобладало, мы ничего бы не добились. В конечно итоге АА могли бы просто исчезнуть. Хотя в тот момент я этого и не понимал, групповое сознание АА уже начало работать в поисках правильного решения относительно нашего будущего. Большинство участников того собрания позволили мне действовать, как я хотел, и в то время было довольно легко игнорировать предупреждения меньшинства. Однако, как мы увидим, это не было окончательным поражением меньшинства.

Весьма воодушевленный, я сел в поезд и поехал домой. Я рассчитывал, что наши новые предприятия принесут нам миллионы долларов. Наша немногочисленная нью-йоркская группа оказала мне гораздо больше поддержки, нежели акронцы. Многие из них вскоре прониклись моими грандиозными идеями. Казалось, что сбор денег на такое благородное дело не составит никакого труда. Мы говорили друг другу: «Ну как же, это же одно из величайших медицинских и духовных достижений всех времен. Наверняка, богатые нам помогут. Как же может быть иначе?» Затем из состава членов нью-йоркской группы удалось найти пару талантливых пропагандистов, которые полностью разделяли мои взгляды. Так многообещающе началась первый (и последний) крестовый поход АА по сбору денег.

Вооружившись списком предполагаемых богатых подписчиков, мы начали сбор средств. К нашему изумлению, у нас абсолютно ни-

чего не вышло. Кое-кто из богатых людей выражал некоторое участие и симпатию, однако они не были по-настоящему заинтересованы. Казалось, почти все они считали, что туберкулез, рак и общество Красного Креста гораздо лучше подходят для благотворительных пожертвований. Почему они должны помогать возвращать к жизни многочисленных опустившихся алкоголиков, которые сами виноваты в своих бедах? Находясь в полном унынии, мы, наконец, поняли, что пьяницы никогда не будут пользоваться большой популярностью в качестве объектов масштабной благотворительности.

Я был очень рассержен и подавлен, и в таком настроении я пришел в офис моего шурина, д-ра Леонарда В. Стронга-младшего, перед которым произнес резкую обличительную речь о скупости и недальновидности богатых. Наше движение, несомненно, должно было перевернуть мир. Что же происходит с людьми? Все это Леонард уже слышал раньше, и он сказал с некоторой усталостью: «Когда-то я знавал человека по имени Уиллард Ричардсон. Насколько я помню, он имел какое-то отношение к благотворительной деятельности Джона Д. Рокфеллера. Я полагаю, он весьма близок с семьей Рокфеллеров. Если он еще жив, я думаю, он меня вспомнит. Возможно, он еще работает у Рокфеллера. Я позвоню и выясню это».

Леонард позвонил, и в тот же момент в трубке раздался голос одного из наших будущих самых больших друзей, г-на Уилларда Ричардсона. Он сказал: «Привет, Леонард, где ты пропадал все эти годы? Я с удовольствием повидался бы с тобой». Мой шурин ответил: «У меня здесь мой родственник, который добился некоторых успехов в исправлении алкоголиков. Можно мы приедем поговорить с тобой об этом?» М-р Ричардсон ответил: «Конечно, можно. Как насчет завтрашнего дня?»

Следующим утром мы с Леонардом вышли из лифта на пятьдесят шестом этаже Центра Рокфеллера, где располагались офисные помещения Джона Д. Рокфеллера-младшего. Вскоре мы уже обменивались рукопожатиями с м-ром Ричардсоном — пожилым господином с сияющими глазами и необычайно симпатичным лицом. Он принял нас очень тепло и сердечно. Он выразил глубокий интерес к истории борьбы нашего товарищества, которую я изложил. Выслушав меня, этот замечательный человек сказал: «Мне кажется, нам следует встретиться еще раз. Может быть, нам пообедать вместе? Как насчет следующей недели?»

В лифте мой шурин столкнулся с одним своим другом, который сказал: «Так вы встречались с м-ром Ричардсоном? Это как раз тот

человек, который вам нужен, если вы лично хотите что-либо получить от м-ра Рокфеллера. Вот уже много лет он управляет частными благотворительными фондами м-ра Рокфеллера». Это было *потрясающе*! Вот прямой путь к успеху! Мы наконец нашли покровителя! Конец нашим денежным затруднениям! В конечном итоге, мы преуспели в качестве промоутеров.

На следующей неделе во время обеда с м-ром Ричардсоном мои ожидания еще более укрепились. Он живо интересовался историей нашего сообщества и его нуждами. Он предложил встретиться еще раз в приватном помещении в Центре Рокфеллера. Он приведет с собой м-ра Альберта Скотта, председателя попечительского совета церкви Риверсайд, м-ра Фрэнка Эймоса, своего близкого друга, занимающегося рекламой, и м-ра А. Лероя Чипмэна, компаньона, который ведет некоторый личные дела м-ра Рокфеллера. И, конечно же, на встрече будет д-р Стронг, познакомивший нас. Я должен был привести с собой д-ра Силкуорта и нескольких нью-йоркских алкоголиков, а также д-ра Боба и несколько наших товарищей из Акрона. Я помчался домой в Бруклин и в волнении позвонил д-ру Бобу. Мы парили в облаках, на седьмом небе от счастья.

Наконец настал тот исторический вечер в декабре 1937 г. Мы поужинали и, наконец, очутились в зале для закрытых совещаний в помещении, принадлежавшем м-ру Рокфеллеру-младшему. Мой стул за большим столом был теплым, и мне сказали, что на нем только что сидел сам м-р Рокфеллер. После этого стул подо мной стал еще тепелее — мы несомненно приближаемся к успеху!

Последовала довольно неуклюжая пауза в ожидании наших выступлений. Мне кажется, мы были охвачены некоторым благоговейным страхом. Затем кто-то предложил, чтобы каждый из присутствующих здесь алкоголиков рассказал свою историю, как они сделали бы это на любой другой встрече. Рассказав несколько историй о наших несчастьях, связанных с алкоголизмом, и о нашем выздоровлении, мы увидели, что произвели очень глубокое впечатление. Когда мы закончили, м-р Скотт, который сидел во главе стола и председательствовал на этой встрече, воскликнул: «Да это же христианство I-го века!» Затем, переходя ближе к делу, он спросил, чем они могут помочь.

Наступил наш звездный час. Я упомянул о том, что нам нужны деньги на оплату сотрудников, содержание больниц, издание литературы. Конечно, мы могли бы начать со скромных сумм, но, в конечном итоге, на эти вещи могут потребоваться значительные средства. Я осмелился сказать, что мы безотлагательно нуждаемся в деньгах.

Хотя эти предприятия сопряжены со значительным риском, существует еще больший риск вообще ничего не сделать. Д-р Силкуорт и остальные наши товарищи были того же мнения.

Затем м-р Скотт задал вопрос, который до сих пор можно услышать среди АА. «Не нанесут ли деньги вред этому движению?» — спросил он. Дискуссия приняла общий характер, и нас забросали вопросами: «Не создадут ли деньги особый класс профессионалов? Не нанесут ли профессиональные сотрудники вред тому индивидуальному подходу, который ныне действует так успешно? Не станет ли организация сети лечебниц фатальным отклонением от курса, учитывая все необходимые для этого средства, здания и оборудование?» Этот поток вопросов обескураживал. Хотя присутствующие были спокойны, их речи во всех отношениях были похожи на высказывания горластого меньшинства на той встрече в Акроне. Мы все поняли, что это действительно резонные вопросы, поскольку они исходят от таких непредвзятых и дружески настроенных людей. Мы отвечали, что сами уже думали об этих рисках, но, в конце концов, пришли к выводу, что еще более опасно ничего не предпринимать. Будучи глубоко уверенными в справедливости этого утверждения, мы продолжали отстаивать нашу точку зрения, используя те же аргументы, что и в Акроне. В конце концов, наша логика произвела впечатление на наших новых друзей, и они начали сдаваться. Они согласились, что нам действительно нужны деньги, по крайней мере, *некоторая* сумма.

По этому пункту м-р Эймос (который впоследствии стал большим другом и многолетним попечителем АА) пообещал ознакомиться с историей нашего сообщества, чтобы иметь основания для обращения к м-ру Рокфеллеру с просьбой о финансировании. М-р Эймос никогда не обращал на нас внимания до этого, и мы были глубоко тронуты этим свидетельством его интереса и щедрости.

Мы предложили м-ру Эймосу сначала познакомиться с акронской группой. В Акроне находилась наша первая и самая большая группа. Она действовала в более типичном социальном окружении, нежели в Нью-Йорке. Если мы намереваемся открыть нашу больницу, лучше разместить ее в Акроне, где ею сможет руководить д-р Боб. Была еще одна причина, о которой мы не упомянули, боясь смутить д-ра Боба. Хотя он не пил уже более двух лет, ему не удавалось возобновить свою хирургическую практику. Люди были очень рады видеть его трезвым, однако все еще боялись скальпеля в его руках. Многие спрашивали: «Что, если он напьется сегодня утром и зарежет *меня*?» Мы знали, что над доктором Бобом висит угроза потерять дом, приобретенный

по ипотеке, и если нам суждено было в скором времени получить деньги, он нуждался в них больше, чем кто-либо из нас.

Неделю спустя Фрэнк Эймос приехал в Акрон и досконально выяснил всю ситуацию. Он опросил местных жителей и ряд коллег д-ра Боба. Он посетил несколько собраний и поговорил с каждым из алкоголиков, входящих в сообщество. Он также осмотрел большое свободное здание, которое можно было превратить в больницу, где мог бы работать д-р Боб. Фрэнк заразился этой идеей и вернулся в Нью-Йорк, полный энтузиазма. В заключительной части своего оптимистичного доклада он порекомендовал м-ру Рокфеллеру выделить нам в качестве начального капитала грант в размере 50 тысяч долларов. С помощью этих денег можно было бы оказать финансовую поддержку двум-трем нашим членам, внести первый взнос на приобретение больницы, решить проблемы д-ра Боба с долгом по ипотеке.

М-р Ричардсон незамедлительно передал этот радужный отчет своему другу м-ру Рокфеллеру, который, по нашему мнению, наверняка должен был этим заинтересоваться. Здесь была и медицина, и религия, и большая полезная работа — все в одном пакете. Прочитав отчет Фрэнка, Дик Ричардсон добавил к нему свой рассказ о том, что он сам увидел и услышал от нас. М-р Рокфеллер слушал очень внимательно. Он был чрезвычайно впечатлен и сказал об этом. С тех пор он не уставал это повторять и неоднократно говорил, что его сотрудничество с Анонимными Алкоголиками — это одно из лучших и наиболее волнующих переживаний в его жизни.

Тем не менее, м-р Рокфеллер категорически отклонил просьбу о выделении большой денежной суммы, несмотря на то, что наш проект полностью отвечал его благотворительным наклонностям. Перечитав доклад Фрэнка, он сказал своему старому другу: «Дик, боюсь, что деньги испортят это дело». Он привел свои доводы, и они оказались аналогичны тем, которые были высказаны меньшинством акронской группы. Таким образом, Джон Д. Рокфеллер-младший руководствовался желанием защитить товарищество АА от самих себя и от ненужных рисков в виде денег, собственности и профессионализма. Это был один из поворотных моментов в истории АА. Его большое богатство могло погубить нас.

В этот момент Дик Ричардсон описал отчаянное финансовое положение, в котором находились я и д-р Боб. Услышав это, м-р Рокфеллер сказал: «Я положу на их нужды 5 тысяч долларов в казну церкви Риверсайд. Можете распоряжаться этими деньгами по своему усмотрению. Это даст им некоторую временную поддержку. Но это товарищество должно в скором времени стать самофинансируемым. Если вы и остальные не согласны с этим, если вы действительно считаете, что этому движению необходимы деньги, разумеется, вы можете помочь собрать их. Но, пожалуйста, впредь никогда не просите меня о большем».

Это была *грандиозная* новость для Анонимных Алкоголиков, однако тогда она показалась нам плохой новостью. По существу, это был сокрушительный удар по нашим надеждам. Тем не менее, мы с д-ром Бобом были благодарны за то, что нас вызволили из беды, хотя бы на некоторое время. Небольшой ипотечный кредит за дом д-ра Боба был выплачен, и мы начали получать по 30 долларов в неделю, что должно было продолжаться, пока выделенная сумма не будет исчерпана. Что касается всего остального, то наша ситуация нисколько не изменилась. Перспективы отправки миссионеров, открытия больниц и издания книги растаяли в тумане. Дядюшка Дик Ричардсон был явно разочарован, так же как и его друзья Эймос, Чипмэн и Стронг. Видя, что они не совсем согласны с м-ром Рокфеллером, мы возобновили свои просьбы о помощи. Может, они знают других богатых людей, обращение к которым может увенчаться большим успехом? К нашей радости, все четверо думали, что это возможно, и мы часто встречались, чтобы обговорить ситуацию.

К весне 1938 г. у нас сформировалась определенная программа действий. Было решено, что нам необходим необлагаемый налогами благотворительный фонд, куда могли бы поступать средства от богатых пожертвователей в виде части их налогов, причитающихся к уплате. Такой фонд был бы ответственным хранителем этих средств и гарантировал бы разумное использование всех пожертвований. Г-да Ричардсон, Эймос и Чипмэн согласились стать попечителями фонда, так же как и мой шурин, д-р Стронг. Таковы были первые шаги по формированию Фонда алкоголиков (который недавно был переименован в Генеральный совет АА).

Затем Фрэнк Эймос обеспечил нам ценную помощь в лице своего молодого друга Джона Вуда, который в то время только начинал свою карьеру в одной из известных адвокатских контор в Нью-Йорке. Это был самый одаренный юрист, которого мы могли заполучить. Джон Вуд принимал участие в наших заседаниях, и мы начали действовать.

Первым делом надо было выбрать название для нашего нового предприятия. После долгих обсуждений мы решили назвать его

Фондом алкоголиков. Это казалось нам звучным названием, которое могло оказывать большое впечатление. Все еще увлеченные великими идеями, мы считали, что наши попечители должны действовать на основании устава, позволяющего им предпринимать любые действия, касающиеся алкоголя или алкоголизма, за исключением лоббирования в пользу принятия «сухого закона». Мы намеревались достичь договоренности, в соответствии с которой мы могли бы вести исследовательскую и просветительскую деятельность, и заниматься многими другими вещами. Забота о наших членах была бы только одной из сторон многогранной деятельности. Так Фонд алкоголиков получил свое название и выработал устав.

Затем мы начали работу над юридическими аспектами. Нам казалось, что в Попечительский совет должны входить алкоголики и неалкоголики. Последние всегда должны были составлять минимальное большинство в один голос. Это гарантировало бы нашим членам и другим пожертвователям решающую роль неалкоголиков в распределении средств. Тогда м-р Вуд вежливо попросил нас дать точное определение, кто является алкоголиком, а кто неалкоголиком. Мы дали следующее определение: алкоголик — это больной человек, которому совершенно нельзя пить. Мы предположили, что неалкоголик — это совершенно здоровый человек, который может выпить, если захочет! В этом не было никакого юридического смысла, и м-р Вуд, все еще озадаченный, в конце концов, оставил попытку дать описание алкоголика в юридических терминах. Но вскоре он нашел выход из этого тупика, предложив нам составить простой договор об учреждении доверительного фонда и подписать его. Так можно было избежать необходимости принятия формального устава. Вскоре этот документ был готов, и Фонд алкоголиков начал действовать.

В составе нашего первого Совета было пять попечителей. Дик Ричардсон, Фрэнк Эймос и д-р Стронг были членами Совета со стороны неалкоголиков, а со стороны алкоголиков мы выбрали д-ра Боба и одного человека из нью-йоркской группы. Этот человек из Нью-Йорка вскоре начал пить, но такая возможность была заранее предусмотрена. Пьянство попечителя, представляющего алкоголиков, означало его немедленную отставку. На его место был назначен другой алкоголик, и мы начали работать. Это был май 1938 года.

Наши друзья, как и обещали, составили список богатых людей, к которым можно было бы обратиться, и с начала лета до начала осени мы усердно работали с этим списком. Нам казалось, что наличие безналогового фонда и таких друзей, какими мы теперь располагали, должно легко решить наши финансовые проблемы. Однако оказалось, что такие привлекательные атрибуты, как освобождение от налогов и наличие ответственных попечителей, не меняют сути дела. На какое-то время нам протянул руку помощи Карлтон Шервуд, друг Дика Ричардсона. М-р Шервуд очень успешно занимался сбором средств на благотворительные цели, однако он понял, что вряд ли может нам помочь, т.к. мы сами были настроены слишком мрачно и неопределенно. Дело застопорилось, и казна нашего Фонда оставалась пустой. Казалось, мы пришли к концу.

Примерно в марте или апреле 1938 г. я начал работать над книгой, которая затем вышла под названием «Анонимные Алкоголики». Ко времени проведения нашей великой кампании по сбору денег я закончил свою историю и написал черновой вариант нынешней второй главы книги АА. Размноженные копии этих двух глав были одним из элементов этой кампании, которая вскоре выдохлась.

Пытаясь подбодрить нас, наши друзья настаивали на проведении ежемесячных заседаний попечителей. В течение некоторого времени на этих заседаниях ничего не происходило, за исключением соболезнований по поводу пустой казны нашего Фонда. Но на одной из таких встреч ранней осенью 1938 года Фрэнк Эймос выдвинул идею, которая действительно открыла нам дорогу в будущее. Он сказал: «Один из моих друзей, Юджин Эксман, работает редактором религиозной литературы в издательском доме «Харпер». Возможно, он заинтересуется вашей новой книгой. Почему бы вам не поехать туда и не показать ему несколько готовых глав? Я организую для вас эту встречу».

Итак, я поехал на встречу с Джином Эксманом, который впоследствии стал еще одним замечательным другом нашего сообщества. Я поведал историю нашей борьбы и передал ему мои первые авторские попытки. В моем присутствии Джин внимательно просмотрел текст двух глав. Затем он спросил: «Сможете ли вы написать всю книгу в таком стиле? И сколько месяцев у вас это займет?» Я задрожал, но ответил: «Думаю, что смогу. Вероятно, на это потребуется 9—10 месяцев». Тогда он сделал неожиданное предложение: «Если это вам поможет, то, я думаю, издательство могло бы выдать вам аванс в размере полутора тысяч долларов в счет авторского гонорара. Эту сумму потом вычтут из вашего вознаграждения, когда вы закончите книгу в следующем году».

В очередной раз вознесшись до небес, я удалился, чтобы сообщить эту великую новость моим товарищам. Сначала я направился к Фрэнку Эймосу, но по дороге мое воодушевление стало омрачаться беспокойными мыслями. Предположим, наша недописанная книга когда-нибудь превратится в настольную книгу для наших товарищей. Тогда наш главный письменный труд будет достоянием постороннего издателя, безусловно, славного и надежного человека, но все же чужака. Поэтому я размышлял, не лучше ли, чтобы права на нашу книгу были у нашего товарищества. Затем я подумал о полутора тысячах долларов в качестве аванса. Когда книга будет готова, я буду должен издательству эту сумму, и для того, чтобы рассчитаться с ним, придется продать довольно большое количество экземпляров. И предположим, что когда книга выйдет в свет, она получит большую популярность и к нам посыплются мольбы о помощи от тысяч алкоголиков и их семей. У нас не будет денег, чтобы справиться с этой весьма вероятной ситуацией.

Я не стал высказывать Фрэнку эти опасения и с радостью увидел, как осветилось его лицо, когда он узнал эту новость. В любом случае, отрадно было узнать, что такое издательство, как Харпер, было заинтересовано в этой книге, и такой редактор, как Джин, верил, что это будет хорошая книга. Этот случай стал одним из кирпичиков, создавших уверенность в возможности довести проект этой книги до конца, во что бы то ни стало.

На следующем заседании Фонда наши друзья счастливо улыбались, слушая подробности проекта издания книги у Харпера. Это был первый луч надежды за многие месяцы. Наши попечители были единодушны во мнении, что договор с Харпером является правильным решением.

Ранее я поделился своими сомнениями относительно предложения Харпера с несколькими друзьями в Нью-Йорке, но больше нигде об этом не говорил. Теперь же, очень неохотно, я рассказал о них попечителям. Однако мои доводы не произвели впечатления на членов Совета из числа неалкоголиков. Они напомнили мне хорошо известный факт, что авторы редко сами издают свои произведения и владеют правами на них. Встреча закончилась на унылой ноте. Мы не пришли к единому мнению, и не было принято никакого решения.

Вскоре после этого в дело вступил один из самых энергичных и пробивных людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. Это был мой друг Генри П., который одно время занимал руководящую

должность в компании «Стэндард Ойл», и первый алкоголик в нью-йоркской группе, которому удалось бросить пить, по крайней мере, на какое-то время. Он был протеже д-ра Силкуорта и часто посещал больницу Чарлза Таунса. К этому моменту он не пил около двух лет. Генри был рыжеволос, ежеминутно выдавал новые идеи и фонтанировал безудержной энергией. Он не входил в число попечителей Совета, и формально его мнение не имело никакого значения, но это было неважно. Он был энергичным торговцем и в своей жизни продал немало товаров. Он сказал: «Послушай, Билл, зачем нам дальше иметь дело с этими попечителями и этим Фондом? Эти парни не собрали ни цента и не собираются этого делать. Почему бы нам не поставить это дело с будущей книгой на деловую основу и не создать акционерное общество? Давай продадим акции нашим собственным товарищам в Нью-Йорке. Если мы сумеем их убедить, я гарантирую, что они захотят дать нам деньги». Когда-то я работал на Уолл-Стрит, и эта идея уже приходила мне в голову, но замыслы Генри были гораздо масштабнее, и он излучал уверенность. Наше товарищество организует собственное издательство и, может быть, мы распрощаемся с Фондом. Я сказал ему, что попечители никогда не согласятся с этим планом, и мне не хотелось бы обижать их. Но Генри был гораздо более толстокожим человеком, чем я. Он был неумолим; он сказал, что это просто необходимо сделать, и, в конце концов, я согласился.

Все еще сильно тревожась о судьбе этого предприятия, я вернулся к Джину Эксману и честно рассказал ему о том, что мы собираемся сделать. К моему крайнему изумлению, он согласился, абсолютно в ущерб собственным интересам, что такому обществу, как наше, необходимо самому издавать собственную литературу и самим контролировать этот процесс. Более того, он полагал, что у нас есть хорошие шансы преуспеть. Хотя мнение Джина не имело большого значения для попечителей, все же мы с Генри почувствовали поддержку, в которой так нуждались.

Генри не терял времени и немедленно принялся обрабатывать членов нашей нью-йоркской группы. Он отлавливал их по одному и убеждал, подавлял, гипнотизировал. Я шел по его следам, стараясь сгладить раздражение и развеять некоторые подозрения относительно мотивов наших действий. После двух недель этой энергичной пропаганды члены восточного отделения нашего товарищества без особого энтузиазма дали свое согласие. Д-р Боб испытывал сомнения, но тоже согласился. Он считал, что на данном этапе неразумно было бы выно-

сить этот вопрос на рассмотрение наших акронских товарищей. Он полагал, что такая пропаганда могла быть отчасти оправдана в Нью-Йорке, но немногие акронцы сумеют это понять. Он также считал, что следует озвучить эту идею перед Попечительским советом. Нам ни в коем случае не следовало их игнорировать.

Тем временем мы с Генри продолжали совершенствовать наш план. Нужен был убедительный проспект об организации акционерного общества, чтобы заставить алкоголиков отдать свои деньги в обмен на акции компании, которая еще не выпустила ни одной книги. Но чем больше мы изучали ситуацию, тем лучше выглядело это предложение. Мы пошли к Эдварду Блэквеллу, президенту «Корнуолл Пресс», одной из крупнейших типографий в США. Там мы выяснили, что стоимость печати книги среднего размера составляет всего около десяти процентов ее розничной стоимости. Затраты на печатание книги объемом 400 страниц будут меньше одного доллара. Если продажная цена нашей новой книги будет 3,5 доллара, как планировали мы с Генри, то мы получим значительную чистую прибыль. Не надо будет платить комиссию книжным магазинам, оплачивать рекламу, нести убытки, какие обычно принимают на себя издатели, если книги не продаются. Разумеется, наша книга *обязательно будет* хорошо продаваться, и мы обязательно получим большую прибыль. Все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я выложил всю эту информацию на следующем заседании Попечительского совета. Я предполагал, что реакция будет негативной, и именно так и случилось. Было чрезвычайно трудно выразить решительное несогласие с нашими замечательными друзьями. В очередной раз мы не достигли согласия, и встреча попечителей была перенесена. Я знал, что нам необходимо довести это дело до конца, невзирая на все возражения. Ситуация была угнетающей.

Однако Генри не был подавлен. Он сидел ночами, работая над рекламным проспектом. Основные аргументы были следующие: у Харпера сказали, что это будет хорошая книга, и даже если мы заплатим нашим группам и посторонним книжным торговцам по доллару за экземпляр за распространение книг, все равно мы получаем огромную чистую прибыль. Книгу можно напечатать за очень малые деньги и продавать по 2,5 доллара оптом или по 3,5 доллара в розницу, а когда появятся рецензии на книгу и прочая реклама, мы уверены, что книги будут продаваться вагонами.

В проспекте предлагалось учредить компанию с номинальной ценой акций 25 долларов. Нью-йоркские алкоголики и их друзья

могли бы купить треть этих акций за наличные. Остальные две трети будут распределены между Генри и мной за проделанную нами работу. Чтобы успокоить попечителей, было решено, что причитающийся мне авторский гонорар можно будет направить в Фонд алкоголиков. Генри приложил к проспекту диаграмму, иллюстрирующую ожидаемый доход с продаж ста тысяч, пятисот тысяч и даже миллиона экземпляров книг! Я сейчас уже точно не помню всех его надежд, но они были фантастическими. Я *не совсем* разделял подобный оптимизм, но был уверен, что доходы от книги дадут возможность некоторым из нас полностью посвятить все свое время этой работе и организовать Генеральную штаб-квартиру для нашего сообщества. Получится это или нет, я был, тем не менее, убежден, что наше товарищество должно само владеть правами и контролировать издание своей литературы.

Нашему предприятию все еще не хватало двух важнейших вещей. Оно не было зарегистрировано в качестве юридического лица, и у него не было названия. Генри позаботился об этом. Поскольку будущая книга должна была стать первой в длинном ряду последующих изданий, он считал, что наше издательство следует назвать АО «Издательские работы». Меня это устраивало, но я возразил, что пока мы не зарегистрированы, мы не можем размещать акции, а на регистрацию необходимы деньги. На следующий день я обнаружил, что Генри купил в соседнем магазине канцтоваров пачку бланков акций и в верхней части каждого из них напечатал: «АО Издательские работы», номинальная стоимость $25». В нижней части каждого бланка стояла подпись: «Генри П., президент». Когда я стал возражать против этих нарушений, Генри сказал, что нам нельзя терять время, и не стоит беспокоиться по пустякам.

Так было запущено это великое предприятие. Оставалось посмотреть, что из этого выйдет. Генри знал все уловки, к которым прибегают успешные торговцы, и немедленно приступил к действию. Он вихрем носился среди нью-йоркских алкоголиков и их друзей, предлагая им купить акции блестящего нового предприятия. Поскольку я тоже кое-что понимал в таких вещах, я последовал его примеру.

Ну, что вам сказать — мы не продали ни одной из предложенных 600 акций «Издательских работ», несмотря на наши уверения в их дешевизне. Нью-йоркские алкоголики говорили: «Ну, вы, ребята, и нахалы. Почему вы думаете, что мы будем покупать акции под еще не написанную книгу.» Однако Генри это не обескуражило. Он все еще был полон идей. «Билл, — сказал он, — мы с тобой знаем, что эта

книга будет хорошо продаваться. И редактор у Харпера того же мнения. А эти нью-йоркские пьяницы не верят в это. Некоторые считают это шуткой, а остальные пускаются в возвышенные рассуждения о смешении духовных занятий с деньгами и рекламой. Но если они *действительно* поверят в то, что книга будет хорошо продаваться, они быстро раскупят все акции. Так почему бы нам не встретиться с сотрудниками «Ридерс Дайджест» и узнать, не напечатают ли они заметку о нашем товариществе и этой книге? Если «Дайджест» поместит о нас статью, мы будем продавать эти книги вагонами. Это каждому ясно, даже этим пьяницам-скупердяям. Так чего же мы ждем? Поехали!»

Двумя днями позже мы сидели в Плезантвилле, в нью-йоркском офисе м-ра Кеннета Пэйна, который тогда был главным редактором журнала «Дайджест». Мы нарисовали радужную картину нашего товарищества и будущей книги. Мы упомянули о большом интересе со стороны м-ра Рокфеллера и некоторых его друзей. М-р Пэйн был заинтересован. Вскоре он сказал: «Я почти уверен, что «Дайджест» захочет рассказать об этой истории, хотя, разумеется, мне надо посоветоваться с другими редакторами. Лично я думаю, что это как раз такая история, какую мы ждем. Когда следующей весной ваша книга будет готова, дайте мне знать — я думаю, мы сможем отрядить какого-нибудь журналиста. Это будет очень занимательная история. Но, разумеется, сначала мне надо посоветоваться с коллегами, вы ведь понимаете?»

Мы с Генри схватили свои шляпы и поспешили в Нью-Йорк. Теперь у нас было *настоящее* средство для атаки. В этот же вечер мы начали новую агитацию, и те, кто раньше сомневался, начали подписываться на акции. Почти все они в то время были разорены, поэтому мы попытались упростить процедуру. Они могли купить свои акции в рассрочку, ежемесячно выплачивая по пять долларов за акцию в течение пяти месяцев. Многие могли позволить себе только одну акцию. Когда попечителей ввели в курс дела, они проявили лояльность и тоже внесли свою лепту. У некоторых анонимных алкоголиков были друзья, которые также подписались на небольшое количество акций. Некоторые из моих старых приятелей с Уолл-Стрит также потратили на это немного денег. Протянули руку помощи и такие люди, как д-р Силкуорт и д-р Тьебу. Вскоре нам удалось распространить 200 акций на сумму 5 тыс. долларов, и понемногу начали поступать живые деньги. Однако этот коммерческий проект все

еще не слишком воодушевлял наших подписчиков, но после наших заверений о том, что в один прекрасный день они смогут вернуть свои деньги, они начали по-настоящему поддерживать эту затею.

У Генри был офис на Уильям-стрит, 17 в Ньюарке (штат Нью-Джерси), который служил штаб-квартирой для его собственного бизнеса, быстро приходящего в упадок. У него также была секретарша по имени Рут Хок, которая стала одним из настоящих пионеров движения АА. Остальные материальные активы состояли из громоздкого стола и некоторого количества плюшевой мягкой мебели.

Каждое утро я отправлялся из Бруклина в Ньюарк, где, расхаживая взад и вперед по офису, диктовал наброски глав будущей книги. Поскольку нам никак не удавалось составить точный план будущей публикации, я работал на основании составленного впопыхах списка черновых заголовков глав. Неделю за неделей Генри объезжал наших подписчиков, понуждая их выплачивать взносы за акции. Кроме этого финансового ручейка, нам удалось получить 2,5 тыс. долларов от м-ра Чарлза Б. Таунса. Большую часть этих средств пришлось использовать на содержание офиса и еду для Генри, Рут, Лоис и меня, и так продолжалось до апреля 1939 г., когда подошел срок публикации книги «Анонимные Алкоголики».

По мере того, как главы книги медленно приобретали общие очертания, я зачитывал их перед нью-йоркской группой на еженедельных собраниях в нашем помещении на Клинтон-стрит, а копии отправлял для проверки и замечаний д-ру Бобу в Акрон, откуда мы не получали ничего, кроме самой теплой поддержки. Однако на встречах в Нью-Йорке текст глав подвергался очень жесткой критике. Мне приходилось диктовать заново, и Рут перепечатывала их снова и снова. Несмотря на жаркие споры, критика нью-йоркских товарищей очень помогла мне, а их доверие и энтузиазм в какой-то степени укрепились.

Так продолжалась эта работа, пока мы не добрались до знаменитой пятой главы. К этому времени я закончил рассказывать собственную историю и написал черновики еще трех глав, которые назывались «Решение существует», «Более подробные сведения об алкоголизме» и «Мы, агностики». Теперь нам стало ясно, что у нас накоплен достаточный опыт и много материалов, позволяющих показать себя в наилучшем свете, и что настало время рассказать о том, как реально работает наша программа излечения от алкоголизма. Именно сейчас надо было определить центральный стержень книги.

Подспудно эта проблема постоянно изводила меня. До этого я никогда ничего не писал, так же как ни один из членов нашей нью-йоркской группы. По мнению нескольких наших акционеров, работа над книгой продвигалась слишком медленно, и они начали уклоняться от выплаты взносов. Шумные споры по поводу уже законченных четырех глав были просто невыносимы. Я был совершенно измучен. Мне неоднократно хотелось вышвырнуть эту книгу в окно.

Я пребывал в этом состоянии, которое трудно назвать духовно-возвышенным, и в тот вечер, когда были написаны «Двенадцать Шагов Анонимных Алкоголиков». Я был раздражен и совершенно измотан. Я лежал в кровати в доме на Клинтон-стрит, 182, с карандашом в руке и блокнотом на коленях. Я не мог сосредоточиться на работе, не говоря уже о том, чтобы отдаться ей всем сердцем. Но это была работа, которую необходимо было выполнить. Постепенно мне удалось сфокусировать свои мысли.

С того времени, как Эбби навестил меня осенью 1934 года, мы постепенно выработали то, что называли нашей «устной программой». Большинство основополагающих идей пришли к нам от оксфордских групп, Уильяма Джеймса и д-ра Силкуорта. Хотя порой и имели место заметные вариации, но, в конечном итоге, все сводилось к довольно последовательной процедуре, состоявшей из шести шагов. Приблизительно их можно было описать следующим образом:

1. Мы признали себя побежденными, бессильными справиться с алкоголем.
2. Мы составили список наших моральных недостатков или грехов.
3. Мы доверительно признались в своих недостатках другому человеку.
4. Мы возмещали ущерб всем, кто пострадал от нашего пьянства.
5. Мы старались помочь другим алкоголикам, не думая о вознаграждении в виде денег или славы.
6. Мы молились всем Богу, каким бы Он ни был в нашем представлении, чтобы Он дал нам силы выполнять эти заповеди.

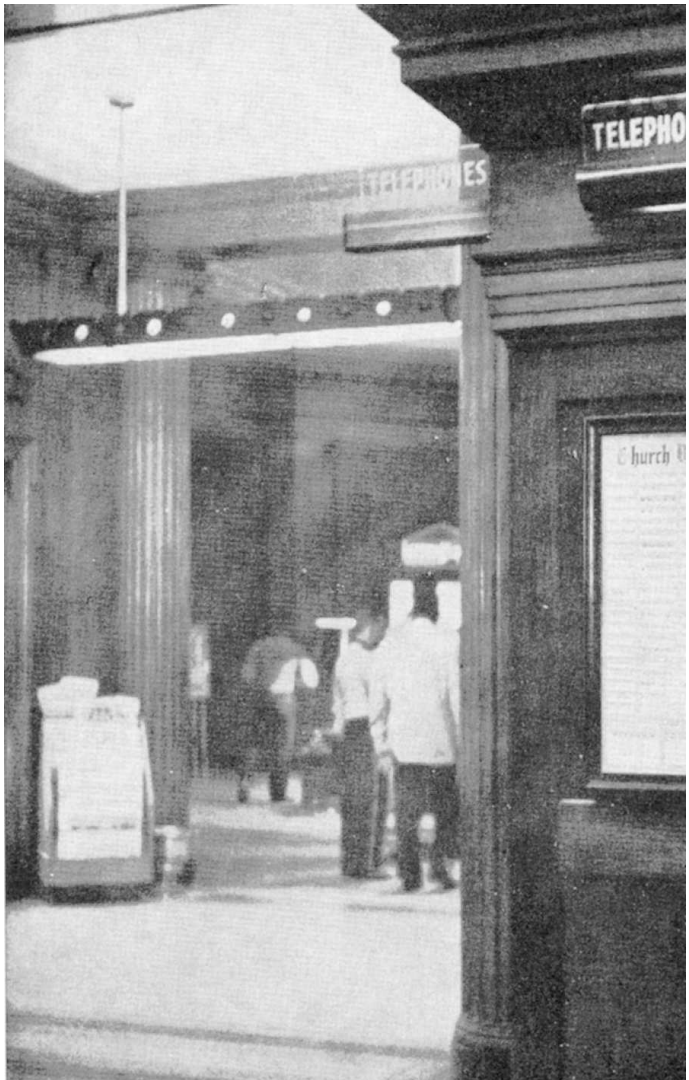
Вот основное содержание того, что к осени 1938 года мы говорили каждому, впервые пришедшему к нам. Мы полностью отвергли некоторые другие идеи и подходы оксфордских групп, включая те, которые могли вовлечь нас в теологические споры. Точки зрения групп на востоке и среднем западе все еще существенно различались по некоторым важным вопросам. Там наши люди оставались активными

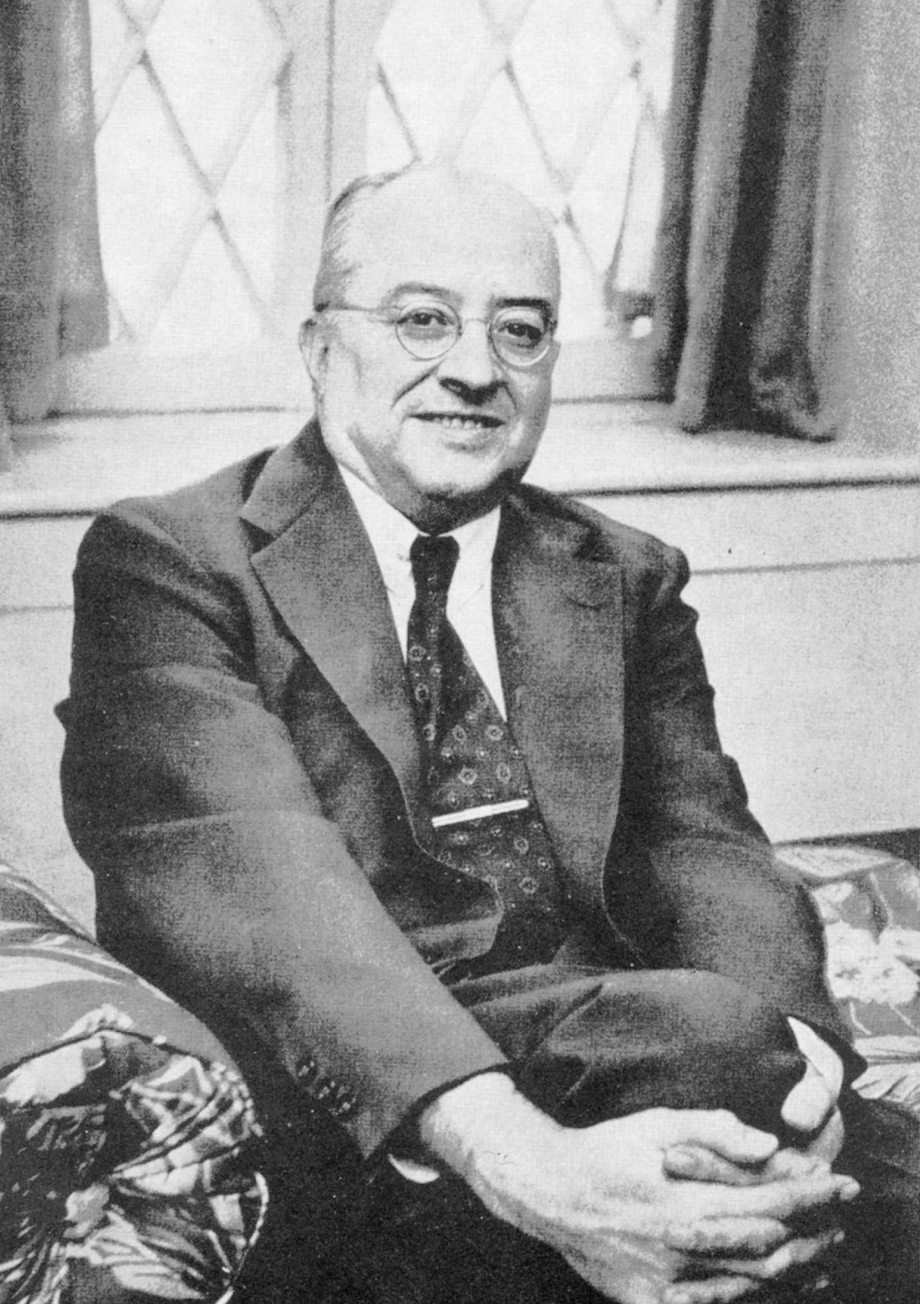
Люди и памятные места...

Первый друг АА от официальной медицины. доктор Уильям Дункан Силкуорт (Силки). Именно он первоначально лечил Билла и наблюдал его в больнице Чарльза Таунса. Вначале Силки верил в наше Сообщество даже больше, чем мы сами. Он поддерживал и открыто пропагандировал нас, когда мы были практически никому не известны. Он раскрыл нам сущность природы нашего заболевания: «физическое отвращение плюс душевная одержимость». Он внес незаменимый вклад в разработку нашей программы выздоровления. За свою жизнь этот «добрый маленький доктор» пролечил 40 тысяч алкоголиков. Д-р Силкуорт олицетворяет собой огромное понимание и помощь, которые были получены Анонимными Алкоголиками со стороны врачей. (См. стр. 13, 52, 63, 67)

«*Несравненная сестра Игнация*», помощница д-ра Боба по части организации больничного лечения будущих первых членов АА. «Миссия в составе д-ра Боба, его жены Анны, сестры Игнации и ветеранов акронской группы являла собой пример деятельности в рамках Двенадцатого Шага, который останется образцом на все времена». (См. стр. 7, 8, 143, 206).

Решение, оказавшееся историческим для будущего АА, было принято здесь, в холле акронской гостиницы «Мэйфлауэр». Именно здесь один из основателей движения впервые отказался от рюмки и вместо этого позвонил другому будущему основателю АА, что положило начало длинной цепи излечившихся от алкоголизма людей, которая теперь охватывает весь мир (см. стр. 65, 66).

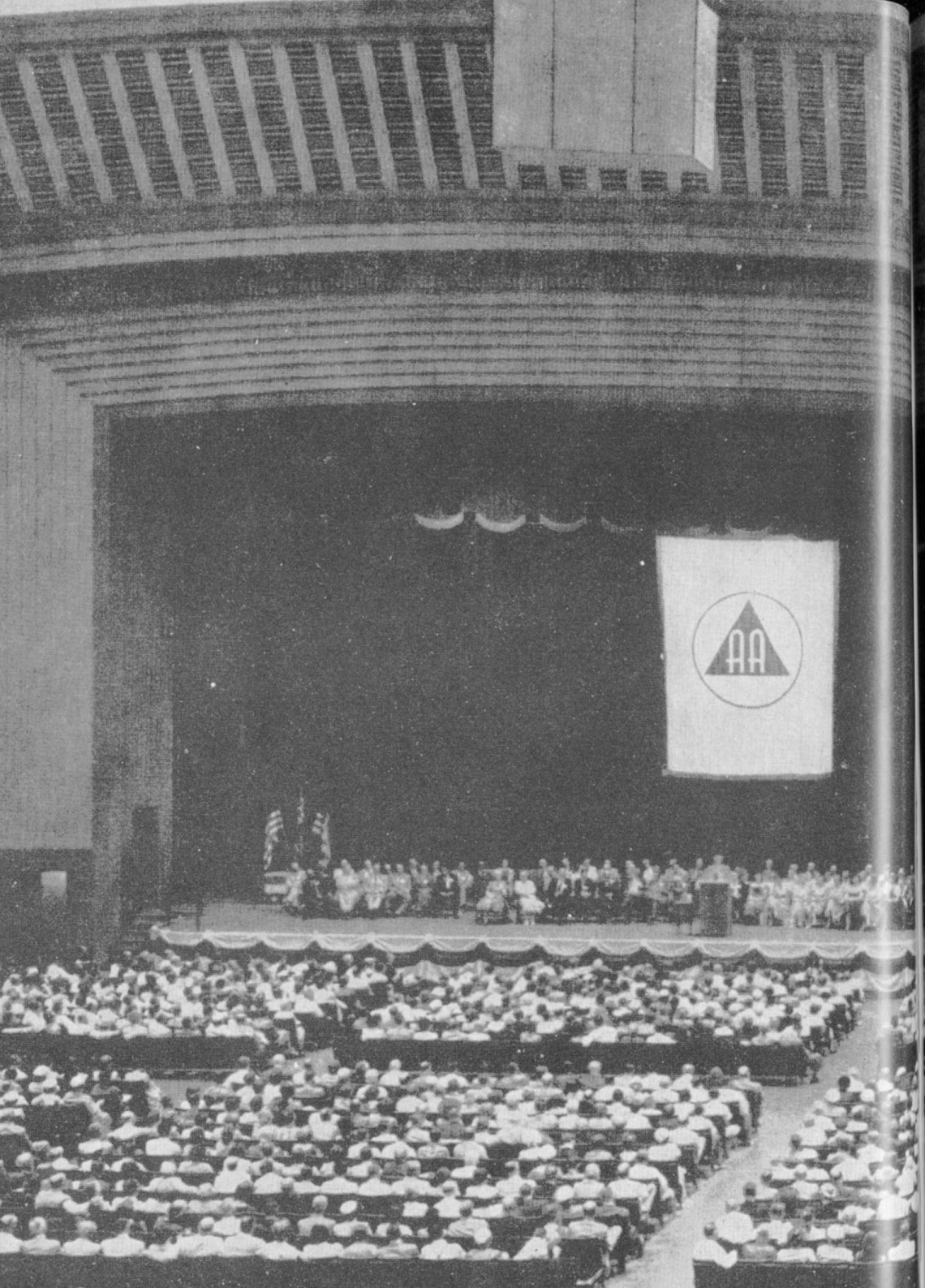




Первым психиатром, признавшим деятельность Анонимных Алкоголиков и использовавшим принципы АА в собственной практике, был д-р Гарри Тьебу (на фото слева). Со времени своего первого знакомства с нашим товариществом, которое состоялось в 1938 г., д-р Гарри неустанно пропагандировал АА среди психиатрического сообщества. Вместе со своими коллегами, д-ром Кирби Кольером, Фостером Кеннеди, А. Уизом Хаммером, Дадли Саулом и другими, д-р Тьебу способствовал более быстрому и широкому признанию АА среди врачей всего мира. (См. стр. 2, 205, 235 и далее, 309)

Символом признания АА со стороны медицинского сообщества является премия Ласкера (см. фото вверху), которая была присуждена Анонимным Алкоголикам в 1951 г. в Сан-Франциско. Этот подарок от Альберта и Мэри Ласкер был вручен по рекомендации 12 тысяч врачей, входящих в Американскую ассоциацию здравоохранения (см. стр. 4, 301).

Место, где все начиналось. Дом в Акроне (на фото справа), где жили д-р Боб и Анна, где Билл и д-р Боб впервые начали применять свои принципы исцеления, а Лоис и Анна заложили основу движения, которое впоследствии стало называться «группами для родственников алкоголиков». На фото вверху — тот самый кофейник, в котором Анна обычно варила кофе на первых собраниях АА. Первая встреча д-ра Боба и Билла состоялась в сторожке в поместье Сейберлингов (см. фото внизу) в Акроне. (См. стр. 6, 19, 32, 33, 67)



CLASS OF SERVICE
This is a fast message unless its deferred character is indicated by the proper symbol.

WESTERN UNION
TELEGRAM

W. P. MARSHALL, PRESIDENT

1201

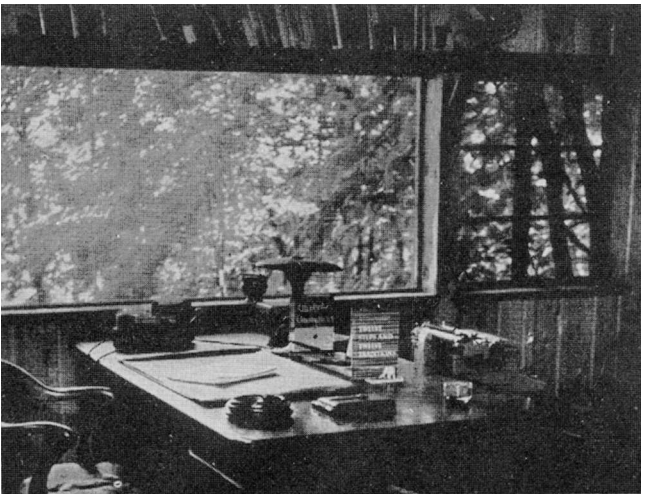
The time shown in the date line on domestic telegrams is STANDARD TIME at point of origin. Time of receipt is STANDARD TIME at point

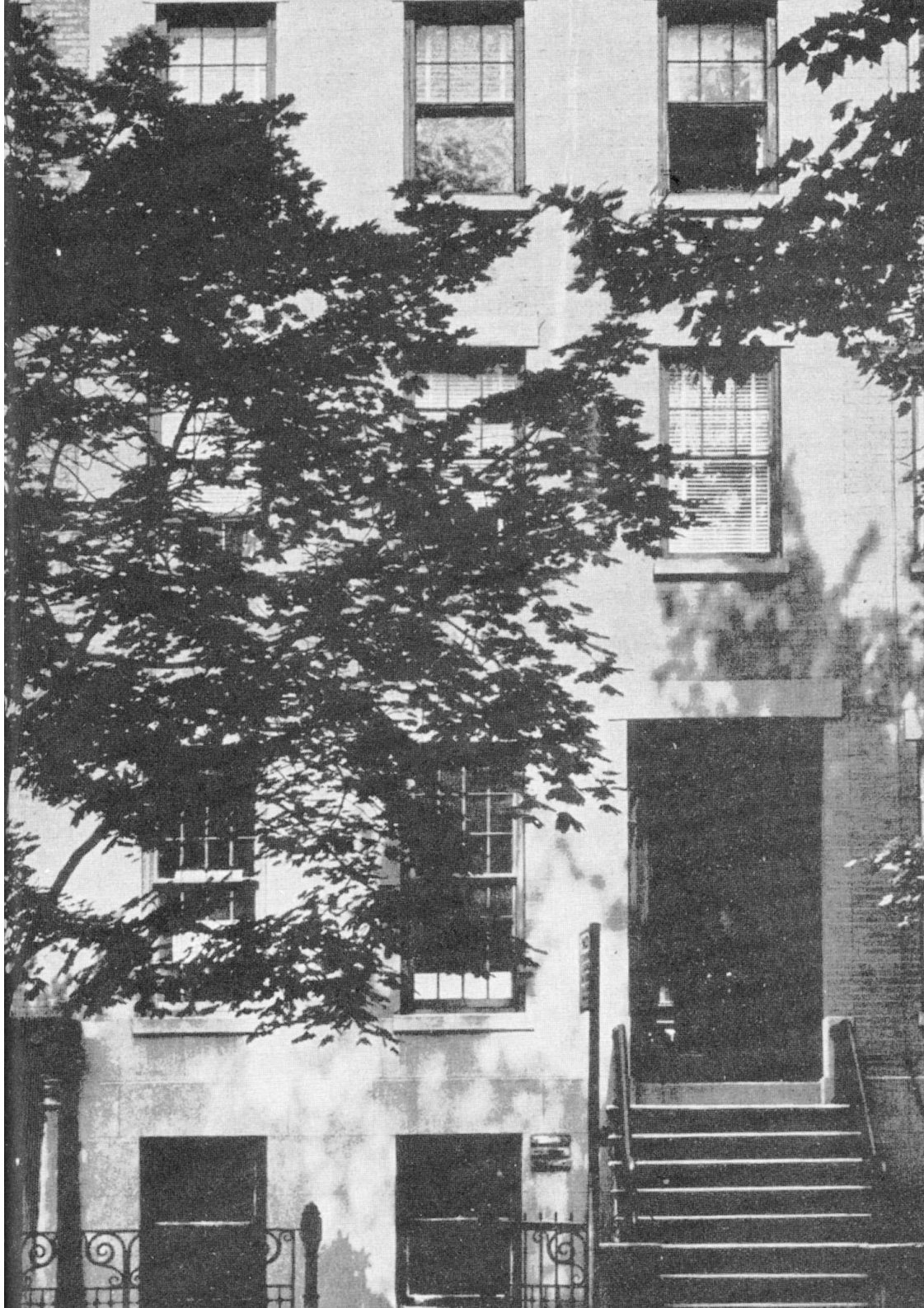
SY WA283 GOVT NL PD=THE WHITE HOUSE WASHINGTON DC
JULY 3 1955=
ALCOHOLICS ANONYMOUS=
KEIL AUDITORIUM STLOUIS MO=

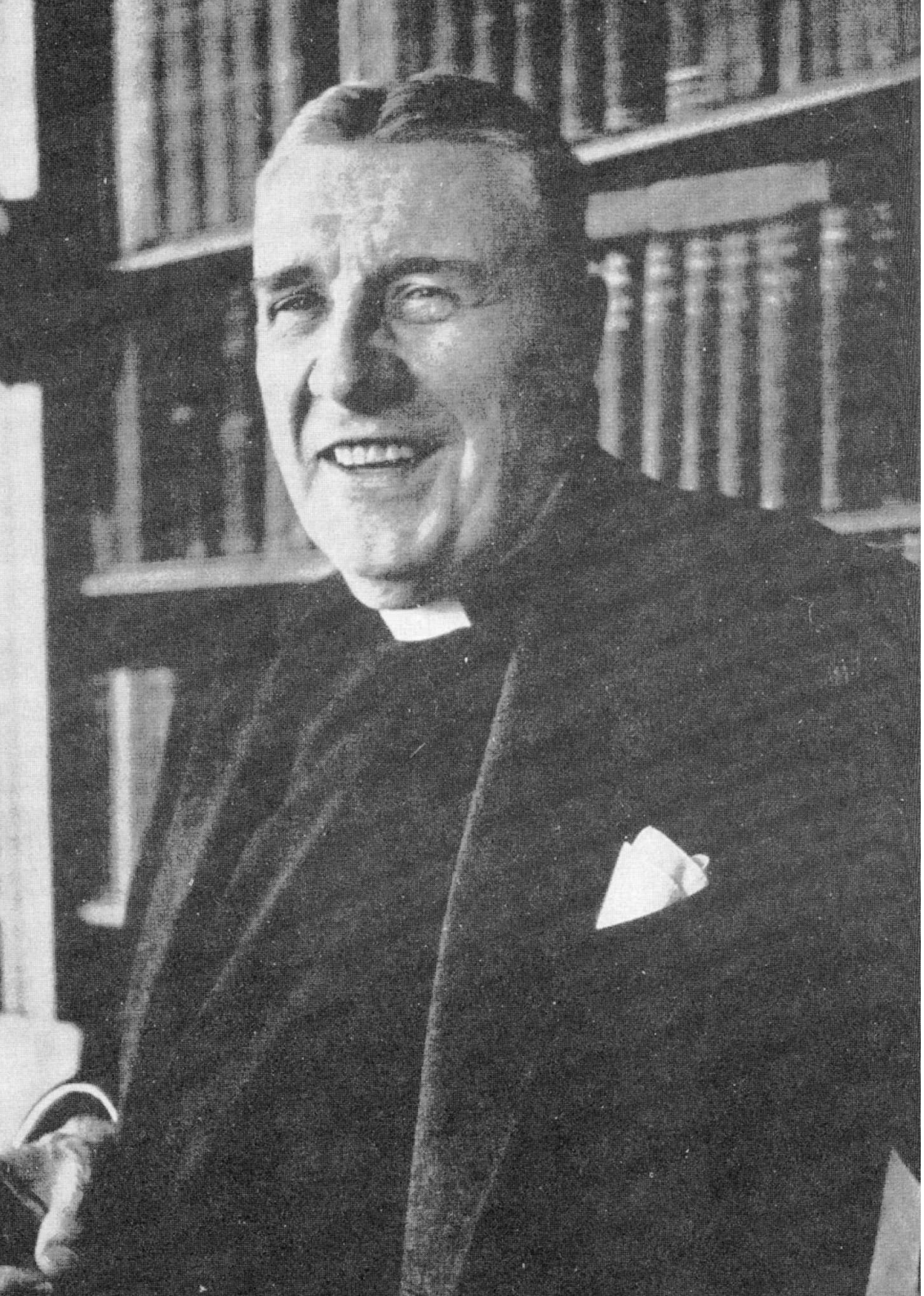
PLEASE CONVEY TO ALL WHO PARTICIPATE IN YOUR TWENT
ANNIVERSARY GATHERING MY GOOD WISHES FOR A SUCCESS
MEETING. YOUR SOCIETY'S RECORD OF GROWTH AND SERVI
IS AN INSPIRATION TO THOSE WHO THROUGH RESEARCH,
PERSEVERANCE AND FAITH, MOVE FORWARD TO THE SOLUT
OF MANY SERIOUS PERSONAL AND PUBLIC HEALTH PROBLE
DWIGHT D EISENHOWER=

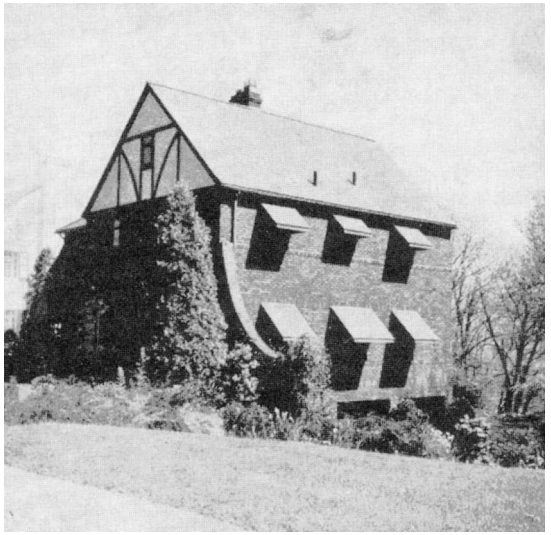
THE COMPANY WILL APPRECIATE SUGGESTIONS FROM ITS PATRONS CONCERNING ITS SERVICE

Дом на Клинтон-стрит в Бруклине (на фото справа). На его нижнем этаже стоял знаменитый кухонный стол, за которым Эбби поведал Биллу об идеях АА. Здесь проходили первые встречи нью-йоркских алкоголиков. Здесь жили Билл и Лоис, пока их не выселили за неуплату долга по ипотеке. Теперь они живут в Нью-Йорке в районе Бедфорд Хиллз, в доме, где побывали тысячи АА (см. фото вверху). Рядом с этим домом расположена хижина, где Билл работает за своим письменным столом (на фото внизу). (См. стр. 10, 99, 173)







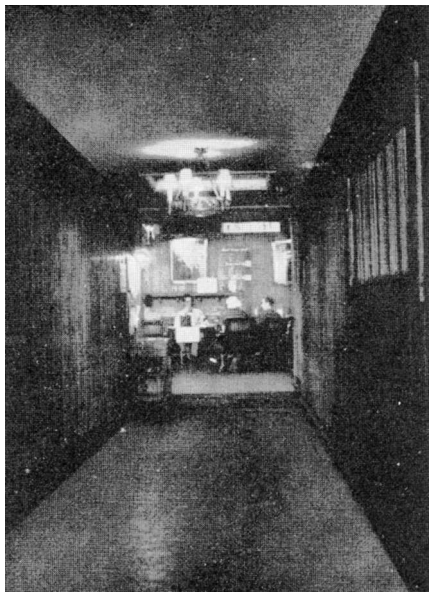


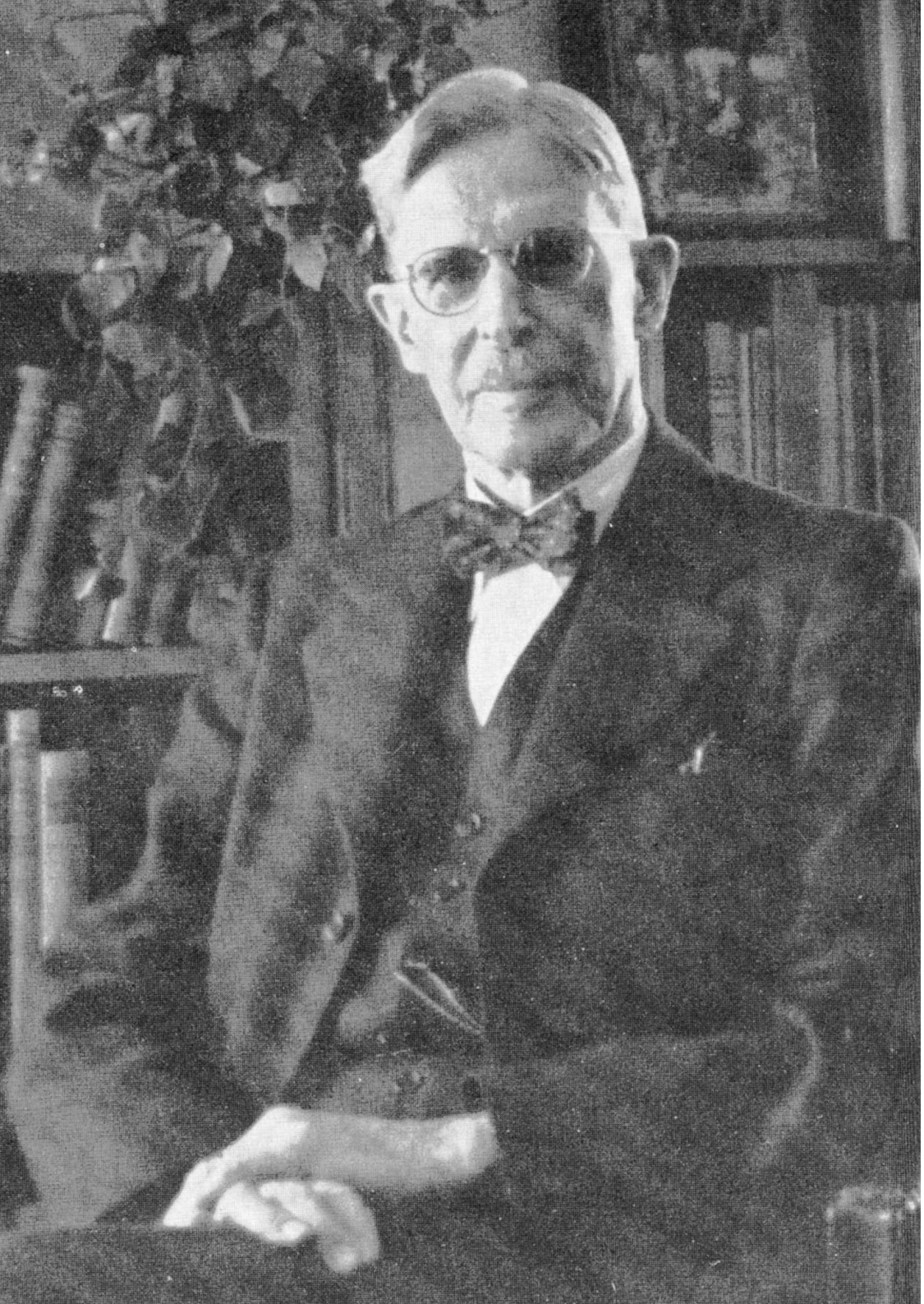
Это Сэм Шумейкер, священник епископальной церкви, чьи проповеди вдохновляли основателей и первых членов АА. Билл говорит: «Предельная честность Сэма, его прямота, его почти пугающая откровенность глубоко поразили меня. Именно у него мы с д-ром Бобом в начале нашего пути позаимствовали большинство принципов, впоследствии воплощенных в Двенадцати Шагах... Сэм Шумейкер дал нам конкретное понимание того, как можно лечить нашу болезнь... Он протянул нам духовный ключ, с помощью которого мы были освобождены». (См. стр. 38, 64, 261)

В те дни, когда Сэм оказывал огромную поддержку АА, наши встречи часто проходили в домах друзей, таких как Т. Генри и Клэри Уильямс в Акроне (на фото вверху). С этих встреч началась история первой группы АА. (см. стр. 75)

Это отец Эд, католический священник, чье личное влияние и деятельность на благо АА так много сделали для формирования нашего сообщества в его современном виде. Отец Эдвард Даулинг из ордена иезуитов помог организовать работу первой группы АА в Сент-Луисе. Он был для нас другом, советчиком, великолепным примером и много кем еще. Один из членов АА написал: «Пребывал ли я в радости или страдании, он всегда приносил с собой ощущение Божественного присутствия и милости. Он сделан из того же теста, что и преподобные святые». Многие, кто знаком с Эдом Даулингом, ощутили это прикосновение Вечного. В то же время, сам он сказал: «Если я когда-нибудь попаду на небеса, это потому, что я отшатнулся от ада» (см. стр. 37, 38, 253).

На фото внизу — наш старый клуб на 24-ой улице в Нью-Йорке. Это знаменитый длинный коридор, ведущий от входа в старый зал заседаний.





«*Один из лучших служителей* Бога и людей, каких я когда-либо встречал» — эти слова очень хорошо характеризуют Уилларда Ричардсона (на фото слева). До самой своей смерти в 1952 г. «дядюшка Дик» Ричардсон был ключевой фигурой в развитии АА и организации нашей штаб-квартиры (см. стр. 14, 147). Он представляет собой тот тип людей, которым Анонимные Алкоголики обязаны очень многим: бескорыстные и полные энтузиазма неалкоголики, с самого начала дарившие нам внимание, поддержку, время и приложившие много усилий для решения наших проблем. Среди них были ветераны, такие как Фрэнк Эймос, Джон Д. Рокфеллер-младший, А. Лерой Чипмэн, д-р Леонард Стронг, Джек Александер, Леонард Харрисон, а также наши друзья более позднего времени, такие как Фултон Аусслер, Бернард Смит, Фрэнк Гульден, д-р Джек Норрис, и старые друзья, перешедшие в новое качество, как д-р Гарри Тьебу, который сейчас работает в Попечительском совете. В лице этих неалкоголиков-непрофессионалов, а также врачей, священнослужителей и работников СМИ Господь даровал нам, алкоголикам, свое благословение и поддержку, за что мы им бесконечно признательны.

членами оксфордской группы, тогда как мы в Нью-Йорке вышли оттуда годом ранее. В Акроне и его окрестностях люди продолжали говорить об абсолютных ценностях, провозглашаемых оксфордскими группами: абсолютная честность, абсолютная чистота, абсолютное отсутствие эгоизма, абсолютная любовь. Для нью-йоркцев это было чересчур, и мы отказались от этих проповедей. Но все мы, и на востоке и на западе, придавали все большее значение словам д-ра Силкуорта, которыми он описал дилемму, стоящую перед алкоголиком: одержимость и аллергия. К настоящему времени мы уже знали по опыту, что вновь пришедшие должны либо принять Первый Шаг, либо у них ничего не получится.

В тот вечер, когда я перебирал в мозгу эти обстоятельства, мне показалось, что нашей программе все еще не хватает четкости. Могло пройти много времени, прежде чем удастся установить личный контакт с читателями нашей книги, находящимися в отдаленных уголках и зарубежных странах. Поэтому наша литература должна давать максимально ясную и исчерпывающую информацию. Следует более детально определить наши шаги. Не должно быть никакой лазейки, которую мог бы попытаться использовать алкоголик. Возможно, наши шесть заповедей следует разбить на более мелкие составные части. Так мы сможем лучше воздействовать на нашего далекого читателя, находящегося в затруднительном положении, и в то же время, это позволит нам расширить и усилить духовный смысл нашей книги. Насколько я помню, все эти мысли крутились у меня в голове, когда я начинал писать.

Наконец я взялся за дело. Я решил разработать большее число шагов, нежели шесть, но не знал, сколько именно. Я расслабился и попросил подсказки свыше. С удивительной скоростью, если принимать во внимание мое эмоциональное расстройство, я закончил первый вариант рукописи. Это заняло около получаса. Слова лились сами собой. Сформулировав шесть шагов, я продолжал добавлять новые. Всего их набралось двенадцать. Это число почему-то показалось мне значимым. Без всякой видимой причины у меня возникла ассоциация с двенадцатью апостолами. Чувствуя большое облегчение, я начал перечитывать написанное.

В этот момент ко мне пришла пара поздних гостей. Одним из них был мой тогдашний хороший приятель Говард А. С ним был новичок, который не пил всего три месяца. Я был очень доволен тем, что написал, и зачитал им новую версию программы, которая теперь

называлась «Двенадцать Шагов»[1]. Реакция Говарда и его друга была очень бурной. «Почему *двенадцать* шагов?», — спросили они. И добавили: «Ты слишком много аппелируешь к Богу в этих шагах, ты отпугнешь людей». И еще: «Что ты имеешь в виду, ставя этих пьяниц «на колени», когда они просят избавить их от всех недостатков? И кто захочет, во что бы то ни стало избавиться от своих недостатков?» Видя мое смущение, Говард добавил: «Ну что ж, в конце концов, кое-что из этого звучит неплохо. Но, Билл, тебе надо смягчить тон. Это написано слишком жестко. В таком виде обычный алкоголик не согласится с этим».

Я начал энергично защищать свое новое творение, все до последнего слова. Завязался ожесточенный спор, который остыл только пару часов спустя с появлением Лоис. Она сказала: «Почему бы вам на время не забыть об этом и не выпить кофе?» Так мы и сделали.

Акронцам, таким как Пол и Дик С., очень понравились эти новые шаги. В ходе дальнейшей работы над текстом книги на основе Двенадцати Шагов они продолжали выражать свое одобрение. Но в Нью-Йорке жаркие дебаты о Двенадцати Шагах и содержании книги удвоились и продолжались с новой силой. Высказывались консервативные, либеральные и радикальные точки зрения. Фитц М., сын священника епископальной церкви из Мэриленда, и еще один человек, которого вылечили в больнице Чарлза Таунса, часто приезжали в Нью-Йорк для усиления консервативных позиций. Фитц считал, что книга должна базироваться на христианской доктрине и излагать ее. Он выступал за использование библейской терминологии и выражений из Библии, чтобы это было очевидно. Пол К., еще один член нью-йоркской группы, недавно пришедший в нее, отстаивал эту позицию с еще большей настойчивостью.

Наиболее многочисленную группу составляли либералы; они не возражали против использования в книге слова «Бог», но категорически отвергали прочие теологические утверждения. Они не хотели поддерживать никакие доктрины. Духовность — да, но никакой религии, *категорически* нет. Они отмечали, что большинство наших членов так или иначе верили в в некоего Бога. Однако когда дело касалось богословских вопросов, нам было бы трудно договориться даже между собой, так как же мы сумели бы написать книгу подобного содержания? В таких вопросах не существует и не может существовать группового мнения. Алкоголики, которые сталкивались с миссионерской деятельностью, всегда жаловались именно на это. Инстинктивный протест алкоголиков против чисто религиозного подхода сильно затруднял миссионерскую деятельность. Либералы говорили, что не хотят выступать с критических позиций, а только хотят напомнить голые факты. Эту точку зрения трудно было оспаривать. Верно, что мы не могли достичь согласия в нашем товариществе по основополагающим религиозным вопросам, и что чисто религиозный подход срабатывал далеко не всегда.

[1] См. «Двенадцать шагов», стр. 50.

Таким образом, либералы оказали значительное воздействие на духовный настрой и тон нашей книги. Но по-настоящему огромный вклад предстояло еще внести атеистам и агностикам, нашему радикальному левому крылу. Эта группа, возглавляемая моим другом Генри и упорно поддерживаемая Джимом Б., недавно присоединившимся к нам торговцем, продолжала отвоевывать позиции. Сначала они хотели, чтобы в книге совсем не упоминалось слово «Бог». Генри верил в некую «вселенскую силу», но Джимми продолжал поражать нас на собраниях, отрицая существование Бога. Некоторые наши товарищи были настолько разгневаны, что хотели выгнать его из группы, но большинство считало, что лучше позволить ему говорить, в надежде что, в конце концов, он изменит свою точку зрения, как впоследствии и произошло. Генри, Джимми и их компания хотели, чтобы это была *психологическая* книга, что было бы приманкой для алкоголиков. Заинтересовавшись этой книгой, будущие читатели могли уже сами выбирать, верить ли им в Бога или оставить Его в покое. Это было шокирующим предложением для остальных, но, к счастью, мы выслушали его и, в конце концов, узнали кое-что ценное. В действительности, наше групповое сознание включилось в работу по созданию максимально приемлемой и эффективной книги. Каждый голос сыграл определенную роль в достижении результата, который оказался судьбоносным.

Как человек, который отвечал за письменную часть работы, я находился непосредственно в центре этих споров. Либералы были наиболее многочисленной группой, но лишь едва превосходили объединившихся консерваторов и радикалов. Какое-то время казалось, что мы навсегда увязнем в непрерывных спорах. Наконец, отчаявшись угодить всем без исключения, я предложил, чтобы последнее слово в споре о содержании книги принадлежало мне. Видя, что мы

никуда не продвинемся без такого решающего голоса, большинство согласилось. Мы снова приступили к продолжению работы.

Мы все еще не слишком продвинулись в написании текста книги, когда стало ясно, что требуется кое-что еще. В книге должна быть реальная история или раздел, посвященный историям отдельных пациентов. Мы должны предоставить доказательства в виде живых людей и письменных свидетельств наших товарищей. Мы чувствовали, что такой раздел с историями поможет далекому читателю ассоциировать себя с нами, что не может сделать один только сухой текст. На этом этапе важную роль сыграли д-р Боб и другие акронцы. Акронская группа была более многочисленной, и у нее было накоплено больше личных историй алкоголиков, и теперь появилась возможности изложить этот материал в форме повествования. Двумя годами ранее мы сумели вытащить из трущоб, населенных алкоголиками, бывшего газетного журналиста Джима С., и вернуть его к трезвости и здоровому образу жизни. Джим и д-р Боб обошли всех акронцев с достаточным стажем трезвости, чьи свидетельства можно было бы использовать. Джим по большей части интервьюировал потенциальных свидетелей и записывал их истории, а д-р Боб писал свою историю. К январю акронцы написали восемнадцать отличных историй. Две из них были получены от кливлендцев, посещающих заседания в Акроне, а одна история касалась Мэри Б., жены акронского алкоголика, которая стояла у истоков создания нынешнего Движения родственников АА.

Нью-йоркская группа подготовила десять историй, хотя это далось им несколько труднее. В то время мы представляли собой причудливое и разношерстное общество. Поскольку в Нью-Йорке не было никого, кто мог бы сравниться с акронским журналистом Джимом, мы подумали, что каждый член нью-йоркской группы, у которого есть подлинная история обретения трезвости, может попытаться описать ее самостоятельно. Ни у кого из нас не было опыта сочинительства, и когда мы с Генри постарались отредактировать эти любительские попытки, мы получили кучу неприятностей. Кто мы такие, чтобы редактировать их рассказы, спрашивали эти авторы. Это был резонный вопрос, однако мы все же сделали это. Крики разгневанных рассказчиков, чьи истории мы отредактировали, наконец, утихли, и раздел книги с историями пациентов был закончен к концу января 1939 г. В конце концов, был готов и основной текст

книги. Истощение наших денежных ресурсов было явно не за горами, и мы готовились поскорее отдать книгу в печать.

Однако кто-то, чье имя я не помню, высказал следующие опасения: «Как мы можем быть уверены, что книгу примут все читатели? Возможно, в ней есть ошибки с медицинской точки зрения или какой-то материал, который может оскорбить религиозные чувства наших друзей. Не лучше ли нам напечатать пробный экземпляр основного текста и несколько реальных историй, и опробовать книгу на наших товарищах, а также на различных типах и классах людей, которые имеют какое-либо отношение к алкоголикам?» Такой подход требовал еще больше времени и денег, и многие возражали, но со временем мы пришли к выводу, что, действительно, лучше подстраховаться таким образом. Книга была отпечатана и размножена в 400 экземплярах, и разослана всем, кто, по нашему мнению, мог быть озабочен проблемой алкоголизма. На каждом экземпляре стоял штамп «Одолженный экземпляр», чтобы защитить наши права на предстоящий тираж.

Пока мы ожидали поступления откликов, шли две жаркие дискуссии. Хотя на пробных экземплярах уже стояло название «Анонимные Алкоголики», многие продолжали считать его неприемлемым.

В течение нескольких месяцев акронская и нью-йоркская группы пытались найти подходящее название для книги путем голосования. Это приобрело характер развлечения и хобби, которому они предавались после окончания заседаний. Название «Анонимные Алкоголики» фигурировало в этих спорах почти с самого начала, кажется, с октября 1938 г. Мы не знаем, кто впервые произнес его. После того, как наша нью-йоркская группа в 1937 г. откололась от оксфордцев, мы часто называли себя «компанией безымянных алкоголиков». От этой фразы оставался всего один шаг до идеи «Анонимных Алкоголиков». Таково было настоящее происхождение данного словосочетания.

Сначала мне очень понравилось это название. Но по мере развития дискуссии о названии книги, у меня начали появляться определенные сомнения и искушения. С самого начала пользовалось популярностью название «Выход из тупика». Я мог бы поставить свое имя под этим названием: «Выход из тупика от Билла У.»! В конце концов, почему книга не может носить имя автора? Я начал забывать, что это был продукт коллективного труда, и я был, по большей части, третейским судьей в спорах, в результате которых она и появилась. В один из

мрачных моментов я даже подумывал о том, чтобы назвать книгу «Движение Б. У.» Я высказал эти мысли нескольким товарищам, и они надавали мне тумаков. Тогда я осознал маячившее передо мной искушение как бесстыдное проявление эгоизма. Так я снова начал голосовать за название «Анонимные Алкоголики».

В общей сложности мы рассмотрели более ста предложенных вариантов названий. Название «Анонимные Алкоголики» постепенно начало завоевывать популярность в Нью-Йорке. Эта тенденция усилилась с появлением в наших рядах первой литературной знаменитости, Джо У., которому недавно пришлось покинуть богатый район Бауэри. Некогда он был одним из основателей популярного и престижного журнала. Он полностью поддерживал название «Анонимные Алкоголики». Он организовал темпераментную дискуссию и сумел убедить большую часть нью-йоркской группы. Однако нам не удалось достичь согласия с нашими друзьями в Акроне, где значительное большинство предпочитало название «Выход из тупика», а результаты объединенного голосования обеих групп свидетельствовали о том, что сторонники этого названия все еще имеют некоторое большинство.

Тут перед нами возникла новая возможность, и мы ухватились за нее. Я послал телеграмму старине Фитцу, который находился на своей ферме в Мэриленде. Я попросил его посетить Библиотеку Конгресса в Вашингтоне и узнать, сколько книг носят название «Выход из тупика», и сколько книг называются «Анонимные Алкоголики». Двумя днями позже мы получили его ответ: «В Библиотеке Конгресса есть 12 книг под названием «Выход из тупика». Там нет книги под названием «Анонимные Алкоголики». Мы сказали себе: «Разумеется, мы не собираемся создавать эту книгу в качестве тринадцатого «Выхода из тупика». Мы оставили название «Анонимные Алкоголики» на экземпляре, который был отправлен в типографию. Вот как наша книга получила свое название, а наше сообщество получило свое имя.

Незадолго до окончания работы над рукописью произошло событие, которое имело огромное значение для нашего будущего. В то время оно выглядело как очередная схватка по поводу книги. Местом этой схватки был офис Генри в Ньюарке, где, в основном, и шла работа над рукописью. Присутствовали Фитц, Генри, наша замечательная секретарша малышка Рут и я. Мы все еще продолжали спорить о Двенадцати Шагах. В то время я отказывался идти на какие-либо компромиссы по поводу этих шагов. Я не хотел менять ни слова из первоначального варианта, в котором, как вы помните, я постоянно употреблял слово «Бог», а в одном месте использовал выражение «коленопреклоненно». Коленопреклоненное обращение к Богу все еще казалось обидным для Генри. Он спорил, умолял, угрожал. В свою поддержку он ссылался на Джимми. Он был уверен, что мы отпугнем тысячи алкоголиков, которые прочитают эти Двенадцать Шагов. Постепенно Фитц и Рут начали видеть положительную сторону в его утверждениях. Хотя я сначала этого и не видел, в конечном итоге мы начали обсуждать возможность компромисса. Я не помню, кто первым предложил по-настоящему компромиссный вариант, но это те самые слова, которые ныне хорошо известны всем последователям АА во всем мире: во Втором Шаге мы решили аппелировать к Богу как к «Силе более могущественной, чем мы». В Третьем и Одиннадцатом Шагах мы вставили выражение «Бог *как мы Его понимали*». Из Седьмого Шага мы исключили слово «коленопреклоненно». А в качестве вступительного предложения ко всем шагам мы написали: «Вот предпринятые нами шаги, которые мы предлагаем в качестве Программы Выздоровления». Мы всего лишь *предлагали* Двенадцать Шагов АА.

Такими были окончательные уступки, которые мы сделали неверующим или мало верующим; это был большой вклад со стороны наших атеистов и агностиков. Они помогли распахнуть ворота настолько широко, чтобы в них могли войти все страждущие, независимо от наличия или *отсутствия веры* в Бога.

Несомненно, Бог присутствовал в наших Шагах, но Его присутствие теперь выражалось такими словами, которые мог принять и попробовать для себя любой, *абсолютно любой* человек. С тех пор многие АА неоднократно подтверждали, что без этого важного свидетельства либерального подхода они не смогли бы ступить на путь духовного прогресса или, для начала, хотя бы просто приблизиться к нам. Это было еще одно чрезвычайно благоприятное обстоятельство, дарованное нам Провидением.

К этому времени вернулись назад большинство из 400 пробных экземпляров, которые мы рассылали. Общая реакция была очень положительной и даже прекрасной. Было выдвинуто много полезных предложений, два из которых имели чрезвычайно важное значение.

Одно из них исходило от д-ра Говарда, известного психиатра из города Монклер в штате Нью-Джерси. Он указал на то, что в тексте нашей книги было слишком много слов «вы» и «должны». Он предложил по возможности заменить их выражениями «желатель-

но, целесообразно» или «нам следует». Его идея состояла в том, чтобы исключить все формы принуждения с тем, чтобы наше сообщество базировалось не на принципе «вы должны», а на принципе «нам следует». Требовалось большая работа, чтобы внести эти поправки в текст книги. Сначала я слабо возражал, но потом сдался. Было совершенно очевидно, что доктор абсолютно прав. Д-р Силкуорт и д-р Тьебу дали аналогичные советы и предложили кое-что еще. Не следует также забывать, что именно д-р Силкуорт написал Предисловие к первому изданию «Анонимных Алкоголиков», придав книге вес с медицинской точки зрения.

Все это время мы получали столь необходимое для нас одобрение и советы от Дика Ричардсона, Фрэнка Эймоса и д-ра Леонарда Стронга из нашего Попечительского совета. Они с живым интересом следили за ходом нашей деятельности и постоянно подбадривали нас.

Следует особо отметить, что создание книги АА сопровождалось не только спорами о ее содержании. По мере ее написания крепло убеждение, что мы находимся на правильном пути. Мы видели громадные перспективы того, чем могла стать и что могла совершить эта книга. Неизменным и постоянным оттенком настроения, которое, в конце концов, возобладало среди нас, были большие ожидания, базирующиеся на твердой уверенности. Подобно звуку затихающей грозы, грохот былых сражений превращался всего лишь в гул. Небо расчистилось и стало ясным. Мы все были в приподнятом настроении.

Посреди этого ликования произошло еще одно чудесное событие. Мы беспокоились о том, как примут нашу книгу в церковных кругах. Ждать нам пришлось недолго. Д-р Гарри Эмерсон Фосдик выразил свое глубочайшее удовлетворение книгой и пообещал написать рецензию после ее выхода в свет. В период, когда книга готовилась к печати, в нью-йоркской группе не было ни одного католика. Один католик из акронской группы изложил свою историю, но потом не представил своего мнения о книге. Поэтому мы абсолютно не представляли себе, что скажут о нашей книге католические священнослужители. Какая-то группа дилетантов с небольшим, прямо скажем, религиозным опытом и образованием выпустила книгу, повествующую об излечении от алкоголизма с помощью духовных методов. Что подумают наши друзья из католической церкви? Мы не имели об этом ни малейшего представления.

Затем пришли хорошие новости. Ранее наш посланник передал книгу «Анонимные Алкоголики» в Католический комитет по печатным изданиям при нью-йоркской епархии. Этим посланником был Морган Р, который всего несколько недель назад был выписан из психиатрической больницы Грейстоун и был первым католиком, появившимся в нью-йоркской группе. Как оказалось, он был знаком с одним из членов Церковного комитета по печатным изданиям. Итак, мы отправили Моргана. Вскоре он возвратился и рассказал нам удивительные вещи.

Он сказал, что Комитет может сказать лишь самые наилучшие слова в поддержку наших усилий. По их мнению, книга была отличной. Прочитав раздел о медитации и молитвах, Комитет внес некоторые предложения по его усовершенствованию, которые не вносили никаких радикальных изменений. Морган привез с собой эти предложения, и они оказались настолько хорошими, что мы тут же согласились с ними. Они обнаружили только одно предложение во всей книге, которое действительно следовало исправить. В финальной части моей собственной истории, о которой в первоначальном варианте я рассказывал в первой главе, я риторически использовал следующее цветистое выражение: «Мы обрели рай небесный здесь, на нашей старой земле». Приятель Моргана из Церковного комитета с улыбкой указал ему на эту фразу и спросил, не кажется ли ему, что Билл У. мог бы заменить «рай небесный» на «утопию». «Все же мы, католики, обещаем людям впоследствии нечто гораздо более привлекательное!» — сказал он. Комитет не принимал никакого официального решения; они просто передали нам, что все в порядке. Впоследствии таким же был вердикт практические всех конфессий, за что мы им глубоко благодарны.

Теперь оставалось только подготовить оригинал для набора. Мы взяли один из ранее размноженных экземпляров, и Генри своим четким почерком внес туда все исправления. Существенных поправок было немного, зато много мелких исправлений. Этот экземпляр стал едва разборчивым, и мы сомневались, примут ли его в типографии с такими многочисленными пометками. Генри и я отправились в Нью-Йорк, где вскоре встретились лично с Эдвардом Блэквеллом, президентом «Корнуолл Пресс». Пребывая в отличном расположении духа, мы объявили ему о нашей готовности.

М-р Блэквелл захотел узнать, сколько экземпляров нам надо. Памятуя об обещанной статье в «Ридерс Дайджест» мы все еще мыслили категориями вагонов. Это произвело несомненное впечатление на м-ра Блэквелла, однако он предложил тираж 5 тыс. экземпля-

ров для первого издания. Затем он поинтересовался нашими финансовыми возможностями. Мы осторожно сообщили, что временно находимся на мели. Указав на эффект, который должна произвести статья в «Ридерс Дайджест», Генри предложил заплатить 500 долларов в качестве авансового платежа за 5 тысяч экземпляров. Было видно, что м-р Блэквелл встревожился. «Как насчет ваших связей с Рокфеллером?» — спросил он. Мы ответили, что это лучше оставить на крайний случай, и что мы пытаемся по возможности обойтись в этом деле своими средствами. Уже заразившись духом АА, м-р Блэквелл сказал с блеском в глазах: «Ну что ж, я полагаю, этого будет достаточно. Я рад помочь вам». Итак, процесс был запущен, и Анонимные Алкоголики обрели еще одного прекрасного друга.

Договариваясь с м-ром Блэквеллом, мы определили розничную цену книги в размере 3,5 доллара. Эта цифра была результатом долгих и жарких споров. Некоторые товарищи настаивали на цене в один доллар, другие хотели брать по два с половиной доллара за книгу. Они оставались глухи к доводу Генри относительно того, что нам *необходимо* получить какую-нибудь прибыль, иначе мы никогда не сможем содержать головную штаб-квартиру, не говоря уже о том, чтобы расплатиться с акционерами. Но, в конце концов, Генри одержал победу, и в качестве утешения для его оппонентов мы велели м-ру Блэквеллу отпечатать тираж на самой толстой бумаге, которая только была в его типографии. Оригинальный том получился настолько толстым, что его стали называть «Большой Книгой». Идея заключалась в том, чтобы убедить покупателя-алкоголика, что эта книга действительно стоит таких денег!

Вскоре после этого Генри, Рут, Дороти С. из Кливленда и я поехали в типографию м-ра Блэквелла в Корнуолле, штат Нью-Йорк, и поселились в единственной городской гостинице. Мы привезли с собой драгоценный откорректированный печатный экземпляр «Анонимных Алкоголиков». Когда менеджер типографии в Корнуолле увидел, в каком состоянии был текст книги, он так ужаснулся, что хотел отправить нас домой, чтобы мы напечатали новый экземпляр. Но торговцу Генри удалось одержать верх и убедить его попытаться сделать верстку, а спустя день мы уже корректировали гранки из типографии.

К этому моменту у нас закончились деньги. Счет за гостиницу должен был вдвое превысить размер нашей наличности. Рут, Дороти и я чувствовали себя ужасно неловко, но Генри уверенно заявлял, что

Господь позаботится о нас. Генри недавно стал приверженцем утешительной теории о том, что если Господь пожелает исполнения какого-либо дела, нам остается только накапливать долги, которые Он, в конце концов, оплатит. Это был воодушевляющий пример веры, но все же оставался практический вопрос о том, кто будет посланником Господа в денежном вопросе. Мы уже нагрузили наших акционеров максимально возможным количеством акций, которые они были в состоянии приобрести; они были уже сыты ими по горло. Может быть, этим человеком будет старый добрый Чарли Таунс? Ехать в Нью-Йорк, чтобы клянчить у него денег, выпало мне. Когда м-р Таунс услышал о нашем финансовом положении, это произвело на него не слишком благоприятное впечатление, однако он помог с оплатой счета за гостиницу и дал еще около 100 долларов на расходы.

Мы повеселели. Скоро будут готовы печатные формы, заработают печатные станки, и 5 тысяч экземпляров будут готовы к тому моменту, когда появится статься в «Ридерс Дайджест». Генри, Рут и я поделили между собой последнюю сотню долларов, и мы вернулись в Нью-Йорк в хорошем настроении. Теперь мы могли не волноваться; богатство поджидало нас буквально за углом.

Не могу сказать, почему за все время подготовки книги никто из нас не подумал о том, чтобы связаться с «Ридерс Дайджест». Почему-то вопрос о том, чтобы согласовать сроки появления их статьи и выхода нашей книги, не пришел нам в голову. Мы с Генри задумались об этом, когда снова ехали по аллее, ведущей в Плезантвилль. Мы предположили, что на написание обещанной статьи им может потребоваться несколько месяцев. Но к чему волноваться, в любом случае, это всего лишь вопрос времени.

На пороге офиса нас встретил главный редактор Пэйн. Он не очень-то помнил, кто мы такие. «Ну что ж, господин главный редактор, у нас все готово к атаке», — весело произнес Генри. «Какой атаке?» — тихо и растерянно спросил м-р Пэйн. Мы поспешили напомнить ему обстоятельства дела, и вскоре он вспомнил о нашем визите к нему прошлой осенью. «Конечно-конечно, — сказал он. — Вы представители товарищества алкоголиков. Вы хотели, чтобы «Дайджест» поместил статью о вашем обществе и книге, которую вы пишете. Если помните, я сказал вам, что мне надо обсудить это с нашими сотрудниками. Что ж, я так и сделал. К моему удивлению, им совсем не понравилась эта идея. Им кажется, что общество алкоголиков не вызовет большого интереса. Кроме того, они считают, что в целом это спорная

затея с медицинской и религиозной точек зрения. Но еще хуже, что я забыл известить вас об этом. Мне очень жаль»[2].

Это был сокрушительный удар. Даже жизнерадостный Генри был подавлен. Мы пытались возражать, но безуспешно. Это был конец. Наша затея с книгой рухнула.

Мы ехали домой в растерянности, думая, как мы посмотрим в глаза членам групп, акционерам, хозяину типографии и м-ру Таунсу. В тот период товарищество АА насчитывало около сотни членов. Мы обещали отдать 28 книг тем, кто написал истории свой болезни, а 49 экземпляров надо было бесплатно отправить акционерам-алкоголикам и их друзьям, которые купили наши акции. Пять тысяч экземпляров скоро поступят на склад в Корнуолле, а у нас совершенно нет рынка сбыта. Возможно, типография заберет их, чтобы обезопасить себя от финансовых потерь. У нас не осталось ни цента, и разумеется, наш скромный платеж размером 500 долларов будет не слишком большим утешением м-ру Блэквеллу. А что скажут попечители? Возможно, они с самого начала были правы. Что нам делать? Как справиться с этой катастрофой? У нас не было ни малейшего представления.

Однако наше возвращение оказалось не таким трагическим, как мы ожидали. Некоторые наши товарищи ворчали и говорили: «Мы вас предупреждали», но почти все остальные проявили спортивное хладнокровие и спрашивали, куда же подевалась наша уверенность. Попечители также держались очень лояльно; они предложили собираться каждую неделю, чтобы искать средства и способы для распространения нашей книги. Наиболее ободряющим был тот факт, что м-р Эдвард Блэквелл сказал, что не намерен передавать нашу книгу какому-нибудь постороннему изданию. Он сказал, что намерен поддержать нас, и держал свое слово в течение тринадцати месяцев, пока мы пребывали в неизвестности.

Было очевидно, что для продажи книги нам необходима какая-нибудь реклама. Мы обращались во многие журналы, но безрезультатно. В разгар этого процесса типография «Корнуолл Пресс» сообщила нам, что тираж готов. Шел апрель 1939 года. Генри был абсолютно сломлен и пытался найти работу. Рут сидела дома, а в качестве оплаты получила ничего не стоящие акции не существующего более общества «Издательские работы». Она охотно приняла их и не ослабила своих усилий. Всем нам приходилось залезать в долги, чтобы иметь деньги на жизнь.

[2] Как многие знают, в течение многих лет ни одно издание не оказывало АА столь щедрой поддержки, как «Ридерс Дайджест». Они поместили много статей, которые были посвящены АА или неоднократно упоминали о нас, и это оказало неоценимую помощь для перевода нашей литературы на иностранные языки. Покойный Фултон Ауслер был не только старшим редактором «Дайджест», но и одним из попечителей АА.

Затем 1-го мая на наш дом по адресу Клинтон-стрит, 182, свалилось новое несчастье. Мы с Лоис жили в доме, ранее принадлежавшем ее покойным родителям. После их смерти банк забрал его и сдавал нам в аренду за символическую сумму. Сумма ипотечного кредита была столь велика, что банку не удавалось его продать, и мы смогли оставаться там в течение нескольких лет. Но теперь банк нашел покупателя, и нам следовало выметаться. Мебель с четырех этажей старого кирпичного дома была погружена в фургон. Склад вынужден был заплатить грузчикам, поскольку у нас не было на это денег. Все наше имущество было в залоге у хозяина склада, где и оставалось на протяжении последующих двух лет. Куда нам было идти?

Наши друзья всполошились. Был создан небольшой фонд, который назывался «Средства на замену дома Лоис У.», и это были едва ли не первые деньги, которые когда-либо удавалось собрать нашей организации. В этот фонд начали поступать пожертвования от проживающих вокруг семей АА. Разумеется, они были небольшими, так как все были разорены. Из этого фонда попечители начали выплачивать нам с Лоис по 50 долларов в месяц. Новый член нашего сообщества, Джек С., одолжил нам разбитый автомобиль марки «Линкольн». Но где нам жить? Этот вопрос был решен с помощью Говарда и его матери, которые владели летним домиком на отдаленном озере в западной части штата Нью-Джерси. Мы оставались там до ноябрьских снегопадов. Эта временная передышка дала нам возможность заняться возрождением лопнувшего проекта с распространением книги.

Вскоре после того, как в апреле появился отпечатанный тираж «Анонимных Алкоголиков», д-р Фосдик, как и обещал, написал прекрасную рецензию на книгу. Эта рецензия была перепечатана, в основном, периодическими изданиями религиозного характера, но это не имело значения для получения заказов на приобретение книги. Мы пришли в восторг, когда в «Нью-Йорк Таймс» также появи-

лась рецензия на нашу книгу. Но ничего не произошло. Мы все еще не получали заказов на книгу. В течение лета 1939 года все попытки заставить национальные журналы опубликовать статью об Анонимных Алкоголиках заканчивались неудачей.

В один из дней наш товарищ Морган, ирландец по происхождению, выдвинул идею. Он сказал: «Я раньше работал в рекламном бизнесе и имел много дел с радио. Я хорошо знаю Гэбриэла Хиттера, и я уверен, что он нам поможет». Итак, он отправился к Хиттеру и вскоре вернулся с сияющим видом. «Верное дело, — сказал он. — Гэбриэл собирается нам помочь». В те времена м-р Хиттер был ведущим общенациональной программы «Мы, народ», которая складывалась из трехминутных интервью. Наша история ему сразу же понравилась. Он планировал взять интервью у Моргана, кратко изложить историю его падения и подъема, а затем выспросить у него кое-какие сведения об АА и дать рекламу книги. Мы решили, что это просто *великолепно*, да еще по общенациональному каналу.

У Генри немедленно воспряли его рекламные инстинкты. В связи с выходом радиопередачи он хотел разослать уйму почтовых открыток всем врачам к востоку от Миссисипи, а их предположительно насчитывалось около 20 тысяч. Открытки должны были содержать призыв послушать радиопередачу Хиттера и купить книгу «Анонимные Алкоголики» — «верное средство от алкоголизма». Это была еще одна замечательная идея; единственное, чего нам не хватало, это денег. Среди новичков нашего товарищества оказалась парочка более обеспеченных людей. Генри немедленно отправился к ним, размахивая пачкой акций «Издательских работ». Они не хотели покупать никаких акций, но соглашались принять векселя, подписанные несуществующим издательством и заверенные лично Генри и мной. Невероятно, но Генри вытянул из них 500 долларов. В агентстве, которому мы собирались поручить отправку почтовых открыток, мы заполучили список всех врачей на восточном побережье США. Мы были уверены, что в результате этого получим, по меньшей мере, несколько тысяч заказов на приобретение книги.

Тем временем Гэбриел Хиттер назначил день, когда Морган должен появиться перед микрофоном. Это должно было произойти через неделю, и мы очень беспокоились. Памятуя о предыдущих провалах, кто-то высказал предупреждение: «Что, если Морган, недавно выпущенный из психиатрической больницы, напьется в день

передачи?» Жестокий опыт говорил нам о том, что это вполне возможно. Как избежать такого несчастья?

Очень деликатно мы предложили протестующему Моргану где-нибудь запереть его до дня радиопередачи. Чтобы добиться этого, от Генри потребовались все его ухищрения торговца, но ему это удалось. Оставалось только решить вопрос, как и где мы можем запереть Моргана. Генри, вера которого полностью восстановилась, торжественно заявил, что «Бог позаботится об этом». Он вспомнил об одном из наших богатых новичков, который был членом спортивного клуба в центральной части города. Нельзя ли за деньги получить там комнату на двоих? Громко ворчащего Моргана отвели в плен. В течение нескольких дней мы по очереди круглосуточно дежурили рядом с ним, ни на минуту не спуская с него глаз.

Отправка почтовых открыток врачам шла полным ходом, и все было готово. Почему мы раньше не вспомнили про радио? Это должно было стать только началом. Снова начались разговоры про продажи книги целыми вагонами. За час до начала радиопередачи все наши товарищи с семьями собрались у радиоприемников, ожидая великого момента. Как и следовало ожидать, Гэбриэл начал передачу минута в минуту. Когда в эфире послышался голос Моргана, в доме каждого нью-йоркского члена АА раздались вздохи облегчения. Морган выдержал срок и не напился. Это были очень трогательные три минуты, уж Гэбриэл Хиттер постарался, и Морган тоже не ударил в грязь лицом. Мы рассчитывали на огромный эффект по всей Америке, особенно среди врачей, которые уже получили 20 тысяч наших почтовых открыток. Мы полагали, что через три дня наш почтовый ящик №658 на Черч-стрит-аннекс в Нью-Йорке будет завален просьбами о помощи и заказами на книгу.

Нам потребовалось большое усилие воли, чтобы выждать эти три дня. Затем мы поднялись по ступеням почтового отделения и направились прямиком к нашему ящику. Каждый из нас нес в руках по паре чемоданов, чтобы отвезти домой первую порцию шквала писем. Заглянув через стекло, мы с изумлением увидели там не более горстки открыток. Оптимист Генри поспешил воскликнуть: «Это ничего не значит, ребята. Они просто не могли поместить их в ящик. Держу пари, у них целый мешок наших открыток». Почтовый служащий протянул нам ровно дюжину открыток. Генри сказал ему: «Там должно быть гораздо больше. Где они?» А служащий ответил: «Это все, сэр». Совершенно подавленные, мы просмотрели эти две-

надцать ответов. Одни безжалостно высмеивали нас. Другие, очевидно, нацарапанные пьяными медиками, были абсолютно неразборчивы. В двух открытках был заказ на книгу «Анонимные Алкоголики». Радио как средство массовой информации сильно потеряло свою репутацию в наших глазах, и таким образом, еще 500 долларов вылетели в трубу.

Несколькими днями позже наш домовладелец в Ньюарке повел себя очень жестко. К нам пришел шериф с извещением о выселении. Мы нашли крошечную комнату в соседнем офисном здании, куда едва втиснули большой стол из кабинета Генри, его мягкий стул, пару стеллажей и Рут с ее пишущей машинкой. Посетителям приходилось стоять. Каким-то образом нам удалось внести небольшой аванс за аренду, и оставалось вопросом, сколько месяцев мы сумеем продержаться до очередного прихода шерифа.

Летний домик Говарда на берегу тихого озера был чудесным местом для отдыха и восстановления. К тому же, у нас было по 50 долларов в месяц и автомобиль, на котором можно было передвигаться. Но что будет с наступлением зимы? Лоис начала задумываться, не напрасно ли она оставила свою работу в магазине. Я убедил ее уйти с работы в тот момент, когда перспективы с книгой казались наиболее радужными. Теперь же не оставалось ничего иного, как продолжать наше дело. Надо было каким-то образом вдохнуть новую жизнь в этот проект. Признаюсь, мы часто размышляли о том, что после четырех лет, в течение которых я оставался трезвым, у нас не было перспектив получения какого-нибудь дохода или уверенности в том, где нам жить.

К июлю Генри устроился на работу, и попытками оживить наш проект пришлось, в основном, заниматься мне и Рут. Теоретически она продолжала получать жалованье в размере 25 долларов в неделю, но в действительности вместо денег она еженедельно получала акцию «Издательских работ» номиналом 25 долларов. Мы не могли заплатить ей ни цента наличными. Мы так и не смогли ничего заплатить ей до октября.

В один из июльских дней я отправился в Нью-Йорк, где посетил м-ра Чарльза Таунса. Мы были должны Чарли кучу денег, как и м-ру Блэквеллу из «Корнуолл Пресс». Но оба они с готовностью соглашались подождать. Когда я вышел из лифта в сад, расположенный на крыше больницы, Чарли приветствовал меня широкой улыбкой. Все это время он буквально рыл землю, чтобы обеспечить нам рекламу, и преуспел в этом. Он был давно знаком с Морисом Марки, известным радиожурналистом. Заинтригованный историей об Анонимных Алкоголиках, м-р Марки подошел к Фултону Ауслеру, который тогда был редактором журнала «Либерти». Этот замечательный редактор, писатель и наш будущий друг сразу оценил ситуацию и поручил Морису Марки написать статью. «Так когда ты сможешь поехать поработать с Морисом?» — спросил Чарли.

К нашему огромному восторгу, Морис вскоре подготовил статью, которая называлась «Алкоголики и Бог». Она должна была появиться в сентябрьском номере «Либерти». На этот раз мы действительно надеялись и верили, что наши дела пошли на поправку, и так оно и было.

Однако после выхода этой статьи мы могли получить заказы на книгу не раньше октября. А как решить вопрос с деньгами до тех пор? Следовало внести арендную плату, и что-то надо было делать с долгами перед м-ром Блэквеллом, Таунсом и некоторыми другими кредиторами. Нам просто необходимо было раздобыть, как минимум, тысячу долларов.

У одного из наших нью-йоркских алкоголиков, Берта А., было модное швейное ателье на Пятой Авеню, которое досталось ему в наследство от отца. Но из-за алкоголизма Берта этот бизнес катился под гору и был почти разрушен. Я позвонил Берту и рассказал ему о том, что нам требуется. Когда я сказал, что «Либерти» обязательно опубликует свою статью в сентябре, он спросил: «Ты *действительно* уверен на этот раз? Ведь вы с Генри были абсолютно уверены насчет статьи в «Ридерс Дайджест». Ну ладно, посмотрим. Возможно, мне удастся что-нибудь сделать».

Среди клиентов Берта было много состоятельных людей. Изучив их список, он выбрал одного, которого мы назовем м-р Г.

Берт сказал: «Вот человек, который знает о нас все. Он очень сильно интересуется проблемой алкоголизма, хотя я должен признать, что в этом вопросе он выступает за введение сухого закона». Когда я выразил сомнение относительно принятия помощи от борца за запрет алкоголя, Берт сухо заметил: «Послушай, Билл, сейчас не время мудрить. Нам надо взять тысячу долларов у любого, кто согласится их дать». Берт поднял трубку и заказал междугородный звонок. Сначала он смело попросил м-ра Г. о пожертвовании. М-р Г. колебался. Тогда Берт рассказал своему клиенту о АО «Издательские работы», которое в настоящее время располагало большим запасом

книг, но малым количеством наличных денег. Но статья в «Либерти» принесет нам много заказов. Не согласится ли м-р Г. купить несколько акций? Сомнения м-ра Г. еще более усилились. Тогда Берт предложил м-ру Г. дать «Издательским работам» денег взаймы. В конце концов, наше общество располагает большим запасом ценных книг. Узнав об истинном положении дел в «Издательских работах», м-р Г. решительно отказался. Берт сделал еще одну попытку. «М-р Г., — сказал Берт, — примете ли вы вексель на тысячу долларов от «Издательских работ», если я подпишу его? Как вы знаете, у меня здесь хороший бизнес на Пятой Авеню».

«Несомненно, — ответил м-р Г., — я приму такой вексель с вашей подписью. Пришлите его мне, и я с радостью переведу вам деньги». Это была неожиданная удача, которая, возможно, спасла наше книжное предприятие, так как это позволило нам продержаться до конца осени 1939 г. Чтобы спасти книгу «Анонимные Алкоголики», Берт заложил свой собственный бизнес, который к тому времени был буквально разорен. Это был поступок настоящего друга.

В сентябре 1939 г. статья в «Либерти» появилась в газетных киосках. Она была слегка мрачноватой, и мы думали, что название «Алкоголики и Бог» оттолкнет многих потенциальных заказчиков. Возможно, так оно и было, но несколько сотен алкоголиков и их семей не испугались. В редакцию журнала «Либерти» пришло 800 просьб о немедленной помощи, которые были тут же переданы мне и Рут. Она написала каждому очень участливые письма, в которые был вложен буклет с описанием книги. Реакция была прекрасной. Тут же было продано несколько сотен книг по полной розничной цене в 3,5 доллара. Что еще более важно, мы установили переписку с алкоголиками, их друзьями и их семьями по всей стране. Наконец-то Рут могла брать себе несколько долларов в неделю. А все эти трогательные мольбы о помощи заставили нас забыть о собственных неприятностях. Нашим основным занятием до начала 1940 года стала забота об этих новых людях с помощью переписки; в одних случаях мы сводили их между собой, в других — направляли их в акронскую, нью-йоркскую и кливлендскую группы. Вскоре после выхода статьи в «Либерти» появилась серия статей аналогичного содержания в кливлендской газете «Плэйн Дилер». Это принесло нам новые заказы на книгу и десятки новых проблем. Сообщество Анонимных Алкоголиков быстро переходило из детства в юность. Как я уже говорил, мы с Лоис переехал в дом Боба и Мэг в Монси, штат Нью-

Йорк, чтобы пережить там зиму 1939—1940 гг. и начало весны. Затем мы перебрались в квартиру друга в Нью-Йорке, затем ненадолго поселились в комнате в Гринвич Вилидж, а потом переехали в здание первого клуба АА, где прожили до весны 1941 г. Пожертвования в Фонд средств на замену дома для Лоис У. продолжали служить нам добрую службу. Таким образом, мы жили вполне удобно, и, наблюдая за развитием АА, чувствовали себя все более счастливыми.

Начало весны 1940 года было отмечено одним печальным происшествием. Поскольку до этого мы не знали, где будем жить в ближайшее время, мы выбрали почтовый ящик №658 в одном из почтовых отделений в центральной части Нью-Йорка, так как оно располагалось посреди большого мегаполиса, включая Лонг-Айленд и Нью-Джерси. Теперь нам казалось правильным решением открыть небольшой офис рядом с этим почтовым отделением. Я выступил с этим предложением, которое поддерживали наши акционеры и Рут. Генри, который по своим рабочим делам перебрался в западную часть Нью-Джерси, категорически возражал. Он хотел заниматься книжными делами вместе с Рут там, где требовалось его присутствие в связи с основной работой, дела с которой складывались не очень хорошо. Он находился в крайне неуравновешенном эмоциональном состоянии, которое теперь мы называем «сухой пьянкой». Чем больше мы настаивали, тем более ожесточенным и непреклонным он становился. Он также очень сильно переживал по поводу других проблем. В конечном итоге, он сломался и после четырех лет трезвости ушел в ужасный запой. После этого он так никогда уже и не выздоровел и продолжал пить вплоть до недавней смерти. Это было очень печально, учитывая все, что он сделал для книги и тот факт, что он был одним из первых членов нашей группы в Нью-Йорке. Мой собственный наставник, Эбби, также продолжал пить и не выражал никакого желания остановиться. Наша группа пришла в ужас, и мы задавали себе вопрос: «Если такие верные последователи АА берутся за старое, что же будет со всеми остальными?» Однако, на самом деле, в результате все мы стали еще более бдительными. Поэтому срыв бедняги Генри не привел к аналогичным последствиям для остальных.

Наши ряды начали очень быстро расти благодаря статье в «Либерти», и особенно бурный рост происходил в Кливленде. Появились новые ростки и во многих других больших и малых городах; мы обозначали их булавками, которые втыкали в карту, висевшую на

стене нашего офиса. В начале 1940 г. мы смогли насчитать около 800 человек, которым удалось выздороветь. Это число представляло собой значительный прогресс по сравнению с сотней человек, которые насчитывались в наших рядах в апреле предыдущего года, когда была опубликована книга. В книге выражалась надежда, что когда-нибудь представители АА смогут обнаружить такую группу в каждом населенном пункте. Эта мечта начинала воплощаться в жизнь.

Наши друзья-неалкоголики из Попечительского совета оставались с нами на протяжении всего этого сложного периода, который мы переживали в 1939 году. Одним из новых попечителей стал член нашей нью-йоркской группы Билл Р., а м-р А. Лерой Чипмэн, который наблюдал за нами все это время, теперь тоже примкнул к нам и стал казначеем Фонда. Однако наша казна оставалось все такой же пустой.

В 1940 г. открылся наш первый клуб и первый сельский реабилитационный центр.

Члены нью-йоркской группы жаловались на то, что им недостаточно встреч, которые проходили раз в неделю в съемном помещении в Стейнвей-холле. Нам надо было проводить больше времени вместе. Нужна была домашняя атмосфера, может быть, свой клуб. Эта идея стала популярной, и два наших ветерана, Говард и Берт, быстро обнаружили подходящее помещение в доме № 334 на Западной 24-ой улице и лично гарантировали его оплату. Том Б., еще один наш приверженец, сделал то же самое в отношении оплаты за свет, отопление и телефон в нашем клубе.

Первоначально здание клуба было конюшней на заднем дворе двух кирпичных домов. С улицы к нему вела крытая узкая аллея. Впоследствии лошади уступили место художникам, которые привели помещения в порядок и сделали декоративную отделку. Потом это здание стало слишком мало для клуба художников-иллюстраторов, поэтому они выехали, а мы, Анонимные Алкоголики, вселились. На нижнем этаже было место для проведения достаточно многочисленных собраний, а на верхнем этаже находились комната отдыха и две маленькие спальни. В одной из них вскоре поселился старина Том, наш знаменитый первый смотритель этого здания, а вслед за этим мы с Лоис въехали во вторую комнату, где и оставались около года. Мы никогда не забудем наше общение там с другими нашими товарищами — Гербом, Илой, Бобби, Диком, Уилбуром, Рут, Генри, Лилиан и многими другими.

Разумеется, у этого клуба вскоре появились собственные проблемы, как и у сотен других клубов, которые возникли с тех пор. Но, как и большинство клубов АА, этот первый клуб принес нам гораздо больше пользы, чем неприятностей, особенно после того, как мы узнали, что он должен рассматриваться как ответвление от нашей основной деятельности, и что в этом случае группа АА не может им управлять. Этот старый клуб на 24-ой улице был свидетелем многих событий из ранней истории АА. Ныне он все еще активно действует и представляет собой достопримечательность, которую посещают члены наших сообществ со всего мира. Немного позднее в том же 1940 году появились аналогичные клубы гораздо большего размера в Филадельфии и Миннеаполисе. Ныне поле нашей деятельности отмечено бесчисленным множеством помещений и зданий, где располагаются наши клубы. Право, стоит взглянуть на самые красивые из них, особенно клубы в Техасе.

Тем временем на холмах штата Коннектикут стало развиваться интересное начинание. Там был ряд ферм, принадлежавших женщине, которая известна и пользуется признанием в широких кругах АА как наша дорогая сестра Фрэнсис. Эта чудесная добрая душа содержала эти фермы из собственного кармана с различными благотворительными целями — одну для престарелых, одну для детей, а одну для всех проходящих странников. Летом 1939 г. наш нью-йоркский товарищ Марти стал наставником недавно пришедшей к нам Ноны У. Нона была одной из первых женщин в рядах АА, и она уже пользовалась гостеприимством Фрэнсис на одной из этих ферм, поэтому с готовностью повезла часть нашей группы в Коннектикут, где мы познакомились с сестрой Фрэнсис.

Эта замечательная женщина переживала тяжелые времена, и у нее осталась только одна ферма. Она называла ее «Министерством наблюдения за небесами». Казалось, мы так же понравились сестре Фрэнсис, как и она нам. Она предложила отдать это место в наше полное распоряжение, если мы создадим совет попечителей для присмотра за фермой. Впоследствии она со смехом признавалась, что была одновременно шокирована и зачарована пришедшими к ней тогда алкоголиками. До той поры самым большим скандалом в ее семье был случай, когда в Риме ее сестру однажды видели в компании итальянского офицера без сопровождения пожилой дуэньи! Но сестра Фрэнсис с готовностью приспособилась к нам. С каждым последующим годом мы любили ее все больше, и она платила нам взаимностью.

Реабилитационная ферма, которая появилась у нас благодаря дару сестры Фрэнсис — это очаровательное место, где в нескольких небольших домиках могут разместиться свыше 20 человек. Это замечательный уголок, куда можно направить любого нуждающегося в дополнительной реабилитации после пребывания в больнице, а многие члены АА приезжают туда на каникулы и в отпуска. Подобные уединенные пристанища сегодня существуют во всех уголках земли, где действуют наши товарищи. Хотя они не принадлежат непосредственно АА, но оказывают нам хорошую поддержку и помогают восстановлению больных. Сегодня от лица всех нас я выражаю нашу признательность сестре Фрэнсис и ее «Министерству наблюдения за небесами», которое так изменилось за это время.

На собрание, которое состоялось в феврале 1940 г., «дядюшка Дик» Ричардсон пришел сияющим и загадочным. Вскоре он поведал нам, что м-р Джон Д. Рокфеллер-младший, о котором мы ничего не слышали с 1937 года, следил за нашим развитием с живым интересом.

М-р Рокфеллер решил, что хочет что-нибудь сделать для Анонимных Алкоголиков. Он предложил организовать обед и пригласить на него несколько сот человек из числа его собственных друзей и знакомых, чтобы они могли получить представление об истоках нашего замечательного движения. Дядюшка Дик представил список приглашенных. В нем было около 400 фамилий, настоящее созвездие выдающихся и богатых людей Нью-Йорка. Было понятно, что в совокупности их финансовое состояние могло составить миллиард долларов. Нам, алкоголикам, показалось, что м-р Рокфеллер, наконец, изменил свое мнение, и наши денежные затруднения скоро уйдут в прошлое. В этот момент мы с радостью узнали, что м-р Карлтон Шервуд, друг Дика Ричардсона и специалист по сбору средств, использовал свое влияние и оказал содействие в осуществлении этого многообещающего проекта.

Ранее в этой книге я уже упоминал об обеде у м-ра Рокфеллера, но мне кажется, что в наши хроники должно войти более подробное описание этого памятного события, потому что это был тот самый момент, когда начала формироваться традиция АА, предписывающая отказываться от посторонних пожертвований.

Обед состоялся 8-го февраля 1940 г. в Юнион-клубе в Нью-Йорке, который был даже более консервативным, чем сама Юнионистская лига. Присутствовали около 75 человек из 400 приглашенных. Все они прекрасно выглядели. Однако, когда они собрались в обеденном зале, на лицах большинства из них было довольно недоумевающее

выражение. Они явно не могли понять, что это за затея с Анонимными Алкоголиками. Некоторые опасались, что это еще один план для повсеместного введения сухого закона, о чем они и сообщили. Чтобы позволить им получить ответы на любые вопросы, мы посадили за каждый стол по человеку из нашей нью-йоркской группы. Благодаря этому гости за обедом легко оттаяли. Было задано много вопросов, и некоторые наши ответы изумили этих видных персон. За одним из столов сидел наш герой Морган, безупречно одетый и очень привлекательный. Один седовласый банкир поинтересовался: «М-р Р., какое учреждение Вы представляете?» Морган усмехнулся и ответил: «Видите ли, сэр, в данный момент я не связан с каким-либо учреждением. Однако девять месяцев назад я был пациентом психиатрической больницы «Грейстоун». Интерес за этим столом резко возрос.

Д-р Боб приехал вместе с ветераном акронской группы Полом, а также привел с собой Кларенса, одного из основателей процветающей кливлендской группы. На обеде также присутствовал д-р Рассел Блэйсдел, который прошлой осенью дал нам возможность поработать с пациентами психиатрической больницы штата Нью-Йорк в Рокленде, и наш добрый друг д-р Силкуорт.

Д-р Боб и я должны были произнести речи. Еще несколько алкоголиков собирались принять участие в ответах на вопросы, и на протяжении всей этой процедуры нам должны были помогать д-р Гарри Эмерсон Фосдик, представляющий религиозные круги, и д-р Фостер Кеннеди, всемирно известный невропатолог, который должен был выступить от имени медицинских кругов. Мы должны особо отметить помощь этих двух замечательных людей. Д-р Фосдик был первым церковнослужителем, поверившим в нас. В начале 1939 г. он ознакомился с текстом книги «Анонимные Алкоголики» еще до ее выхода в свет и немедленно вызвался написать рецензию. Эта великолепная рецензия, с которой можно ознакомиться в приложении к данной книге[3], прекрасно иллюстрирует его глубокое понимание и высокую оценку нашей деятельности. Точно так же д-р Кеннеди, наш первый друг из числа невропатологов, никогда не упускал возможности выразить глубокое доверие деятельности АА[4].

Сам м-р Рокфеллер внезапно заболел и не смог прийти. По этому случаю на обеде председательствовал его сын Нельсон, которого

[3] Рецензия д-ра Фосдика дана в Приложении E:d.

[4] См. Приложение E:c — Выступление д-ра Кеннеди перед членами Медицинского общества штата Нью-Йорк.

мы все очень любили. Я сидел между ним и д-ром Блэйсделлом. Прямо напротив меня сидел Уэндел Уилки. Во время обеда щедро произносились тосты. Для компании бывших алкоголиков мы держались очень хорошо. Мы удивлялись, как это м-р Рокфеллер решился зайти столь далеко и поставить под угрозу свою репутацию ради каких-то неизвестных алкоголиков, борющихся за выживание.

По завершении обеда слово взял м-р Нельсон Рокфеллер. От имени своего отца он передал сожаление в связи с невозможностью лично присутствовать на этом обеде. Он сказал о глубоком впечатлении, которое произвело на м-ра Джона Д.-младшего знакомство с Анонимными Алкоголиками. Нельсон Рокфеллер пообещал присутствующим, что им не придется скучать в этот вечер и начал представлять докладчиков. Д-р Фосдик дал нам в высшей степени замечательную характеристику и выразил полную уверенность в нашем будущем. Д-р Кеннеди с теплотой отозвался о нашей деятельности и зачитал письмо протеста, которое он написал в «Журнал Американской медицинской ассоциации» по поводу их рецензии на книгу «Анонимные Алкоголики», где они отзывались о нас с некоторой насмешкой. Д-р Боб произнес краткую речь, а я вкратце поведал историю своей болезни, своего выздоровления, а также историю нашего товарищества. По лицам присутствующих гостей было видно, что нам удалось завоевать их симпатию и интерес. Скоро в нашем распоряжении должны были появиться мощные рычаги влияния и большое богатство. Проблемы и усталость должны были уйти в прошлое.

Наконец наступил знаменательный момент. М-р Нельсон Рокфеллер, заметно растроганный, снова взял слово. От имени своего отца он поблагодарил всех пришедших. Он снова повторил, что в жизни его отца было немного событий более волнующих, нежели встреча с Анонимными Алкоголиками. Нельсон сказал, что его отец будет очень рад узнать, как много гостей потрудились прийти, чтобы из первых рук узнать о необычайно многообещающем начинании Анонимных Алкоголиков.

Затаив дыхание, мы ожидали кульминационного момента — перехода к денежному вопросу. Нельсон Рокфеллер пришел нам на помощь. Он сказал: «Господа, вы все видите, что **это работа, основанная на доброй воле.** Ее сила заключается в том, что один человек несет благую весть другому, не думая о прибыли или награде. Поэтому мы считаем, что в денежном вопросе сообщество Анонимных Алкоголиков должно быть самофинансируемым. Они нуждаются

только в нашем хорошем отношении». Гости дружно захлопали, и после сердечных рукопожатий и прощаний вся эта толпа, обладающая богатством на миллиард долларов, направилась к выходу.

Мы были поражены. Зачем м-р Рокфеллер заварил всю эту кашу — неужели только ради этого? Мы просто не могли в это поверить. Понимание начало приходить несколькими днями позже, а со временем Анонимные Алкоголики все больше осознают, что именно он сделал для нас и что имел при этом в виду.

У Дика Ричардсона была стенограмма всех речей, прозвучавших на этом обеде, и он попросил меня отредактировать и издать их. На самом деле, отредактировать предстояло выступление д-ра Боба и мое, потому что не могли же мы редактировать д-ра Гарри Эмерсона Фосдика и д-ра Фостера Кеннеди. Дик сказал, что м-р Рокфеллер хочет купить 400 книг, и мы предоставили их с громадной скидкой — по доллару за штуку. Он хотел разослать их всем гостям, которые были в списке приглашенных на обед, вместе с текстом звучавших там речей. Еще м-р Рокфеллер намеревался написать каждому гостю персональное письмо, текст которого он обещал нам показать.

В этом письме, адресованном как всем присутствовавшим на обеде, так и тем, кто отсутствовал, м-р Рокфеллер снова выражал свое глубокое доверие Анонимным Алкоголикам, свое удовлетворение тем обстоятельством, что многие его друзья своими глазами могли наблюдать старт этого многообещающего движения, и свою глубокую убежденность в том, что наше сообщество должно быть самофинансируемым. Вслед за этим он отмечал, что небольшая денежная помощь все же может оказаться полезной, поэтому он передавал Анонимным Алкоголикам одну тысячу долларов. Вероятно, это был мягкий намек на то, что другие гости также могли бы сделать небольшие пожертвования, если пожелают.

Несмотря на любопытство со стороны прессы, на обед не были допущены репортеры. Это можно было понять, т.к. м-р Рокфеллер, конечно же, рисковал. Если бы кто-то из алкоголиков напился, вся затея с позором бы провалилась. Но поскольку оказалось, что все прошло хорошо, нас свели с фирмой Айви Ли, консультанта м-ра Рокфеллера по связям с общественностью, и совместными усилиями мы подготовили проект заявления для прессы.

Вслед за этим последовали многочисленные и благоприятные упоминания о нас в средствах массовой информации. Новостные

агентства передали сообщение об обеде у м-ра Рокфеллера по всему миру. Появилось несколько довольно сенсационных статей под броскими заголовками, например: «Джон Д. Рокфеллер обедает с алкоголиками». Но все эти статьи, так или иначе, содержали рекламу АА; даже таблоиды приветствовали нас. Общие усилия были направлены на придание Анонимным Алкоголикам статуса достойной и уважаемой организации. Вслед за такой рекламой множество людей отправились в книжные магазины, чтобы купить нашу книгу. Посыпались заказы, и наше финансовое положение существенно облегчилось. Со всей страны пришли сотни просьб о помощи от алкоголиков и их семей. Мы заносили их имена в растущий список наших корреспондентов и надеялись впоследствии установить с ними персональный контакт в процессе развития нашего сообщества. Громадное разочарование, которое мы испытали на обеде после ухода именитых гостей, было позабыто.

Примерно в то же время начало расти число наших попечителей. В состав Совета был избран м-р Роберт Шоу, адвокат и друг дядюшки Дика, а также два моих нью-йоркских товарища, Говард и Берт. Со временем к ним присоединились Том Б. и Дик С. Дик первоначально был членом нашей группы в Акроне, но теперь жил в Нью-Йорке. В состав Совета также вошел Том К., трудолюбивый и консервативный выходец из штата Нью-Джерси. Немного позднее началось долгое служение нашему делу со стороны нескольких новых людей, не бывших алкоголиками — Бернарда Смита и Леонарда Харрисона.

В Попечительском совете возникло намерение добиться пожертвований от присутствовавших на обеде гостей. Поскольку м-р Рокфеллер преподнес символическую сумму в тысячу долларов, предполагалось, что эта кампания не даст значительных сборов, но может оказать определенную помощь. М-р Рокфеллер согласился с этим, и соответствующая просьба была направлена всем, кто фигурировал в списке приглашенных. Как мы и ожидали, пожертвования были не слишком значительными, но довольно многочисленными. Самый маленький чек был на 10 долларов, а самый крупный — на 300 долларов (от господина, у которого брат был алкоголиком). Общая сумма пожертвований составила две тысячи долларов, и вместе с тысячей, полученной от м-ра Рокфеллера, они были внесены в наш Фонд, до того всегда пустой.

Наше с д-ром Бобом материальное положение все еще оставалось незавидным. Поэтому нам назначили по 30 долларов в неделю,

и у Фонда было достаточно наличности, чтобы продолжать эти выплаты в течение года. Впоследствии к приглашенным на тот обед гостям обращались за пожертвованиями ежегодно, и всегда делили сборы аналогичным образом. Четыре года спустя мы смогли написать м-ру Рокфеллеру и его друзьям, присутствовавшим на обеде в Юнион-клубе, что мы больше не нуждаемся в средствах. К тому времени гонорары от книги обеспечивали нам с д-ром Бобом достаточно средств для существования, а нью-йоркская группа начала среди своих членов сбор средств на содержание помещения штаб-квартиры. С этого момента вступила в полную силу традиция АА о недопустимости принятия каких-либо пожертвований со стороны. М-р Рокфеллер и его друзья предоставили нам нечто гораздо более ценное, чем деньги. Они вывели АА в свет.

Теперь давайте на минуту вспомним события весны 1940 года. Несмотря на упорные возражения со стороны Генри, мы переехали из крошечного офиса в Ньюарке в несколько более просторное помещение в Нью-Йорке, расположенное по адресу Визи-стрит, 30, рядом с нашим почтовым ящиком. Рут и я начали писать ответы на многочисленные запросы, пришедшие после обеда у Рокфеллера и последовавшей за этим рекламы в СМИ. В большом количестве начали появляться новые группы АА, о чем нам сообщали представители старых групп, которые приезжали в наш новый офис со списками новичков. Проблемы и трудности, которые возникали в этих отдаленных новых группах, отражались в их письмах, где они просили нашего совета. Почти еженедельно мы радостно вкалывали новую булавку в нашу настенную карту, чтобы отметить зарождение еще одной группы.

Объемы продаж книги АА постепенно нарастали, и мы теперь были в состоянии оплачивать аренду, почтовые и канцелярские расходы, и, что лучше всего, мы могли полностью выплачивать Рут ее жалованье. Мы с Лоис жили бесплатно в здании нашего клуба на 24-ой улице и могли безбедно существовать на выручку от обеда у Рокфеллера и пожертвования, которые все еще продолжали поступать в Фонд средств на замену дома для Лоис У. Всем стало легче дышать.

Однако ситуация с акционерным обществом «Издательские работы» все еще продолжала оставаться неясной. Оно так и не было официально зарегистрировано, и единственным свидетельством его существования были акции, которые выпустили мы с Генри, а также книги, хранящиеся на складе, и оплаченные чеки, дававшие общее

представление о сумме потраченных средств. Мы с Генри с самого начала решили, что 400 акций, которые принадлежали нам двоим в равных долях, никогда не должны были выходить в обращение до тех пор, пока все остальные владельцы акций не получат назад деньги, которые они заплатили за их приобретение.

Прослышав, что книга начала приносить деньги, некоторые из этих акционеров (среди них был даже Чарли Таунс) заволновались. Они хотели знать, почему все доходы от книги тратятся на содержание штаб-квартиры АА. Мы отвечали, что другого выхода нет; неужели они хотят, чтобы все поступающие к нам мольбы о помощи выбрасывались в мусорную корзину? Но некоторые все же настаивали на том, чтобы им вернули деньги, и с этим надо было что-то делать.

Поэтому мы с Рут занялись подготовкой первого отчета «Издательских работ» перед акционерами. Мы изложили историю проекта издания нашей книги и нарисовали радужные перспективы. На основании кучи корешков от чековых книжек, старых счетов и квитанций мы составили примерный финансовый отчет. Насколько я помню, наша издательская компания показала прибыль в размере около 3 тысяч долларов, которые были потрачены на содержание офиса АА.

Мы снова обратились к нашему проверенному средству в виде бланков акций и поместили на части из них следующую надпись: АО «Издательские работы». *Привилегированная акция*. Номинальная стоимость 100 долларов.

Вооружившись этими сертификатами, я отправился в Вашингтон. Тамошняя новая группа АА включала несколько довольно состоятельных членов: Билла Э., Хардина К. и Билла А. Они с радостью купили эти странные неофициальные сертификаты акций на сумму около 3 тысяч долларов. Таким образом, мы расплатились с несколькими акционерами, выказывавшими наибольшее нетерпение, и с благодарностью вернули м-ру Чарльзу Таунсу все деньги, которые он нам ссудил на осуществление проекта издания книги. Он был очень обрадован, и мы тоже.

В этот период один из наших друзей-неалкоголиков оказал нам неоценимую услугу. Это был бухгалтер по имени Уэст из компании «Уэст, Флинт и Ко.», давний партнер Дика Ричардсона. Он позаботился о том, чтобы официально зарегистрировать компанию «Издательские работы» и лично занялся ее аудитом, а также аудитом нашего Фонда со времени его образования в 1938 г. У Рут не было времени на ведение бухгалтерских книг, а я не знал, как это делается.

Поэтому аудит нашего издательства, выполненный дипломированным бухгалтером, оказался настоящей услугой. М-р Уэст работал без устали и посвятил этому много дней без всякой оплаты. Когда эта тяжелая работа по приведению в порядок нашей отчетности была завершена, мы подумали, что нам не стоит больше утруждать м-ра Уэста. С этого времени ведением нашей отчетности стал заниматься Уилбур С., также дипломированный бухгалтер и один из первых членов АА. Долгое время он занимался этим безвозмездно, и даже сейчас я не уверен, достаточно ли мы ему платим.

К 1940 г. мы начали понимать, что книга АА должна принадлежать только нашему сообществу, а его акции не должны были оставаться разрозненными в руках 49 подписчиков, а также моих, Рут Хок и Генри. Если бы наш Фонд приобрел все выпущенные акции, то дела, связанные с книгой, перешли бы в доверительное управление всего нашего сообщества. Если выкупить акции у их прежних владельцев, то доходы от продажи книги не будут облагаться налогом на прибыль, а сами бывшие владельцы перестанут придираться, что прибыль от книги расходуется на содержание офиса АА.

Наш попечитель А. Лерой Чипмэн выдвинул идею позаимствовать достаточную сумму денег у м-ра Рокфеллера, двоих его сыновей и гостей, присутствовавших на том обеде, чтобы расплатиться с некоторыми долгами и выкупить по номинальной стоимости все акции «Издательских работ» (кроме акций, принадлежавших Генри и мне). Все акционеры с готовностью согласились на это; они были рады хотя бы получить назад свои деньги. После этого м-р Чипмэн сумел собрать 8 тысяч долларов, которые впоследствии надо было вернуть м-ру Рокфеллеру и остальным из прибылей от продажи книги. Акционеры вернули свои акции, получили назад свои деньги, и одна треть доходов от деятельности «Издательских работ» перешла в распоряжение нашего Фонда. Некоторые из наших акционеров, как алкоголики, так и неалкоголики, проявили большую щедрость. Некоторые вернули в Фонд половину, а некоторые и все полученные деньги в качестве добровольного дара.

Таким образом, две трети доходов общества «Издательские работы» продолжали поступать Генри и мне. Хорошо осознавая ситуацию, я согласился передать Фонду свои 200 акций. Но не так просто было убедить в этом беднягу Генри, который продолжал пить. В течение долгого времени он сопротивлялся нашим просьбам. Однажды он появился в нашем офисе на Визи-стрит, совершенно разбитый и

трясущийся. Он напомнил, что большая часть нашей офисной мебели все еще принадлежит ему, в частности, большой письменный стол и мягкое кресло. Это навело нас на определенную мысль. Что если Фонд купит у него эту мебель, скажем, за 200 долларов, не согласится ли он тогда передать свои акции Попечительскому совету?

Генри, наконец, согласился и подписал соответствующую бумагу. На самом деле, мы уже давали Генри кое-какие деньги за его мебель, чтобы поддержать его. Но все же Попечительский совет еще раз выделил ему 200 долларов; Генри отдал свои акции, а я отдал свои, и таким образом, сообщество Анонимных Алкоголиков в лице Попечительского совета стало единоличным владельцем Большой Книги.

В течение 1940 года наше сообщество медленно, но неуклонно разрасталось. По мере возникновения новых групп, в местных газетах появлялись статьи об этом странном новом товариществе. Эти статьи нам очень помогли. Лоис и Рут завели альбомы, в которые с удовольствием вклеивали все новые вырезки из газет. Хорошо функционировали группы в больших городах, таких как Бостон, Филадельфия, Детройт, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, и во многих небольших городах также возникали многообещающие начинания. В Кливленде продолжался феноменальный бум, начавшийся годом ранее. Нью-йоркский клуб едва мог принять всех желающих. В Акроне д-р Боб начал свою историческую деятельность совместно с сестрой Игнасией в больнице Св. Томаса. Так развивались АА до весны 1941 г., когда наши ряды стали насчитывать 2 тысячи человек, из которых 1,2 тыс. пришли к нам за последний год. Нам казалось, что все идет хорошо, но мы не предчувствовали ничего особенного. Между тем, мы были на пороге события, которое неожиданно превратило Анонимных Алкоголиков в общенациональную организацию.

Д-р А. Уиз Хаммер, горячий сторонник нашего движения в Филадельфии, привлек внимание к нашему товариществу со стороны Кертиса Бока, одного из владельцев газеты «Сэтерди Ивнинг Пост». Сначала у редакционного совета газеты были сомнения. Но м-р Бок до этого встречался с несколькими членами нашей филадельфийской группы и слышал историю их выздоровления из первых рук, поэтому он знал, о чем говорил. Кроме того, нам стало известно, что м-р Джек Александер, самый прославленный журналист в «Ивнинг Пост», приходил в наш офис на Визи-стрит. Зная о большом тираже и высокой репутации газеты «Сэтерди Ивнинг Пост», мы пришли в большое возбуждение.

Джек — отличный репортер, и поначалу он отнюдь не испытывал неописуемого восторга. Он еще помнил обстоятельства скандала о махинациях в Джерси, где он вел журналистское расследование. Видя это, мы изложили ему историю Анонимных Алкоголиков самым обстоятельным образом, как никогда ранее перед журналистами. Сначала он встретился с нашими попечителями и членами нью-йоркской группы, а затем мы провезли его по всей стране.

Наконец Джек сказал, что у него достаточно материала, и он готов писать. Однако возникло серьезное затруднение. «Ивнинг Пост» хотела поместить фотографии; они сказали, что это просто *необходимо*. Они согласились назвать д-ра Боба, меня и других алкоголиков вымышленными именами, но фотографии были *абсолютно* необходимы, и часть из них следовало поместить на первую полосу. Мы возражали, что это может отпугнуть людей. Наконец в газете сказали: «Не будет фотографий, не будет и статьи». Нам предстояло сделать выбор, и он был нелегким. Несмотря на протесты и опасения большого числа консервативных членов нашего товарищества, мы велели «Ивнинг Пост» продолжать. Это было судьбоносное решение, которое, к счастью, оказалось правильным, по крайней мере, на тот момент.

Статья появилась в номере от 1-го мая 1941 г. Тот факт, что Джек собрал обширный материал, его замечательная способность к сочувствию и хорошие отношения с нами помогли ему сделать материал, который вызвал огромный общественный резонанс. В почтовый ящик №658 хлынул поток почтовых и телеграфных просьб о помощи и заказов на книгу «Анонимные Алкоголики», которые приходили сначала сотнями, а потом и тысячами. Мы с Рут смеялись, вспоминая тот день менее двух лет назад, когда почтовый служащий протянул нам десяток открыток с язвительными откликами от врачей. Пытаясь разобрать эту лавину с душераздирающими мольбами о помощи, мы сами почти плакали. Что мы могли поделать со всем этим? Мы были просто завалены обращениями.

Мы поняли, что нам необходима помощь. Поэтому мы обратились ко всем женщинам в составе нашего сообщества и всем женам анонимных алкоголиков, которые умели печатать на машинке. Верхний этаж нашего клуба на 24-ой улице был превращен в штаб по ликвидации чрезвычайной ситуации. В течение многих дней Рут и ее добровольные помощницы старались отвечать на все возрастающий поток писем. Их даже подмывало начать давать ответы под копирку. Однако опыт показывал, что этого делать не стоит. *Необ-*

ходимо отправить теплое индивидуальное послание каждому вновь обратившемуся к нам и его семье. Наконец пик корреспонденции схлынул, но обычный объем переписки в нашей штаб-квартире оставался столь большим, что мы пришли к выводу о необходимости привлечения платных сотрудников для этой цели. Волонтеры не могли справиться с этой ситуацией.

Мы поняли также, что мы не сможем обеспечить возросшие расходы на содержание офиса только за счет доходов от книги. Так впервые мы обратились за помощью к иногородним группам АА. После выхода статьи в «Ивнинг Пост» наши попечители Говард и Берт отправились в путь, один в Филадельфию и Вашингтон, а другой в Акрон и Кливленд. Они просили членов этих групп сделать пожертвования на специальный счет в рамках нашего Фонда, который будет служить только для офисных расходов АА. Эти пожертвования должны были быть полностью добровольными. Мы предложили, чтобы каждая группа ежегодно переводила нам по одному доллару с каждого ее члена. Постепенно эти деньги начали поступать, и мы смогли взять на постоянную работу двух оплачиваемых сотрудников. Так начала воплощаться в жизнь традиция АА, касающаяся соблюдения принципа самофинансирования. Теперь вся чистая прибыль от книги могла поступать в наш Фонд. Если группы не перечисляли нам достаточных средств на покрытие офисных расходов, мы могли покрыть дефицит из этого резервного фонда, что мы зачастую и делали на протяжении многих лет. Книга «Анонимные Алкоголики» не только помогала спасать алкоголиков; она стала краеугольным камнем финансового благополучия нашей штаб-квартиры и гарантом нашей общей финансовой состоятельности.

В конце 1941 года, когда секретари групп представили отчетные доклады, мы обнаружили, что наши ряды увеличились до 8 тысяч человек, т.е. на 6 тысяч по сравнению с предыдущим годом. Началось наше проникновение в Канаду и другие страны. Быстрый рост наших рядов происходил повсеместно. Во многих отношениях 1941 год можно считать наиболее увлекательным периодом в нашей истории. Мы почти не обращали внимания на сгущающиеся тучи на нашем горизонте, из которых вскоре разразилась буря. АА только вступали в чудесную и волнующую пору своего отрочества, которая продлилась почти 15 лет.

На карте, которая висела на стене нашего офиса, каждую неделю появлялись десятки новых булавок, означавших возникновение новых групп. Порой ветераны нашего сообщества покидали существующие

центры и перебирались на жительство в другие города. Это была большая удача для таких городов. Но в большинстве случаев у вновь возникших групп не было никакого опытного руководства за исключением книги АА, переписки с нашей штаб-квартирой и, может быть, ненадолго заехавшего случайного члена АА. Их тревоги и проблемы казались бесконечными. Комитеты ссорились между собой, в новых клубах возникали невиданные ранее сложности, ораторы вели демагогические речи, группы распадались на части. Некоторые члены становились профессионалами, за деньги продавая новичкам методы лечения, разработанные АА. Иногда люди напивались целыми группами, что подрывало их репутацию в общественном мнении. Так начал формироваться поистине устрашающий опыт, и это продолжалось долгое время.

Затем в одном из наших крупнейших центров начали циркулировать странные слухи о том, что наш Фонд и нью-йоркская штаб квартира, и книга «Анонимные Алкоголики» — это всего лишь огромная афера, в которую по глупости попал м-р Джон Д. Рокфеллер. В разгар этих волнений несколько членов АА организовали обед в городе, где подобные слухи циркулировали наиболее упорно. Меня и д-ра Боба попросили выступить на этом обеде. На обед пришло не слишком много народа и, странным образом, на нем отсутствовало хорошее настроение, обычно характерное для таких мероприятий. Когда обед закончился, председатели всех групп, действовавших в этом городе, вывели нас с д-ром Бобом в коридор гостиницы, где нас поджидали юрист и дипломированный бухгалтер. До них доходили ужасные слухи о нашем Фонде. Они слышали, что книга «Анонимные Алкоголики» приносит громадные прибыли, и что в прошлом году мы с д-ром Бобом поделили между собой сумму в 64 тысячи долларов. Они думали, что я как агент Уолл-стрит подогнал свой грузовик прямо к сейфу М. Рокфеллера и убедил наполнить его монетами для меня и моих друзей. В ходе этого допроса «Комитет по расследованию» уведомил нас, что один из членов АА из этого города встречался в Нью-Йорке с одним из наших попечителей, который подтвердил эти ужасные слухи.

Эти невероятные выдумки, в которые поверила большая часть присутствующих, очень болезненно подействовали на меня и д-ра Боба. К счастью, у меня оказался с собой официальный отчет о результатах финансовой проверки нашей деятельности с момента ее начала. В нем было указано, что хотя д-ру Бобу и полагался авторский гонорар, он никогда не получал его, т.к. эти деньги требовались на содержание штаб-квартиры АА. Он все еще продолжал получать еженедельную стипендию в размере 30 долларов из денег, получен-

ных в результате обеда у м-ра Рокфеллера. Я также получал точно такую же стипендию из этих средств, а после выхода статьи в «Ивнинг Пост» я начал получать по 25 долларов в неделю от типографии благодаря доходам от продаж нашей книги. Мой общий доход составлял 55 долларов в неделю. У самого Фонда до сих пор практически не было запасов денежной наличности; поступавшие от групп пожертвования быстро тратились на содержание офиса.

Бухгалтер этой «следственной комиссии» прочитал наш скромный финансовый отчет и подтвердил его правильность. Комиссия пришла в уныние и принесла нам извинения. Ее председатель пояснил, что эта встреча была назначена специально для того, чтобы разобраться в ситуации, и что на самом деле немногие из них верили в эти россказни. Он пообещал вместе со своими товарищами сделать все возможное, чтобы положить конец распространению подобных слухов. Однако они не слишком преуспели в этом; разговоры о наших махинациях продолжали ходить в этом районе еще многие годы.

Это было очень хорошим уроком для меня и д—ра Боба. Это заставило нас внимательно пересмотреть наши позиции и обратиться за советом к друзьям. Это был один из тех случаев, в результате которых возникла традиция АА, призывающая уважать профессиональных наемных работников и позволяющая прибегать к их услугам. Было вполне понятно, что в отсутствие надежного источника постоянного дохода я не мог продолжать уделять все свое рабочее время только делам АА, да и д-р Боб мог заниматься ими не более половины рабочего дня. Мы не могли рассчитывать на то, что гости того памятного обеда у м-ра Рокфеллера будут поддерживать нас бесконечно. Это противоречило бы складывающейся в то время традиции о недопустимости принятия посторонней денежной помощи. Ни он, ни я не могли получать деньги из групповых фондов, т.к. они предназначались на содержание нашей штаб-квартиры. Доходы от книги целиком поступали в резервный фонд АА, и мы не имели права пользоваться ими.

Казалось, что единственным решением этой проблемы является получение авторских гонораров, при условии, что объемы продажи книги будут достаточно велики. Таким образом, мы могли получить вознаграждение за написание книги и усилия по организации нашего издательства. Однако не будет ли это рассматриваться как профессиональное занятие в том смысле, который подразумевается нашей Традицией? Некоторые члены АА говорили, что это *на самом деле* превратит нас в профессиональных работников, т.к. мы будем делать деньги на АА. Однако наш опыт, полученный на основании других примеров, свидетельствовал, что это не обязательно так. Наши клубы платили жалованье своим домоправителям, большинство из которых были членами сообщества. Они не получали никаких денег за свою деятельность в рамках Двенадцатого Шага, но им платили за исполнение обязанностей уборщиков и поваров. Было просто необходимо, чтобы они трудились у нас полный рабочий день. Мы только недавно приняли одну женщину-алкоголика на полную ставку в наш нью-йоркский офис. Была ли она «профессиональным анонимным алкоголиком»? Очевидно, нет. Она получала жалованье за специальные услуги в качестве секретаря.

С момента, когда стартовал проект нашей книги, мой образ мыслей менялся от одной крайности до другой. Иногда мне хотелось сохранить свою треть акций и получать авторские отчисления. Мне казалось, что я заслуживаю полного денежного вознаграждения за свою работу над книгой. В другое время я чувствовал, что не должен брать ни цента, как бы трудно нам Лоис не приходилось.

Вскоре после эпизода с финансовым расследованием в Нью-Йорк приехал отец Эд Даулинг, наш друг из ордена иезуитов из Сент-Луиса. Все еще оставаясь озадаченным, я рассказал ему обстоятельства дела. Он спросил: «Вы считаете, что должны полностью посвящать все свое время АА?» Я ответил: «Да, и возможно, так будет всегда». Тогда он спросил, не могу ли я стать платным врачом и получать деньги за работу в рамках Двенадцатого Шага. Я ответил ему, что ответ на этот вопрос был получен уже давно. Я ни в коем случае не мог этого сделать, так же как никто из других членов нашего сообщества, невзирая на последствия. «Ну, Билл, — сказал отец Эд, — если бы это касалось только Вас, Вы, конечно, могли бы надеть власяницу и ничего не иметь. Но как быть с Лоис? Когда-то, женившись на ней, вы обязались поддерживать ее. Предположим, вы оставите ее на милость ваших друзей, чтобы иметь возможность бесплатно заниматься организаторской работой для АА. Но будет ли это соответствовать тем обязательствам, которые вы принимали на себя, вступая в брак? Мне кажется, наилучшим вариантом было бы получение авторских отчислений».

Это означало, что мне и д-ру Бобу, конечно, никогда не следовало брать денег за работу в рамках Двенадцатого Шага, но мы могли бы получать компенсацию за специальные услуги.

Мы оба согласились с примиряющей позицией отца Эда и продолжали придерживаться ее впредь, и мне приятно сообщить, что такой статус для меня и д-ра Боба был впоследствии признан принципиально правильным всем нашим сообществом.

В начале 1942 г. в связи с замужеством от нас ушла наш секретарь Рут Хок, которая не была алкоголиком, и тысячи членов АА тепло пожелали ей всего самого наилучшего. Она была одним из стойких зачинателей проекта издания книги «Анонимные Алкоголики» и организаторов штаб-квартиры АА, и ее деятельность послужила для нас незабываемым примером. На смену ей пришла Бобби Б., которая стала секретарем №2 Национальной штаб-квартиры АА. Абсолютная лояльность и преданность Бобби, а также ее невероятная энергия и способность выполнять тяжелую работу оказали нам неоценимую помощь в тяжелые и тревожные годы, которые предстояло вскоре пережить.

Незадолго до ухода Рут один из наших нью-йоркских товарищей, журналист по имени Джек, принес показать нам некролог, помещенный в одной из местных газет. После обычного описания жизненного пути усопшего там шли такие слова: «Боже, дай нам разум и душевный покой принять то, что мы не в силах изменить. Мужество изменить то, что можем, и мудрость отличить одно от другого».

Никогда еще девиз АА не был так точно изложен в нескольких словах. Пока мы с Рут восхищались этой молитвой и размышляли, как бы нам воспользоваться ею, в офис вошел наш друг Говард. Согласившись с нашим мнением, он воскликнул: «Нам надо напечатать эти слова на всех почтовых карточках, которые будут отправлены из этого офиса. Я оплачу первую партию таких карточек». Мы следовали его совету в течение нескольких последующих лет, и эта Молитва о о душевном покое с удивительной быстротой вошла в обиход и стала одной из самых любимых, наряду с «Отче наш» и молитвой Св. Франциска.

Никто в точности не знает, кто был автором Молитвы о смирении. Некоторые говорят, что она пришла к нам от от древних греков, другие думают, что она принадлежит перу неизвестного английского поэта, третьи заявляют, что она была написана американским морским офицером, а Джек Александер, который однажды попытался разобраться в этом вопросе, приписывает авторство преподобному Рейнольду Нибуру, преподавателю богословской семинарии, принадлежащей церкви единения. Как бы то ни было, у нас есть эта молитва, и мы повторяем ее тысячи раз на дню, а ее автора считаем одним из своих самых больших благодетелей.

Наш необычайно бурный рост вскоре поставил перед нами очень важную проблему организации отношений с общественностью. Теперь к нам было привлечено внимание всей страны; надо было начинать взаимодействовать с общественностью в широких масштабах. Недоброжелательное отношение общества могло замедлить

или вовсе остановить дальнейший рост наших рядов. Поддержка общества могла расширить наши ряды до таких масштабов, о которых раньше мы могли только мечтать. Статья в «Сэтерди Ивнинг Пост» доказала это. Отношения с общественностью — это не только очень сложная, но и деликатная проблема. Любая грубая ошибка, которая могла вызвать общественное недоверие, привела бы к продлению страданий многих людей, а некоторым могла бы даже стоить жизни. Необходимо было выработать и ввести в действие тщательно продуманную политику отношений с общественностью.

В первую очередь, мы начали думать о наших отношениях с медицинскими и религиозными организациями. Нам не следовало конкурировать с ними ни при каких обстоятельствах. Если нас будут воспринимать, как новую религиозную секту, у нас наверняка будет много неприятностей. А если мы начнем углубляться в область медицины, неприятностей будет еще больше. Поэтому мы стали подчеркивать тот факт, что АА — это образ жизни, не вступающий в противоречие ни с какими религиозными верованиями. Мы дали понять врачам, насколько нам необходимо больничное лечение, и предложили свое сотрудничество психиатрическим больницам и вытрезвителям. Религия всегда должна была оставаться делом служителей церкви и каждого человека в отдельности, а оказание медицинской помощи оставалось за нашими друзьями из числа врачей. Будучи алкоголиками и непрофессионалами, мы просто составляли недостающее и очень необходимое звено в цепи совместных усилий.

С тех пор наши отношения с общественностью строились именно на этих принципах, и это принесло очень положительные результаты. Сегодня мы пользуемся неофициальной поддержкой практически всех конфессий. Многие практикующие врачи, разделяющие взгляды АА, присылают к нам своих пациентов-алкоголиков. Члены нашего сообщества часто выступают на религиозных собраниях и перед членами медицинских обществ, а на открытых собраниях АА мы часто видим медиков и церковнослужителей.

Однако медицинские и религиозные аспекты, как бы важны они не были, составляли только небольшую часть наших общих проблем в области взаимоотношений с общественностью. Нам предстояло также определить наиболее эффективные способы взаимодействия со всеми средствами массовой информации, включая прессу, радио, кинематограф, а позднее и телевидение, а также способы взаимодействия с работодателями, которым требовалась специаль-

ная поддержка; необходимо было определить правильный подход в вопросах воспитания правильного отношения к алкоголю, проведения исследований и реабилитации алкоголиков в стенах частных и общественных заведений. Что отвечать больницам и тюрьмам, которые хотят организовать группы АА в своих стенах? Что говорить членам АА, работающим в таких сферах, если у них возникнет соблазн воспользоваться маркой АА в рекламных целях или для организации пожертвований? Что мы должны говорить или делать, если наше сообщество когда-нибудь начнут широко эксплуатировать, порочить или нападать на него со стороны? Надо было найти приемлемые решения для всех этих и многих других проблем, в противном случае последствия могли быть очень серьезными для АА.

Поиск ответов на сложные вопросы, связанные с построением взаимоотношений с общественностью, занял много времени. После многочисленных проб и ошибок, порой перемежавшихся с тягостными заблуждениями, начали вырабатываться наиболее приемлемые для нас методы и подходы, основные из которых сегодня отражены в Традициях АА: полная анонимность при публичных контактах; отказ от использования имени АА для получения выгоды или каких-либо иных целей, какими бы достойными они не были; никаких выступлений в поддержку кого-либо или чего-либо и невступление в какие-либо союзы; распространение основной идеи как единственная цель деятельности АА; никакого собственного профессионализма; взаимоотношения с общественностью, основанные, скорее, на привлекательности наших идей, а не на пропаганде — вот некоторые из этих уроков, добытых немалым трудом.

Вполне естественно, что центром формирования Традиций АА были наш Попечительский совет и штаб-квартира. На нас лавиной сыпались проблемы разного рода, но к 1945 году нам удалось в значительной степени преодолеть царивший ранее хаос. Со всех сторон в нью-йоркский офис поступали просьбы от других членов сообщества поделиться опытом и помочь в решении их проблем. В конце концов, дела настолько наладились, что любой рядовой член АА воспринимает нашу всемирную деятельность как само собой разумеющуюся. До недавнего времени эта сторона деятельности нашей штаб-квартиры в значительной степени оставалась невидимой для рядовых членов. Тем не менее, именно благодаря ей, в основном, и происходит рост наших рядов и укрепление нашего единства.

За годы существования нашего Фонда распространение деятельности АА по всему миру происходило благодаря широкому использованию нашей книги, распространению брошюр, ответам на многочисленные мольбы о помощи и просьбы о советах в решении групповых проблем, а также установлению правильных взаимоотношений с общественностью. В конце концов, все наше сообщество в целом начало функционировать как единый организм.

В период 1941—1945 годов произошли и другие события. Наш офис переехал с Визи-стрит на Лексингтон-авеню, 415, и стал размещаться напротив Центрального железнодорожного вокзала. Мы пошли на этот переезд из-за острой необходимости принимать многочисленных членов АА из других городов, приезжающих в Нью-Йорк. Наше новое местоположение облегчало контакт с посетителями, которые впервые знакомились здесь с Анонимными Алкоголиками как представителями всемирной организации. С тех пор нашу нью-йоркскую штаб-квартиру посетили тысячи анонимных алкоголиков, их семьи, их друзья, их духовники, доктора и работодатели.

Сообщество Анонимных Алкоголиков продолжало развиваться такими темпами, которые порой ошеломляли нас самих. Умножение наших рядов год за годом шло почти в геометрической прогрессии. Отныне мы считали наших товарищей не тысячами, а десятками тысяч.

Но это еще не вся история. Впервые мы почувствовали, что характер нашего сообщества начинает меняться. Мы начали добиваться успехов среди такого контингента, как умеренно пьющие алкоголики, а иногда даже среди потенциальных алкоголиков. В первые годы нашего существования те из нас, кому удалось перестать пить в рядах АА, ранее почти без исключения рассматривались врачами как очень тяжелые и безнадежные случаи. Но теперь к нам стали приходить более молодые люди, многие из них еще сохраняли свою работу и даже достаточно высокое социальное положение, имели семьи и были достаточно здоровыми. Они могли, в свою очередь, убедить себе подобных в том, что те нуждаются в помощи АА. Разумеется, этим людям сначала надо было эмоционально дойти до крайней точки. Однако мы обнаружили, что им необязательно опускаться на самое дно, чтобы признать себя побежденными алкоголем. Мы сознательно начали вырабатывать особую технику «повышения дна», на которое им предстояло опуститься. Когда такие люди с легкой формой заболевания приходили к осознанию того, что у них уже есть основные симптомы алкоголизма, этого обычно бывало достаточно. Это уже было эмоциональным «падением на дно», что позволяло в дальнейшем избежать многих лет мучений.

Примерно в таком же виде эта методика начала работать и среди других категорий прибывающих к нам людей. Сначала нам не

удавалось добиться выздоровления женщин. Они считали, что устроены по-другому. Но когда они увидели, как выздоравливают другие женщины, остальные медленно потянулись вслед за ними. Богатые люди, занимающие видное положение в обществе, и изгои — все они раньше думали, что АА не для них. Так же полагали люди других рас, национальностей и религиозных верований. Но когда они ясно понимали трагедию, к которой их может привести алкоголь, они забывали о своих различиях и вступали в ряды АА.

Все эти новые тенденции выявились совершенно отчетливо, что очень радовало нас. Сегодня наше сообщество более чем наполовину состоит из людей с легкой формой заболевания и тех, кто ранее считал себя «не такими, как все».

Затем началось распространение нашего движения в других странах. Это принесло нам целый ряд новых проблем. Каждому новому отдаленному плацдарму предстояло пережить собственное блуждание в потемках и поиски собственных решений, как в свое время было с нами здесь, в США. Вскоре мы начали сталкиваться с языковыми барьерами, и надо было переводить на иностранные языки все большие объемы литературы.

Кроме того, у наших зарубежных друзей возникали новые сомнения особого рода. Может быть, АА — это чисто американское изобретение, которое не подойдет для Ирландии, Англии, Голландии, Скандинавии, Австралии и островов Тихого океана? Раз эти страны так отличаются друг от друга, может быть, и тамошние алкоголики тоже имеют отличия. «Будут ли АА эффективно работать в наших культурных условиях?» — вопрошали они. Мы вели очень обширную переписку; в этом ним помогали наши товарищи в Нью-Йорке, которые умели переводить. Мы узнавали, кто из АА собирался ехать за границу, и давали им инструкции. Постепенно мы добились прогресса. Однако прошло много времени, прежде чем мы приобрели уверенность в том, что АА могут преодолевать расстояния, языковые, этнические и религиозные барьеры. Сегодня наше сообщество действует более чем в 70 зарубежных странах и владениях США. Теперь мы уверены, что очень скоро каждый алкоголик на Земле получит такой же шанс на выздоровление, какой был у нас в Америке — это всего лишь вопрос времени. Обслуживание зарубежных групп стало основным направлением деятельности нашей штаб-квартиры, и здесь еще далеко не исчерпаны все возможности.

Продолжает расти потребность в хороших переводах нашей литературы, но всегда находятся умелые помощники в этой области.

Около десяти дет назад Франк М. перевел книгу АА на испанский язык. Днем он работал в качестве переводчика у одного нью-йоркского импортера, а по вечерам переводил свою любимую книгу «Анонимные Алкоголики». Сегодня его перевод является основополагающим трудом во всех испаноговорящих странах. Несколько позднее члены квебекского сообщества также сделали замечательный перевод книги на французский язык. Мы надеемся, что наша Большая Книга вскоре выйдет в Осло на норвежском языке и тогда, благодаря сходству языков, ее смогут также читать датчане и шведы.

Многие наши брошюры уже выходили на иностранных языках, в частности, на немецком, голландском и финском. Мы постоянно стремимся преодолевать все новые языковые барьеры, протягивая руку помощи тем, кто еще не знает о существовании выхода из тяжелого положения.

В связи с быстрым ростом сообщества АА наша штаб-квартира также должна была расширяться. Для учета денежных взносов, поступавших от тысяч групп, и все возрастающих объемов продаж нашей литературы нам вскоре понадобился штатный счетовод. Издание Справочника с адресами групп АА тоже стало такой же работой, как издание телефонной книги. Стали скапливаться горы папок с письмами и архивных описей, для работы с которыми потребовалось увеличить количество штатных сотрудников из числа алкоголиков. По ходу распределения обязанностей между ними, начали создаваться отделы. Сегодня работа нашего офиса распределяется между отделами, работающими по следующим направлениям: отношения с американскими и зарубежными группами, отношения с общественностью, Генеральная конференция АА, организационно-техническое обеспечение, обработка почтовых отправлений, упаковка отправлений, бухгалтерия, стенография, обслуживание групп АА, действующих в тюрьмах и больницах.

К счастью, наш офис растет не такими быстрыми темпами, как само сообщество, иначе у нас не хватило бы средств на его содержание. Сообщество АА так быстро разрасталось, что у нас не было возможности рассказать всем его членам о том, чем, собственно, занимается штаб-квартира. Многие группы занимались своими собственными проблемами и совсем не помогали нам. Взносы в штаб-квартиру поступали едва ли от половины всех групп. Мы постоянно страдали от нехватки взносов; к счастью, мы могли восполнять этот дефицит деньгами от продажи Большой Книги и растущих продаж наших брошюр. Без этих доходов мы бы давно обанкротились.

В 1944 г. произошло жизненно важное событие. В Нью-Йорке несколько анонимных алкоголиков, имевших склонность к литера-

туре и журналистике, начали выпускать ежемесячное издание. Первоначально в их число входили Марти, Присцилла, Лоис К., Эббот, Мэйв и Кей. Затем на волне энтузиазма к ним присоединились Грэйс О. и ее муж. Они назвали свой журнал «Грейпвайн» (игра слов. «Grapevine» — виноградная лоза и слух, источник информации). Это был отнюдь не первый журнал или бюллетень местных групп АА. Ранее уже начали выходить «Кливлендский центральный бюллетень», «Прозрение» в Лос-Анджелесе и некоторые другие. Однако «Грейпвайн» приобрел национальную известность.

Через несколько месяцев перед этим журналом возникло неожиданное препятствие. Оказалось, что Федеральное бюро расследований уже давно издает собственную газету под таким же названием. Она предназначалась для сотрудников ФБР и, в основном, занималась тайным обменом информацией. Дело удалось уладить, когда мы стали назвать наш журнал «АА Грейпвайн». После этого тираж нашего ежемесячного издания стал непрерывно расти и достиг 40 тыс. экземпляров[5].

«АА Грейпвайн» освещает идеи и действия АА во всем мире. Это как бы ковер-самолет, переносящий нас из одного удаленного уголка, где есть АА, в другой; журнал стал замечательным средством отображения современных идей и текущего опыта.

Спустя некоторое время издатели «Грейпвайн» обнаружили, что они навлекли большие трудности на свою голову. Им всегда нравилось добывать материалы и редактировать статьи, но лизать языком огромное количество почтовых марок и отправлять в разные адреса тысячи экземпляров журнала, в конце концов, стало непосильной задачей, и они попросили Фонд о помощи. Когда наши попечители провели опрос различных групп АА, чтобы узнать, не хотят ли они сделать «Грейпвайн» международным журналом, ответ был положительным. После этого журнал официально зарегистрировали и образовали для него

Совет директоров, куда, помимо редакционной коллегии, вошли два человека из Попечительского совета.

Для издания «Грейпвайн» требовались штатные сотрудники, что опять привело к увеличению денежного дефицита, и опять на помощь пришли средства от продажи Большой Книги. Без них журнал не смог бы выходить вовремя.

[5] По состоянию на 1957 г. Описываемый здесь регламент работы центрального офиса также претерпел изменения.

В журнале «АА Грейпвайн» всегда трудятся много добровольных помощников, даже в большем количестве, чем в офисе штаб-квартиры. Официальную зарплату в журнале получают только главный редактор, ее помощники, руководитель отдела подписки и несколько человек, выполняющих повседневную работу. Редактор и другие члены редколлегии журнала, а также художники и многие авторы всегда оказывают огромную бесплатную помощь в работе над каждым номером. Без этих квалифицированных добровольных помощников мы не смогли бы издавать журнал. Если бы нам пришлось оплачивать их услуги, расходы были бы неимоверно высоки. Для всех нас остается загадкой, каким образом эти люди, занятые на основной работе, каждый месяц ухитряются в срок выпустить «АА Грейпвайн». Это один из самых замечательных примеров последовательной и продолжительной деятельности волонтеров в рядах АА.

Начиная с 1945 г., заочное решение групповых проблем с помощью переписки создало большой объем работ для штаб-квартиры. Наши папки распухали от писем, направляемых в центры Анонимных Алкоголиков. В этот период казалось, что нам пишут все противоборствующие стороны во всех групповых дискуссиях.

Основные идеи, на которых базируются «Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков», были заимствованы непосредственно из этой обширной переписки. В конце 1945 г. один наш добрый друг предложил изложить весь этот огромный опыт в виде ряда принципов, которые предлагали бы проверенные ответы на все вопросы нашей совместной жизни и деятельности, а также на проблемы взаимоотношений нашего сообщества с внешним миром. Если мы уже выработали достаточно определенные позиции по таким вопросам, как членство в АА, самостоятельность групп, единство цели, неучастие в деятельности других организаций, профессионализм, общественные дискуссии и соблюдение анонимности в определенных случаях, то мы вполне могли изложить эти принципы на бумаге. Разумеется, список традиций не должен был превращаться в правило или закон. Однако он мог бы стать руководством для наших попечителей, сотрудников нашей штаб-квартиры и особенно для групп АА с их постоянными проблемами.

Эту работу надлежало сделать нам в штаб-квартире, поскольку мы находились в центре всех этих процессов. Вместе со своими помощниками я засел за работу. Традиции Анонимных Алкоголиков в полном виде были впервые опубликованы в нашем «Грейпвайне» в майском номере от 1946 г. Затем в течение нескольких месяцев в «Грейпвайне». печатался ряд статей, подробно объясняющих суть

Традиций. Впоследствии эти статьи были включены в брошюру, вышедшую под названием «Традиции АА». До сих пор все сотрудники нашей штаб-квартиры и многие секретари групп в минуты затруднений обращаются за руководством к этим засаленным и потрепанным экземплярам первого издания «Традиций».

Тем временем наш Фонд предпринял важный шаг, согласующийся с этими Традициями. В 1945 г. мы написали м-ру Джону Д. Рокфеллеру-младшему и всем гостям, присутствовавшим на том памятном обеде в 1940 г., что мы более не нуждаемся в их финансовой поддержке. Мы с д-ром Бобом могли теперь существовать на авторские гонорары от книги, а общие расходы на содержание офиса могли покрываться за счет групповых пожертвований. Если этих денег бывало недостаточно, дефицит можно было покрыть за счет средств, скопившихся от продажи нашей литературы. Это означало, что мы, наконец, провозгласили свою полную финансовую независимость. С тех пор Попечительский совет АА всегда твердо отказывается от посторонних пожертвований.

Когда Традиции были впервые опубликованы, они встретили неоднозначный прием. Только группы с очень большими проблемами отнеслись к ним серьезно. Однако кое-где они были восприняты в штыки, особенно в тех группах, которые давно уже составили собственные списки внутренних правил и инструкций. Другой крайностью было полное безразличие к этим Традициям. Кое-кто говорил: «Давайте давайте не усложнять АА». Двенадцать Традиций казались им ненужным выражением страхов и надежд сотрудников штаб-квартиры в отношении будущего АА.

Тогда я начал много ездить по стране, разъясняя новые принципы. Члены групп слушали меня, но явно скучали. Через некоторое время мне стали приходить письма следующего содержания: «Билл, будем рады, если ты приедешь и выступишь перед нами. Расскажи нам, где ты имел обыкновение прятать свои бутылки со спиртным, и о своем внезапном духовном прозрении. Только, пожалуйста, не говори больше ничего об этих треклятых Традициях».

Со временем отношение к этому изменилось. Через несколько лет все признали, что Двенадцать Традиций так же важны для жизни нашего сообщества, как Двенадцать Шагов важны для каждого отдельного алкоголика. Мы позаботились о том, чтобы Традиции АА стали основным принципом нашей деятельности, нашего единства и даже самого существования АА.

На самом деле, я совсем не являюсь автором Традиций. Я просто изложил их на бумаге, точно запечатлев те принципы, которые уже

были наработаны групповым опытом АА. Мы смогли сформулировать эти жизненно важные принципы благодаря существованию нашей штаб-квартиры и Попечительского совета. Если бы не было штаб-квартиры, куда стекались все групповые проблемы АА, то Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков никогда не были бы написаны.

К этому времени АА снискали расположение в медицинских кругах. Две крупные медицинские ассоциации Америки сделали невиданные шаги, демонстрирующие признание с их стороны. В 1944 г. Медицинское общество штата Нью-Йорк пригласило меня сделать доклад на их ежегодном собрании. После этого доклада трое из присутствующих врачей — Гари Тьебу, Кирби Колье и Фостер Кеннеди — встали и выразили АА свою полную поддержку. Само же Общество пошло еще дальше. Оно опубликовало мой доклад в своем журнале и позволило АА перепечатать его. Впоследствии брошюра с этим докладом в большом количестве разошлась по всему миру, повсюду давая врачам уверенность в том, что деятельность АА вполне обоснована с медицинской точки зрения.

Точно так же поступила Американская психиатрическая ассоциация в 1949 г. Я делал доклад на их ежегодном собрании в Монреале. На этот раз моя задача была еще более сложной и, откровенно говоря, я не знал, что мне следует сказать. В конце концов, я закончил свое выступление описанием духовного опыта в том виде, как его понимают АА. При этом я сомневался, что хотя бы небольшая часть аудитории может согласиться со взглядами, которые я излагал в своем докладе. К моему изумлению, я заработал продолжительные аплодисменты. Однако это были аплодисменты не мне и не содержанию моего доклада; на самом деле, это было выражение признания АА и того образа жизни, который оказывал эффективную помощь алкоголикам, когда другие методы не помогали. Этот теплый прием показал, что наши друзья-психиатры относятся к нам гораздо более терпимо, чем мы к ним, и если мы сами приобретем большую широту взглядов, то со стороны психиатров нам будет гарантировано гораздо более тесное сотрудничество.

Ассоциация вскоре подтвердила мнение своих членов, присутствовавших на встрече в Монреале. Мой доклад был напечатан в «Американском журнале по психиатрии», и нам разрешили издать его в виде брошюры, которая называлась «Алкоголизм как болезнь»[6]. С то-

[6] Позднее эта брошюра получила название «Три выступления Билла У. перед медицинскими обществами»; в нее входит также доклад Билла, сделанный на встрече Медицинского общества штата Нью-Йорк.

го времени наши позиции среди психиатров значительно упрочились. Медицинские ассоциации штатов и округов начали приглашать членов АА выступить перед ними. Эти медицинские доклады сослужили особенно хорошую службу для наших зарубежных групп, избавив их от необходимости многие годы доказывать свою состоятельность в глазах врачей, как это пришлось делать нам в Америке.

Медицинский аспект лечения алкоголизма включает проблему госпитализации больных, и здесь был достигнут огромный прогресс. Многие больницы вообще отказываются принимать алкоголиков. Специальные лечебные заведения штатов и местных органов здравоохранения обычно требуют длительного пребывания алкоголиков в их стенах, с ограничением свободы передвижения. Поэтому было и остается нелегким делом убедить обычные больницы сотрудничать с местными ассоциациями групп АА и принимать пациентов по их рекомендации на короткий курс лечения, позволяя наставникам навещать своих подопечных.

Отрадно сообщить, что эта ситуация быстро меняется к лучшему. Наши поиски в этой области в сочетании с опытом, который был приобретен штаб-квартирой по результатам этой деятельности, представляют особый интерес для всех нас. Две американские больницы продемонстрировали прекрасные примеры возможности эффективного сотрудничества медиков и АА. В больнице Св. Томаса в Акроне д-р Боб, добрейшая сестра Игнация и персонал больницы руководили деятельностью наркологического отделения, в котором до кончины д-ра Боба в 1950 г. были излечены несколько тысяч алкоголиков. А, начиная с 1945 г., больница «Никербокер» в Нью-Йорке предоставила для АА отделение, которым руководил наш первый друг-медик д-р Уильям Д. Силкуотер, которому необычайно преданно и умело помогала сестра Тедди. К 1954 г. через это отделение прошли 10 тысяч алкоголиков, направленных в «Никербокер» нью-йоркской Ассоциацией групп АА; большинство из них находятся на пути к свободе. Поскольку размещение в подходящих больницах является одной из самых больших проблем АА, нью-йоркская штаб-квартира продолжает передавать группам АА во все мире свои наработки, полученные по результатам этих первых опытов, а также последующие разработки и результаты многочисленных исследований.

Тем временем на нас обрушился огромный поток общественного признания, стимулируемый нашими друзьями из газет, журналов, на радио, а впоследствии, и на телевидении, и этот поток никогда не прекращался. Каждый месяц специальные сотрудники нашей штаб-квартиры собирают и наклеивают в альбомы большое количество материалов. Писатели постоянно обращаются в штаб-квартиру с просьбой завизировать их рукописи. Членам АА предоставляют возможность выступать на радио и телевидении на условиях анонимности. Наш офис постоянно занимается рекламой, объемы которой непрерывно увеличиваются. Только Богу известно, сколько жизней было спасено и сколько тысяч алкоголиков и членов их семей удалось уберечь от многолетних страданий.

Для поддержания этих «линий жизни», все более распространяющихся по свету, возникла необходимость в дальнейшем расширении нашего офиса. В 1950 г. мы переехали в дом №141 на Восточной сорок-четвертой улице, еще ближе к Центральному вокзалу. Сегодня работой этого офиса на общественных началах руководит Хэнк Г., председатель Генерального совета АА. В его подчинении трудятся шесть штатных секретарей, которым оказывают большую помощь волонтеры из числа членов комитета, являющиеся экспертами в области юриспруденции, финансов и связей с общественностью. Повседневные обязанности исполняются двенадцатью штатными сотрудниками из числа неалкоголиков, которые занимаются бухгалтерским учетом, делопроизводством и стенографией. Два секретаря сидят в приемной, на стенах которой висят карты, дающие представление о распространении нашего товарищества по всему миру. На столе стоит крылатая статуя победы, которая является премией Ласкера, полученной АА от Американской ассоциации здравоохранения в 1951 г.

Этажом ниже находится редакция «АА Грейпвайн». Здесь редактор Дон и его добровольные помощники совещаются с главным редактором и ее заместителем относительно того, как выпустить журнал в срок. Подальше отсюда, ближе к центру города, где арендная плата ниже, мы снимаем большое офисное помещение, где сидит отдел распространения журнала «Грейпвайн», аудитория которого составляет 40 тысяч читателей.

В трех кварталах от главного офиса у нас есть большое помещение складского типа, где занимаются рассылкой почтовой корреспонденции и отправкой литературы. Ежемесячно им приходится отправлять тонны материалов. Шесть человек посвящают этому все рабочее время. За прошлый год они разослали около 40 тысяч книг и сотни тысяч брошюр, многие из которых были переизданы в новом оформлении — в основном, благодаря Ральфу, нашему консультанту

по изданию брошюр. Кроме того, они отправили по почте около 30 тысяч писем и бюллетеней и выполнили огромный объем копировальных работ.

Одна стена длинного упаковочного зала до потолка уставлена стеллажами с множеством папок, хранящихся в коробках. Это старые архивы нашей штаб-квартиры, оставшиеся с тех времен, когда мы располагались на Визи-стрит. В этих коробках спрятана всемирная история АА, ожидающая своих исследователей, и мы уже начали эту работу. В углу рядом с этими стеллажами отгорожено помещение для нашего библиотекаря-исследователя, который занимается историей Анонимных Алкоголиков. Я надеюсь, что когда-нибудь будет написана полная и детальная история Анонимных Алкоголиков в дополнение к этому краткому очерку. Поскольку сейчас ведется исследовательская работа, мы уверены в том, что основные факты, отражающие рост и развитие АА, никогда не будут искажены. Это одно из наших новейших начинаний.

Описание всемирной деятельности АА не может быть полным без признания того вклада, который внесли наши попечители-неалкоголики. В течение многих лет они посвящали нам огромное количество своего времени и усилий. Благодаря их мудрым советам наша деятельность является успешной в финансовом отношении; часто во времена жарких споров они отклоняли поспешные решения, которые собирались принять мы, беспечные алкоголики. Некоторые из этих людей — Джек Александер, Фултон Ауслер, Леонард В. Хариссон и Бернард Б. Смит — дали нам очень многое в тех областях, где они являются экспертами: в литературе, в области предоставления социальных услуг, в финансах и юриспруденции. Сейчас их примеру следуют другие попечители, недавно пришедшие в Фонд — Фрэнк Гульден, Арчибальд Рузвельт, Айвэн Ундервуд и д-р Джон Норрис. Я уже упоминал особый вклад, который внесли мой шурин д-р Леонард В. Стронг-младший и господа Уиллард Ричардсон, А. Лерой Чипмэн и Фрэнк Б. Эймос. Немного позднее мы подробнее поговорим о жизненно важной для нас роли м-ра Леонарда Харрисона, который оставался многолетним председателем Фонда в трудную пору нашего взросления.

Тот период 1945–1950 гг. был очень напряженным и принес много испытаний. Перед нами стояли три серьезные проблемы. Первая была связана с деньгами, вторая с соблюдением анонимности, а третья, самая серьезная, была связана с вопросом о том, что станется

с Анонимными Алкоголиками, когда уйдут ветераны и основатели нашего движения.

В 1945 г. мы начали отказываться от «посторонних пожертвований», однако вскоре возникла другая аналогичная опасность. Богатые люди, в том числе некоторые члены АА, стали оставлять в своих завещаниях большие суммы, которые должны были перейти в доверительное управление Фонда Анонимных Алкоголиков. Одно из таких завещаний было оглашено в тот момент, когда наша штаб-квартира находилась в очень стесненных финансовых обстоятельствах. В то время пожертвования от групп на содержание офиса не дотягивали до ежемесячно необходимой суммы в 2 тысячи долларов, а нехватка средств на издание журнала «Грейпвайн» составляла еще около тысячи долларов. Тогда мы задали себе вопрос: «Пусть мы не можем брать деньги от ныне здравствующих дарителей, но что мешает нам принять их от усопших?» Но после долгих споров и самокритичного анализа Попечительский совет, в конце концов, отказался от всех завещанных нам средств, таким образом упрочив на будущее традицию АА, касающуюся принципа самофинансирования. Этот поступок Попечительского совета принес всем здравомыслящим членам АА новое чувство облегчения и уверенности. Так от нас была отведена реальная угроза.

Жажда денег, общественного признания и власти, присущая большинству алкоголиков, выплеснулась наружу, когда начал нарушаться принцип анонимности в общественных контактах. Эта тенденция, характерная для периода 1945–1950 гг., приобретала еще большую опасность оттого, что большинство нарушителей руководствовались благими намерениями. Поскольку я и сам грешил этим на раннем этапе, я хорошо понимал эти благие намерения. Иногда люди хотели публично воспользоваться именем АА, чтобы поддержать другие благие начинания. Иногда им хотелось, чтобы их имена и фотографии появились в газетах — разумеется, во благо АА. Они на самом деле считали, что если они сфотографируются в компании с губернатором, это действительно будет полезно. В конце концов, мы осознали огромную опасность для АА, которую представляла вседозволенность наших инициативных представителей, когда они выступали перед общественностью. Очень многие уже грешили этим.

Тогда наша штаб-квартира принялась за работу. В мягкой форме мы писали протесты всем нарушителям этого принципа. Мы разослали почти во все периодические издания, на радио, а также в издатель-

ства письма с разъяснениями, почему члены АА не должны нарушать своей анонимности перед широкой общественностью. В конце концов, благодаря групповому сознанию и усилиям штаб-квартиры, через несколько лет нам удалось свести к минимуму число нарушителей принципа анонимности. Если бы мы не пресекли эту опасную тенденцию, характер нашего сообщества мог бы полностью измениться, а его будущее оказалось бы сильно скомпрометированным.

В 1947 г. д-р Боб заболел, и все мы знали, что эта болезнь может оказаться смертельной. Это обстоятельство заставило нас в штаб-квартире серьезно задуматься. Главным связующим звеном между собственно АА и нашими всемирными службами были д-р Боб, наши штатные секретари и я. Наши товарищи в других странах мало что знали о самоотверженной деятельности Попечительского совета. Вряд ли хоть один из тысячи анонимных алкоголиков мог назвать имена хотя бы половины наших попечителей. Когда смерть или болезнь выведут нас, нескольких ветеранов, из игры, что будет с Попечительским советом и штаб-квартирой? Любая грубая ошибка с их стороны может привести к потере доверия, которое невозможно будет восстановить. Без моральной и финансовой поддержки групп вся деятельность штаб-квартиры будет прервана навсегда. Мы не сможем восстановить наши службы, поскольку не будет людей, уполномоченных для решения этой задачи.

Было ясно, что существует всемирное движение, которое не имеет прямых контактов с собственными основными службами. Попечительский совет обладал необходимыми полномочиями в отношении наших служб, а сами Анонимные Алкоголики не имели никакой власти. Институт попечительства был идеальным вариантом руководства в пору нашего младенчества и отрочества, но сможет ли он в дальнейшем функционировать столь же успешно?

Эта ситуация начала очень беспокоить меня еще со времени выхода Традиций в 1946 г. Я направил в Попечительский совет много докладных записок по этому вопросу. Было довольно много дискуссий. Сначала мы в общих чертах обсуждали идею создания консультативного совета, состоящего из тщательно отобранных представителей, или созыва некой конференции с участием выборных делегатов. Но поскольку непосредственной угрозы в тот момент не было, никаких действий не предпринималось. Когда д-р Боб заболел, я начал ощущать безотлагательность этой проблемы. Мое мнение разделяли м-р Бернард Смит и еще один-два члена Попечительского совета.

Но большинство из них не разделяли наших опасений. Они считали, что организация конференции или даже консультативного совета будет сопряжена с излишними расходами и политическими проблемами. Фонд благополучно действовал на протяжении десяти лет, так почему бы ему и дальше не продолжать в том же духе?

Как типичный алкоголик, я пришел в сильное волнение, в результате чего пассивное сопротивление моих товарищей перешло в твердую оппозицию. Появилась серьезная трещина в моих отношениях с другими членами Совета из числа алкоголиков, и в последующие месяцы ситуация все ухудшалась. Они не принимали мою тактику лобовых атак и мою неутихающую ярость, и это было вполне резонно. Я ощущал приближение бури и посылал в Совет все более гневные записки. Одна из них была составлена очень странно. После длинного призыва к созыву конференции с участием выборных представителей АА и проведению других реформ я указал на то, что Попечительский совет имеет всю полноту власти, но не несет ответственности ни перед кем, включая д-ра Боба и меня. Я закончил эту записку следующим потрясающим заявлением: «Когда я учился на юридическом факультете, самая большая книга, которую я изучал, была посвящена деятельности трастовых компаний. Должен сказать, господа, что в основном, это был долгий и печальный рассказ о неправомерных действиях и злоупотреблениях попечительских советов». Я написал это людям, которые были моими самыми лучшими друзьями, которые беззаветно посвятили себя служению АА и лично мне! Совершенно очевидно, что я находился в крайне неуравновешенном эмоциональном состоянии.

Эта моя негодующая записка чуть не расколола наш Фонд. Наши друзья-неалкоголики были ошеломлены. Противостоящие мне коллеги-алкоголики невнятно пробормотали, что я, очевидно, сошел с ума. Они еще больше уверились в этом, когда в 1948 году я начал объезжать наши группы в других городах, агитируя их за организацию конференции с выборными делегатами, чтобы Попечительский совет стал подотчетен этой конференции.

Вскоре после моего отъезда из Нью-Йорка попечители-алкоголики связались с нашими ветеранами в Акроне, Нью-Йорке и Кливленде, чтобы выработать совместное решение в отношении действий в данной ситуации и особенно в отношении меня. Они полагали, что в своих поездках я буду подробно рассказывать о наших спорах и искать поддержки. К счастью, я удержался от этого, и «совет ста-

рейшин» также проявил некоторую сдержанность. Они просто сообщили Попечительскому совету, что считают существующий порядок вещей вполне удовлетворительным, и никакие конференции или консультативные советы не нужны, и нет нужды во внутренних переменах, которые я предлагал.

Однако, хотя я обычно и не поднимал эту проблему на встречах с группами, я вернулся домой с убеждением, что им хотелось бы иметь полный доступ к собственным делам с помощью конференции и выборных делегатов. Теперь я был уверен в этом.

К 1949 году стало ясно, что д-р Боб скоро умрет. В разгар этой шумной ссоры в штаб-квартире по поводу Конференции он был уже до предела изнурен.

Это были худшие времена. Затем постепенно начался поворот к лучшему. Если бы не наши друзья-неалкоголики в Попечительском совете, боюсь, мы никогда не смогли бы преодолеть этот тупик. К началу 1950 года этот конфликт продолжался уже почти пять лет. В конце концов, ситуацию спасли два человека — Леонард Харрисон и Бернард Смит. Хотя в тот период м-р Харрисон не видел необходимости в проведении конференции с выборными делегатами, его неизменный такт и здравый смысл в сочетании с уважением и любовью, которыми он пользовался среди нас, были теми качествами, которые позволили нашему Фонду остаться на плаву.

На тот момент большинство наших попечителей-неалкоголиков были управленцами в различных организациях. Бернард Смит, напротив, был бизнесменом и юристом. С того времени, как три года назад он вошел в состав Совета, он всегда выступал за коллективное управление штаб-квартирой АА и за проведение конференции с выборными депутатами, которые принимали бы участие в заседаниях Попечительского совета — таков был окончательный вариант предлагаемой организационной структуры верхнего эшелона Анонимных Алкоголиков.

В этот критический период м-р Харрисон назначил Бернарда Смита председателем Попечительского комитета по подготовке предлагаемой конференции. Учитывая их разницу в мнениях, это был очень благородный и великодушный поступок со стороны Леонарда. Воспоминание о нем всегда вдохновляет меня.

Бернард Смит обладает замечательным даром убеждения и ведения переговоров. Более того, его идея в отношении конференции уже начала проникать в умы гораздо глубже, чем мы думали. Когда

обстановка немного разрядилась, он взял на себя задачу убедить Попечительский комитет в необходимости созыва конференции. Уже на третьем заседании он поставил перед комитетом этот вопрос: Нужна ли нам эта Конференция с выборными делегатами или следует забыть об этом? К моему изумлению, комитет единодушно ответил: «Давайте попробуем организовать Конференцию». Это казалось чудом.

Незадолго до принятия этого судьбоносного решения Анонимные Алкоголики сделали еще один шаг навстречу всемирной деятельности и единству.

Летом 1950 г. мы провели наш первый международный съезд в Кливленде, штат Огайо, на котором присутствовали около 3 тысяч человек. Наиболее значимыми событиями на этом съезде были последнее публичное появление д-ра Боба и утверждение съездом наших Двенадцати Традиций в качестве базовой платформы для работы и единения, на которой отныне должно было стоять наше сообщество.

Двенадцать Традиций уже существовали в кратком варианте, разработанном на основании «полной формы», появившейся в 1946 г. Это были краткие утверждения, которые со временем были приведены в полное соответствие с нашими знаменитыми Двенадцатью Шагами к выздоровлению.

Это было сделано по предложению Эрла Т., основателя нашей чикагской группы. В один из дней 1947 года или что-то около того он пришел ко мне домой с этой отличной идеей. Неделю мы занимались усечением «полной формы», после чего написали первый черновой вариант, во многом напоминавший Двенадцать Традиций в том виде, как они сегодня существуют. После нескольких месяцев последующих консультаций и редактирования был предложен окончательный вариант. «Грейпвайн» начал печатать этот новый вариант Традиций в каждом номере, благодаря чему с ними смогли ознакомиться все рядовые члены АА. Ко времени проведения съезда в Кливленде в нашем сообществе было достигнуто всеобщее понимание и одобрение Традиций.

На съезде в Кливленде мы поняли, что д-р Боб вскоре уйдет от нас, а вслед за ним и многие другие старейшие члены АА. Менялись старые порядки. В будущем для сохранения единства АА мы больше не могли рассчитывать только на авторитет и влияние наших первопроходцев. Отныне нам придется полагаться на духовные принципы, сформулированные в Двенадцати Традициях.

Несколько докладов на съезде были посвящены обсуждению Двенадцати Традиций. Я выступил с заключительной речью и попросил съезд утвердить эти Традиции. Сохранилась аудиозапись этого голосования, и сегодня мы снова можем услышать это единодушное выражение согласия съезда. Этот счастливый момент произошел в июле 1950 г. Анонимные Алкоголики миновали очередную веху, пятнадцатую по счету, и были закреплены наши Традиции, составляющие Второй завет.

Несколько недель спустя я приехал в Акрон к д-ру Бобу, чтобы порадовать его сообщением о том, что попечители, по всей вероятности, согласятся на организацию Всемирной конференции АА. Это обстоятельство могло иметь такое же значение для деятельности АА, какое Традиции имели для нашего единства.

Д-р Боб заметно обрадовался моему сообщению, но не стал немедленно комментировать это. Хотя он еще держался на ногах, но был смертельно болен. Мне было тяжело об этом говорить, но я понял, что должен любой ценой получить от него согласие на проведение Конференции.

Помню, я сказал, что если мы с ним не предпримем никаких шагов по этому вопросу, а будем продолжать молчать, *все равно* это будет являться определенной линией поведения. Если мы оба сойдем со сцены, ничего не сделав, все подумают, что мы полностью одобряем существующий порядок вещей. Если впоследствии штаб-квартира развалится из-за отсутствия прочных связей с Конференцией, то Анонимные Алкоголики будут иметь полное право спросить: «Почему д-р Боб и Билл не сказали нам об этом? Почему они не дали нам возможности самим заботиться о своих делах и проводить собственную политику?» Я выдвинул мысль о том, что Конференцию следует созвать в любом случае, даже если поначалу она и не даст желаемых результатов. Делегаты нашего движения смогут приехать в Нью-Йорк и узнать, что же на самом деле представляет собой международная деятельность АА. Затем они смогу принять решение, возьмут ли они на себя всю полноту ответственности, или нет. Это будет коллективное решение, принятое всеми, а не только д-ром Бобом и мной.

Он продолжал размышлять, а я ждал. Наконец он взглянул на меня и сказал: «Билл, это *должно* быть коллективным решением АА, а не нашим с тобой. Давай созывать Конференцию. Я согласен».

Спустя несколько часов я покинул д-ра Боба, зная, что на следующей неделе ему предстоит очень серьезная операция. Мы не осмелились заговорить о том, что было у нас на душе. Мы оба знали, что, возможно, это было наше последнее совместное решение. Я сошел по ступеням и оглянулся назад. Боб стоял в дверях, такой же высокий и прямой, как и прежде. На его щеки вернулся небольшой румянец, и он был одет в аккуратный светло-серый костюм. Он был моим партнером, человеком, с которым мы никогда не сказали друг другу ни одного резкого слова. Знакомая чудесная широкая улыбка была на его лице, когда он почти насмешливо произнес: «Помни, Билл, мы не должны сорвать это дело. Давай двигаться вперед!» Я отвернулся, не в состоянии вымолвить ни слова. Это была наша последняя встреча.

Вскоре после того, как я вернулся домой, Попечительский совет утвердил план организации Конференции и уполномочил меня продолжать эту работу. Денежный вопрос не являлся препятствием для ежегодного проведения этого мероприятия. Даже если общие расходы будут равны 20 тыс. долларов в год, это составит всего по нескольку центов с каждого члена АА, и дело того стоило.

Но как нам, выбирая делегатов, противостоять деструктивной политике, традиционно сопряженной с борьбой ради престижа и удовлетворения тщеславия? Сколько делегатов надо выбрать и из каких мест? Как они будут связаны с Попечительским советом по прибытии в Нью-Йорк? Каковы будут их реальные права и обязанности? Был необходим разумный план, который с самого начала мог бы обеспечить успешную работу. Нельзя было допускать серьезных ошибок, которые могли бы привести к краху идеи.

Поэтому, когда я начал работать над проектом детального плана, у меня были большие опасения. От сотрудников штаб-квартиры и Попечительского совета поступило много хороших предложений. Хелен Б., штатный сотрудник нашего офиса, обладала настоящей политической прозорливостью в лучшем смысле этого слова, и в том числе, хорошо понимала практические аспекты политической деятельности. Ее помощь в этом процессе была просто неоценимой.

Хотя со временем состав участников Конференции мог расшириться и охватить весь мир, мы считали, что для начала следует собрать делегатов только из США и Канады. Каждый штат или провинция могли бы прислать по одному делегату. Те регионы, где было много членов АА, могли бы прислать дополнительных представителей. Для того чтобы на Конференции была постоянная преемственность, делегатов можно было поделить на списки. Список I будет создана в 1951 году, а список II соберется в 1952 году. Таким образом, при соблюде-

нии принципа ротации единовременно переизбиралась бы только половина делегатов. Выборы можно было бы проводить в одном из крупнейших городов каждого штата или провинции. Но как избежать ожесточенной политической борьбы на этих выборных собраниях, где будут присутствовать представители разных групп?

Это обстоятельство вызывало серьезные опасения у нас, ветеранов многих групповых стычек и межгрупповых баталий. Затем нам пришла в голову счастливая мысль. Мы знали, что многие выборные проблемы были связаны с выдвижением конкретных кандидатур, неважно, выдвигались ли они открыто всеми членами собрания или закулисно самопровозглашенным комитетом. Еще одним серьезным поводом для беспокойства были такие выборы, где у соперников были примерно равные шансы на победу, после чего почти всегда оставалось большое количество недовольных.

Поэтому мы разработали схему, которая предусматривала избрание членов комитета на групповых ассамблеях путем заполнения бюллетеней, избегая персональных назначений. Однако основные споры, наверняка, разгорятся вокруг избрания делегатов. Как уменьшить предвыборное давление? Для этого было предусмотрено, что для избрания от Ассамблеи каждый делегат должен получить 2/3 голосов. При таком преимуществе делегата никто не сможет особо возражать. Но что если кандидаты будут иметь примерно равное количество сторонников и не смогут набрать 2/3 голосов? Надо придумать что-нибудь и на этот случай. Может быть, написать на бумажках имена двух-трех кандидатов, набравших наибольшее число голосов, положить эти бумажки в шляпу и вытянуть одно имя наугад? Победитель такой бескровной лотереи и станет делегатом. Поскольку кандидаты на победу в такой лотерее почти всегда будут достойными людьми, то с помощью этого метода мы всегда будем иметь хороший состав делегатов. Конечно, все эти идеи были весьма умозрительными. Мы искренне надеялись, что они сработают. Но будет ли это *на самом деле* так?

Мы считали, что выборные делегаты, собравшиеся в Нью-Йорке на Конференцию, должны иметь вполне реальную власть. Поэтому для Конференции был подготовлен проект Устава[7], который предусматривал, что делегаты могут давать Попечительскому совету обязательные для исполнения указания при условии, что за них

[7] Окончательный вариант устава Конференции АА см. в Приложении С.

проголосуют 2/3 делегатов. Настоятельные рекомендации Попечительскому совету можно будет дать даже простым большинством голосов. Такая рекомендация будет достаточно авторитетной, т.к. если она не будет принята к исполнению, то возвратившись домой, разочарованное большинство делегатов смогут поднять вопрос о сокращении взносов на содержание штаб-квартиры. Согласно предлагаемому нами плану, следовало установить традицию утверждения на Конференции кандидатур на посты членов Попечительского совета. Это дало бы Конференции эффективную возможность влиять на состав Попечительского совета.

Мы изложили эти идеи и рекомендации по их практическому воплощению в брошюре, получившей название «Третий завет», куда включили также предлагаемую на первое время схему финансирования нового органа. Мы разослали 50 тысяч экземпляров этой брошюры в группы АА и попросили их созвать свои Ассамблеи для выбора членов комитетов и делегатов.

Заручившись одобрением попечителей и д-ра Боба, я начал ездить по стране с планом Третьего завета, выступая перед многочисленными аудиториями АА и наблюдая за выбором делегатов на Ассамблеях, которые прошли почти в трех десятках штатов и провинций.

Я особенно хорошо помню, как впервые попытался опробовать наш новый план в Бостоне. До начала встречи несколько политиканов старшего поколения тщательно изучили весь план и вынесли вердикт, что он должен сработать. Это звучало обнадеживающе, поскольку эти парни в Бостоне были такими опытными политиками, как мало кто из нас. Они проявили к этому делу пристальный интерес и силой заставляли всех членов групп прийти на массовую встречу, где я собирался рассказать о плане создания Третьего завета. Когда, наконец, представители бостонских групп собрались для избрания членов комитета и делегатов на Конференцию, процедура выборов прошла чрезвычайно спокойно. Были избраны члены комитета, которые затем собрались на Ассамблее. После этого присутствующие на Ассамблее голосовали несколько раз, но никто из кандидатов не смог набрать 2/3 голосов. В конце концов, было решено положить в шляпу бумажки с именами всех членов комитета, и таким образом была вытянута фамилия достойного кандидата. Все были воодушевлены этим исходом, а мы радовались, что удалось сбить пар. Так впервые перед нами забрезжила надежда на то, что АА начали удаляться от партизанских методов в сторону подлинно искусного управления.

Когда в апреле 1951 г. собралась первая Генеральная конференция АА, мы обнаружили, что около трети делегатов были настоящими ветеранами нашего движения. Остальные были активными членами, бросившими пить от 4 до 8 лет назад. Что самое замечательное, большинство из них были избраны двумя третями голосов, и лишь некоторые по воле жребия. Это необычайно вдохновляло нас.

В первый день работы Конференции делегаты осмотрели штаб-квартиру, познакомились с ее сотрудниками и пожали руки нашим попечителям. Вечером состоялось ознакомительное собрание, которое прошло под девизом «Что вы задумали?» Мы отвечали на множество самых разных вопросов. Делегаты почувствовали себя уверенней и раскованней. Наше настроение улучшилось, так как мы увидели их доверие и способность быстро понимать суть вещей. Мы все почувствовали, что происходит нечто важное, что это исторический момент.

Напряженные заседания следовали одно за другим, утром, днем и вечером. Делегаты проверили состояние финансов АА и заслушали доклады Попечительского совета и всех наших служб. По многим вопросам, касающимся политики АА, состоялись жаркие, но дружеские дискуссии. Попечительский совет вынес на рассмотрение Конференции несколько своих собственных серьезных проблем. Делегаты быстро решили несколько сложных вопросов, по которым у нас в штаб-квартире были сомнения. Хотя их советы порой абсолютно не совпадали с нашим мнением, мы видели, что зачастую они оказывались правы. Как никогда раньше, они подтверждали справедливость Второй Традиции АА. Наше коллективное сознание вполне могло действовать в качестве единственного органа управления и направляющей силы для АА. Вернувшись домой, делегаты привезли с собой это глубокое убеждение.

Так, например, на самом первом заседании Конференции было предложено переименовать Фонд алкоголиков в Генеральный совет Анонимных Алкоголиков. Однако делегаты не настаивали на немедленном решении этого вопроса. Это предложение было принято и реализовано только два года спустя, после тщательных размышлений. По мнению делегатов, слово «фонд» больше годилось для благотворительных и попечительских организаций или, возможно, для тех случаев, когда были задействованы большие деньги. То, что годилось в нашем младенчестве, не подойдет в будущем.

После успешного старта Генеральной конференции, которой был дан 5-летний испытательный срок, товарищество АА во главе со

своей штаб-квартирой вступило в период консолидации и равномерного прогресса. Мучения, которые мы пережили здесь в Америке в наш подростковый период, закончились, и мы больше не испытывали опасений в ситуациях, когда они повторялись у наших зарубежных товарищей.

Это обнадеживающее положение вещей ощущалось на заседаниях нашего Попечительского совета и в повседневной деятельности штаб-квартиры. Структура обслуживания АА начала приобретать окончательные очертания. На смену страхам, нерешительности и яростным спорам прошлых лет пришли поразительная слаженность и эффективное сотрудничество. Состав Совета в очередной раз был расширен, и в ряды попечителей влились новые члены, как алкоголики, так и неалкоголики. На Конференции мы начали прислушиваться к голосу всемирного коллективного сознания АА, и мы уже знали, что можем на него положиться. Кажется, мы впервые полностью осознали, чем мы занимаемся и куда двигаемся.

В этот период всеобщего спокойствия смерть забрала из наших рядов еще двух наших старых товарищей — дядюшку Дика Ричардсона и Силки. Так же как Анна и доктор Боб, они умерли в счастливой уверенности, что АА были, наконец, в безопасности и на правильном пути. Эти любившие нас основоположники, Уиллард У. Ричардсон и Уильям Д. Силкуорт, оставили нам незабываемое наследие.

Эти спокойные времена были ознаменованы еще одним достойным упоминания событием: в 1953 г. была опубликована наша книга «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций». Этот небольшой томик, по существу, является учебником, который содержит подробное и детальное описание 24 основных принципов АА и их практического воплощения.

Я начал работу над этим проектом еще в 1952 г. вместе с моими помощниками -редакторами Бетти Л. и Томом П. Окончательный вариант был отправлен для ознакомления широкому кругу наших друзей из числа медиков и религиозных деятелей, а также ветеранам движения АА. Процесс скрупулезной проверки возглавлял никто иной, как Джек Александер, который выполнил окончательное редактирование книги. Мы сами отпечатали ее для распространения среди наших групп, а наш старый друг Джин Эксман из издательства «Харпер» предложил выгодные условия для ее распространения по книжным магазинам.

Отклик на выход этой книги был гораздо более сильным, чем ожидалось. По состоянию на 1957 г. было распространено 50 тыс. экземпляров. По всеобщему мнению, в книге удалось расширить возможности практического применения наших Двенадцати Шагов для решения повседневных проблем ежедневного существования, что способствует лучшему пониманию наших Двенадцати Традиций и их использованию в качестве руководства для жизни всего нашего сообщества.

Несомненно, эта новая книга была еще одним указателем и предзнаменованием того факта, что АА вскоре вступят в пору полной зрелости. Для нас, постоянных сотрудников АА, эти многообещающие годы укрепления нашего единства всегда будут памятны как один из самых удачных периодов нашего развития.

Накануне прихода 1955 года мы прониклись полной уверенностью, что Анонимные Алкоголики, наконец, находятся в полной безопасности и наше будущее гарантировано.

Здесь в Сент-Луисе все знают, что мы только что выпустили 2-ое издание книги «Анонимные Алкоголики». Многие из вас уже получили ее. Сегодня, в двадцатую годовщину существования АА, нам представляется очень удачным, что это 2-ое издание, выход которого долго откладывался, наконец готово для последующих поколений. Расширился раздел книги, посвященный личным историям, и его значение также возросло, но прежний, хорошо знакомый вам текст основных разделов не изменился. Новое издание включает в себя обзор судеб тех двадцати восьми авторов, которые в 1939 году первыми рассказали свои истории, вошедшие в 1-ое издание. Мы видим, что двадцать три из них полностью исцелились от алкоголизма. У пятнадцати из них никогда не было рецидива. Срок неупотребления алкоголя у этих ветеранов варьируется от 15 до 19 лет. Эти примеры оказывают необычайно воодушевляющее воздействие на всех нас. Они убедительно подтверждают заявление АА о том, что шансы почти каждого алкоголика, постоянно работающего над собой по программе АА, оставаться трезвым до конца жизни, составляют более трех к одному.

В заключение я хочу сказать следующее. Практически все последние пятнадцать лет моей жизни были посвящены созданию Генерального штаба АА. Душой я все еще там, и так будет всегда. Для меня всемирная сеть служб АА важнее всего на свете.

Невозможно словами передать благодарность, которую я испытываю к своим помощникам, которые в действительности осуществили всю эту работу. Мы благодарны всем вам, кто оказывал этому всемирному служению неизменное внимание и безмерную поддержку. Мы с Лоис хотим также произнести слова особой благодарности в адрес почти 300 тысяч человек, купивших книгу «Анонимные Алкоголики». Как вы видите, доход от продажи Большой Книги обеспечил возможность существования нашей штаб-квартиры. Более того, на гонорары от этой книги мы с Лоис смогли приобрести дом, который за эти годы посетили свыше трех тысяч наших товарищей.

Мы с Лоис вступили в осеннюю пору нашей жизни. Нам кажется, что ради вашего блага и ради себя нам не стоит продолжать так же активно заниматься делами, как в предыдущие годы. Мы думаем, нам предстоит осмыслить все, что случилось за эти годы. Возможно, мы продолжим описание опыта и событий прошедших лет, чтобы сохранить их для будущего. Нам также кажется, что и самим нам стоит еще немного повзрослеть. Одно время мы вели занятия в духовной школе АА и обнаружили, что тысячи наших учеников добились гораздо более впечатляющих успехов, чем мы. Поэтому сейчас самое время для нас попытаться догнать вас.

Конечно, мне весьма грустно, что я больше не буду служить вам в нашей штаб-квартире. Но я очень рад, что Анонимные Алкоголики стали взрослыми, и что по милости Божьей и благодаря Генеральной конференции они могут взять свою судьбу в собственные руки.

ВЫДЕРЖКА ИЗ УСТАВА КОНФЕРЕНЦИИ...

Во всей своей деятельности Генеральная конференция должна соблюдать дух Традиций АА, проявляя при этом величайшую заботу о том, чтобы Конференция никогда не превратилась в место гибельного обогащения и власти; чтобы принцип финансовой целесообразности определялся наличием достаточных средств на текущие расходы и необходимого финансового резерва; чтобы никто из участников Конференции никогда не был поставлен в положение, дающее ему необоснованную власть над кем-либо из остальных членов АА; чтобы все важные решения принимались путем обсуждения, голосования и, по возможности, единодушно; чтобы никакие действия Конференции никогда не носили характера персонального наказания и не послужили толчком к возникновению общественных споров; чтобы, несмотря на тот факт, что Конференция может действовать от имени Анонимных Алкоголиков, она никогда не прибегала к каким-либо принудительным действиям, и чтобы сама Конференция всегда оставалась демократичной в своих помыслах и деяниях, как и Сообщество Анонимных Алкоголиков, которому она служит.

III
В воскресенье в 4 часа пополудни

В данном разделе представлено описание наиболее ярких моментов, имевших место на съезде в Сент-Луисе, который стал кульминацией двадцатилетней деятельности Анонимных Алкоголиков.

Место действия — аудитория, в которой проходит Генеральная конференция АА. Бернард Смит, председатель Попечительского совета АА, дает слово Биллу, и тот зачитывает резолюцию, согласно которой он и другие ветераны движения АА передают бразды своего 20-летнего правления сообществом в руки его выборных представителей.

Вслед за этой церемонией Лоис и Билл произносят свои заключительные речи, знаменующие конец одной эпохи и начало нового времени, когда АА берут на себя полную ответственность за ведение собственных дел.

Бернард Смит: Объявляю заседание V-ой ежегодной конференции Генеральной конференции АА открытым. В течение предыдущих четырех дней мы выполнили все поставленные перед нами задачи, за исключением лишь одной — принятия резолюции, наделяющей Генеральную конференцию полномочиями действовать от имени Анонимных Алкоголиков и провозглашающей ее преемником основателей АА. В соответствии с принципами АА, только эта Конференция имеет право принять данную резолюцию и только после того, как мы получим доказательство ее одобрения всеми представителями АА, собравшимися на этой Конференции. Поэтому я предлагаю попросить Билла зачитать эту резолюцию, а затем просить Конференцию соблюдать решение этого съезда, и когда съезд примет решение, я призову Конференцию воплотить это решение в жизнь в соответствии со своими принципами и традициями. Конференция продолжит свою работу и прекратит ее одновременно с прекращением работы съезда. А теперь, Билл, будь добр, зачитай нам резолюцию и затем позволь нам определить мнение съезда, с тем чтобы Конференция имела возможность действовать соответствующим образом.

Билл: Мы стоим на пороге важного решения. Это один из самых торжественных моментов, которые предстоит когда-либо пережить нашему сообществу, поскольку мы намерены утвердить его постоянную организационную структуру.

Мы, члены АА, склонны иногда кичиться достоинствами, присущими нашему товариществу. Давайте помнить, что они ни в коем случае не являются заслуженными добродетелями. Мы вынуждены придерживаться их, главным образом, под страхом оказаться вновь в руках Джона Ячменное зерно, каким является для нас алкоголь. Мы приняли для себя эти принципы, эти методы и эту организационную структуру не потому, что нам изначально так хотелось, а потому что нам *не оставалось ничего иного*. А затем, когда время подтвердило видимую правоту наших основных принципов, мы начали подчиняться им, поскольку это было правильно. Но и тогда некоторые из нас, особенно я, подчинялись им без особой охоты. Но я полагаю, что наконец-то мы собрались сегодня в этом зале с желанием навсегда и с радостью подчиниться принципам, которые, по милости Божьей, принес нам наш опыт.

Возможно, некоторые из нас полагают, что в организационном отношении мы являемся уникальным сообществом. Но это совершенно не так. Наши принципы достижения выздоровления были позаимствованы, так же как и большинство идей относительно нашей структурной организации. В своей деятельности АА используют много приемов, с помощью которых люди столетиями пытались добиться единства, и каждый из этих методов построения сообщества имеет свои плюсы и минусы.

Когда мы впервые пришли к Анонимным Алкоголикам, то, как уже отмечалось ранее, мы обнаружили здесь гораздо большую личную свободу, чем в каком-либо другом обществе. Нас никто *не заставляет* что-либо делать. В этом смысле данное сообщество является неопасной формой анархии. Для большинства из нас слово «анархия» имеет отрицательное значение, возможно, тому виной поведение одного неуравновешенного приверженца этого течения, который много лет назад швырял бомбы в Чикаго. Но я думаю, что благородный русский князь, так настойчиво пропагандировавший эту идею, полагал, что если предоставить людям абсолютную свободу и отменить их личное подчинение кому бы то ни было, они начнут добровольно объединяться в соответствии со своими общими интересами. Анонимные Алкоголики — это объединение именно того типа, которое предсказывал князь Кропоткин.

В основе нашего замечательного объединения лежат свобода, простота и радость. Пока все идет хорошо. Но мы поняли, что этого недостаточно. Мы поняли, что когда нам надо действовать на уровне групп, нам необходима демократия. По мере отхода от дел наших ветеранов мы начали избирать наших функционеров с помощью голосования. В этом смысле каждая группа начала действовать демократическим путем на уровне города.

Когда мы впервые развернули сеть всемирного обслуживания, то д-р Боб, я и наши старые друзья действовали как самовыдвиженцы, направляя и опекая наше сообщество. Мы несли бремя служения АА на своих плечах. Не будет неуважением или преувеличением сказать, что в те дни наша организация представляла собой род двухголового папского правления с советом кардиналов. В структурном отношении это была иерархическая организация.

Однако мы поняли, что такая иерархия не может вечно существовать в отрыве от остальных. Необходимо каким-то образом приспособить ее к демократическим процессам, действующим во всем обществе. Сейчас Генеральная конференция Анонимных Алкоголиков намеревается обеспечить столь долгожданную постоянную связь между нашим Сообществом и Попечительским советом. Но наша Конференция будет отнюдь не только связующим звеном, она будет олицетворять всемирное коллективное сознание АА, которому с этого времени станет подотчетен наш Попечительский совет.

У Анонимных Алкоголиков все еще действует и другая форма объединения. Подобная форма ныне вызывает большие сомнения во всем мире. Тем не менее, она имеет свои достоинства, особенно для нашего сообщества. Я говорю о диктатуре. У Анонимных Алкоголиков два диктатора, и оба они способствуют процветанию и росту наших рядов. Один из них — это Джон Ячменное зерно, от которого каждый из нас недалеко ушел. Второй — это наш Отец Небесный, царствующий над всеми людьми. Господь говорит нам: «Узнай мою волю и исполни ее». А Джон Ячменное зерно говорит: «Тебе лучше бы исполнять Божью волю, а не то....».

Возможно, это несколько необычно, когда в одном обществе сосуществуют многие формы объединения. Мы позаимствовали для себя черты анархии, демократии, республики, иерархического общества и диктатуры. Надеемся, что нам удается избежать отрицательных моментов, присущих каждой из этих форм, и особенно надеемся, что мы смогли взять от них большую часть их достоинств.

Вместе с вами я молю Господа о том, чтобы резолюция, которую мы собираемся принять, совпадала с Его волей. Сейчас я зачитаю ее и попрошу вас устно проголосовать. Если вы согласитесь, если ваша совесть скажет: «По имеющимся у меня сведениям и по моему убеждению, это абсолютно правильно», тогда Генеральная конференция, являющаяся центром нашей служебной иерархии, подтвердит вашу волю, которая на долгое время обеспечит будущее Анонимных Алкоголиков. Вот текст этой резолюции:

Мы, участники юбилейного XX-го съезда Анонимных Алкоголиков, собравшиеся здесь, в Сент-Луисе в июле 1955 г., выражаем свою уверенность в том, что наше Товарищество достигло зрелости и полностью готово принять в свое полное и постоянное владение Три Завета, составляющих наследие АА — Выздоровление, Единение и Служение.

Мы полагаем, что Генеральная конференция Анонимных Алкоголиков, образованная в 1951 г. нашими основателями, доктором Бобом С. и Биллом У., и наделенная необходимыми полномочиями со стороны Попечительского совета Фонда алкоголиков, в настоящее время полностью способна принять на себя задачу сохранения Двенадцати Традиций АА, а также полное руководство и управление всемирной сетью нашего сообщества, как это предусмотрено в Руководстве по всемирному обеспечению Третьего Наследия, недавно переизданном под руководством одного из наших основателей Билла У. с помощью Генерального совета Анонимных Алкоголиков.

Мы одобряем предложение Билла У., согласно которому Генеральная конференция АА должна стать постоянным преемником деятельности основателей Анонимных Алкоголиков и унаследовать от них все их обязанности и особые обязательства, чтобы в будущем избежать каких-либо разногласий по поводу влияния или власти отдельных личностей и обеспечить наше Сообщество органом, функционирующим на постоянной основе.

ДА БУДЕТ ОТНЫНЕ РЕШЕНО. Что начиная с этого дня, 3-го июля 1955 г., Генеральная конференция Анонимных Алкоголиков должна стать хранителем Традиций Анонимных Алкоголиков, гарантом бессрочного всемирного служения нашего сообщества, гласом коллективного сознания всего нашего Товарищества и единственным преемником деятельности наших основателей, доктора Боба и Билла.

ПРИ ЭТОМ ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ЧТО. Генеральная конференция никогда не станет вносить изменения или исправления в Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков или в положения Статьи XII Устава Конференции, иначе как предварительно испросив согласия всех зарегистрированных в мире групп АА. Эти группы должны быть надлежащим образом извещены о любых предлагаемых изменениях с предоставлением им минимального 6-месячного срока на ознакомление с предлагаемыми изменениями. Конференция не должна принимать никаких решений по этим вопросам до тех пор, пока не получит, в установленный срок, письменного согласия на предлагаемые изменения, как минимум, от 2/3 всех зарегистрированных групп.

ПРИ ЭТОМ ТАКЖЕ ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ЧТО. Согласно Статье XII Устава Конференции, Конференция принимает на себя обязательства перед сообществом Анонимных Алкоголиков, и в этой связи:

Во всей своей деятельности Генеральная конференция должна соблюдать дух Традиций АА, проявляя при этом величайшую заботу о том, чтобы Конференция никогда не превратилась в место гибельного обогащения и власти; чтобы принцип финансовой целесообразности определялся наличием достаточных средств на текущие расходы и необходимого финансового резерва; чтобы никто из участников Конференции никогда не был поставлен в положение, дающее ему необоснованную власть над кем-либо из остальных членов АА; чтобы все важные решения принимались путем обсуждения, голосования и, по возможности, единодушно; чтобы никакие действия Конференции никогда не носили характера персонального наказания и не послужили толчком к возникновению общественных споров; чтобы, несмотря на тот факт, что Конференция может действовать от имени Анонимных Алкоголиков, она никогда не прибегала к каким-либо принудительным действиям, и чтобы сама Конференция всегда оставалась демократичной в своих помыслах и деяниях, как и Сообщество Анонимных Алкоголиков, которому она служит.

Бернард Смит: Участники Конференции, вы выслушали резолюцию, которая наделяет Генеральную конференцию полномочиями действовать от имени Анонимных Алкоголиков и объявляет ее преемницей отцов-основателей. Эта резолюция получила одобрение сообщества Анонимных Алкоголиков в лице его съезда, состо-

явшегося 3-го июля сего года. Теперь я прошу выступить с предложением о том, чтобы резолюция, зачитанная Биллом и получившая одобрение съезда, была принята Конференцией и внесена в протокол данного заседания. Кто-нибудь желает внести это предложение? (Предложение вносится). Кто-нибудь желает вторично внести это предложение? (Предложение вносится вторично). Готовы ли все согласные с этим предложением отдать за него свои голоса? (Предложение принимается единогласно).

Бернард Смит: В жизни мужчин, оказавших большое воздействие на человеческое общество, нередко присутствует великая женщина — жена и партнер, вдохновляющая и неизменно поддерживающая его во времена триумфа и во времена испытаний, без поддержки которой этот мужчина, может быть, никогда не смог бы добиться такого воздействия. Лоис для нас — не только жена Билла и именно такая женщина, но символ всех жен АА.

Лоис: Добрый вечер всем присутствующим. Стоя здесь перед вами, я хочу выразить огромную благодарность в связи с этим замечательным событием и возможностью присутствовать при этом. Именно благодаря возможности такого сопереживания Анонимным Алкоголикам и удается оказывать столь благотворное воздействие. На протяжении этих 20 лет, волнующей кульминацией которых стал сегодняшний съезд, вы не только вдохновляли меня и многих подобных мне, но и дали нам доказательство превосходства добра над злом. Вы показали нам, что жизнь, какой бы низкой и презренной они ни была, можно изменить, и что мужчины и женщины могут, благодаря милости Божьей, обрести новые конструктивные цели и стать полезными обществу. Я думаю, что все эти чудеса произошли потому, что принципы АА совпадают с известными нам Божественными заповедями и с основными законами мироздания. Эти принципы учат нас, как вести себя, чтобы позволить Богу действовать через нас.

Я особенно благодарна АА за то, что они указали мне и всем остальным женам и мужьям анонимных алкоголиков путь к лучшей и более полезной жизни. С самого начала существования АА это был пример, благодаря которому многие из нас сами захотели жить согласно Двенадцати Шагам и помочь сделать это тем из нас, кто пока одинок и растерян.

За последние 10 лет число партнеров наших алкоголиков, которые тоже ощущают эту необходимость, настолько возросло, что мы

смогли объединиться в группы, чтобы лучше решать наши проблемы, вызванные страхом и нестабильностью, и передавать наш опыт другим, кто нуждается в нашей помощи. Образование групп родственников алкоголиков Ал-Анон — это спонтанный ответ на насущную необходимость. В этих группах мы следуем примеру Анонимных Алкоголиков. Мы также признаем, что мы бессильны перед алкоголем. Мы пытаемся перестать вмешиваться в ваши проблемы, перестать ворчать и командовать, и признать неприкосновенность как вашей, так и нашей собственной жизни. Мы стараемся проанализировать собственное поведение и признать перед Богом и другими людьми истинную природу наших заблуждений. Мы просим прощения у тех, кому мы причинили вред. С помощью молитв и медитации мы стараемся укрепить наш духовный контакт с Богом как мы Его понимаем, и донести эту идею до других. В группах родственников алкоголиков мы изо всех сил стараемся жить по тем же принципам, которые так помогли вам. Мне кажется, эти наши усилия дают положительные результаты, как для вас, алкоголиков, так и для нас. В результате этого во многих семьях, где раньше были большие проблемы, теперь царят мир, радость и единство.

Билл уже говорил вчера, что в 1950 г., во время проведения Международного съезда АА в Кливленде, существовало менее 100 групп родственников АА. Теперь их около 700 на американском континенте, и такие группы есть также в 10 зарубежных странах. Мы выросли не только в количественном отношении, но, я надеюсь, и в качественном. Мы гордимся возможностью принять участие в этом знаменательном съезде, и мы уверены, что он принесет огромную пользу анонимным алкоголикам и их семьям.

Благодарю вас, Анонимных Алкоголиков, за замечательную возможность распространять эти принципы, которые мы приняли как свои собственные.

Бернард Смит: Сейчас, когда этот великий день нашей жизни подходит к концу, есть только один человек, который может достойно завершить это собрание. В один прекрасный день люди нашего времени и последующих времен осознают, так же как и вы, сидящие здесь в этот воскресный вечер, в каком они неоплатном долгу перед этим человеком и доктором Бобом, которые вдвоем организовали товарищество Анонимных Алкоголиков. Я не могу не думать о бесчисленных человеческих существах, живших в предшествующие столетия, кто терял человеческий облик и умирал от раз-

рушительного воздействия алкоголя только потому, что в их время на свете еще не было такого человека по имени Билл. Давайте же сегодня возблагодарим Провидение за то, что оно послало его нам именно в это время. Вот он.

Билл: Я полагаю, что некоторые из вас могут спросить, не изменится ли в результате этого великого события наше с Лоис положение по отношению к вам. Наш ответ — и да, и нет. Давайте рассмотрим этот вопрос.

Вряд ли можно отрицать, что многие из нас являются жертвами неправильного родительского отношения. Я ни в коем случае никого не обвиняю, но нельзя не признать, что у большинства из нас родители либо слишком рано покинули этот мир и оставили нас без присмотра, прежде чем мы были к этому готовы, или же, напротив, слишком долго опекали нас, так и не позволив нам повзрослеть. Не правда ли, что когда мы вступали в брак, наша несостоятельность вынуждала наших жен или мужей принимать на себя роль наших матерей или отцов? Это было неправильное родительское отношение, всегда препятствующее нашему взрослению, всегда разрушающее партнерство. Поэтому каждый родитель должен когда-нибудь сказать: «Это наш совместный семейный опыт. Это твое наследие. Ты можешь приумножить или растратить его. Бери его и вступай с ним в жизнь. Мы будем рядом. Мы придем на помощь, когда тебе будет трудно. Но ты теперь самостоятельный. Мы больше не можем решать за тебя. Действовать за тебя, оберегать тебя. Мы можем только любить тебя от всего сердца. Остальное в руках Господа и твоих собственных». Если родители не делают этого, они почти неизбежно посеют семена будущего несчастья.

Поэтому мы с Лоис, так же как и многие ветераны этого сообщества, стараемся вовремя удалиться со сцены. Мы думали об этом еще в 1948 году. Однажды мы с доктором Бобом написали статью в «АА Грейпвайн», в которой задавались вопросом, почему мы с ним не можем стать такими же анонимными алкоголиками, как и все. Ну вот теперь настал день, когда мы *можем* стать такими же, как и все вы.

Я полагаю, что когда дети вырастают и взрослеют — обратите внимание: не становятся взрослыми, а только вступают в возраст, когда уже надо нести ответственность за свои поступки — родителям следует на прощание сказать им несколько предостерегающих слов.

События этих трех славных дней, которые мы провели здесь вместе с вами, достигли своего пика и приближаются к завершению. Сколько мы пожелаем друг другу счастливого пути и вернемся к решению задач, стоящих перед каждым из нас. С этого дня мы знаем, что наше горячо любимое товарищество Анонимных Алкоголиков может с радостью и уверенностью принять любое будущее, которое приготовил для нас Господь. Не думаю, что кто-то из нас полагает, будто Анонимные Алкоголики в их нынешнем виде будут непременно существовать всегда. Мы можем только надеяться, что его существование приведет к улучшению положения людей, страдающих от алкоголизма, и что уроки и примеры нашей деятельности могут в какой-то степени внести утешение и уверенность в страдающий и запутанный мир вокруг нас. В этом мире нам выпала честь жить в это волнующее и опасное время, когда духовное возрождение может оказаться единственной альтернативой уничтожению человечества.

В будущем мы, разумеется, будем совершать ошибки. Наш опыт показал, что нам не надо бояться этих ошибок при условии, что мы всегда будем готовы признать наши заблуждения и быстро исправить их. Наше личностное развитие всегда находилось в зависимости от этого нормального процесса совершения проб и ошибок. То же самое будет справедливо для развития всего нашего товарищества. Давайте всегда помнить, что сообщество людей обоих полов, неспособное добровольно исправить свои ошибки, непременно придет в упадок или вообще исчезнет. Таков универсальный закон наказания за неспособность продолжать развиваться. Так же как каждый член АА должен продолжать подводить моральные итоги своей жизни и действовать, сообразуясь с их выводами, так же должно поступать и все наше сообщество, если мы хотим выжить и приносить миру добро и пользу.

Я глубоко верю, что мы никогда не ступим на ложный путь и не будем упорствовать в фатальных заблуждениях, но все же это *может* случиться, так как мы люди, которым свойственно ошибаться. Это та сторона будущего существования АА, где лишняя осторожность и бдительность никогда не помешают. Давайте не будем думать, что если АА в целом никогда не имели слишком больших проблем, то они никогда и не появятся. Если подобное затруднение когда-нибудь возникнет, я уверен, что за этим будут стоять ложная гордыня и гнев, эти два наиболее разрушительных недостатка, свойственных нам, алкоголикам.

Наше сообщество никогда не должно впадать в чрезмерное тщеславие и воображать, будто мы являемся авторами и изобретателями новой религии. Нам следует смиренно помнить, что все принципы АА, *абсолютно каждый из них*, позаимствованы из древних источни-

ков. Мы должны помнить, что мы всего лишь обычные миряне и должны быть открыты к сотрудничеству со всеми людьми доброй воли, независимо от их вероисповедания или национальности[1].

Кроме того, было бы следствием ложной гордости считать, что Анонимные Алкоголики являются универсальным лекарством, в том числе даже против алкоголизма. Здесь мы должны помнить о том, что мы в долгу у врачей. Мы должны быть дружелюбно и, главное, непредвзято настроены ко всем новым открытиям в терапии или психиатрии, сулящим помощь больным людям. Мы всегда должны вести себя дружественно в отношении исследователей проблем алкоголизма, а также медиков, занимающихся реабилитацией алкоголиков и антиалкогольной пропагандой. Мы не должны предпринимать особых действий в поддержку чего-либо, но быть готовыми к сотрудничеству со всеми ними, насколько это в наших силах. Давайте постоянно напоминать себе, что экспертами в религиозных вопросах являются священнослужители, что лечением должны заниматься врачи, а мы, излечившиеся от алкоголизма, являемся их помощниками.

Существуют люди, предсказывающие, что Анонимные Алкоголики могли бы стать зачинателем всемирного духовного пробуждения. Когда наши друзья говорят такие вещи, это великодушно и искренне с их стороны. Но мы, Анонимные Алкоголики, должны подумать о том, что такая честь и такое пророчество могут вскружить голову большинству из нас, если мы действительно начнем верить в то, что именно это является настоящей целью АА, и начнем вести себя соответственно. Поэтому наше сообщество должно благоразумно следовать своему единственному принципу: нести свои идеи страдающим алкоголикам. Давайте удержимся от горделивого предположения о том, что раз Господь позволяет нам добиваться успехов в одной сфере, то нам суждено стать проводниками спасительной благодати для всех.

[1] Что касается меня и д-ра Боба, я должен сказать, что ни у него, ни у меня никогда не было ни малейшего намерения попытаться создать новую религию. У д-ра Боба были определенные религиозные убеждения, есть они и у меня. Это, разумеется, является личным делом каждого члена АА.

Однако ничто так пагубно не отразится на будущности АА, как попытка внедрить собственные теологические воззрения в учение, практику или традиции АА. Если бы д-р Боб еще был с нами, я уверен, он согласился бы, что нам никогда не следует быть слишком настойчивыми в этом вопросе.

С другой стороны, давайте никогда не будем превращаться в закрытую корпорацию; давайте никогда не будем скрывать наш полезный опыт от окружающего мира. Пусть отдельные члены нашего сообщества помнят об этом призыве в любой сфере человеческой деятельности. Пусть они привносят опыт и дух АА во все свои дела ради того добра, которое они могут совершить. Ибо не только Господь спас нас от алкоголизма, но и мир снова принял нас в свои ряды. Но, веря в парадоксы, как мы это делаем, мы должны понимать, что чем больше наше сообщество стремится заниматься только собственными делами и проблемами, тем больше наше общественное влияние, тем меньше степень возможного противодействия нам, тем шире круг, в котором наше товарищество может пользоваться доверием и уважением людей.

Теперь, рассмотрев опасность гордыни, давайте вкратце поговорим о том, как нам может навредить гнев, даже так называемое праведное негодование. Мне кажется, внутри нашего сообщества всегда будут происходить какие-то ссоры. В основном, они связаны с тем, как можно наилучшим образом облагодетельствовать наибольшее количество пьяниц. У нас будут ребяческие споры и ссоры по таким пустяковым вопросам, как надлежащее расходование средств и выбор руководителей на ближайшие полгода. Такое поведение характерно для любой группы подростков (каковой мы и являемся). Все это болезни роста, и на самом деле, они помогают нам развиваться. Преодоление таких проблем — это полезный опыт в суровой школе жизни, которую проходят АА.

Но при этом есть определенные области, в которых гнев и раздоры могут оказаться разрушительными для нас. Мы знаем об этом, поскольку общества гораздо более прочные, чем мы, оказывались уничтоженными. По сути дела, весь современный мир, как никогда ранее, распадается на части из-за политических и религиозных раздоров, потому что люди слепо добиваются богатства, славы и персональной власти, не обращая внимания на последствия этого для окружающих и даже для них самих. Это разрушительные мотивы, которые неизбежно подкрепляются оправданием собственных поступков, и во всех разрушительных коллизиях людьми движет праведное негодование, затем беспричинный гнев и, наконец, слепая ярость.

С искренней благодарностью могу сказать, что нашему сообществу пока не доводилось переживать таких суровых испытаний. За все эти двадцать прекрасных лет нас не затронули никакие религиозные или политические распри. Очень немногие из нас пытались

с помощью АА добиться богатства, славы или личной власти. У нас были свои серьезные проблемы, но все они всегда разрешались, никогда не оставляя шрамов на лице нашего столь широко раскинувшегося товарищества. Но это, опять таки, не является нашей благоприобретенной добродетелью. Слишком многие из нас в дни своего пьянства испытали на себе наказание в виде обращенного на них горделивого презрения или гнева, чтобы мы могли об этом забыть. Эти страдания положили начало той мудрости, которая заключена в Двенадцати Традициях АА. Поэтому я уверен, что эти разрушительные силы никогда не восторжествуют среди нас. Мы готовы заплатить свою цену за сохранение мира. Мы принесем любую личную жертву, необходимую для обеспечения единства Анонимных Алкоголиков. Мы сделаем это, потому что мы научились любить Бога и друг друга.

Поскольку эти собрания начинались с выражения благодарности, тем же следует и закончить. Мы благодарим нашего Небесного Отца, который даровал нам так много друзей, способов и средств, позволивших нам построить эту стройную систему Духовности, ныне царящую среди нас. Кажется, что именно Господь велел нам возвести этот храм, фундамент которого уже прочно покоится на земле во всех ее уголках. На громадной площади этого храма пребывают в мире уже 200 тысяч наших товарищей, и на его ступенях уже давно записаны наши Двенадцать Шагов выздоровления. Старейшие из нас видели возведение боковых стен этого храма, и постепенно перед ними открывались устои, на которых базируются Традиции АА, которые даны нам, чтобы мы сохраняли свое единство так долго, как того захочет Господь. И теперь энергичные сердца и руки водрузили наверх шпиль нашего храма. Этот шпиль называется «Служение», и пусть он всегда служит указателем прямой дороги к Богу.

IV
Медицинский взгляд на Анонимных Алкоголиков

Возможно, Анонимные Алкоголики никогда не начали бы свое существование без друзей из числа врачей. Именно от врачей мы, алкоголики, узнали о физических и эмоциональных аспектах нашего заболевания. Сегодня тысячи врачей во всем мире работают в самом тесном сотрудничестве с нами.

В этой главе мы расскажем о двух наших друзьях-врачах, которые бесплатно оказали нам самую дружескую поддержку во время празднования XX-ой годовщины, которое прошло в Сент-Луисе в июле 1955 г.

Ниже приводятся протоколы заседания медицинской комиссия в период проведения съезда, посвященного празднованию XX-ой годовщины АА. Первая речь была произнесена У.У. Бауэром из Американской медицинской ассоциации. Вслед за ним выступил д-р Гарри М. Тьебу, первый друг АА из числа профессиональных психиатров. Оба врача поделились своим мнением об Анонимных Алкоголиках, рассказали о своем сотрудничестве с нами и о том, какое влияние оказали АА на их собственные взгляды и профессиональную деятельность. На этом заседании председательствовал член АА, д-р Кларенс П.

Председатель д-р Кларенс П.: Я немного волнуюсь, оказавшись в этой аудитории после маленького городка, где живут всего 9 тысяч человек. И находиться в присутствии большого количества талантливых людей, собравшихся сегодня здесь, тоже немного волнительно.

Вы оказали мне большую честь, позволив председательствовать на этом собрании. Мы проведем его наподобие медицинского заседания. Опустим все формальности и перейдем к вопросу, которым занимаемся мы и Анонимные Алкоголики.

Во-первых, сегодня среди нас присутствует самый великий из ныне живущих АА, который по своей скромности отказался от степени доктора права. Мне кажется, что это было очень благородное решение. Я только поблагодарю Бога за то, что он так поступил и за то, что мы знакомы с ним. Нет слов, чтобы передать наши чувства к Биллу.

Билл: Я знаю, что все присутствующие отдают себе отчет в том, что они собрались на очень важную встречу по очень важному поводу, поскольку она посвящена нашим взаимоотношениям с миром медицины. АА можно сравнить с храмом, покоящимся на трех столпах: один — это религия, второй — медицина, а третий — наш собственный опыт людей, пострадавших от алкоголизма. Медицина в широком смысле слова включает в себя науку о разуме и его воздействии на тело, а также о влиянии физических болезней на разум человека. В лице двух наших замечательных гостей, д-ра Бауэра и д-ра Тьебу, мы имеем здесь людей, которые являются настоящими экспертами в каждой из этих областей.

Если мы, Анонимные Алкоголики, когда-нибудь начнем думать, что обладаем монополией на лечение пьяниц, это будет печальный для нас день. Я думаю, нам следует поддерживать все исследования в данной области, касаются ли они тела или разума. Отдельным членам нашего сообщества часто приходится участвовать в подобного рода исследованиях.

Мы, алкоголики, являемся чемпионами по изобретению самооправданий и теоретизированию. Задача психиатра — внимательно выслушать наши оправдания и обнаружить более глубокие причины нашего поведения. Хотя мы не изучали психиатрию, проведя некоторое время среди Анонимных Алкоголиков, мы можем понять, что наши мотивы на самом деле не таковы, как нам изначально казалось, и что мы находимся под воздействием неизвестных нам сил. Поэтому нам следует с величайшим уважением, интересом и пользой для себя относиться к достижениям психиатрии, помня о том, что до настоящего времени психиатры относились к нам гораздо более терпимо, чем мы к ним. Мы благодарим их за неизменную дружбу и поддержку, которую они почти поголовно оказывали нам. В качестве отдельных индивидуумов нам также следует использовать достижения врачей общей практики и биохимиков. Разумеется, будучи общественным движением, мы никогда не должны пытаться вторгнуться в область медицины. Лечение больных — это дело врачей; распространение официальной религии — дело церковнослужителей. Поэтому давайте скромно заниматься своим делом и быть прочным связующим звеном, которого ранее недоставало. И давайте поблагодарим Бога за то, что существуют такие люди, как д-р Бауэр и д-р Тьебу.

Председатель: Я хочу переложить часть моих обязанностей по ведению сегодняшнего заседания. Мне посчастливилось познакомиться с д-ром Эрлом М. из Сан-Франциско. Несмотря на то, что ранее мы не встречались, а знали друг друга только по переписке, у меня такое чувство, будто мы знакомы много лет. Я хочу попросить его выступить в качестве сопредседателя и объявить нашего следующего докладчика. Позвольте представить вам д-ра Эрла М.

Д-р Эрл М.: Дорогие друзья, члены товарищества Анонимных Алкоголиков и наши замечательные гости! Моя речь будет короткой. Нам действительно очень повезло иметь среди нас человека такого масштаба, которого вы сейчас услышите. Он занимает одну из руководящих должностей в Американской медицинской ассоциации, и он принимает наши дела очень близко к сердцу. Мы не могли бы пожелать себе лучшего союзника, чем следующий докладчик, для подтверждения и укрепления развивающейся дружбы между АА и медицинскими работниками. Для меня большое удовольствие и огромная честь представить вам моего начальника и нашего общего друга, доктора У. У. Бауэра.

Д-р У.У. Бауэр: Благодарю Вас, доктор, за эти любезные слова. Хочу заверить вас, что я не являюсь ничьим начальником; я всего лишь один из наемных сотрудников Американской медицинской ассоциации. Пожалуй, меня можно назвать ее официальным рупором. Мне кажется, мое положение в Ассоциации было однажды определено на ежегодном собрании в Атланте, когда кто-то спросил меня, в какой гостинице я остановился. Я назвал свою гостиницу, и этот человек сказал: «О, вы не остановились там где «головы», вы живете там, где «плечи».

В качестве официального рупора Ассоциации я выступал перед бесчисленными аудиториями. Недавно один из моих сотрудников сказал, что я произнес более тысячи речей, всегда отдавая должное

многострадальному американскому народу. Обычно я легко овладеваю аудиторией, но однажды, около года назад, когда встреча членов АМА проходила в Сан-Франциско, меня пригласили выступить на открытом собрании АА в центральной части города, и я должен признаться, что никогда в жизни не испытывал такого волнения, как в ожидании этой встречи, потому что не мог найти никакого обоснования для своего присутствия и выступления перед Анонимными Алкоголиками.

Мне пришлось напомнить себе о молодом священнике епископальной церкви, к которой я принадлежу. Он был посвящен в епископы, что, безусловно, является огромным событием в жизни молодого священнослужителя. После торжественного обряда посвящения в сан состоялся банкет, а стол, за которым располагались ораторы, находился на возвышении, так что мы имели возможность хорошо рассмотреть нового епископа. Выступающие воздавали должное его достоинствам, а когда подошел его черед произнести ответное слово, он сказал: «Я чувствую себя как человек, который, будучи немного во хмелю, яркой лунной ночью дошел до середины моста, посмотрел вниз на воду, увидел там отражение луны, потряс головой и спросил себя: — Как это я умудрился забраться так высоко?»

Сегодня я не испытываю таких опасений, как тогда, потому что аудитория АА оказалось такой же, как и любая другая аудитория — они были очень добры и внимательны к выступающему, вежливо слушали, а в конце даже сказали, что им понравилось мое выступление. Однако причина того, что в этот раз я чувствую себя гораздо уверенней, заключается в моей жене, которая была со мной в тот раз. После собрания, когда мы стояли и разговаривали в компании его устроителей и других членов АА, а также приглашенных гостей, к нам подошел какой-то господин и после того, как его представили присутствующим, он посмотрел на мою жену и сказал: «Где вы пропадали все это время? Вы уже два года не ходите на наши встречи». Это было тем более забавно, что моя жена практически никогда не пьет.

Мое знакомство с АА началось в те дни, когда я занимался постановкой еженедельного радиошоу на Эн-би-си и имел удовольствие провести одну из передач под руководством члена вашего чикагского общества. С того момента я начал немного понимать, в чем состоит суть деятельности АА. Конечно, такому человеку, как я, невозможно понять это до конца. Я ведь не психиатр, как доктор Тьебу, а только терапевт с соответствующим практическим опытом. Я не член АА, поэтому у меня нет того опыта, которым располагаете вы, и поэтому я абсолютно серьезно заявляю, что робею перед лицом такой аудитории как ваша.

Я могу только попытаться выразить чувство, которое испытывает к вам профессиональная медицина. Это чувство постепенно укреплялось на протяжении всего срока существования вашей организации и теперь, мне кажется, оно полностью сформировалось: это чувство, что АА дают очень важную и значительную часть ответов на вопросы, которые мы ставим в связи с проблемой алкоголизма.

Конечно, мы знаем, что алкоголик — это больной человек. Это очень просто сказать. Это утверждение сегодня широко и повсеместно распространено, однако все мы знаем, что еще совсем недавно считалось, будто алкоголик — это отвратительный и несносный субъект, избалованный и никчемный, который может отделаться от этой привычки, если действительно захочет. Сегодня мы знаем, что это больной человек, и что это заболевание относится к эмоционально-душевной сфере, которая, пожалуй, наименее изучена в медицине.

В некоторой степени, мы сейчас находимся на тех же позициях по отношению к эмоционально-душевным расстройствам, как это было с туберкулезом полвека назад. Конечно, я сам не могу помнить события тех лет. Я закончил медицинский факультет 39 лет назад, но из истории медицины я знаю, что бытовало мнение, будто туберкулез, на самом деле являющийся инфекционным заболеванием, в появлении которого люди не виноваты — это позорная болезнь. Семьи часто скрывали наличие среди них туберкулезных больных, как сейчас скрывают наличие алкоголиков. Я хорошо помню, как и любой врач в этом зале, те времена, когда подобное отношение существовало в отношении рака. Рак считался напастью, позором, бросавшим тень на семью, и это необходимо было скрывать. Сегодня мы знаем, что рак — это несчастье, и начинаем осознавать, что к умственным и душевным расстройствам необходимо выработать такое же отношение, как к туберкулезу и раку, хотя на понимание этого потребовалось много времени и усилий. Душевное заболевание — вещь не более постыдная, чем болезнь тела. Не надо опасаться приема у психиатра больше, чем ортопеда, к которому вы идете, если у вас болит нога (за тем исключением, что в обществе пока существует нехватка специалистов-психиатров).

Очень многое зависит от отношения. Кларе Бау, кинозвезде прошлых лет, приписывают фразу о том, что когда он жаловалась на боль в ноге, все ей сочувствовали, но когда она говорила: «Мои ноги меня доконают!» — все смеялись. Весь вопрос в отношении, и нам надо научиться ходить на прием к психиатру так же, как мы ходим к другим специалистам — не испытывая стыда и позора. Существуют определенные сентенции, которые приходится произносить психиатрам — о том, что мы должны научиться понимать и принимать, и находить способы компенсации.

Нам, медикам, а также всему обществу в целом надо понять, что между людьми существуют огромные индивидуальные отличия. Например, различия в выносливости. Одни люди устают легче других. Некоторые люди гораздо сильнее подвержены инфекционным заболеваниям из-за своих биохимических отличий. Как вы знаете, между людьми существует значительная разница в интеллекте, и точно так же нам следует научиться понимать, что люди характеризуются различной эмоциональной устойчивостью. Есть такие, кто переносит неприятности легче остальных. Такое умение обычно считается большим достоинством, и это так и есть; очень хорошо, если человек обладает подобным качеством. Мужество — это тоже хорошее качество и, тем не менее, когда выдающихся военных и полководцев спрашивают, было ли им когда-нибудь страшно в бою, то если ответ честный, он обычно звучит так: «Конечно, мне всегда было страшно в бою. Только дураки не испытывают страха на поле боя. На поле боя всегда опасно».

Нам тоже следует понять, что для нас существуют ситуации, подобные боевым, когда нам обязательно будет страшно, и одним людям страшно больше, чем другим. В том, что я не испытываю тяги к алкоголю, нет моей личной большой заслуги. У меня есть свои искушения. Меня искушает табак, меня искушает еда, и когда я уступаю этим искушениям, это такая же невоздержанность, как уступка искушению под названием «алкоголь», которому вы и многие другие люди были или остаетесь подвержены.

Мы, медики, очень ценим партнерство с вами. Нам взаимно необходимо это партнерство для решения проблемы алкоголизма. Следуя собственными путями, вы пришли к ряду тех же решений, что и врачи, занимающиеся лечением алкоголизма. Например, мы поняли, так же как и вы, ценность групповой терапии во многих ситуациях. Мне кажется, началом групповой терапии в медицине,

по крайней мере, в современной медицине, были курсы для беременных, где собиралось вместе много молодых женщин, ожидающих появления ребенка, которым рассказывали о происходящих с ними процессах и учили, что и почему им следует делать.

Затем эта идея получила распространение, и один очень смелый врач, которого дружно подняли на смех его коллеги, решил, что не существует причины, по которой мужчина не мог бы научиться готовить молочную смесь или менять пеленки. Так появились курсы молодых отцов. А затем мы обнаружили, что групповая терапия является очень эффективным средством в лечении умственных и душевных расстройств. В некоторых психиатрических больницах используется такой прием, как ролевые игры, что позволяет людям выплеснуть скрытую враждебность если и не в конструктивное русло, то, по крайней мере, безобидно для окружающих.

Групповую терапию даже начали применять для борьбы с одним из наших самых величайших искушений, каким является еда, и сейчас вполне серьезно обсуждается идея создания «Анонимных Толстяков» или какой-нибудь подобной организации. Но мне бы не хотелось, чтобы название АА слишком часто перефразировалось для решения не очень значительных проблем. Однако остается фактом, что тучным людям проще соблюдать диету в группах, нежели поодиночке. В одном из ваших бюллетеней я прочитал что-то об одиночных членах АА, и я могу представить, насколько им тяжелее, чем людям в группах, потому что одиночные члены лишены прямой поддержки и сочувствия товарищей, хорошо осведомленных в этой проблеме.

Медицина располагает обширными сведениями о физических методах лечения алкоголизма. Мы знаем о правильном питании и значении сбалансированной диеты, витаминов и минералов. Мы не считаем эти средства лекарствами от алкоголизма, так как мы не верим, что причиной алкоголизма является нехватка витаминов — это было бы слишком просто. Но мы точно знаем, что эти вещи необходимы в процессе физического лечения и реабилитации алкоголиков. Мы также знаем о неудачах в применении различных курсовых методов лечения алкоголиков и других терапевтических средств. Сами по себе эти методы недостаточны. Необходимо что-то еще.

Мы также знаем о тщетности религиозных проповедей, когда они исходят от людей, не понимающих сути этой проблемы и упро-

щающих ее, для которых алкоголик подобен человеку, постоянно испытывающему жажду, непрерывную тягу к алкоголю; такие люди не знают, что многие алкоголики в минуты трезвости ненавидят алкоголь хуже любой отравы, потому что они знают, что алкоголь — это *действительно* отрава.

Мы знаем о тщетности долговременных зароков, которые так невероятно трудно соблюдать. Именно вы, больше чем какая-либо другая известная группа, помогли нам понять это. У меня очень много друзей среди АА. Подозреваю, их даже больше, чем мне известно, так как не исключено, что некоторые мои друзья просто пока не признались мне, что являются членами АА. Я помню, что после некоторых наших радиопередач меня останавливали на улицах городка вблизи Чикаго, где я живу, люди, которых я знал в течение многих лет, и благодарили за эту передачу. Я был тогда изумлен, но с годами мое изумление становилось все меньше и меньше по мере того, как я видел эффективность вашей работы. У меня есть близкий друг, человек огромного художественного дарования, почти гений — я не буду называть, в какой области, чтобы вы не смогли узнать его. Я видел, как алкоголь коварно разрушает его карьеру, его отношения с семьей и детьми, угрожает его положению в обществе. Я видел, как жена покрывала его, как часто объявляла его заболевшим, и со временем мы действительно поняли, что он был болен, но не той болезнью, в которой она пыталась нас уверить; я видел, как он был под угрозой потери работы, и как он потерял работу, и затем я увидел, что он сдался. Он буквально поднял руки и капитулировал, сказав: «Я не могу справиться с этим самостоятельно. Мне нужна помощь». Но с помощью АА и своего духовника этот человек вернулся на передовые роли в своей сфере деятельности, и сейчас он так же трезв, с такими же ясными и блестящими глазами, как у любого в этой аудитории. Это только один из примеров, которые я наблюдал и которые наблюдали другие врачи.

Итак, мы все больше и больше начинаем понимать, что ваши принципы — признание собственной несостоятельности, смирение, обращение к высшим силам за наставлением, постоянная ежедневная трезвость и, в первую очередь, анонимность — это гарантия от приобретения известности в качестве лидера Анонимных Алкоголиков. Эти принципы имеют жизненно важное значение. Вы, испытавшие разрушительное воздействие алкоголя на вашу жизнь,

работаете в группах коллективно и индивидуально, и вы оказываете гораздо большее воздействие на решение проблемы алкоголизма, нежели кто-нибудь до вас. Нам необходимо такое воздействие в сегодняшнем мире, где доминирует чувство страха.

Алкоголизм — это бегство, но от чего? От невыносимых ситуаций в вашей жизни, а в наши дни весь мир находится в невыносимой ситуации. Поэтому распространение алкоголизма неудивительно. Помимо этого, ситуация в обществе такова, что искушения, связанные с алкоголем, подстерегают нас на каждом шагу. Я думаю, это единственный съезд, за исключением, пожалуй, чисто религиозных собраний, да и то не всегда, где действительно нет места алкоголю. Я не уверен, являетесь ли вы желанными гостями на обычных городских собраниях, потому что бары точно не имеют от вас никакой прибыли.

Когда я был ребенком, люди искоса смотрели на любого выпивающего, а сегодня они же предлагают коктейли всем своим гостям. Наши дети растут в окружении, насквозь пропитанном алкоголем. Свойства алкогольных напитков восхваляются на рекламных щитах, по радио, телевидению и в других видах рекламы. Сложите вместе два этих фактора — мир, живущий под гнетом страха, и мир, наполненный алкоголем и предложениями алкоголя — и вы поймете, насколько важно, чтобы люди осознавали истинную сущность алкоголизма, который является глубоким душевным расстройством, которое следует лечить так же, как и другие психосоматические заболевания. Психосоматика попросту объединяет в себе тело и душу. Мы много слышим о психосоматической медицине в наши дни, но позвольте мне заметить, что любой толковый врач с древнейших времен и до наших дней всегда практиковал психосоматический подход к лечению болезней.

Сэр Уильям Ослер сказал: «Не так важно, что за болезнь у пациента, как личность пациента, страдающего этим заболеванием». Это один из принципов, который вы сумели осознать.

Поэтому я пришел сюда с чувством глубокой благодарности за это приглашение. Как я уже сказал, я пришел, чтобы смиренно встать перед вами и выразить восхищение вашими достижениями и сказать вам, что мы, врачи, уверены, что со временем эти достижения станут еще больше и значительней, потому что вы встали на путь, ведущий вверх, вы протянули и протягиваете руку помощи тем, кто нуждается в ней.

Я не психиатр, но я с уверенностью говорю вам, так же как я говорил это тысячам своих пациентов, что в сегодняшнем мире нам более всего необходимо спокойствие ума. Многие люди проповедуют эту идею. На эту тему написано несколько популярных книг. Некоторые называют это «силой позитивного мышления», некоторые — душевным спокойствием, некоторые — миром в душе, но я склонен согласиться с Билли Грэхэмом, который называет это «мир с Богом в душе». Вот что нам необходимо. В нашем безумном материалистическом мире такие организации, как ваша, дают нам силы верить, что надежда еще существует, что существует идеализм, и что мы в состоянии преодолеть наши многочисленные проблемы, серьезнейшей из которых является алкоголизм.

Председатель: Я мастер на все руки без ученых степеней. Я имею в виду, что я врач общей практики и член Американской академии общей практики, штаб-квартира которой располагается здесь, в Сент-Луисе (Я должен был это упомянуть!)

На раннем этапе деятельности АА о них заботились три замечательных врача. Билл упомянул доктора Силкуорта; мы все знакомы с нашим другом доктором Гарри Тьебу, а сейчас я хотел бы сказать о докторе Г. Кирби Кольере из штата Нью-Йорк, который помог Биллу У. наладить контакт с Американской психиатрической ассоциацией и сделал там свой замечательный доклад «Медицинский взгляд на Анонимных Алкоголиков», который является важной вехой в истории развития медицины. Поэтому сегодня я хотел бы воздать должное Г. Кирби Кольеру, который ушел от нас около года назад. Д-р Силкуорт, д-р Тьебу и д-р Кольер очень много сделали для АА в годы их становления, и вклад этих троих людей невозможно переоценить.

Следующий докладчик является, по моему мнению, выдающимся врачом. Во-первых, он доктор медицинских наук, специалист в такой области медицины как психиатрия. Он написал много статей, пробуждающих большие надежды. Хочу обратить ваше внимание на его последнюю работу, которая называется «Эго-факторы в борьбе с алкоголизмом». Мы размножили эту статью и распространили ее среди членов нашей группы в Рочестере. Мы считаем, что это одна из лучших статей, написанных в последние годы. Конечно, все мы, алкоголики, наделены этим эго, которое столь правильно описывает д-р Тьебу.

Я с огромным удовольствием представляю вам давнего друга Билла, большого друга АА, отличного врача, ученого и исследователя, д-ра Гарри Тьебу из Гринвича, штат Коннектикут.

Д-р Гарри М. Тьебу: При обычных обстоятельствах мне следовало бы поблагодарить председательствующего за его чрезвычайно лестный отзыв, если бы не тот факт, что в течение многих лет я проповедую необходимость подавления эго, хотя теперь не уверен, что достаточно в этом преуспел.

Когда я получил приглашение выступить перед этой группой, я тут же сказал: «Да, я хочу поехать туда». Как вы все знаете, я связан с АА в течение многих лет, поэтому в моей голове промелькнули все воспоминания, собранные за эти годы, и так много можно было бы рассказать, что я даже не знал, с чего лучше начать. С вашего позволения, я воспользуюсь своими записями, чтобы не пропустить основные моменты, о которых хотелось бы сказать.

Обычно на встречах АА выступающий объявляет себя алкоголиком, а затем рассказывает свою историю, расточая при этом мудрость или юмор, или то и другое вместе. Я также расскажу свою историю, хотя не очень уверен, будет ли она такой же забавной или мудрой, как у членов АА.

Я познакомился с АА в 1939 г. через своего пациента, который стал членом нью-йоркской группы. Я хорошо помню свой первый приход к ним. На встрече царило сильное возбуждение. АА собирались впервые выступить на радио. Один из членов группы, желавший реабилитировать свое доброе имя, поговорил с Гэбриэлем Хиттером. Услышав его историю, Хиттер предложил этому анонимному алкоголику выступить в программе «Мы, народ». В тот вечер и должна была состояться эта радиопередача, и обстановка была слишком особой и волнующей для обычной встречи. Само выступление всех несколько разочаровало. Выступавший в программе анонимный алкоголик коротко поведал о своем опыте, и это было все. Тем не менее, АА сделали шаг навстречу своей известности; на самом деле, это был небольшой шажок, но один из многих на пути, который в конечном итоге привел к их нынешнему положению на национальной и международной арене.

Позднее я присутствовал на других встречах, проходивших более традиционно, и по мере моего участия в них, у меня сформировалось убеждение, что этой группе удалось найти метод, решающий

проблему неумеренного употребления алкоголя. В каком-то смысле, это был ответ на мои молитвы. После многих лет, в течение которых я безуспешно ломал голову над решением проблемы лечения алкоголиков, у меня появилась надежда.

В этом смысле первые два-три года моих взаимоотношений с АА были наиболее увлекательными за всю мою профессиональную жизнь. Для АА тогда наступило время чудес. Все происходящее казалось необыкновенным и замечательным. Удавалось вытаскивать со дна жизни безнадежных пьяниц. Люди, которые ранее безуспешно перепробовали все известные средства борьбы с алкоголем, откликались на этот новый подход. Находиться рядом с такой группой, хотя бы и в качестве наблюдателя, было очень волнующим переживанием.

Кроме того, с профессиональной точки зрения открывался широкий ряд новых возможностей для лечения алкоголизма. Ключ к трезвости надо было искать в опыте АА. Это был первый реальный ключ после многих лет безуспешных поисков. Впереди открывались захватывающие возможности. Я думал, что смогу изучить методы работы АА и кое-что узнать о том, как люди перестают пить. Да, я разделял общее возбуждение, царившее в те годы. Я видел свет в конце тоннеля.

В этом смысле мое будущее представлялось для меня ясным. Мне надо было попытаться понять, что придавало силы АА. Я бы недалеко продвинулся в поисках ответа на этот вопрос, если бы не Билл и другие ветераны АА. Некоторую помощь мне принесло изучение Двенадцати Шагов, но гораздо более важное значение имели интуитивные догадки Билла и его товарищей относительно сути процессов, с помощью которых АА добивались таких результатов.

Я слышал о необходимости дойти до дна, о необходимости склониться перед Высшей Силой, о настоятельной необходимости смирения. Эти идеи никогда не возникали на моем профессиональном горизонте и уж точно никогда не влияли на мои мысли или поведение вне профессиональной сферы. Они были революционны, но казались здравыми, и я обнаружил, что ступил на путь многочисленных открытий.

Я стал более ясно понимать, что значит на самом деле дойти до дна, и начал пытаться распространять этот опыт, всегда при этом удивляясь, что же происходит внутри человека, когда он проходит через это критический процесс падения на самое дно.

Наконец, судьба еще раз улыбнулась мне, на этот раз в лице одной моей пациентки. В течение некоторого времени я практиковал на ней этот новый метод психотерапии, нацеленный на то, чтобы довести ее до самой критической черты, до дна. По совершенно непонятным мне причинам, с ней произошла некоторая довольно типичная трансформация, что привело ее к позитивному душевному состоянию. Она вдохновилась новыми для нее духовными идеями и начала посещать различные церкви в нашем городе. Однажды утром она вошла в мой кабинет со сверкающими глазами и с порога начала говорить: «Я знаю, что со мной произошло! Я вчера услышала об этом в церкви. Я *сдалась*». Благодаря этому слову «сдалась» я впервые начал по-настоящему понимать, что происходит при падении на дно.

Алкоголик всегда старается не признаваться себе в том, что он побежден, что он беспомощен перед алкоголем. После того, как он сдается, он прекращает эту борьбу, признается себе, что побежден и беспомощен перед алкоголем, и что ему нужна помощь. Если он не сдастся, он будет проходить через многочисленные кризисы, которые не принесут ничего конструктивного. Необходимость добиться капитуляции личности стала новой врачебной задачей. Чудеса в АА стали понемногу проясняться, хотя причина все еще была не ясна: почему программа АА и членство в этой организации помогают прийти к капитуляции, что, в свою очередь, может привести к соблюдению трезвости?

Как можно было предположить, я переживал собственные волнующие ощущения. Я принимал участие в происходящем, и это был замечательный опыт. Я все еще задавался неясными вопросами, но переменил направление своего лечебного воздействия. Теперь задача состояла в том, чтобы добиться капитуляции. Но я столкнулся с многочисленными сопротивлениями этой идее. Предстояло исследовать совершенно новую область. По мере продолжения этих исследований, я стал все более отчетливо понимать, что в душе каждого человека существует несгибаемое эго, которое яростно сопротивляется любой мысли о поражении. Нельзя ожидать от человека никакой капитуляции до тех пор, пока его эго не будет как-либо подавлено или нейтрализовано. У меня ушло пять или шесть лет на то, чтобы перенести акцент с необходимости полного падения человека на подавление его эго для достижения капитуляции.

Я хорошо помню ту встречу с АА, когда я впервые выступал перед ними на тему подавления эго. Это было еще в пору относитель-

ного младенчества АА, когда они отмечали третью или четвертую годовщину создания одной из своих групп. Выступавший передо мной оратор подробно рассказывал о стараниях своей маленькой группы, состоявшей из двух человек, убедить его перестать пить и стать третьим членом их товарищества. После нескольких месяцев напрасных усилий с их стороны и постоянных срывов с его стороны произошло то, что выступающий обрисовал следующим образом: «Наконец меня поставили на свое место, и с тех пор я не пью». Когда пришла моя очередь выступать, я воспользовался его выражением «поставить кого-либо на место», вокруг которого начал развивать свою мысль. Вскоре краем глаза я заметил на себе чей-то неотрывный взгляд. Это был предыдущий оратор. Посмотрев на него повнимательнее, я обнаружил, что он не сводит с меня изумленного взгляда. Было совершенно ясно, что он потрясен тем, что сказал нечто ценное с точки зрения психиатра. В течение всего моего выступления с его лица не сходило выражение недоверия. Этот случай имел для меня ценность, так как показал, что два человека — один с врачебной точки зрения, а другой с помощью собственного интуитивного рассказа о пережитом им опыте — пришли к одному и тому же выводу о необходимости подавления эго.

В последнее десятилетие мои собственные усилия были преимущественно сосредоточены на этой проблеме подавления эго. Я до сих пор не вполне уверен, насколько далеко мне удалось продвинуться в этих исследованиях. Тем не менее, я добился некоторого прогресса, и в оставшееся отведенное мне время я постараюсь, во-первых, вкратце познакомить вас с некоторыми результатами моих исследований, а во-вторых, привязать их к опыту АА, как мне это видится.

Как я уже говорил, я довольно скоро осознал необходимость полного падения, чтобы добиться капитуляции, приводящей к подавлению эго. Со временем стали очевидны еще два обстоятельства. Первое заключалось в том, что подавленное эго обладает исключительной способностью к восстановлению. Второе — что капитуляция является важной дисциплинирующей функцией и необходимым опытом.

Первый факт хорошо известен вам всем. Общеизвестно, что возвращение прежнего развитого эго может случиться в любое время. Долгие годы трезвости не являются гарантией от его воскрешения. Ни один анонимный алкоголик, независимо от его стажа в этом

качестве, не может ослабить свой контроль над поползновениями возрождающегося эго. Недавно один из АА в письме к своему товарищу выразил опасение, что страдает от недуга, который он назвал «нимбо-тозией», имея в виду самодовольство и самоуспокоенность, которые так легко могут возникнуть в душе человека после долгих лет воздержания от алкоголя.

Существуют два повода для беспокойства. Один — это мысль о том, что у человека есть ответы на все вопросы, а второй, напротив, предполагает, что человеку не обязательно знать ответы, а достаточно только следовать принципам АА. В обоих случаях явно отсутствует широта кругозора. Возможно, самое распространенное проявление возврата эго можно наблюдать в человеке, спустившемся на землю с облаков — это состояние хорошо знакомо всем вам. Блаженное состояние эйфории — это логичное последствие признания собственного бессилия. Сопротивлявшееся этому эго усмиряется, и человек ощущает мир и покой внутри себя. В результате возникает огромное чувство облегчения, и человек возносится на вершину облаков и думает, что он обрел рай на земле. Всем известно, что рано или поздно он оттуда упадет. Но, возможно, не все при этом ясно понимают, что именно медленно поднимающее голову эго заставляет человека спуститься с облаков в гущу жизни, где с помощью АА он может научиться вести не ангельский, но нормальный трезвый образ жизни. Я мог бы привести еще много известных вам примеров, показывающих опасность мысли о том, что ваше эго мертво и похоронено навсегда. Его способность к воскрешению поистине удивительна, и об этом никогда нельзя забывать.

Мое второе открытие относительно того, что капитуляция является дисциплинирующим опытом, нуждается в пояснении. В своих последних статьях я показал, что эго почти всегда настойчиво пробивает себе дорогу вследствие подсознательного противодействия подавлению эго. Эго считает, что имеет на это полное право. Оно не ожидает появления препятствий на своем пути и поэтому не умеет приспосабливаться к возможности их возникновения. Сущность дисциплинарного контроля состоит в том, чтобы поставить барьер на пути разрастания эго, сказав ему: «Нет, ты должно остановиться». Человек, который не в состоянии остановить свое эго, является, по существу, недисциплинированной личностью. Роль капитуляции в практике АА теперь совершенно понятна. Именно она останавливает эго, когда человек говорит: «Я сдаюсь. Я перестаю упрямиться.

Я получил свой урок». Очень часто это первый случай во взрослой жизни данного человека, когда он сталкивается с необходимостью соблюдения определенной дисциплины, удерживающей его от дальнейшего стремительного паления. И это становится возможным, если мы отказываемся от дальнейшей собственной борьбы и искренне призовем на помощь Бога, сказав Ему: «Да будет воля Твоя, а не моя». Когда такое происходит, мы становимся послушными слугами Бога. В этот момент духовная сила становится реальностью, а мы становимся частью человечества.

Я осветил два вопроса, которые представлялись мне важными: первое — это то, что эго склонно к возрождению, и второе — что капитуляция является дисциплинирующим опытом. Теперь я хотел бы поговорить об их важности для АА, как мне это представляется.

Во-первых, они доказывают, что успехи АА — это не просто чудо. Сам по себе акт признания своего бессилия может привести человека к трезвости, поскольку оказывает подавляющее воздействие на собственное эго. К сожалению, эго вновь поднимет голову, если человек не научится жить дисциплинированно. Это означает, что он должен постоянно бороться с возможностью возрождения своего эго. Это утверждение не ново для членов АА; они уже поняли, что одной капитуляции недостаточно. Под мудрым руководством отцов-основателей АА постоянно подчеркивается необходимость непрерывных усилий для удержания этого чудодейственного эффекта. Жизненно важное значение для сохранения трезвости имеет постоянное повторение и осмысление сути Двенадцати Шагов, и особенно 12-го Шага. Это обычно называется работой в рамках 12-го шага, что отражает его суть. Это уже не чудо, а повседневная работа над собой.

Традиции АА также не являются волшебной стороной их деятельности. Как сказал Билл, они отражают уроки и смысл полученного опыта. Они являются руководством для начинающих. Они ограждают путь для неискушенных и неосторожных. Они спускают человека с небес на землю и подводят его к реальности. Они говорят: «Обрати внимание на то, что подсказывает опыт, иначе ты навлечешь на себя неприятности». Мы не случайно рассуждаем о значении опыта. Я намеренно обращаю особое внимание на нечудотворные вещи в деятельности АА. Когда я впервые познакомился с Анонимными Алкоголиками, я так же парил в небесах, как и большинство их членов, и также прошел через период потери иллюзий, но к счастью для меня, я вышел из него с гораздо более крепкой верой, чем та, что дают эйфорические настроения.

Поймите, я не подрываю веру в чудеса. Чудеса действительно помогают человеку. Однако я помню смысл библейской истины: «По плодам их узнаете их». Только тяжелым трудом и усердием можно добиться длительных и устойчивых результатов. Мой интерес к нечудотворным составляющим успеха объясняется пониманием необходимости усердного труда, который требуется для подкрепления любого чуда.

Я готов более охотно признать необходимость организации и структуры, которые играют сдерживающую и направляющую роль. Я верю в необходимость таких встреч, как эта, которая дает ощущение причастности к большой действующей организации, в которой каждый из индивидуумов является ее маленькой частью. И я считаю, что любая группа или индивидуумы, не входящие в общую организацию, оказывают себе и своей группе плохую услугу тем, что не подчиняются дисциплине, существующей в организации. Такой человек может держаться подальше от трудностей, но при этом его эго остается необузданным. Его шансы сохранить трезвость не слишком велики. Он идет по этому пути в одиночку и, возможно, ему потребуется еще одно чудо, которое может и не случиться во второй раз.

В заключение позвольте мне подтвердить свое дальнейшее членство в АА. Я был с этим обществом в пору его успешного старта и делил с ним трудности роста. А сейчас я нахожусь в состоянии глубокой убежденности в правильности процессов, протекающих в АА, включая такие вещи, как чудеса. Я попытался поделиться с вами некоторыми своими наблюдениями, касающимися природы этих чудес. Я надеюсь, что они помогут относиться к опыту АА не только как к чуду, но как к образу жизни, наполненному вечными ценностями. Могу вас заверить, что АА научили меня воспринимать это именно таким образом. Благодарю вас за внимание.

V
Религиозный взгляд на Анонимных Алкоголиков

Сообщество Анонимных Алкоголиков строится вокруг определенных духовных и моральных ценностей. Почти каждый член АА приходит к вере и осознанию своей зависимости от Высшей силы, которую большинство из нас именуют Богом. Эта вера имеет первостепенное значение для АА, и без нее почти никогда не происходит полного излечения от алкоголизма. Бог, *как мы его понимаем*, является тем фундаментом, на котором зиждется наше товарищество.

Здесь приведены приветственные речи, произнесенные в Сент-Луисе двумя старейшими и преданнейшими друзьями АА из числа религиозных деятелей — отцом Эдвардом Даулингом из ордена иезуитов, чей личный пример и авторитет имел огромное значение для тысяч наших товарищей и для АА в целом, и д-ром Сэмюэлем Шумейкером, представителем епископальной церкви, который на заре нашей деятельности разъяснял некоторым нашим ветеранам те духовные принципы, которые сегодня запечатлены в Двенадцати Шагах Анонимных Алкоголиков.

Билл: С большой радостью представляю вам отца Эдда Даулинга, живущего здесь в Сент-Луисе в Братстве иезуитов. Отец Эд точно знает, откуда он черпает свои силы, и не любит восхвалений в свой адрес. Тем не менее, я думаю, что некоторые факты относительно него должны быть занесены в нашу историю, чтобы о них могли узнать новые поколения АА.

Отец Эд помог становлению первой группы АА в этом городе; он был первым священнослужителем в этой конфессии, который заметил удивительное сходство между «Духовными упражнениями» Игнатия Лойолы (основателя ордена иезуитов) и «Двенадцатью Шагами Анонимных Алкоголиков». В результате уже в 1940 г. он не замедлил написать для АА первую рекомендацию от лица католической церкви.

С тех пор его труд для нас был настоящим образцом верного служения. Его рекомендации были услышаны во всем мире, а сам он лично работал в АА и, в частности, вел миссионерскую деятельность, принимал участие в собраниях, помогал добрыми и мудрыми советами. Его деятельность измеряется тысячами миль и тысячами часов.

Среди всех моих знакомых отец Эд — единственный человек, от которого я никогда не слышал никакой критики и никаких слов возмущения. Он всегда был мне другом, советчиком, великим примером и источником вдохновения.

Отец Эд сделан из того же теста, что и преподобные святые. Вот он перед вами.

Отец Даулинг: Я забыл свою искусственную челюсть, поэтому если не будете меня понимать, помашите платком, и я постараюсь говорить поотчетливее. Я попросил своего старинного друга доктора Шумейкера благословить нас с вами на этот разговор, и он сказал: «Господь с вами». Я думаю, вы понимаете, что он имел в виду, и это вселяет надежду. Я надеюсь, что, действуя в духе 11-го Шага, с помощью молитв и благочестивых размышлений, мы сможем установить более тесный и осознанный контакт с Господом.

Позвольте мне высказать некоторые мысли по поводу значения трех слов, содержащихся в определении нашего предназначения: «Господь», «мы» и «понимать». Если вы будет слушать меня не столько ушами, сколько сердцем, как вы и делали на протяжении этого собрания, то я думаю, Господь благословит нас.

В своих попытках понять Бога я вспоминаю одно определение из области психиатрии, услышанное мной пару дней назад. Оно звучит так: «исследование подсознания с помощью бессознательного». «Подсознание» — это средоточие высшей власти или «Бог». «Исследование» может означать «понимание». А «бессознательное» — это «мы».

Прежде всего, давайте взглянем на самих себя. Мне кажется, что нас можно охарактеризовать тремя определениями: алкоголики, Анонимные Алкоголики и агностики.

Для меня слово «алкоголик» означает, что мы чрезвычайно подвержены страху, который ведет нас к постижению мудрости. Мы чрезвычайно подвержены чувству стыда, который является ближайшим спутником невинности. Один из старейших членов наших ирландских групп любит цитировать автора, имени которого я не помню, но который сказал так: «Алкоголь помогает человеку найти кратчайший путь к Богу быстрее, чем это может сделать Милтон».

Теперь об Анонимных Алкоголиках — не просто алкоголиках, но Анонимных Алкоголиках. Вчера вечером Билл говорил о внешнем противнике Анонимных Алкоголиков — собственно о Джоне Ячменное зерно. Но мне всегда казалось, что существует еще внутренний противник, который является более жестоким — это коллективное презрение к притворщикам, а кто из нас не является притворщиком? Я думаю, в каждой группе есть проблемы от людей, зорко следящих за приверженностью добродетелям.

Третье качество заключается в том, что, по моему мнению, мы все являемся агностиками. Мне кажется, с точки зрения качественных различий, среди АА существуют несколько групп. Есть набожные люди, которые не в состоянии на практике соблюдать традиционные религиозные правила. Они являются агностиками в плане практического применения религиозных истин. Эти люди напоминают мне священника, который, в отличие от доброго самаритянина, оставил путника лежать в канаве. Один мой друг, очень хороший священник, говорит: «Я убежден, что когда мы попадем на Небеса, мы первым делом должны сказать: — Господи, все это правда!» Я полагаю, все мы порой страдаем консерватизмом в том, что касается воплощения наших верований в реальной жизни. Кроме того, есть подлинные стопроцентные агностики, перед которыми действительно стоят труднопреодолимые духовные барьеры.

Следующее понятие — это «понимать». Мне кажется, что по мере того, как наше смутное и путаное представление о Боге превращается в более ясную и отчетливую идею, мы должны понимать, что наше представление о Боге всегда будет недостаточным и до некоторой степени, неудовлетворительным. Ибо уразуметь и понять Бога может только Он сам. Но при этом степень нашего понимания будет возрастать. Я уверен, что мы можем говорить о гораздо большем постижении Бога применительно к Биллу, сидящему в этом зале, и доктору Бобу, чья душа сегодня тоже, возможно, присутствует здесь. Существует старинная немецкая поговорка, которую уместно привести здесь: «Очень немногие знают, как много надо узнать, чтобы знать, как мало мы знаем». Я уверен, что доктор Боб и Билл могли бы подтвердить это.

Агностицизм проповедует негативный подход. Таков был подход апостола Петра: «Господи, к кому нам идти?» Я сомневаюсь, что кто-то в этом зале когда-нибудь действительно хотел стать трезвенником. Я думаю, мы старались избавиться от пьянства. Мне кажется, что если я когда-нибудь окажусь на Небесах, это произойдет благодаря тому, что я отшатнулся от Ада. В этом смысле Небеса так же

скучны, какой представляется алкоголику трезвость незадолго то того, как он бросит пить.

Однако существуют и позитивные подходы, и Двенадцатый Шаг называет один из них — это обретение опыта. (Я не престаю сожалеть о том, что ветераны этого движения поменяли выражение «обретение опыта» на «пробуждение»). Обретение опыта — это одна из возможных дорог. Об этом говорится в Двенадцатом Шаге, а также во Втором Шаге, хотя и несколько другими словами. Опыт бывает двух видов. Один — это внезапное, пришедшее свыше озарение, как это было с Биллом и как описано в «АА Грейпвайн» в истории, которая случилась в Чикаго в канун Рождества. Эти случаи сродни внезапному озарению свыше, которое произошло с Савлом, когда он был сражен и упал с лошади на пути в Дамаск. Есть и другие виды обретения опыта и, возможно, они более угодны Богу, так как не связаны с чудесами, но проистекают из повседневного соблюдения правил («Я сегодня трезв»). Сегодняшняя встреча и нынешний съезд были порождены страданием, которое мало-помалу переплавилось в опыт. Вчера вечером Бернард Смит, председатель Попечительского совета АА (я путаюсь в их званиях), сказал фразу, которая мне настолько понравилась, что я решил ее записать. Он сказал: «Трагедия нашей жизни состоит в том, что нам надо испытать глубокие страдания, прежде чем мы усвоим простые истины, по которым надо жить».

Незадолго до того, как Уиттакер Чемберс стал известным персонажем, он написал для журнала «Лайф» статью под названием «Дьявол». Говоря о Сатане, Уиттакер Чемберс утверждает следующее: «И все же именно в этот момент человек, этот ничтожный карлик, все еще имеет преимущество над Дьяволом. Он страдает. Ни один человек, каким бы низким и гнусным он не был, не утрачивает до конца способности к страданию, что является свидетельством его божественного предназначения».

Упоминание о втором подходе к постижению истины содержится во Втором Шаге: «Пришли к убеждению...» На этом Шаге некоторые из моих друзей-католиков говорили: «Я и так верую, поэтому мне не надо ничего делать». И в порыве человеколюбия они продолжали пить, чтобы дать возможность протестантам сравняться с ними!

Вера — это возможность воспользоваться опытом других. Блаженны ленивые, ибо найдут кратчайший путь! Теперь мир может

воспользоваться двадцатилетним опытом АА. Ньюман говорит, что сущность веры состоит в том, чтобы посмотреть вокруг себя. Доктор Тьебу, по-видимому, считает, что с точки зрения психиатрии существует большая проблема с переносом нашей любви с себя на окружающих. Верить — тяжело, так же тяжело и так же просто, как и сохранять трезвость, и веру называют величайшей из наших неразвитых возможностей.

Какой опыт нам следует искать? Какие верования следует принимать в поисках Бога? *Бог* — это третье, о чем нам следует поговорить. Довольно давно Билл написал письмо (я его сохранил), в котором сказал: «Насколько далеко должен зайти алкоголик в своей зависимости от Бога — это совершенно не касается АА. Будет ли он для этого ходить в церковь или не будет, в ту церковь или эту — это совершенно не касается АА». По сути дела, он имел в виду следующее: «Не думаю, что это является предметом заботы кого-либо из членов АА. Это предмет заботы Господа». А то, что на самом деле является предметом заботы АА, отражено в Одиннадцатом Шаге: «Стремились путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, как мы понимали Его, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого».

Мне хочется поделиться с вами своими открытиями, которые мне представляются волей Господа. Мне кажется, что в процессе обретения веры и убеждений у меня были те же проблемы, что и у половины сидящих в этом зале в процессе обретения трезвости. С чего начинать? Я думаю, надо кое-что сказать об отправной точке при ближайшем проявлении Бога. В каком месте мы ближе всего находимся к Богу? Ответ на этот вопрос дал Фрэнсис Томпсон в своем стихотворении «Ни в какой иной земле».

Надо ли рыбе взмывать в небеса, чтоб обрести океан?
Надо ль орлу погружаться в моря, чтоб отыскать облака?
Что ж мы взываем к далеким мирам,
Не они ли скрывают Тебя?

И вовсе вдалеке от тел небесных мрачных,
Что манят наши мысли и мечты,
Услышать можем шелест крыл священных —
То в души наши постучишься Ты.

Нам известны Двенадцать Шагов человека на пути к Богу, сформулированные АА. Позвольте мне, исходя из христианского вероучения, сделать предположение о Двенадцати Шагах Бога навстречу человеку.

Первый шаг был описан Св. Иоанном. Инкарнация. Слово было Бог, и слово стало плотью и поселилось среди нас. Он обратил Свою жизнь и Свою волю во благо человека, как Он понимал его. Второй шаг был девятью месяцами позже, он ближе нам по обстоятельствам произошедшего — это рождение, Рождение Христа. Третий шаг в течение последующих тридцати лет — это безымянная и скрытная жизнь. Это нам еще ближе, так как похоже на нашу собственную жизнь. Четвертый шаг — это три года публичного существования на виду у людей.

Пятый шаг — Его учение, Его пример, Молитва Господня. Шестой шаг — телесное страдание на Голгофе, включая жажду.

Следующий шаг — это душевное страдание в Гефсиманском саду, он еще ближе к нашим переживаниям. Унижение, страх, одиночество, уныние и тщетность попыток — как хорошо это знают алкоголики, и как хорошо знал Он. И, наконец, смерть — еще один шаг, приближающий его к нам; мне кажется, что эпизод, когда умирающий Бог покоится на коленях человеческой матери, это максимальное приближение Бога и, вероятно, наивысшая вершина, которой может достигнуть человечество.

Через века Он приближается к нам как глава сообщества, которое я бы назвал Анонимными Христианами — мистическое товарищество, объединенное Его учением. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». «Я могу восполнить со своей стороны то, чего недостает скорбям Христовым». «Я был в тюрьме — и вы пришли ко мне». «Я был болен, и я был голоден — и вы накормили меня».

Следующий шаг — это христианская церковь, которая сегодня и есть Христос. Многие искренние люди говорят: «Я люблю христианство, но я не люблю церковничество». Я могу это понять. Я понимаю это даже лучше, чем вы, так как связан с церковничеством, и меня это тоже беспокоит! Но на самом деле, мне кажется, это немного напоминает следующее утверждение: «Я люблю чистую питьевую воду, но ненавижу водопровод». Скажите мне, кто на самом деле любит водопровод? Существуют также люди, которым нравится трезвость, но они против АА.

Одиннадцатый шаг подобен нескольким веткам гигантского трубопровода — это таинства причащения к Божьей благодати.

А двенадцатый шаг, представляющийся мне самой главной линией трубопровода — это таинство причастия. Слово, которое было Бог, превратилось в плоть и становится нашей пищей, столь же близкой нам, как фруктовый сок, тост и кофе на завтрак.

Все мы знаем историю, когда алкоголик и бежит от Бога, и стремится к нему: «Господи, даруй мне трезвость, но только не сейчас.» «Господи, верую! Избавь меня от неверия.» Я думаю, в этом зале нет ни одного анонимного алкоголика, у которого не было бы проблем с исполнением этих шагов. «Господи, помоги мне сделать этот шаг, но не сейчас!» Картина поисков Бога анонимным алкоголиком и особенно картина преследования анонимного алкоголика любящим Богом великолепно запечатлены в одном из величайших поэтических произведений, когда-либо написанных на английском языке. Его автор был наркоманом, а алкоголь — это тоже наркотик. Это ода Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес». В завершение моего выступления позвольте мне прочитать несколько строк из нее.

Я исчезал в ночи и свете дня,
Скрывался от Него в аркаде лет,
Бежал по лабиринтам без огня
Путями памяти, где слез остался след.
Я прятался и под бегущий смех
Спешил к вершинам упований,
Бросался прочь, ступив за грани,
В ущелья тьмы, в глубокий страшный бред
От тех ступней, что гонят дальше всех.

И вот как он описывает явление Бога:

Но медленной погоней,
Шагами все спокойней,
С размеренностью ритма настойчиво звеня,
Они чеканили, и голос повторял,
Скорей, чем шаг об этом сообщал:
«Все в мире предает того, кто смел предать Меня».

Здесь я немного пропущу и перейду к следующим строкам:

«И нет приюта тем, кто смел предать Меня».

И далее:

«Здесь нет любви к тому, кто не любил Меня».

Но наконец проснулся — времени столпы
Я опрокинул, жизнь свою кляня.
Лежали побежденные, мертвы,
Мечты мои, бесчестием клеймя
Растраченных напрасно лет огонь,
Что дымом стал, растаял словно сон,
Как солнечные блики на реке
Погас.

И вот долгая погоня подходит к концу:

«Как моря выплеск голос раздавался:

Вот что этот голос сказал ему:

«Не ты ли губишь землю и дробишь
На части целое, не ты ли все бежишь
Творца всех милостей, не ты ли все боялся
Любви моей, ты — жалкий и пустой!
И следует ли мне того любить,
Кто был из праха сотворен для бытия (сказал Он).

В любви нуждаешься ты больше, чем твоя
Душа понять способна. Я — начало
Твое и твой конец; жизнь без Меня
Не может мною созданный принять,
Кто еще мог тебе бы все простить,
И так любить ничтожество твое,
Спасать дано и миловать мне все,
Что смертные когда-то потеряли.

И вот в чем я вижу утешение:

«Не причинят тебе потери зла,
Утраченное ты вернешь, склоняясь

К руке моей, ведь ничего не отняла
Моя любовь, в моем дому все, как в твоей груди,
Вставай же и, приняв мой дар, входи».

И вот что говорит человек, неважно, является он алкоголиком, или нет:

«Был рядом Он, и ночь в моей душе
Светлела, и я знал, была теперь
Его рука простерта, мой покой храня.

И вот последние слова Бога:

«О слабый и слепой, Я тот,
Кого твой дух измученный зовет!
Любовь, что неустанно вдаль вела тебя, исходит от Меня».

Благодарю вас за внимание.

Билл: Рядом с отцом Эдом сидит другой человек, на которого все мы хотели бы походить. Я иногда задаю себе вопрос, сколько времени некоторые из присутствующих в этом зале, включая и меня, потратили на критику религиозных деятелей. Но все же именно благодаря им мы знаем о духовных вещах. Большинство духовных принципов АА появились благодаря Сэму Шумейкеру. Он всегда был связующим звеном: то, что Эбби узнал от Сэма, он рассказал мне, и таким образом достигается связь между Сэмом, который является религиозным деятелем, и нами. Я очень хорошо помню день, когда я впервые увидел его. Это была воскресная служба в его церкви. Я тогда еще был довольно пуглив и сторонился церкви. Я до сих пор вижу его стоящим перед аналоем. Меня глубоко потрясли его абсолютная честность и необыкновенная прямота. Я никогда не забуду этого. Я хочу представить вам Сэма, который является одним из важнейших и авторитетнейших источников воздействия в товариществе АА. Вот он перед вами.

Д-р Сэмюэл Шумейкер: Да благословит вас Господь.

Всякий раз, когда Билл дает мне возможность выступить перед вами, Анонимными Алкоголиками, он говорит вам обо мне такие вещи, что если бы я в вашем присутствии сказал о нем нечто подобное, он бы сказал, что это очень вредно для него. От самомнения

страдают все люди, а не только алкоголики, и я боюсь, что чрезмерные похвалы одинаково плохо действуют на всех нас.

Вчера я уже получил свою порцию похвалы. Когда я впервые пришел сюда, одна девушка, с которой я раньше не был знаком, спросила меня: «Вы алкоголик?» Я ответил, что нет, а она сказала: «А говорите, как алкоголик!»

Ради восстановления истины хочу сказать: я всегда считал, что Билл приписывает мне гораздо большие заслуги в становлении этого замечательного сообщества, нежели я в действительности заслуживаю. Но в целом, суждения Билла очень глубоки, и как мы могли заметить на многих собраниях, где он выступал, его воспоминания очень точны. Поэтому я охотно принимаю эти его утверждения, потому что именно сотрудничеству с АА я обязан одними из самых радостных событий в моей полной радости жизни. И я глубоко благодарен за честь быть с вами сегодня здесь по такому замечательному поводу.

Прошлой осенью, на обеде в честь 20-ой годовщины АА я впервые услышал рассказ Билла об отдельных нитях, из которых свит прочный канат этого товарищества. Теперь мы все знаем, что первым шагом, который он сделал в стремлении дать какую-то реальную надежду алкоголикам, были беседы с людьми, обладавшими зачатками настоящего религиозного опыта. Один из этих людей сегодня присутствует здесь. Сперва они стали вести поиск этого духовного начала в рядах старых оксфордских групп, которые, по моему мнению, тогда переживали свои лучшие дни. Значительная часть их деятельности была сосредоточена в моем старом приходе Кэлвари, в районе Грэмерси-парка в Нью-Йорке.

По-моему, уже на самом раннем этапе существования АА стало ясно, что помимо утверждения д-ра Юнга о том, что у науки нет ответа, помимо неоценимой помощи д-ра Силкуорта с позиций медицины, а также мудрости Уильяма Джеймса, запечатленной в его работе «Многообразие религиозного опыта», существовала необходимость привнесения духовного фактора, который обеспечил бы синтез всех этих элементов и придал процессу позитивную динамику. Проблема заключалась в следующем: как описать религиозный опыт общеупотребительными словами, и при этом не свести его только лишь к общим фразам и идеалам. Итак, сразу вслед за Первым Шагом, где констатируется неспособность управлять своей жизнью, был сформулирован Второй Шаг: «Мы пришли к убеждению, что только Сила более могущественная, чем мы, может вернуть нам здравомыслие». Это утверждение базировалось не на теоретическом рассуждении, а на очевидной истине. Перед нашими глазами были примеры людей, которые начинали претерпевать духовную трансформацию. Можно подвергать сомнению интерпретацию опыта, но нельзя подвергать сомнению сам опыт.

В 3-ей и 4-ой главах деяний апостолов есть история исцеления хромого Петром и Иоанном. И многие священнослужители захотели узнать, как это произошло. И апостолы ответили им, что этот человек был исцелен именем Христа. «И видя стоящего с ними исцеленного человека, они ничего не могли возразить». Вы может спорить с теорией, касающейся опыта, но вы не можете не признать самого опыта.

По-моему, АА поступили чрезвычайно мудро, подчеркивая реальность опыта и признавая, что он исходит от Высшей силы, и не слишком углубляясь в дальнейшие интерпретации. Было бы легко углубиться в теологическую сторону вопроса и такое искушение, наверняка, существовало. Вот перед нами проявление духовной Силы — давайте искать определение этой Силы. Но на этом пути могло возникнуть несколько препятствий. Если бы АА сказали больше по этому поводу, нашлись бы люди, которые захотели услышать еще больше и получить определение Бога в приемлемой и подходящей для себя форме. В таком случае хватило бы двух-трех групп, придерживающихся различных религиозных убеждений, чтобы погубить все дело. Более того, существовали люди с печальным религиозным опытом по причине заброшенной церкви или нудного священника, или люди, которые посещали церковь по выходным, но их повседневные занятия не согласовывались с их воскресными верованиями. Это создало бы еще одно препятствие в дополнение ко многим остальным, которые предстояло преодолеть. Существуют также агностики и атеисты, которые говорят, что им ничего не известно о первичной реальности, или же что они вообще не верят в Бога.

Я хотел бы напомнить тем, кто до сих пор полагает себя неверующими, прекрасные слова испанского католического философа Унамуно-и-Хуго, который сказал: «Отрицающие Бога отрицают Его от отчаяния, потому что им не удалось обрести Его». Мне кажется, догматизм был бы фатален для такого сообщества, как АА. Поэтому они проповедуют неотвратимость определенного опыта и советуют людям препоручить свои жизни и свою волю заботам Бога *как они Его*

понимают. Как только что сказал нам отец Эд, это позволяет оставить вопросы теории и теологии тем конфессиям, к которым принадлежат те или иные люди. Если они не принадлежат ни к одной из церквей и не придерживаются никакой последовательной теории, они могли препоручить себя заботам Бога, следуя примерам, которые они видели вокруг себя. Это неплохой способ запустить механизм обретения духовного опыта. Возможно, мы все именно так и поступаем в тот момент, когда религия перестает быть для нас просто традицией и становится живительной силой.

Я верю в психологическую обоснованность всего вышесказанного. Не думайте, что это относится только к алкоголикам. Мне кажется, это имеет отношение ко всем, кто находится в поисках подлинного духовного опыта и веры. Когда человек дошел до предела своих возможностей в плане умственных размышлений, настает время принять решение и действовать. Такое решение может быть относительно простым, например, полностью погрузиться в эксперимент. Такой подход представляется мне не столько философским, сколько научным. Мы не столько пытаемся продумать его до конца путем абстрактной логики, сколько выбираем одну из гипотез. Мы действуем так, как будто она верна, и смотрим, будет ли она работать. Если нет — мы отказываемся от нее, а если да — мы вправе объявить наш эксперимент успешным.

Вы можете обдумывать какую-либо идею в безвоздушном пространстве — в тиши своего кабинета, в академическом классе или на церковной кафедре, и вы можете бесконечно спорить о справедливости этой теории, и ни к чему хорошему это, возможно, не приведет. Но когда вы приводите истину в действие, когда вы посвящаете свою жизнь отстаиванию подлинности своей концепции, тогда что-то начинает на самом деле происходить. Если это подлинная истина, тогда она начнет материализовываться в реальной жизни. Если Бог таков, как сказал Христос, то он желает нам помочь больше, чем мы того заслуживаем. Он не покушается на свободу человека, и мы можем отвергать Его, отрицать Его и игнорировать Его сколько нам угодно. Но когда мы приоткроем дверь в наших духовных поисках и направим на них всю свою жизнь, мы поймем, что Он всегда готов принять наши самые слабые попытки и наши самые эгоистичные и ребяческие молитвы, и нашу абсолютно недостойную сущность. Он всегда готов снизойти до наших дел. Экспериментальный подход представляется мне наиболее существенным в наших стремлениях

обрести помощь высшей Силы. Сначала мы полагаемся на опыт другого человека, который, как нам кажется, получил ответ, а потом полагаемся на высшую Силу, которая стоит за ним.

Уильям Джеймс в своем знаменитом отрывке из «Многообразия религиозного опыта» сказал следующее: «Переломный момент в подчинении чужой воле состоит в том, чтобы отдать собственную сознательную сущность в распоряжение сил, которые, каковыми бы они ни были, являются более идеальными, чем в действительности являемся мы, и помогают нам избавиться от грехов. Подчинение чужой воле всегда рассматривалось и должно рассматриваться как важнейший поворотный момент в религиозной жизни». Это утверждение практически было поворотным моментом в моих собственных размышлениях. Далее он продолжает: «Можно сказать, что все развитие христианства, в сущности, заключалось в постепенном придании все большего значения переломному моменту перехода в подчинение посторонней воле». Это, безусловно, является центральным моментом любой подлинной религии. Многие из нас приходят к Богу, в первую очередь, по необходимости. Если вы скажете так, это выглядит эгоистично. Но я хотел бы подчеркнуть, что прежде чем мы можем стать полезными кому-то еще, мы должны сами получить какие-то начальные ответы, поэтому такой эгоизм может являться необходимым шагом на пути продвижения вперед.

В наши дни некоторые люди издают много возгласов возмущения и тревоги по поводу тех, кто ищет у Бога милостей для себя. Хотел бы я знать, куда, как не к Богу, податься растерянному и сломленному человеку за крайне необходимой ему помощью. Конечно, он озабочен своими проблемами — с этим ничего не поделаешь, так и должно быть. Он должен быть таким, если хочет когда-нибудь оказаться полезным другим людям. Но впоследствии он должен также повзрослеть и перестать просто *использовать* Бога, и начать просить Бога, чтобы Он *использовал его*. Перестать просить Бога о том, что *он* хочет, и попытаться уяснить, чего хочет Бог. Многие люди говорят, что они разуверились. Они молились, желая получить что-либо, и это не было им дано, и, следовательно, либо Бога не существует, либо Он равнодушен к ним. Какая ребяческая чепуха! Как мы можем ожидать, что Господь согласится исполнить необдуманные просьбы, с которыми многие из нас обращаются к Нему! Если бы это было так, то через пять минут мир погрузился бы в гораздо больший хаос, нежели существует сейчас.

Истинная молитва состоит не в том, чтобы сказать Богу, чего хотим *мы*. Она в том, чтобы отдать себя в Его распоряжение, чтобы Он указал нам, чего Он хочет. Нельзя молиться о том, чтобы Бог изменил Свою волю, надо стараться понять Его волю, чтобы присоединиться к Его цели в отношении мира и нас, или воссоединиться с этой целью. Вот почему, когда мы молимся, важно не только *говорить*, но и *слушать*. Вот почему так полезно начинать эти собрания в молчании. Нередко мы приходим на них возбужденными и своенравными, и нам необходимо сначала успокоиться, прежде чем Господь сможет что-либо сделать для нас. Когда наши голоса звучат требовательно и настойчиво, мы не в состоянии услышать голос Бога. Вот что опьяняет большинство из тех нас, кто не является алкоголиком — наше своеволие, желание устроить жизнь по-своему, и это явный и несомненный признак невроза. Любой человек, далекий от Бога и стремящийся добиться своего, не считаясь с Богом, является полусумасшедшим. До тех пор, пока не стихнут наши требовательные и настойчивые голоса, мы не услышим голоса Бога. Когда мы избавимся от своеволия, Господь может сообщить нам Свою волю, чтобы мы знали, куда двигаться. Данте сказал: «Наше спокойствие — в подчинении Его воле».

Некоторым людям не нравится слабость, которая ассоциируется со словом «подчинение». Я очень благодарен доктору Тьебу за то, что он употребил это слово. Людям нравится думать, что они обладают сильными характерами и могут сами позаботиться о своей судьбе. Такие представления всегда являются ложными. Каждый в этом мире так или иначе слаб, а если кто-то думает иначе, то его слабостью является его гордость, а это величайшая слабость.

Люди могут думать, что они *уже* преодолели свои явные тяжкие грехи, или что они *никогда* не были обуреваемы ими, но кто из нас избавился от эгоизма, эгоцентризма, гордыни, любви к лести и славе? Я считаю счастливыми тех людей, чьи проблемы по своей природе приводят их к реальным неприятностям, и они вынужден что-то делать с этим. Гневливость и гордыня, леность и презрительность, раздражительность, равнодушие к людским бедам и безобразная мелочность — наихудшее качество в большинстве из нас — вот грехи, которые создают проблемы нам, неалкоголикам, и они так же ужасны, как и те, что создали проблемы для вас, алкоголиков. Никто не является достаточно сильным, и люди, считающие себя сильными, просто ошибаются на свой счет.

Мы ведем себя так, как будто наш моральный облик и относительно хорошее поведение являются конечной целью существования. Но подлинные вопросы жизни, которые стоят за проблемами поведения, безусловно, имеют религиозную природу. И ответ на них может дать только религия, только Бог. Откуда я пришел, с какой целью, куда я попаду после смерти? Если у нас нет ответов на эти вопросы, мы остаемся блуждать без ориентиров, без корней, без ценностей. Наука не дает ответов на эти вопросы, а философия дает ответы лишь на уровне человеческих догадок. Религиозная вера — это единственная свеча, способная рассеять загадочный сумрак человеческого существования. Раз Христос сошел с Небес как олицетворение Бога, чтобы говорить от Его имени, значит, у нас есть ответ. Согласно предположению отца Эдда, откровения провидцев и пророков имеют ту же природу, хотя и не обладают таким же авторитетом, но все по настоящему мудрые люди начинали свой путь с признания своей ограниченности, темноты, потребности в руководстве. Когда нам удается достучаться до Бога, каким бы именем мы Его не называли, или, вернее, когда мы позволяем Ему достучаться до нас, тогда мы начинаем видеть свет и получать ответы.

Я думаю, наше время больше всего нуждается во всеобщем, всемирном духовном пробуждении. Многие признаки указывают на его приближение. Люди западной культуры постепенно начинают осознавать, что благо свободы, которое является величайшим из необходимых человеку благ, даровано им благодаря Богу и религии.

Когда в конце 18-го столетия Бенджамин Франклин был в Париже, в один из дней он поехал повидать Вольтера и взял с собой сына. Когда они уходили, он попросил Вольтера благословить мальчика. Мне кажется, Вольтер — не лучший человек, у которого можно было попросить благословения, но тем не менее. Вольтер положил свои старческие костлявые руки на голову мальчика и сказал: «Бог и свобода, мой мальчик. Запомни эти слова». Эти слова взаимосвязаны. Между ними существует неразрывная связь. Я думаю, что постепенное осознание этого факта, а также нашей личной незащищенности, лежит в основе резко возросшего интереса к религии, характерного для нашего времени.

Я считаю, что подлинное духовное пробуждение связано с четырьмя универсальными факторами: обращением в веру, молитвами, приобщением к Церкви и свидетельствами. Под обращением в веру я понимаю тот момент, когда человек обращается к Богу. Когда

он захочет покончить с заблуждением относительно себя, обратившись к вере. Я не имею в виду самоусовершенствование, я имею в виду поиск путей к усовершенствованию и начало продвижения к нему. Каждый может ступить на этот путь.

Но это только начало. Вы знаете, каковы многие религиозные люди? Они подобны людям, сидящим на железнодорожном вокзале и воображающим, что они едут в поезде. Все говорят о поездке, произносят названия станций, у них уже есть билеты, вокруг царит запах багажа и суета, и если вы просидите там достаточно долго, вам начинает казаться, что вы уже в поезде. Но это не так. Вы только начинаете готовиться к тому моменту, когда сядете в поезд и отъедете от станции. И потом поезд *действительно* увозит вас с этой станции, а не то чтобы вы сами ушли с нее.

Молитва — индивидуальная, коллективная или публичная — это момент, когда мы вступаем в контакт с Богом и с Божественной силой. Божественная сила всегда присутствует вокруг нас, так же как в проводе, включенном в розетку, питаемую электрическим генератором, всегда потенциально присутствует электричество. Но вы не увидите его, пока не щелкнете выключателем и не замкнете цепь. Молитва, которая действует теоретически непостижимыми для меня путями, которые на самом деле всегда открыты для нас, поворачивает выключатель и замыкает цепь, высвобождая энергию. Мы не столько получаем то, что нам хочется, но узнаем, что нам следует делать. Духовное пробуждение, независимо от того, происходит ли оно с отдельными людьми, группами людей или целыми народами, всегда связано с пониманием силы, которую содержит в себе молитва.

Почему-то нам никогда не удается сделать это в одиночку. С самого начала Христос собрал вокруг Себя группу учеников. Чтобы соединиться с Ним, вам надо примкнуть к этой компании. Церковь всегда представляла собой разношерстную компания грешников. Это не самые лучшие представители общества, собравшиеся вместе, чтобы поздравить друг друга; это люди, знающие, что они находятся в крайней нужде, которые собрались вместе, чтобы найти необходимый им ответ через поклонение Богу и в совместном товариществе. Церковь — это не музей, а больница. Вот почему мы все можем и должны принадлежать церкви.

Два старых атеиста однажды пришли в епископальную церковь и услышали, как священник говорит: «Мы не сделали того, что следовало сделать, и делали то, чего не следовало делать, и нет в нас здоровья», и сказали себе: «Мы пришли в нужное место!»

Перестаньте думать, что если вы ходите в церковь, то с вами все в порядке. Вы ходите в церковь в поисках контакта с Богом, чтобы Бог избавил вас от грехов, и иногда вы становитесь лучше, благодаря милости Божьей, а вовсе не вашим собственным усилиям.

Затем идут свидетельства, в виде жизненных примеров и в словесной форме. Мне кажется, в мире есть много самодовольных людей, которые думают, что оказывают на окружающих очень хорошее влияние, но они точно такие же, как и остальные в этом мире — никаких особых преимуществ, никакой особой разницы. Когда начинают происходить духовные переживания, глубоко меняющие наш внутренний мир, мы становимся гораздо более смиренными и понимаем, что мы не очень-то хороши. Мне кажется, именно тогда люди начинают становиться интересными. Они недоумевают, что с ними произошло и начинают задавать вопросы, и настает время, когда они могут открыться и начать свидетельствовать с помощью слов. Мы не читаем проповеди другим людям, мы не разговариваем с ними свысока, Господь знает, что мы не выставляем себя в качестве источника ответов на вопросы, но мы начинаем разделять с другими ростки победы. Каждый истинно верующий участвует в работе, о которой говорится в Двенадцатом Шаге. Каждый истинно верующий хочет передать свою веру другим людям, и он постарается научиться делать это с помощью слов и жизненных поступков.

Для меня АА являются одним из величайших примеров духовного пробуждения в наши дни. По природе своей они не догматичны, но действуют опытным путем. Но ни у кого нет сомнения, что именно Господь создал АА в том виде, как они существуют сегодня, что именно Он вдохновляет их и помогает развиваться, и мы постоянно чувствуем, что он незримо, но совершенно бесспорно присутствует здесь с нами в Сент-Луисе. Я очень рад тому, что церковь так тесно связана с АА, так как мне кажется, что члены АА нуждаются в церкви для обретения внутренней устойчивости и возможности дальнейшего роста, но при этом, я думаю, церкви также нужны АА как постоянный стимул к оживлению и усилению ее деятельности, чтобы она соответствовала их чаяниям. Церковь и АА должны дополнять деятельность друг друга.

Я думаю, что АА будут продолжать свое служение людям до тех пор, пока будут им нужны, если станут по-прежнему обращаться к

Господу за вдохновением, будут дружески открыты навстречу друг другу в своем товариществе и для других людей за его пределами. Я думаю, АА поступили абсолютно верно, ограничив свою организованную деятельность только помощью алкоголикам, но я верю и надеюсь, что мы еще увидим широкое воздействие АА на медицину, психиатрию, исправительные учреждения, образование, на вечные проблемы человеческой природы и способы их исправления, а также, что немаловажно, на саму церковь.

Мне кажется, что АА опосредованно черпают вдохновение и стимул из религиозных верований и откровений. Возможно, сейчас настало время для оживления и нового возрождения самой церкви благодаря озарениям и практикам, существующим у АА. Я не знаю ни одной области человеческой деятельности, где были бы бесполезны или неприменимы Двенадцать Шагов АА. Я думаю, что АА еще предстоит оказать гораздо более широкое воздействие на современный мир, нежели до сих пор, и что они могут внести огромный вклад в духовное пробуждение, которое непременно должно произойти, но неизвестно, сколько времени на это понадобится, поскольку сейчас дела в мире обстоят не слишком хорошо.

И сейчас, когда АА вышли на новые исторические рубежи и управление сообществом передается гораздо более широкому кругу лиц, нежели было до сих пор, давайте возблагодарим Господа за Его милость к нам и за то, что Он указал нам путь и содействовал успеху, и использовал, развивал и приумножал эту чудесную силу для нынешнего служения, и за надежду, которую АА несет тысячам, а может быть, и миллионам страждущих в будущем.

Господь да благословит АА на веки вечные.

Билл: Среди АА всегда принято говорить, что наши лидеры руководят нами не по мандату, но действуя собственным примером. Сегодня перед нашими глазами был замечательный пример, без которого наше сообщество могло бы и не возникнуть. Я думаю, будет абсолютно уместно, если в завершение этого заседания я повторю перед вами молитву св. Франциска, чей пример так дорог и близок всем нам.

«Дай мне, Господи, быть орудием твоего мира, чтобы я приносил любовь ненавидящим, прощение обижающим, истину заблуждающимся, веру сомневающимся, надежду отчаявшимся, чтобы я приносил свет во тьму, радость скорбящим. Дай мне, Господи, утешать, а не ждать утешения, понимать, а не ждать понимания, любить, а не быть любимым. Ибо кто отдает, тот обретает, кто забывает о себе, тот обретает, кто прощает, тот будет прощен, кто умирает, тот воскресает для жизни вечной».

VI
Дружеский взгляд на Анонимных Алкоголиков

У Анонимных Алкоголиков множество друзей. Их беспредельное благорасположение, а зачастую, и прямая поддержка были неоценимы для нашего развития.

М-р Бернард Б. Смит, адвокат из Нью-Йорка, чья приветственная речь приведена ниже, в течение многих лет демонстрировал свою замечательную преданность и свои умения, которые он отдавал, в качестве одного из попечителей и председателя Генерального совета АА, служению нашим международным делам. Он являет собой образец дружеского участия, которое всегда вело АА к успеху и дальнейшему развитию.

АНОНИМНЫЕ АЛКОГОЛИКИ, ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

БЕРНАРД Б. СМИТ
Председатель Генерального совета Анонимных Алкоголиков 1951–1956

(По материалам выступлений м-ра Смита на первых шести Генеральных конференциях АА)

По мере приближения момента моего ухода с поста Председателя я часто ловлю себя на воспоминаниях — о первых днях, наполненных вдохновением и борьбой, когда АА только начинали принимать свою нынешнюю форму, о многочисленных друзьях, которых я, неалкоголик, приобрел благодаря АА, о бесчисленных согревающих душу переживаниях, которые я испытал внутри этого товарищества, об удивлении, вызванном тем обстоятельством, что за такой короткий срок АА смогли подготовить Генеральную конференцию, на которой выборные делегаты представляют столь значительную часть нашего сообщества.

Пожалуй, больше всего я думал о правильном выборе времени, что является чудом, поскольку кажется, что АА начали действовать именно тогда, когда пришло подходящее время. Порой нас огорчают задержки в делах, и только со временем мы начинаем понимать, что эти задержки были вызваны исключительно тем обстоятельством, что время для этих дел еще не пришло.

И еще я размышлял об указующем персте Бога, определяющего наш путь как отдельных личностей и как товарищества в целом, и наше место в окружающем мире. Для меня была очевидна необходимость духовного постижения Двенадцати Шагов АА, чтобы быть в состоянии решать серьезную и все возрастающую проблему, стоящую перед всеми нами, как алкоголиками, так и неалкоголиками. Что это за проблема? Это проблема поколения, отрицающего духовную основу человеческого существования и выдвигающего взамен этого социальную основу, которая является материалистичной и механистичной. Но это никогда не сломит АА, ибо принципы их веры и самого существования базируются на безусловной необходимости духовного начала для существования жизни на земле.

Должен признаться, что когда я впервые познакомился с АА, я не мыслил широкими социальными категориями и не пытался применять религиозные истины для решения проблем, возникающих перед всеми людьми в поисках того, что мы смутно считаем счастьем.

Обстоятельства нашего первого знакомства были довольно прозаическими. Те, кто первоначально входил в состав АА, и некоторые из их друзей-неалкоголиков понимали необходимость создания простой, но эффективной организационной структуры для этого молодого и быстро растущего движения, и им нужен был юрист для помощи в оформлении документов, необходимых для учреждения Фонда алкоголиков, который теперь преобразован в Генеральный совет АА.

Один мой друг, который был и остается членом АА, предложил мне встретиться с Биллом. Я никогда не забуду эту первую встречу в моем офисе, которая случилась в один из вечеров пятнадцать лет назад, и этот вечер, который мы впервые провели вместе. И я всегда буду благодарен своему другу, который познакомил нас с Биллом в тот незабываемый вечер, потому что некоторым таинственным образом я был готов к появлению Билла с его идеями. Мне показалось, что вся моя жизнь была в некотором роде подготовкой к тому, что я тогда услышал от Билла. Билл открыл мне удивительный на тот момент факт, что в сообществе АА, когда люди перестают пить благодаря практическому применению Двенадцати Шагов, они действительно начинают строить свою жизнь на духовной основе.

И меня, неалкоголика, поразило то, что жизненные принципы АА подходили и мне, и многим другим, подобным мне, кто никогда не искал утешения в бутылке или иных средствах ухода от реальности, к которым прибегают люди под бременем материалистического мира. Всем, кто сегодня наблюдает за человечеством, должно быть ясно, что пьющий алкоголик — это не единственный, кто страдает от несчастий или от утраты смысла жизни и невозможности самореализации.

Все эти годы с момента моей первой встречи с Биллом — чудесные годы, когда я имел честь быть членом и председателем Генерального совета АА — меня никогда не покидало мое первоначальное впечатление, что АА — это не просто сообщество выздоровевших

алкоголиков, но пример образа жизни для всех, кто потерял себя в этом тревожном мире.

Я неоднократно пытался (без особого успеха) дать определение товариществу АА, пока однажды, будучи в Англии, я не услышал радиопередачу, где выступал каноник Чарльз Рэйвен, известный в Великобритании религиозный лидер. Во время этой радиопередачи Ч. Рэйвен дал следующую характеристику подлинного товарищества:

«Для подлинного товарищества необходимы три условия: общие идеалы, способствующие полному освобождению от эгоизма и устранению разногласий; выполнение общей задачи, которая должна быть достаточно значительной, чтобы захватить воображение и дать выход преданности; дружба и единение, чтобы мы почувствовали силу и радость принадлежности к естественному сообществу и посвятили служению ему все свое время. Высшая форма такого товарищества возможна там, где присутствуют самые высокие и требовательные идеалы, где поставленные задачи требуют максимальной отдачи всех наших сил и способностей, где товарищеские отношения столь прочны и глубоки, что мы без усилий и слов понимаем потребности друг друга и реагируем на них моментально и непроизвольно.

В таких условиях все жизненные силы, которые мы обычно расходуем на зависть и удовлетворение собственного тщеславия, на притворство и стремление принизить других людей, высвобождаются для созидания».

Мне кажется, эти слова применимы для АА не только как определение подлинного товарищества, а также наших целей и отношений, но и как напоминание о том, что АА — не застывший и пассивный социальный организм, но, в широком смысле слова, динамичная созидательная сила, высвобождающая нашу скрытую способность жить и действовать конструктивно.

Не так давно я летел в самолете над нашими пустынными юго-западными просторами. То тут, то там почти ниоткуда возникали крошечные пятна сочной зеленой растительности, окруженные обширными участками безжизненной бурой пустыни. Я подумал об огромных запасах подземных вод, залегающих под этими пустынными просторами. Если бы вывести эти воды на поверхность, они

могли бы превратить всю пустыню в цветущий сад. И еще я подумал, что Бог дает нам воду, но чтобы получить ее, надо копать колодцы.

Я уподобил эти крошечные участки с сочной зеленью нашим группам, где, вдохновленные верой, почерпнутой из Двенадцати Шагов, мы копаем колодцы, благодаря которым зацветает пустыня жизни. И еще я размышлял о том, что мы осознали невозможность в одиночку преобразовать пустыню, в которой мы живем; мы не можем выкопать этот колодец в одиночку. Ибо у АА целое действительно сильнее, чем сумма всех его частей. Захватывающее чувство коллектива, нашего товарищества, открывает в нас гораздо больше возможностей, чем мы могли бы обнаружить в себе в одиночку. Каждый из нас, в свою очередь, черпает из духовного сосуда нашего товарищества дополнительное мужество и волю, что делает каждого из нас сильнее, а наше товарищество крепче.

То, что мы получаем, живя по принципам АА — это нечто большее, чем счастье в понимании материалистов.

Недавно я нашел определение счастья, которое приведено в новом полном словаре. К моему удивлению, в первом значении стояло «удача, удачная судьба, процветание». Такое материалистическое определение очень сильно отличается от понятия счастья, которое существует среди АА.

Однако второе определение, приведенное в этом словаре, прямо соответствует тому понятию счастья, за которым люди приходят, и которое они находят в АА — то, что можно испытывать, живя по принципам Двенадцати Шагов. Это определение выглядит следующим образом: «состояние благополучия, характеризующееся относительным постоянством и преобладанием положительных эмоций, диапазон которых варьируется от простого чувства удовольствия до полнейшего блаженства, а также естественным желанием продлить такое состояние».

Отталкиваясь от данного определения, мне кажется, что люди, живущие по принципам АА, испытывают счастье в большей мере, чем какой-либо класс или группа людей, с которыми мне приходилось когда-нибудь встречаться.

Я много размышлял над этими определениями. Например, я думал, что словарные определения отражают значения, принятые в обществе, и я был обеспокоен тем фактом, что первое определение счастья выражено в таких материалистических терминах, как «удача, удачная судьба, процветание».

Я изучил ряд словарей, изданных в 90-х годах 19-го века. Я обнаружил, что нигде в них слово «процветание» не употреблялось для определения «счастья». Затем я заглянул в обычный словарь, изданный в 1927 г. К тому времени уже появилось определение «удача, удачная судьба, процветание», которое приводилось в качестве второго значения. А к 1943 году оно переместилось на первое место, оттеснив то определение счастья, к которому стремятся АА, и таким образом, совершенно материальное понятие счастья принято теперь в качестве определения жизненной цели мужчин и женщин в современном обществе.

Следовательно, руководствуясь принятым в современном обществе стандартом счастья, кое-кто может сказать, что наши Двенадцать Шагов являются шагами назад. Но они являются шагами возвращения к метафизической сущности человека, к его подлинной духовности. Мир продвинется вперед, когда пересмотрит современное словарное определение счастья и отодвинет его с первых позиций.

В материалистическом обществе порой возникают парадоксальные истины. Рассмотрим, к примеру, простое утверждение: «Я алкоголик». Когда мужчина или женщина впервые приходят к нам и говорят, что они алкоголики, именно в это время они перестают пить. Таким образом, в период, когда они сами начинают *называть* себя алкоголиками, общество перестает *считать* их таковыми. Тем не менее, только в тот момент, когда член АА перестает пить, он получает право называть себя алкоголиком.

Когда алкоголики живут материалистичной жизнью с неумеренным употреблением спиртного, они отказываются от ярлыка «алкоголик». Но когда они перестают пить и признаются себе и окружающему миру в том, что они алкоголики, мир отказывается воспринимать их в качестве алкоголиков.

Как известно Анонимным Алкоголикам, то, что может выглядеть поражением в глазах бездумного мира, является триумфом духа, победой смирения над ложной гордыней и эгоцентризмом. На самом деле, немногие люди имеют мужество смиренно встать перед своими ближними и правдиво охарактеризовать себя, сказав: «Вот какой я на самом деле».

Существуют два момента, когда очень важно произнести «Я алкоголик». Один раз человек впервые произносит эти слова на собрании АА. Однако перед этим есть еще один момент, когда еще важнее сказать «Я алкоголик» — когда человек признается в этом своему наставнику, с отчаянием и мраком в душе. И это еще один парадокс, связанный с АА.

Парадокс состоит в том, что член АА подходит к своему страдающему собрату-алкоголику не с позиции силы и превосходства, как избавившийся от этого недуга человек, но с сознанием собственной слабости. Член АА разговаривает с новичком не с сознанием своей моральной силы, но слабости и смирения. Он не говорит о том, как неправильно живет этот все еще страдающий алкоголик, но о том, как неправильно раньше жил он сам. Он не судит своего собеседника, но судит себя в прошлом.

Говоря об алкоголиках, общество использует выражение «алкогольная зависимость». В определенном смысле это утверждение также парадоксально для АА, если оно вообще верно. На самом деле члены АА никогда не зависели от алкоголя. Алкоголь просто был для них средством ухода от закабаления фальшивыми идеалами материалистического общества. Но если мы соглашаемся с распространенным определением прежнего состояния алкоголика как «алкогольной зависимости», то это не должно более вызывать протеста у члена АА, так как эта зависимость помогла ему освободиться от материальных капканов, которые расставлены повсюду в джунглях нашего общества. Ибо алкоголик должен сначала признать материализм болезнью общества, чтобы излечиться от такой болезни, как алкоголизм, и стать свободным от социальных пороков, которые привели его к алкоголизму.

Мужчины и женщины, прибегавшие к алкоголю для ухода от реальности, это не единственные люди, испытывающие страх перед жизнью, враждебно настроенные к окружающему миру, стремящиеся спрятаться от него в скорлупе своего одиночества. Миллионы людей, не являющихся алкоголиками, сегодня живут в иллюзорном мире, полные страхов и чувства неуверенности, присущих современному человеческому существованию, вместо того, чтобы взглянуть на себя мужественно, смиренно и правдиво. АА могут предложить таким людям в качестве лекарства не волшебное снадобье, не химическую формулу, не сильнодействующее лекарство, но могут научить их использовать такие инструменты, как смирение, честность, преданность и любовь, которые и составляют суть Двенадцати Шагов нашего выздоровления.

В человеческом обществе существует еще одно парадоксальное утверждение, имеющее особое отношение к АА. Это утверждение

насчет того, что «цепь не крепче ее слабейшего звена». Обычно его трактуют в том смысле, что в цепи не должно быть слабых звеньев.

Парадокс этого утверждения применительно к АА состоит в том, что у АА цепь крепка так же, как ее слабейшее звено. Ибо сила бесконечной цепи АА укрепляется слабейшими звеньями, до которых она в состоянии дотянуться — алкоголиками обоих полов, продолжающими страдать вокруг нас. Именно на этой парадоксальной истине основана уверенность в жизнеспособности этого сообщества. Сохранение жизнеспособности АА обусловлено так называемой слабостью людей, которые с помощью алкоголя отвергают материализм современного общества.

Поскольку мы знаем о громадном воздействии, которое могут оказать АА на последующие поколения, мы прилагаем столько усилий для создания структуры обслуживания АА с помощью Генерального совета, Генеральной конференции и многочисленных отделений, которые выполняют важнейшие повседневные функции по распространению идей АА во всем мире. Билл с полным правом назвал эту структуру наследием АА, заслуживающим такого же внимания и осмысления, как Первый завет, каковым являются Двенадцать Шагов и Второй завет в виде Двенадцати традиций.

Но это Третий завет, каковым является всемирное служение, имеет определенное ограничение. Это ограничение заключается в том, что мы должны не только сохранять и использовать это наследие при нашей жизни, но также увеличивать его духовное наполнение для последующих поколений. И каждое новое поколение, получив это наследие, также должно сохранять его, если они захотят пользоваться им во имя обретения жизни, и передать его следующему поколению, обогатив духовное содержание этого наследия.

Генеральная конференция АА является практическим инструментом для сохранения, приумножения и руководства использованием великого Третьего завета, которое заключается во всемирном служении. Концепция деятельности Конференции с самого начала была простой, понятной и вдохновляющей. Она базируется на том утверждении, что все, кто был связан с АА с первых лет образования и развития этого сообщества, имеют перед ним определенное обязательство. Это обязательство заключается в том, чтобы обеспечить сохранение товарищества, чтобы пламя его веры, которое является маяком надежды для всего мира, никогда не угасло.

Генеральная конференция нужна нам не для того, чтобы самим сохранять трезвость. Она нужна для того, чтобы обеспечить выздоровление алкоголиков, все еще спотыкающихся в темноте в поисках света. Она нужна, чтобы гарантировать исцеление некоторых новорожденных детей, по каким-либо причинам обреченных на алкоголизм. Она нужна, чтобы в соответствии с Двенадцатым Шагом обеспечить постоянное прибежище всем алкоголикам будущих времен и дать им такую же возможность для духовного возрождения, какая была у старейших членов АА.

Нам нужна Генеральная конференция, потому что мы сознаем разрушительный эффект людских стремлений к власти и славе, которые никогда не должны проникнуть в ряды АА. Нам нужна Конференция, чтобы уберечь АА от административного управления, но и не допустить анархии, чтобы защитить наше товарищество от развала, но и не допустить чрезмерной интеграции. Она нужна для того, чтобы только и исключительно Анонимные Алкоголики были единственными ответственными хранителями своих Двенадцати Традиций, Двенадцати Шагов и деятельности всех своих служб.

Конференция может гарантировать нам, что все изменения внутри сообщества будут происходить только в ответ на пожелания и потребности всех членов АА, а не только отдельных товарищей. Она может гарантировать нам, что двери, ведущие к АА, никогда не окажутся закрытыми, и все люди, имеющие проблемы с алкоголем, в любое время могут открыто прийти к АА и встретить теплый прием. Она должна гарантировать, что Анонимные Алкоголики никогда не станут интересоваться национальностью, вероисповеданием или социальным положением тех, кто нуждается в их помощи.

Я всегда считал огромной привилегией и бесценным вдохновляющим опытом предоставленную мне возможность в течение многих лет служить АА в качестве председателя Генерального совета, и в этой должности я также председательствовал на первых шести Генеральных конференциях АА. Когда после проведения VI-ой Конференции в апреле 1956 г., я ушел с поста председателя, у меня не было ощущения, что я вышел из рядов АА. Никто из членов АА, а я себя ощущаю именно таким, не в состоянии сделать этого. Можно просто отойти в сторону и продолжать служение в рядах АА, скромно отдавая этому все свои способности.

Я не подавал в отставку с поста председателя из-за того, что больше не хотел им оставаться. Я с удовольствием исполнял эту обязан-

ность и, будучи неалкоголиком, ощущал большое удовлетворение от управления Фондом, которое было доверено мне многими людьми. Я скажу еще один парадокс: я ухожу с поста председателя из-за моей любви и преданности АА. Ибо я еще много лет назад сказал и продолжаю верить в то, что АА должны обезопасить себя от «монополии на исполнение обязанностей». Никто не должен иметь права бессрочно оставаться в штаб-квартире АА.

Тот факт, что никто не только не требовал моей отставки, но к счастью, вовсе наоборот, является еще одним обстоятельством, подкрепляющим традицию ротации на административных должностях в АА. Возможно, когда-нибудь в будущем эта традиция, препятствующая неопределенно долгому пребыванию одного и того же человека в должности председателя, может оказаться гораздо более ценной, чем кажется сегодня. Безусловно, это соответствует все возрастающему своду неписанных, но проверенных практикой традиций, принятых в рядах АА, которые утверждают, что товарищество АА очень важно для существования его отдельных членов, но сами они не должны иметь решающего значения для существования АА. Именно существование АА имеет большое значение для тех, кто отвергнут обществом и тех, кто сам отверг общество. На самом деле, существование АА важно для всего человеческого общества, поскольку оно является символом силы и мощи огромного духовного источника, к которому могут припасть все, кто стремится к правильной жизни.

Благодаря открывшейся нам истине, в соответствии с которой мы стараемся жить, мы достигли гораздо большей степени счастья, чем многие обычные люди, живущие сегодня на земле, но не испытавшие тяжких страданий, которые приносит алкоголизм. Но все вместе и по отдельности мы всегда должны заботиться о наилучшей организации служения АА для сохранения и дальнейшего распространения наших жизненных идеалов. Ибо сохраняется наше торжественное обязательство перед еще не родившимися поколениями: обеспечить им такую же возможность избрать этот образ жизни, какая была у нас.

Как неалкоголик и как человек, изучающий гигантские социальные перемены, которые формируют наше лучшее наследие, я считаю Анонимных Алкоголиков выдающимся духовным явлением нашего столетия. Я вижу в жизненной концепции, которую воплощают АА, прекрасную надежду для всего человечества. Члены этого

товарищества являются подлинными свидетелями истинного воплощения идеи о том, что человек может жить духовной жизнью, успешно оставаясь при этом частицей материального мира.

Жизнь первого поколения АА подходит к концу. Нас было много, мы были полны веры и преданы своей цели. Я благодарен за то, что имел счастье наблюдать за возникновением нашего сообщества.

Я признаюсь, что, уходя с поста председателя Всемирной службы АА, я сожалею только об одном: что у меня не было талантов и умений, которые позволили бы мне сделать еще больше для осуществления целей этого великого и стойкого товарищества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ «А»

Как связаться с Анонимными Алкоголиками и группами родственников алкоголиков Ал-Анон

Группы Анонимных Алкоголиков существуют во многих городах США и Канады. Их адрес можно установить с помощью телефонной книги, узнать в редакции местной газеты или в полицейском участке, или же с помощью местных служителей церкви. В больших городах группы АА часто имеют собственные офисы, куда могут обратиться алкоголики или члены их семей и договориться о встрече или госпитализации. Это так называемые «Интергруппы», адреса которых можно найти в телефонных справочниках в разделе, отведенном АА.

В Нью-Йорке действует международный центр обслуживания АА. Он включает в себя Генеральный совет АА, состоящий из попечителей, которые контролируют деятельность Генеральной штабквартиры АА, а также Всемирный центр обслуживания АА и редакцию ежемесячного журнала «АА Грейпвайн».

Если в вашей местности нет отделения АА, можно написать письмо на адрес Анонимных Алкоголиков: Box 459, Grand Central Station, New York, NY 10163, U.S.A., и в короткое время вы получите ответ из Всемирного центра с указанием координат ближайшей к вам группы АА. Если поблизости от вас нет такой группы, вам предложат вести переписку, которая окажет вам существенную помощь в сохранении трезвости, как бы далеко вы не находились.

Если вы друг или родственник алкоголика, который пока не проявляет никакого интереса к АА, вы можете написать в Центр семейной поддержки Ал-Анон по адресу: P.O. Box 862, Midtown Station, New York, NY 10018-0862, U.S.A. Это всемирная информационная служба для групп Ал-Анон, куда, в основном, входят жены, мужья и друзья членов АА. Центр сообщит вам адрес ближайшей к вам группы Ал-Анон, а если хотите, может вести с вами переписку по поводу интересующих вас проблем.

ПРИЛОЖЕНИЕ «В»

Почему Анонимные Алкоголики должны сохранять анонимность

Билл У.

Эта статья станет более понятна, если сначала вспомнить о традициях анонимности в АА. Одиннадцатая Традиция гласит: «Наша политика во взаимоотношениях с общественностью основывается на привлекательности наших идей, а не на пропаганде; мы должны всегда сохранять анонимность на уровне прессы, радио, кино и телевидения»[1]. Согласно Двенадцатой Традиции «Анонимность — духовная основа всех наших Традиций, постоянно напоминающая нам о том, что главным являются принципы, а не личности».

В наше время, как никогда, борьба за власть, влияние и богатство буквально раздирает человечество на части — люди, семьи, группы и целые народы борются друг с другом.

Почти все, участвующие в этой жестокой борьбе, заявляют, что их целью является установление мира и справедливости для них самих, их соседей и их народов. «Дайте нам власть, — говорят они, — и у нас будет справедливость; дайте нам известность, и мы будем служить прекрасным образцом; дайте нам деньги, и мы будем довольны и счастливы». Во всем мире люди искренне верят в это и поступают соответствующим образом. Общество пребывает в крайне неуравновешенном душевном состоянии, которое можно уподобить сухому запою и блужданию в тупике, где стоит стоп-сигнал, на котором ясно написано: «Несчастье».

Какое это имеет отношение к анонимности и Анонимным Алкоголикам? Мы, Анонимные Алкоголики, должны это знать. Почти каждый из нас побывал в подобном тупике. Движимые алкоголем и самооправданиями, многие из нас гнались за призрачными иллюзиями богатства и самомнения, пока не наткнулись на стоп-сигнал, извещающий о несчастье. Затем мы пришли к АА.

Мы развернулись и оказались на широкой новой дороге. На ее дорожных знаках никогда нет ни слова о власти, славе или богатстве. На них написано: «Это путь к душевному здоровью и спокойствию. Плата — самопожертвование». В нашей книге «Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций» говорится, что «анонимность — это наилучшая защита, которую может иметь наше сообщество». Там говорится также, что «духовную сущность анонимности составляет жертвенность».

[9] Одиннадцатая Традиция представлена в вольном изложении.

Давайте обратимся к двадцатилетнему опыту существования АА и посмотрим, как мы пришли к этим принципам, которые ныне закреплены Одиннадцатой и Двенадцатой Традициями.

Сначала мы пожертвовали алкоголем. Нам пришлось это сделать, иначе он убил бы нас. Но мы не смогли бы покончить с алкоголем, если бы не принесли и других жертв. Надо было избавиться от самомнения и порочного мышления. Надо было решительно отбросить самооправдания, жалость к себе и гнев. Надо было отказаться от безумной гонки за личным авторитетом и большим банковским счетом. Мы должны были признать личную ответственность за свое печальное состояние и перестать винить в этом других.

Было ли это жертвами? Да, было. Для того чтобы просто остаться в живых, нам надо было обрести достаточную степень смирения и самоуважения, а для этого надо было отказаться от самых дорогих нашему сердцу вещей — наших амбиций и непомерной гордости.

Но и этого было еще недостаточно. Жертвенность должна была простираться еще дальше. Она должна была принести пользу и другим людям. Так мы начали заниматься служением согласно Двенадцатому Шагу; мы начали нести людям идеи АА. Для этой цели мы жертвовали своим временем, энергией и деньгами. Если бы мы не отдавали, мы бы не сохранили то, что имеем.

Требовали ли мы какой-либо жертвы от новичков? Разве мы хотели получить власть над их жизнью, просили прославлять нас или хотели от них каких-то денег? Нет. Мы поняли, что если мы потребуем чего-нибудь в этом роде, вся наша деятельность в рамках Двенадцатого Шага будет сведена к нулю. Поэтому надо было пожертвовать этими естественными желаниями, иначе наши новички не слишком бы преуспели в обретении трезвости, так же, впрочем, как и мы сами.

Так мы узнали, что жертвенность приносит двойную выгоду, а ее противоположность -почти никакой. Мы начали понимать, как отдавать себя, не требуя ничего взамен.

С образованием первой группы АА мы вскоре узнали об этом гораздо больше. Мы поняли, что каждый из нас должен приносить добровольные жертвы ради группы и общего благополучия. Группа, в свою очередь, поняла, что необходимо отказаться от многих своих прав ради защиты и благополучия каждого ее члена и всего товарищества в целом. Эти жертвы были необходимы, иначе АА прекратили бы свое существование.

Из этого опыта и понимания начали складываться Двенадцать Традиций Анонимных Алкоголиков. Постепенно мы поняли, что единство, действенность и даже сохранение товарищества АА всегда будут зависеть от нашей постоянной готовности отказаться от личных амбиций и желаний ради общей безопасности и благополучия. Так же как жертвенность означа-

ет возможность выживания для отдельной личности, для группы АА и для всего товарищества она тоже означает возможность выживания и сохранения единства.

С этой точки зрения Двенадцать Традиций АА представляют собой ничто иное, как список жертв, которые мы должны принести в одиночку и коллективно, если мы хотим сохранить наше товарищество целым и невредимым. Этому научил нас наш двадцатилетний опыт.

В Двенадцати Традициях мы отвергли практически все тенденции, существующие в окружающем нас мире. Мы оказались от личного руководства, профессионализма и желания определять, кто имеет право стать членом нашего товарищества. Мы отказались от филантропии, попыток перевоспитания и патернализма. Мы отказались от внешних благотворительных пожертвований и решили перейти исключительно на самофинансирование. Мы можем сотрудничать практически со всеми, но мы отказываемся от объединения с каким-либо другим обществом. Мы не принимаем участия в общественных конфликтах и не будем спорить между собой по вопросам, раскалывающим общество: по вопросам религии, политики и проведения реформ. У нас одна-единственная цель: донести идеи АА до тех страдающих алкоголизмом людей, которым они нужны.

Мы занимаем такую позицию вовсе не потому, что хотим похвалиться особой мудростью или добродетелью; мы поступаем так потому, что тяжкий опыт подсказал нам эту необходимость, если АА хотят выжить в этом безумном современном мире. Мы отказываемся от своих прав и приносим жертвы, потому что нам следует так поступать и, более того, потому что мы так хотим. Товарищество АА обладает гораздо большей силой, чем каждый из нас в одиночку, и оно должно продолжать свое существование, иначе тысячи и тысячи нам подобных непременно умрут. Мы знаем это.

Так как же все это соотносится с анонимностью? И что это вообще такое — анонимность? Почему мы считаем ее единственной лучшей защитой, какую только могут иметь АА? Почему она является главнейшим символом нашего самопожертвования, духовным ключом к пониманию наших Традиций и всего нашего образа жизни?

Я надеюсь, следующий пример из истории АА поможет нам получить ответ на этот вопрос. Когда-то давно один известный спортсмен сумел перестать пить с помощью АА. Поскольку его возвращение в спорт было триумфальным, газеты всячески расхваливали его, воздавая при этом должное АА. Миллионы болельщиков видели его полное имя и фотографию и узнали, что он член АА. На том коротком отрезке времени это оказалось очень полезным для нас, так как к нам валом повалили алкоголики. Это понравилось нам. Я был особенно взбудоражен, поскольку мне пришли в голову кое-какие идеи.

Вскоре я начал разъезжать по городам, раздавая интервью и позируя перед фотокамерами. Я с удовольствие обнаружил, что мои фотографии на

первой странице пользовались таким же успехом, как и фото того спортсмена. К тому же, у него не было времени на общение с публикой, а у меня было. Мне надо было только продолжать путешествовать и говорить, остальное доделывали местные группы АА и газетчики. Недавно я вновь просмотрел эти старые газеты и испытал изумление. Кажется, в течение двух или трех лет я был самым главным нарушителем анонимности среди АА.

Поэтому с тех пор я не могу по-настоящему винить кого-либо из АА, когда они привлекают к себе внимание. В те времена я сам подавал такой пример.

Тогда же это казалось очень правильным. Я оправдывал свое поведение и радостно продолжал в том же духе. Мне очень нравилось читать развернутые статьи с моим полным именем и фотографией, где рассказывалось про «Агента Билла», тысячами исцеляющего пьяниц.

Затем на этом светлом горизонте начали возникать тучи. Некоторые члены АА стали высказывать недовольство: «Этот парень Билл захватывает себе всю славу. Это несправедливо по отношению к доктору Бобу». Или так: «Что если вся эта известность ударит Биллу в голову и опьянит его?»

Я был уязвлен. Как они смели порицать меня, когда я приносил столько пользы? Я напоминал моим критикам, что мы живем в такой свободной стране как Америка, и я пользуюсь свободой слова. И во главе этой страны, да и других стран, стоят именно лидеры с известными именами. Анонимность, возможно, хороша для рядовых членов, но для основателей АА необходимо сделать исключение. Общественность, безусловно, имела право знать, кто мы такие.

Эту тенденцию быстро подхватили другие застрельщики нашего движения, так же, как и я, искавшие славы. Они тоже хотели быть исключением. Они говорили, что принцип анонимности в отношениях с общественностью следует оставить для робких, а такие храбрые и решительные люди, как они, должны смело встать перед фотокамерами, чтобы все о них узнали. Такое мужество поможет снять пятно позора с алкоголиков. Общественность тут же увидит, какими хорошими гражданами могут стать бывшие алкоголики. Так все больше и больше членов АА стали нарушать принцип анонимности, и все считали, что действуют нам на благо. А что, если алкоголику сфотографироваться с губернатором штата? Это будет честь для обоих, не так ли? Таким образом, мы резко двинулись вперед по дороге, ведущей с тупик.

Другой случай нарушения анонимности выглядел еще невиннее. Одна моя хорошая подруга из числа АА захотела заняться антиалкогольным воспитанием. Ее пригласили на университетскую кафедру, где занимались проблемой алкоголизма, чтобы она выступала перед широкой публикой и рассказывала о том, что алкоголизм — это болезнь, хорошо поддающаяся излечению. Моя подруга была замечательным оратором и талантливым писателем. Могла ли она признаться перед публикой, что является членом АА? Ну ко-

нечно, почему же нет? Используя название нашего сообщества, она сможет привлечь внимание общественности к антиалкогольному воспитанию, а также к самим АА. Это казалось мне превосходной идеей, и я благословил ее.

В то время сообщество Анонимных Алкоголиков уже приобретало известность и репутацию. Под его флагом и благодаря своим собственным талантам, она немедленно добилась результатов. Очень быстро почти в каждой крупной газете Северной Америки появились ее фотографии с полным именем и прекрасными отзывами о ее образовательном проекте и об АА. В обществе ширилось понимание проблемы алкоголизма, с алкоголиков снималось клеймо презрения, а к АА приходили новые члены. Ну что же в этом могло быть плохого?

Но оно было. Ради получения краткосрочной выгоды мы брали на себя огромную и угрожающую ответственность в будущем. Немного времени спустя один из членов АА начал издавать журнал, в котором яростно отстаивалась необходимость принятия сухого закона. Он считал, что Анонимные Алкоголики должны способствовать введению полного запрета на продажу и употребление алкоголя. Он заявил, что является членом АА, и стал пользоваться этой вывеской для разоблачения вреда алкоголя и нападок на его производителей и потребителей. Он также объявил себя «наставником» и заявил, что его воспитательная кампания является «единственно правильной». Втягивая АА в общественное противостояние, он считал, что нам следует занять именно такую позицию, и поэтому активно использовал имя АА. Разумеется, ради осуществления этой заветной цели он нарушил свою анонимность.

Затем последовало предложение от ассоциации торговцев алкоголем еще одному члену АА также выступить в роли «воспитателя». Надо было объяснять людям, что злоупотребление алкоголем опасно для всех без исключения, а некоторым людям (алкоголикам) вовсе не следует пить. Что тут неправильного?

Ловушка заключалась в том, что нашему товарищу предстояло нарушить свою анонимность; под каждой книгой и статьей стояло бы его полное имя с указанием членства в АА. В глазах общественности это, конечно, создало бы впечатление, что АА поддерживают «воспитательную кампанию», которую ведут торговцы алкоголем.

Хотя эти два события не имели далеко идущих последствий, потенциально они могли нанести непоправимый урон. Они раскрыли нам глаза на происходящее. Связавшись с каким-нибудь посторонним делом и затем публично объявив о своем членстве в АА, любой из членов нашего сообщества мог вовлечь Анонимных Алкоголиков практически в любое предприятие или противостояние, как хорошее, так и плохое. И чем лучше была бы репутация у АА, тем сильнее было бы искушение.

Дальнейшее доказательство этого не заставило себя ждать. Еще один из членов АА начал втягивать нас в рекламный бизнес. По просьбе страховой

компании он подрядился прочитать по национальной радиосети курс из двенадцати лекций об Анонимных Алкоголиках. Это должно было создать рекламу страховой компании, Анонимным Алкоголикам и, разумеется, самому нашему товарищу — все в одной привлекательно выглядящей упаковке.

В штаб-квартире АА мы прочитали предлагаемый текст лекций. Они наполовину рассказывали об АА, а наполовину — о личных религиозных воззрениях нашего товарища. Это могло создать у общественности ложное впечатление о нас; могло бы возникнуть религиозное предубеждение против АА. Поэтому мы отклонили это предложение.

Наш товарищ ответил нам гневным письмом, в котором утверждал, что чувствует себя обязанным прочитать эти лекции, и что мы не имеем права вмешиваться в его свободу слова. Несмотря на то обстоятельство, что ему должны были заплатить за эту работу, он думал исключительно о благе АА. И если мы сами не видим своей выгоды, тем хуже для нас. Мы можем убираться к черту вместе со своим Попечительским советом, а он все равно выступит с этими лекциями.

Мы оказались в затруднительном положении. Нарушив анонимность и воспользовавшись именем АА в собственных целях, наш товарищ начинал по-своему представлять нас в глазах общественности, втягивал нас в рекламный бизнес и мог вызвать религиозные распри.

Это означало, что любой сбившийся с пути член АА мог в любое время и в любом месте поставить под угрозу репутацию нашего сообщества, просто нарушив анонимность и убеждая себя при этом, что он делает это для нашего блага. Мы предвидели, что каждый член АА, занимающийся рекламой, может начать искать коммерческого спонсора, чтобы, используя имя АА, торговать всем на свете, от кренделей до сливового сока.

С этим необходимо было что-то делать. Мы написали нашему товарищу, что у АА тоже есть свобода слова. Мы не станем выступать против него публично, но мы можем гарантировать, что если программа выйдет в эфир, его спонсор получит несколько тысяч писем протеста от членов АА. Наш товарищ ушел из этого проекта.

Но защитные барьеры вокруг нашей анонимности продолжали давать утечку. Некоторые члены АА начали втягивать нас в политику. Они начали делать публичные заявления в адрес законодательных комитетов своих штатов о том, какие изменения хотели бы видеть АА в плане реабилитации алкоголиков, получения денежных средств и смягчения законодательных требований.

Таким образом, некоторые наши товарищи стали лоббистами, с указанием в прессе их полных имен, а часто и с фотографиями. Другие члены АА стали участвовать в первичных рассмотрениях уголовных дел в суде и советовать судьям, кого из правонарушителей-алкоголиков отправить за решетку, а кого послать на исправление к АА.

Затем возникли проблемы с деньгами, связанные с нарушением анонимности. К этому времени большинство членов АА считали, что нам следует перестать устраивать общественные кампании по сбору средств на нужды сообщества. Тем временем образовательная затея моей подруги, инициированная университетской кафедрой, процветала. Она имела совершенно понятную и законную потребность в больших суммах денег. Поэтому она начала кампанию по сбору средств от общественности. Поскольку она была членом АА и продолжала говорить об этом, многие дарители были сбиты с толку. Некоторые думали, что АА работают в области образования. Другие считали, что АА собирают деньги для себя, что на самом деле не соответствовало действительности и шло вразрез с нашими намерениями. Получалось, что имя АА используется для сбора средств в то самое время, когда мы старались объяснить людям, что нам не нужны деньги со стороны. Этот прецедент положил начало многочисленным компаниям по сбору средств, которые вели различные члены АА — сбор денег на содержание сельских реабилитационных центров, общежитий и клубов АА, на организации, действующие в рамках Двенадцатого Шага, и т.п. Этот процесс, в основном, был запущен вследствие нарушения принципа анонимности.

Видя, что происходит, моя подруга, замечательный человек, попыталась вернуть свою анонимность. Поскольку она приобрела очень широкую известность, это оказалось непростой задачей и заняло много лет. Но она принесла эту жертву, и сегодня я хочу от имени всех нас сердечно поблагодарить ее.

Затем мы с удивлением узнали, что оказались втянуты в партийную борьбу, на этот раз ради выгоды одного человека. Стремясь занять выборную государственную должность, один из наших членов в своих политических заявлениях широко афишировал свою принадлежность к АА и, следовательно, свою абсолютную трезвость. Поскольку АА пользовались большой популярностью в его штате, он думал, что это поможет ему победить на выборах.

Пожалуй, лучшая история в этом роде связана с использованием имени АА в судебном процессе против клеветы. Одна женщина из числа наших членов, чье имя и профессиональные достижения известны на трех континентах, получила письмо, которое, по ее мнению, наносило урон ее профессиональной репутации. Она решила, что с этим надо что-то делать, и такого же мнения был ее адвокат, также член АА. Они думали, что если предадут гласности эти факты, то общественность и АА воспылают справедливым гневом. Вскоре на первых полосах нескольких газет появились сообщения о том, что Анонимные Алкоголики полностью поддерживают своего товарища (с указанием полного имени этой женщины) в ее иске против клеветы. Вскоре после этого то же самое повторил известный радиокомментатор, выступая перед своей аудиторией, которая составляла около 12 миллионов человек. Это еще раз показало, что имя АА может использоваться исключительно в личных целях, на этот раз в масштабах всей страны.

В старых архивах, хранящихся в нашей штаб-квартире, есть десятки таких примеров, связанных с нарушением анонимности. Большинство из них приводят к аналогичным выводам.

Они учат нас, что мы, алкоголики, больше всех в мире преуспели в оправдании своих поступков, и что под предлогом оказания большой услуги для АА мы можем, нарушив анонимность, возобновить свою прежнюю разрушительную погоню за личной властью и авторитетом, общественным признанием и деньгами, т.е. потакать тем же непреодолимым стремлениям, которые когда-то совершенно истощили нас и привели к пьянству, тем же силам, которые сегодня раздирают на части всю планету. Более того, эти уроки ясно дают понять, что видные нарушители анонимности в один прекрасный день могут утянуть за собой в этот безвыходный тупик все наше сообщество.

Поэтому мы твердо знаем, что если такие силы когда-либо возобладают в нашем Сообществе, мы исчезнем так же, как исчезали до нас другие сообщества на протяжении истории человечества. Давайте не будем думать, что мы, излечившиеся алкоголики, настолько лучше или сильнее других людей, или что раз с нами ничего не произошло за 20 лет, то и в будущем ничего плохого не случится.

Наша самая большая надежда проистекает из того обстоятельства, что весь наш совместный опыт алкоголиков и членов АА наконец показал нам огромную власть этих сил саморазрушения. Благодаря этим урокам, усвоенным с таким трудом, мы все готовы принести любую персональную жертву ради сохранения нашего драгоценного Товарищества.

Вот почему мы считаем нашу анонимность в контактах с широкой публикой главным средством защиты от нас же самих, средством охраны наших Традиций и главнейшим символом самопожертвования.

Разумеется, никому из членов АА нет необходимости сохранять анонимность в семье, перед друзьями или соседями. Раскрытие анонимности перед ними является оправданным и правильным. Не существует особой опасности и когда мы выступаем на своих групповых собраниях или собраниях с участием общественности при условии, что в последующих отчетах прессы фигурируют только наши имена без фамилий.

Но размещение портретов и раскрытие наших полных имен перед широкой публикой — в прессе, на радио, телевидении, в фильмах, книгах и т.п. — это не для нас. Эти каналы могут и должны быть навсегда перекрыты.

Теперь мы полностью сознаем, что полная и абсолютная личная анонимность перед общественностью так же жизненно необходима для сохранения АА, как полная и абсолютная трезвость необходима для сохранения жизни каждого члена АА. Это решение продиктовано не страхом, но благоразумием, возникшим на основе длительного опыта. Я уверен, что мы прислушаемся к его голосу и будем готовы ради этого к любой личной жертве.

На самом деле, мы уже слушаемся этого голоса благоразумия, и число нарушителей анонимности среди нас сократилось до минимума.

Я говорю об этом с максимальной искренностью, на которую я способен. Я могу говорить об этом, поскольку знаю, каким искушением являются деньги и слава, и поскольку сам некогда был нарушителем анонимности. Я благодарю Бога за то, что много лет назад голос печального опыта и увещевания мудрых друзей помогли мне свернуть с этого пагубного пути, по которому я мог увлечь за собой все наше сообщество! Так я понял, что временная кажущаяся выгода часто может оказаться смертельным врагом вечного добра. Когда речь идет о сохранении сообщества АА, мы должны приложить максимальные усилия и продемонстрировать свои лучшие качества.

Есть еще одна возможная причина, по которой мы хотим сохранять полную анонимность, и которая часто недооценивается. Повторяющиеся нарушения анонимности ради личных целей вовсе не создают нам хорошей рекламы, а наоборот, могут очень испортить прекрасные отношения, которые сейчас сложились у нас с прессой и общественностью. В конечном итоге мы можем получить плохие отзывы в прессе и большое общественное недоверие.

В течение многих лет различные средства массовой информации во всем мире без устали с энтузиазмом превозносили АА. Редакторы объясняют нам, почему так происходит. Они отводят нам столько времени и места, так как твердо уверены в нас. Они говорят, что основанием для столь высокого доверия является наше неизменное требование о сохранении личной анонимности в прессе.

Никогда ранее сотрудники новостных служб и специалисты по связям с общественностью не видели общества, которое отказывается рекламировать имена своих членов или руководителей. Эта непонятная и забавная новизна всегда является для них доказательством, что АА никогда и никого не обманывают, и не прячут никаких корыстных намерений. Они говорят, что именно в этом заключается причина их чрезвычайной расположенности к нам. Вот почему они постоянно продолжают распространять по всему миру идеи АА относительно излечения алкоголиков.

Если же частые нарушения анонимности приведут к тому, что пресса, общественность и наши новые потенциальные члены начнут задаваться вопросами о мотивах наших действий, мы просто потеряем это ценнейшее достояние, а с ним и бесчисленное количество тех, кто нуждается в нас. Это означало бы, что АА получают не больше хорошей рекламы, а больше плохой и меньше хорошей. Такая угроза вполне очевидна. Большинство из нас уже осознают ее, и я совершенно уверен, что вскоре ее поймут и другие.

Воспроизведено с разрешения держателя авторских прав —
АО «АА Грейпвайн»

ПРИЛОЖЕНИЕ «С»

Устав Конференции

Приведенный ниже Устав Генеральной конференции представляет собой совокупность принципов и взаимоотношений, с помощью которых осуществляется функционирование АА в целом.

Сама Конференция не является официально зарегистрированной организацией, и ее Устав не является официальным юридическим документом. Принципы Устава являются традиционными, а его возможность служить целям АА основывается, скорее, на опыте, общепризнанных нормах поведения и практике применения, нежели на строгих юридических обязательствах. Это неформальное соглашение между Анонимными Алкоголиками и их Попечительским советом, которое содержит описание способов и средств, с помощью которых АА может осуществлять свою всемирную деятельность.

Разумеется, отдельные инструменты деятельности Конференции, такие как Генеральный Совет, Всемирный центр обслуживания АА и АО «АА Грейпвайн», являются самостоятельно зарегистрированными, но юридически взаимосвязанными организациями. Такие меры были приняты исключительно для обеспечения возможности распоряжения денежными средствами, заключения необходимых контрактов и эффективного повседневного управления.

В рамках функционирования собственно Конференции назначаются несколько попечителей, директоров и штатных сотрудников, осуществляющих активное руководство деятельностью штаб-квартиры АА; эти члены Конференции имеют определенный круг обязанностей и имеют один голос при решении вопросов голосованием. Так, попечители — это члены Конференции, осуществляющие надзорные функции; руководители и сотрудники Всемирного центра обслуживания АА и «АА Грейпвайн» выполняют, соответственно, свои служебные или редакторские функции.

Традиционно попечители Генерального совета АА сами предлагают имена своих преемников, которые должны быть согласованы и утверждены Конференцией или ее комитетом.

Традиционно, но не юридически, решение, принятое двумя третями голосов присутствующих на Конференции считается обязательным для попечителей или любого подразделения административных служб в

составе Генерального совета АА. Если решение получает простое большинство голосов на Конференции, оно является лишь рекомендуемым для исполнения Генеральным советом АА.

В данный Устав в любой момент могут быть внесены изменения, утвержденные двумя третями голосов членов Конференции.

Конференция имеет право определять и направлять деятельность, связанную с всемирным обслуживанием АА, но она никогда не имеет права контролировать Товарищество Анонимных Алкоголиков или руководить его деятельностью.

Такова сущность Устава Генеральной конференции Анонимных Алкоголиков

Текст Устава приводится ниже.

УСТАВ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АНОНИМНЫХ АЛКОГОЛИКОВ (ДЛЯ США И КАНАДЫ)

1.*Задача*: Генеральная конференция Анонимных Алкоголиков является хранителем сети всемирного обслуживания и Двенадцати Традиций Анонимных Алкоголиков. Конференция должна быть исключительно служебным органом; она ни в коем случае не является руководящим органом сообщества Анонимных Алкоголиков.

2.*Состав*: Конференция (на территории США и Канады) состоит из делегатов округов, попечителей Генерального совета, директоров Всемирного центра обслуживания АА и «АА Грейпвайн», а также штатных сотрудников редакции журнала «АА Грейпвайн» и штаб-квартиры АА.

В других странах иногда могут создаваться другие отделения Конференции, продиктованные языковыми и географическими особенностями этих стран. В этом случае американо-канадское отделение Генеральной конференции станет Главным отделением и будет поддерживать связи с другими отделениями с помощью взаимных консультаций и обмена делегациями.

Но ни одно отделение Конференции никогда не должно становиться руководителем других отделений. Все совместные акции должны осуществляться только после их утверждения двумя третями голосов объединенных представителей всех отделений. Каждая конференция должна быть полностью независимой в рамках своих территориальных границ. Предметом совместного рассмотрения должны становиться только те проблемы, которые могут оказать серьезное воздействие на вопросы всемирного обслуживания АА.

3.*Отношения между Конференцией и АА:* Конференция будет действовать от имени АА с целью сохранения сети всемирного обслуживания и руководства ее деятельностью, а также будет являться механизмом, с помощью которого движение АА сможет выражать свои взгляды по всем насущным вопросам политики АА и мнения в отношении опасных отклонений от Традиций АА. Делегаты должны быть свободны в своем волеизъявлении; они должны также иметь полное право решать, какие вопросы следует выносить для обсуждения на уровне групп или принимать в качестве прямых указаний, или же просто доводить до сведения групп.

Однако никакие изменения не могут быть внесены в Статью 12 Устава или в Двенадцать Традиций АА или в Двенадцать Шагов АА, иначе как с письменного согласия двух третей членов групп АА, в соответствии с резолюцией, принятой Конференцией и Съездом в 1955 г.

4.*Отношения между Конференцией и Генеральным советом АА с его корпоративными службами*: Конференция сменит собой основателей Анонимных Алкоголиков, которые ранее действовали в качестве наставников и советников в отношении Генерального совета и его служебных подразделений. Ожидается, что с этой целью Конференция должна предоставить возможность для широкого обмена мнениями среди членов АА.

Для осуществления этой цели следует понимать, что, следуя традициям, решение, принятое двумя третями голосов присутствующих на Конференции, будет являться обязательным для Генерального совета с его корпоративными службами. Кворум для принятия решений составляет две трети всех членов, зарегистрированных на Конференции.

Однако такое голосование не должно покушаться на законные права Генерального совета и его корпоративных служб в том, что касается их текущей деятельности и поддержания необходимых для этого контактов.

Далее следует понимать, что согласно традициям и независимо от законных прерогатив Генерального совета, двумя третями голосов всех присутствующих на Конференции может быть принято решение о реорганизации Генерального совета и изменении функций руководителей и штатных сотрудников его корпоративных служб в случае, если такая реорганизация будет признана необходимой.

Следуя этой процедуре, Конференция может поставить вопрос об отставке, назначить новых попечителей и осуществить другие необходимые действия независимо от законных прерогатив Генерального совета.

5.*Окружные Ассамблеи — Состав*: Ассамблеи, исполняющие роль окружных ассамблей, состоят из выборных представителей от всех групп АА, пожелавших принять участие в их работе, членов районных комитетов и функционеров окружных комитетов, действующих во всех депутатских округах на территории США и Канады.

Каждый депутатский округ имеет право на созыв одной ассамблеи, однако округа с большим количеством членов АА и/или территории, с которыми трудно поддерживать связь в силу их географического расположения, будут иметь право на созыв дополнительной ассамблеи в соответствии с «Руководством для АА» или возможными последующими дополнениями к данному «Руководству».

6.*Окружные Ассамблеи — Задача*: Окружные ассамблеи созываются раз в 2 года с целью избрания членов окружного комитета, который затем изберет делегатов на Генеральную конференцию Анонимных Алкоголиков. Окружные ассамблеи рассматривают только вопросы, имеющие отношение к всемирному обслуживанию Анонимных Алкоголиков.

7.*Окружные Ассамблеи — Способ избрания членов окружных комитетов и делегатов*: В тех случаях, когда это практически возможно, членов комитета избирают списком с помощью бюллетеней, без голосования по кандидатурам. Делегаты избираются из числа членов комитета с помощью тайного голосования двумя третями голосов или же большинством голосов, согласно «Руководству для АА».

8.*Окружные Ассамблеи — Сроки полномочий представителей групп, членов окружных комитетов и делегатов:* В отсутствие иных указаний от Конференции, эти полномочия должны иметь одинаковую двухлетнюю продолжительность. Примерно в половине округов выборы на ассамблее будут проходить по четным годам, а на остальных ассамблеях — по нечетным годам, что обеспечит ротацию состава Конференции согласно «Руководству для АА».

9.*Заседания Генеральной конференции:* В отсутствие иных договоренностей, Конференция будет ежегодно собираться в Нью-Йорке. В случае возникновения безотлагательной необходимости могут быть созваны внеочередные заседания. Конференция может также в любое время высказать совещательное мнение, которое по почте или по телефону доводится до сведения Генерального совета или служб, входящих в его состав.

10.*Генеральный совет — состав, юрисдикция, обязанности:* Генеральный совет Анонимных Алкоголиков должен представлять собой объединенный попечительский совет, состоящий из алкоголиков и неалкоголиков, которые сами выбирают себе преемников, при условии, что этот выбор будет одобрен Конференцией или ее комитетом. Однако кандидат на пост попечителя от алкоголиков какого-либо региона должен быть сначала выдвинут округами этого региона. Затем этот кандидат должен быть избран на Генеральной конференции двумя третями голосов тайным голосованием или с помощью жребия; в число голосующих входят делегаты от соответствующего региона (1/2 всех голосов), представители Комитета по вопросу попечительства (1/4 всех голосов) и представители Комитета по назначению попечителей (1/4 всех голосов). В случае положительного исхода голосования кандидат считается избранным в состав Генерального совета АА, и попечители по традиции обязаны сделать то же самое. Для кандидатов в попечители, выдвигаемых от округов в США и Канаде, Совет может установить определенные требования к их роду занятий или профессиональной квалификации. В этом случае процедура протекает следующим образом: каждый округ имеет право выдвинуть по одному кандидату или же несколько округов могут совместно выдвинуть кандидатуру единого кандидата, соблюдая процедуру, установленную Третьим Наследием. Комитет по назначению попечителей рассмотрит характеристики всех кандидатов на предмет их соответствия выдвинутым условиям. На Генеральной конференции делегаты от каждого региона проведут предвыборное совещание согласно процедуре, установленной Третьим Наследием, чтобы сократить число кандидатов до одного от каждого региона в США и двух от каждого региона в Канаде. В конечном итоге для финального голосования на Конференции голосующим членам будут предложены не более шести кандидатов в попечители от округов в США и не более четырех кандидатов от округов в Канаде. Голосующими членами на Конференции будут все делегаты от стран (США и Канады), выдвинувших этих кандидатов, и все члены Комитета по назначению попечителей. Затем эти кандидаты избираются в Генеральный совет, и попечители по традиции обязаны сделать то же самое.

Генеральный совет является основным рабочим органом Конференции и, в основном, исполняет попечительские функции.

За исключением решений по вопросам, связанным с политикой, финансами или Традициями АА, способным серьезно повлиять на существование АА в целом, Генеральный совет имеет полную свободу действий в проведении текущей политики и осуществлении деловых операций корпоративных служб АА, и имеет право создавать соответствующие комитеты и выбирать руководителей для входящих в его состав подразделений для выполнения стоящих перед ним задач.

Генеральный совет, в первую очередь, отвечает за соблюдение финансовой и политической дисциплины в его подразделениях: Всемирном центре обслуживания АА, издательстве «АА Грейпвайн» и прочих корпоративных службах, которые могут быть образованы по решению Конференции, но при этом никто не может умалить право редактора «АА Грейпвайн» принимать или отвергать материалы для журнала.

Устав и постановления Генерального совета и любые изменения в них подлежат обязательному утверждению двумя третями голосов всех членов Генеральной конференции.

Ни Генеральный совет, ни одно из его подразделений не должны, за исключением случаев возникновения чрезвычайных обстоятельств, предпринимать какие-либо действия, которые могут оказать серьезное воз-

действие на существование АА в целом, предварительно не посоветовавшись с Конференцией. При этом предполагается, что Совет всегда имеет право решать, какие из его действий или решений могут потребовать одобрения со стороны Конференции.

11.*Генеральная конференция — общие процедуры*: Конференция заслушивает финансовые и политические отчеты Генерального совета и его подразделений. На Конференции происходит согласование с попечителями, директорами и штатными сотрудниками всех представленных на обсуждение вопросов, которые могут повлиять на существование АА в целом, а также ведутся дебаты, происходит образование комитетов и принятие решений, имеющих рекомендательный или обязательный характер для Генерального совета и его подразделений.

Конференция может также обсудить и рекомендовать исправительные меры в случае серьезных отступлений от Традиций АА или неправильного использования бренда АА, наносящего вред Сообществу.

Конференция может разрабатывать проекты любых необходимых постановлений, образовывать комитеты и назначать функционеров, используя для этого любые методы по своему усмотрению.

На закрытии каждой ежегодной сессии Конференция должна предложить проект детального отчета о своей деятельности, который раздается всем делегатам и членам комитетов, а краткая версия отчета рассылается группам АА во всем мире.

12.*Общие гарантии Конференции*: Вся деятельность Генеральной конференции должна соответствовать духу Традиций АА, при этом следует обращать особое внимание на то, чтобы Конференция никогда не стала местом губительной концентрации денег или власти, чтобы разумным принципом финансовой политики было только наличие достаточных оборотных средств и необходимого резерва, чтобы никто из членов Конференции никогда не получил необоснованной власти над кем-либо другим, чтобы все важные решения принимались путем обсуждения, голосования и, по возможности, единодушно, чтобы действия Конференции никогда не носили характер персонального наказания и не были направлены на разжигание противоречий в обществе, чтобы, несмотря на то, что Конференция может действовать во благо служения Анонимным Алкоголикам, она никогда не занималась администрированием, и чтобы, подобно Сообществу Анонимных Алкоголиков, которому она служит, Конференция всегда оставалась демократичной как в теории, так и на практике.

(Данный Устав был единодушно принят на Конференции 1955 года и дорабатывался на последующих Конференциях в 1968, 1969, 1970, 1971, 1974, 1978, 1979, 1986 и 1988 гг.)

ПРИЛОЖЕНИЕ «D»

Речь на вручении премии Ласкера

Американская ассоциация здравоохранения вручает Анонимным Алкоголикам премию Ласкера за 1951 год в знак признания их уникального и чрезвычайно успешного подхода к алкоголизму, который является вековой медицинской и социальной проблемой.

За время своего шестнадцатилетнего существования Анонимные Алкоголики подарили выздоровление более чем 120 тысячам хронических алкоголиков, которые ранее считались безнадежными. Сегодня это всемирное сообщество, насчитывающее 4 тысячи групп в 38 странах мира, ежегодно принимает в свои ряды и излечивает по 25 тысяч человек. Благодаря тому, что алкоголизм объявляется болезнью, стирается социальное клеймо, которое обычно ставят на таких людях.

Деятельность Анонимных Алкоголиков базируется на новаторском подходе, предполагающем, что излечившийся алкоголик, как никто другой, может помочь своему собрату, страдающему от алкоголизма. При этом выздоровевший алкоголик поддерживает собственную трезвость, а человек, которому он помог справиться с этой болезнью, вскоре сам становится врачевателем для следующего новичка, создавая, таким образом, непрерывно расширяющуюся цепную реакцию освобождения от алкоголя, при этом между пациентами сохраняется сплоченность, основанная на общих страданиях, взаимопонимании, что способствует продолжению деятельности ради великой цели.

Это не реформаторское движение, и во главе его нет профессионалов, специализирующихся в этой области. Оно финансируется за счет добровольных пожертвований его членов, которые остаются анонимными. Здесь нет никаких членских взносов, платных врачей, платных профессиональных сотрудников. Оно пользуется благорасположением и зачастую горячей поддержкой со стороны многих групп медицинских и научных работников, что само по себе является немалым достижением для организации, состоящей исключительно из непрофессионалов.

Возможно, когда-нибудь историки назовут Анонимных Алкоголиков обществом, которое не просто добилось значительного успеха в борьбе с алкоголизмом и его социальными последствиями, но также признают их великое начинание передовой социальной инициативой, выковавшей новый инструмент для общественных действий, и признают, что они создали новую методику, основанную на общих страданиях, которая обладает огромным потенциалом для лечения других бесчисленных страдальцев во всем мире.

ДОКЛАДЫ ОБ АНОНИМНЫХ АЛКОГОЛИКАХ

ПРИЛОЖЕНИЕ «E:a»

Новый подход к психотерапии хронического алкоголизма

У.Д. Силкуорт, врач,
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

(Первый из когда-либо написанных медицинских докладов об АА. Перепечатка из журнала «Journal-Lancet», июль 1939 г., Миннеаполис, штат Миннесота)

Зарождение и дальнейшее развитие нового подхода к проблеме стойкого излечения от хронического алкоголизма уже дают замечательные результаты и большие надежды на будущее. Это утверждение основано на четырехлетнем опыте личного наблюдения. Поскольку этот подход возник в рядах самих больных алкоголизмом, и они в значительной степени сами осмысливают и пропагандируют его, мне представляется, что об этом новом методе лечения можно говорить открыто и объективно.

Центральная идея заключается в создании сообщества бывших алкоголиков, мужчин и женщин, которые объединяются для взаимопомощи. Каждый член сообщества считает своим долгом помочь встать на ноги алкоголикам-новичкам. Те, в свою очередь, будут работать с другими алкоголиками, образуя, тем самым, бесконечную цепь. Поэтому существует огромная возможность для дальнейшего роста. Например, в одном населенном пункте в сентябре 1935 г. это товарищество насчитывало всего трех человек, но 18 месяцев спустя эти трое сумели помочь еще семерым. Впоследствии эта десятка расширилась до девяноста членов.

Однако движущая сила этого движения и гармония, столь необходимая для достижения успеха, проистекают не только из чувства долга. Еще один мощный фактор — это инстинкт самосохранения. Эти бывшие алкоголики зачастую осознают, что смогут сами оставаться трезвыми, только если будут помогать другим обрести трезвость. Трудная, почти жертвенная работа во благо других страдальцев часто является

абсолютно необходимой для бывших алкоголиков в первое время после выздоровления. Эта деятельность базируется исключительно на добровольной основе. Это является любимым занятием. Здесь нет ни обязательных взносов, ни поборов, и эти люди даже не являются организацией в обычном смысле этого слова.

В настоящее время число бывших алкоголиков обоих полов, за которыми я наблюдаю, составляет около 100 человек. Одна группа разбросана вдоль Атлантического побережья, с центром в Нью-Йорке. Другая, несколько более многочисленная группа, находится на среднем западе. Это люди различных занятий, хотя среди них преобладают бизнесмены и люди умственного труда. Отсутствие эгоизма, бесконечная готовность этих людей помогать друг другу, всеобщая атмосфера демократичности, терпимости и душевного равновесия поражают всех, кто хоть что-то знает об особенностях характера алкоголиков. Однако эти наблюдения не могут дать достаточного объяснения, почему столь многим закоренелым пьяницам удается сохранять трезвость и снова вернуться к нормальной жизни.

В принципе, ответ сводится к следующему: Каждый бывший алкоголик пережил и сохраняет в себе важный духовный или «религиозный» опыт. Этот так называемый «опыт» вызывает заметные личностные изменения. В случае успеха всегда происходит радикальная перемена взглядов, отношения к внешнему миру и характера мыслей; иногда это происходит с поразительной быстротой, и почти во всех случаях изменения становятся заметными в течение нескольких месяцев, а иногда и раньше.

То, что хронические алкоголики иногда излечиваются с помощью религии — это давным-давно установленный факт. Но такие случаи выздоровления были единичными, их число было недостаточным или же они были не слишком впечатляющими, чтобы проложить путь к решению проблемы алкоголизма в целом.

Сознательные поиски правильного ответа со стороны бывших алкоголиков помогли им найти подход, который является эффективным примерно в половине всех случаев. Это поистине замечательное достижение, если вспомнить, что большинство из них совершенно не поддавались лечению другими средствами.

Если не вдаваться в излишние психологические детали, то этот новый подход можно охарактеризовать следующим образом:

1.Бывшие алкоголики достигают больших успехов благодаря тому обстоятельству, что, как они неоднократно с успехом демонстрировали, один алкоголик может добиться доверия со стороны другого алкоголика таким путем и в такой степени, какие практически недостижимы для постороннего человека, не являющегося алкоголиком.

2.Полностью поставив себя на место своих подопечных, поведав им о собственных симптомах и поведении, рассказав какие-то забавные ис-

тории и т.д., эти люди подводят пациента к выводу о том, что если он серьезно болен алкоголизмом, то единственная оставшаяся ему надежда — это обращение к духовному опыту. Они рассказывают о собственных случаях и приводят мнение медиков в доказательство своих слов. Если пациент настаивает, что его болезнь еще не столь серьезна, они советуют ему попытаться сохранять трезвость собственными силами. Однако, как правило, пациенты сразу же соглашаются. В противном случае их часто удается переубедить после нескольких болезненных рецидивов.

3.После того, как пациент сознается в собственном бессилии, перед ним встает серьезная дилемма. Он начинает ясно понимать, что ему необходим духовный опыт, если он не хочет, чтобы алкоголь уничтожил его окончательно.

4.Эта дилемма вызывает кризис в жизни пациента. Он оказывается в ситуации, которую, по его мнению, невозможно разрешить обычными человеческими способами. Его поставил в такое положение другой алкоголик, который сумел выздороветь благодаря обретению духовного опыта. Это особая способность воздействия на алкоголика со стороны выздоровевшего алкоголика составляет основной секрет небывалого успеха, которого добиваются эти мужчины и женщины. Они могут проникать в сознание и убеждать так, как не удается ни врачам, ни священнослужителям. При таких обстоятельствах пациент обращается к религии абсолютно добровольно и с готовностью, не противясь, принимает простые истины, которые предлагает религия. При этом он становится способен не просто воспринять набор религиозных догм; он претерпевает глубокие умственные и духовные перемены, характерные для религиозного «опыта» (см. «Многообразие религиозного опыта» У. Джеймса). Тогда у пациента возрождается надежда и его воображение вдохновляется идеей вступить в группу бывших алкоголиков, где он сможет спасать жизни и семьи тех, кто испытывает такие же страдания, как ранее он сам.

5.Товариществу абсолютно безразлично, каким именно путем человек обретает духовный опыт, лишь бы он захотел вручить свою жизнь и решение своих проблем своему Создателю. Человек может представлять себе Бога в абсолютно любом обличье. Не прилагается никаких усилий, чтобы обратить его в ту или иную веру или конфессию. В группе присутствуют представители многих вероисповеданий, и между ними царит величайшая гармония. Особо подчеркивается тот факт, что товарищество не принадлежит ни к какой определенной церкви, и что пациент абсолютно свободен следовать собственному велению сердца. Нет никаких признаков агрессивного евангелизма.

6.Если пациент выказывает готовность двигаться дальше, ему предлагается сделать ряд вещей, которые являются абсолютно правильными с психологической, моральной и религиозной точек зрения, независимо от конфессии:

а. Произвести моральную оценку собственной личности и честно обсудить ее результаты с компетентным человеком, которому он доверяет.

б. Попытаться наладить личные отношения с окружающими, по возможности исправив то зло, которое он мог причинить им в прошлом.

в. Ежедневно, а если надо, то и ежечасно препоручать себя заботам и наставлениям Господа, прося Его даровать твердость.

г. По возможности, еженедельно посещать собрания членов товарищества и активно помогать новичкам.

Такова вкратце процедура лечения. Манера ее представления может существенно меняться в зависимости от особенностей индивидуального подхода, но ее основные элементы всегда практически одинаковы. Когда этот способ предлагается бывшим алкоголиком, он действует с необычайной силой. Для того чтобы полностью оценить его возможности, надо видеть его в действии и знать состояние этих пациентов до и после произошедших с ними перемен.

Учитывая наличие религиозного фактора, можно ожидать присутствия нездоровой эмоциональности и предубеждений. Однако в действительности дело обстоит совсем не так; напротив, существует моментальная готовность отказаться от старых методов ради новых, которые дают гораздо лучшие результаты. Так, например, довольно рано удалось выяснить, что наименее эффективным является подход к алкоголику непосредственно через его семью или друзей, особенно если пациент в данное время сильно пьет. Поэтому бывшие алкоголики часто настаивают, чтобы пациентом сначала занялся врач и поместил его в больницу, если это возможно. Без госпитализации и правильной медицинской помощи пациенту может угрожать наступление белой горячки, отек мозга или другие осложнения. После нескольких дней воздержания от алкоголя, в течение которых пациент пройдет полную детоксикацию, врач поставит перед ним вопрос о полном и постоянном отказе от употребления алкоголя, и если пациент проявит заинтересованность, тактично познакомит его с членом группы бывших алкоголиков. К этому времени пациент уже в состоянии владеть собой, может мыслить логически, и к нему можно попытаться ненавязчиво применить вышеуказанный подход, не прибегая к помощи членов семьи или друзей. Таким образом были вылечены более половины членов этого товарищества. Члены группы единодушно считают, что в большинстве случаев госпитализация является желательной и даже необходимой.

Что же произошло с этими мужчинами и женщинами? В течение многих лет врачи практикуют методы, в какой-то степени напоминающие описанный выше. Их старания направлены на то, чтобы вызвать пациента на доверительный разговор, способствующий объективному самоанализу. Указывается на то, что он должен суметь приспособиться

к окружающему. Необходимо его доверие и сотрудничество. Цель состоит в том, чтобы заставить пациента «раскрыться» и найти кого-то, кому он мог бы поведать о своем безвыходном положении.

В большинстве случаев группа, состоящая из алкоголиков, добивается этих же целей, так как их простые, но действенные средства, очевидно, действуют эффективнее других методов лечения по следующим причинам:

1. Благодаря наличию у них собственного алкогольного опыта и успешного избавления от алкогольной зависимости они пользуются большим доверием у пациентов.

2. Благодаря этому изначальному доверию и сходному опыту, а также тому, что разговор идет на моральные и религиозные темы, пациент рассказывает о себе очень подробно и дает себе честную оценку. Он перестает быть одиноким и находит рядом с собой товарищей, с которыми может обсуждать свои проблемы по мере их возникновения.

3. Благодаря существованию братства бывших алкоголиков наш пациент также может спасти других алкоголиков от саморазрушения. Пациент одновременно приобретает идеал, любимое занятие, требующее, впрочем, напряженных усилий, а также социальную жизнь в кругу других бывших алкоголиков и членов их семей. Это очень мощные факторы, помогающие пациенту полностью раскрыться.

4. Поскольку вокруг много объектов доверия для пациента, он может обращаться к отдельным людям, изначально вызвавшим его доверие, к группе бывших алкоголиков в целом или же к Богу. Необходимо отметить, что религиозный фактор с самого начала имеет наиважнейшее значение. Новичкам не удается сохранять трезвость, когда они пытаются следовать этой программе, но не обращаются к Богу, или, по крайней мере, к Силе более могущественной, чем они сами и группа вместе взятая.

Представляет интерес психологическое отношение этих людей к алкоголю. Большинство отмечает, что у них редко возникает искушение выпить, а если все же возникает, у них есть против этого сильная и надежная защита. В качестве примера можно привести историю одного из пациентов этой больницы, который был очень серьезно болен, но у которого больше не было рецидивов после обретения им «опыта» четыре с половиной года назад.

Вскоре после того, как я обрел свой опыт, я понял, что получил ответ на свою проблему. В течение примерно трех лет, до декабря 1934 г., я выпивал по две, а иногда и три бутылки джина в день. Даже в короткие периоды трезвости я не переставал думать об алкоголе, особенно когда вспоминал о доме, где у меня были припрятаны бутылки на каждом этаже. Вскоре после выхода из больницы я начал работать с другими алкоголиками. Размышляя об их проблемах, я также много думал об алкоголе

и даже думал, не принести ли мне с собой бутылку в кармане, чтобы облегчить их жестокое похмелье. Однако с того самого момента, как я пережил собственный духовный опыт, мысль о том, чтобы выпить самому, почти не приходила мне в голову. У меня было такое чувство, что я обрел нейтралитет. Мне не приходилось бороться с собой, чтобы воздержаться от употребления алкоголя. Это проблема была снята, она просто перестала для меня существовать. В моем случае это новое состояние пришло само собой и сразу. Через полтора месяца после моего выхода из больницы жена попросила меня достать один из предметов кухонной утвари, стоявший там на полке. Когда я потянулся за ним, моя рука наткнулась на бутылку, в которой еще оставалось спиртное. Я с удивлением и благодарностью осознал, что за последние недели мысль об алкоголе, хранящемся у меня в доме, ни разу не пришла мне в голову. Помня о том, насколько сильно алкоголь занимал мои мысли раньше, я могу назвать это не иначе, как чудом. За последние четыре года, что я остаюсь трезвым, мысль о том, чтобы выпить всего несколько раз серьезно приходила мне в голову. Каждый раз моей реакцией на нее был страх, вслед за которым приходило успокоение, которое я получал, благодаря вновь обретенной способности мыслить логически, общаться с другими алкоголиками или же ненадолго предаваться молитвам и медитации. Теперь у меня есть надежная защита от алкоголизма, которая сохранится, пока я буду держать себя в хорошей духовной форме, что я с радостью стараюсь делать.

Еще один интересный пример реакции на искушение я получил от своего бывшего пациента, который не пьет уже три с половиной года. Как и большинство таких людей, он не поддавался психиатрическим методам воздействия. Вот что он рассказывает:

Хотя я не пью уже несколько лет, у меня все еще случаются периоды глубокой депрессии и раздражения. Я живу на ферме, и иногда по нескольку недель не общаюсь с группой бывших алкоголиков. В один из таких периодов я пришел в ярость из-за пустяковой домашней проблемы. Я сознательно решил напиться, и в этом намерении зашел так далеко, что отнес кучу еды в свой гостевой домик, собираясь запереться там после того, как съезжу в город за алкоголем. Я сел в машину и поехал по дорожке, все еще кипя от ярости. Доехав до ворот, я остановил машину, так как внезапно почувствовал, что не могу осуществить свою затею. Я сказал себе: «По крайней мере, надо быть честным перед женой». Я вернулся в дом и объявил ей, что собираюсь поехать в город и напиться. Она спокойно посмотрела на меня, не говоря ни слова. Ту я осознал абсурдность происходящего и рассмеялся. Искушение прошло. Теперь у меня есть защита, которая работает. До того, как я обрел духовный опыт, я бы никогда не смог отреагировать подобным образом.

В целом свидетельства членов товарищества можно подытожить следующим образом: по большей части, эти мужчины и женщины теперь безразличны к алкоголю, но когда им приходит в голову мысль о выпивке, они реагируют на нее здраво и резко отрицательно.

Это сообщество алкоголиков надеется распространить свою деятельность на всю территорию страны и сделать так, чтобы их методы и ответы на проблемы стали известны каждому алкоголику, мечтающему об исцелении. В качестве первого шага они подготовили книгу под названием «Анонимные Алкоголики». Это большая книга объемом 400 страниц, где подробно, ясно и убедительно описываются их методы и опыт работы. Половина книги представляет собой текст с описанием подхода, который должен выработать в себе алкоголик, и конкретных шагов, с помощью которых он может добиться собственного выздоровления. Затем следуют подробные инструкции относительно того, как войти в контакт с другими алкоголиками и начать работать с ними. Две главы посвящены отношениям в семье, а одна предназначена для работодателей, т.е. для людей, окружающих больного. Большой убедительной силой отличается глава, адресованная агностикам, какими были большинство из нынешних членов сообщества. Особый интерес для врачей представляет глава о психологических аспектах алкоголизма, как это представляется самим алкоголикам.

Эти бывшие алкоголики намереваются установить личные контакты с теми, кому поможет эта книга, и тем самым способствовать появлению новых центров. Опыт показывает, что как только в каком-либо населенном пункте появляются три-четыре активиста, дальнейший рост товарищества неизбежен, по той простой причине, что каждый его член понимает, что ради своего же блага он должен непременно работать с другими алкоголиками.

Будет ли это движение распространяться дальше? Будет ли их выздоровление стойким? Никто не может этого сказать. Но мы в своей больнице на основании наблюдений за многими больными хотим выразить свое мнение и уверенно ответить «Да» на оба этих вопроса.

ПРИЛОЖЕНИЕ «E:b»

Терапевтический механизм деятельности Анонимных Алкоголиков[1]

Гарри М. Тьебу, врач,
Гринвич, штат Коннектикут

(Официальная перепечатка из «Американского журнала психиатрии» за январь 1944 г. Первая работа д-ра Гарри, посвященная Анонимным Алкоголикам. В конце этого доклада упоминаются три его работы последнего времени)

Анонимные Алкоголики — это название группы бывших алкоголиков, успешно борющихся с алкоголизмом с помощью терапевтической программы, которая включает в себя определенные религиозные элементы. Группа появилась благодаря усилиям одного человека — назовем его «мистер Х», который в 1934 г. сумел решить свою алкогольную проблему с помощью собственного религиозного опыта. Ему удалось облечь этот опыт в слова, имеющие глубокий смысл и для других. С тех пор многие алкоголики сумели обрести трезвость, используя этот подход.

Деятельность Анонимных Алкоголиков складывается из трех аспектов. Во-первых, члены группы собираются еженедельно, делятся опытом и обсуждают свои проблемы. Во-вторых, всем настоятельно рекомендуется прочитать книгу «Анонимные Алкоголики», где излагаются основные принципы этого сообщества; эту книгу необходимо прочитать, чтобы понять принцип действия их реабилитационной программы. В-третьих, члены АА работают с новичками, только что пришедшими в группу. Помощь другим приносит двойную пользу: это не только поддержка новичка в его первых шагах, но и поддержка для наставника, т.к. помогает ему самому сохранять трезвость.

По данным штаб-квартиры АА в Нью-Йорке деятельность АА характеризуется следующими показателями:

[1] Доклад сделан на 99-ом ежегодном заседании Американской психиатрической ассоциации, которое проходило в Детройте, штат Мичиган, 10–13 мая 1943 г.

5 выздоровевших к концу 1-го года;
15 выздоровевших к концу 2-го года;
40 выздоровевших к концу к концу 3-го года;
100 выздоровевших к концу 4-го года;
400 выздоровевших к концу 5-го года;
2000 выздоровевших к концу 6-го года;
8000 выздоровевших к концу 7-го года.

Анонимные Алкоголики утверждают, что процент выздоровления среди тех, кто по-настоящему использует эту методику, составляет 75%. Эта цифра в сочетании с очень высокими темпами распространения АА вызывает уважение и требует объяснения.

Я вполне разделяю моральные ценности этого товарищества, знаю о поддержке, которую извлекает каждый член группы из собственной помощи новичкам, и об общей атмосфере надежды и воодушевления, которую создает каждый успешный случай излечения больного, но считаю все эти элементы дополнительными по отношению к главной исцеляющей силе, каковой является религия. Я надеюсь, что это открытие, к которому я пришел в результате многих продолжительных бесед с мром X, станет понятным к концу данного доклада.

Мое первое знакомство с этой группой произошло благодаря 34-летней женщине, которая в течение нескольких месяцев была моей пациенткой в Блитвуде. Она была хроническим алкоголиком с многолетним стажем и, несмотря на свой интеллект, семейное положение и былые успехи, опустилась буквально на самое дно и в итоге осталась без гроша в кармане. Несмотря на то, что она отчаянно хотела выздороветь, как ни один другой пациент, и оказывала мне полное содействие в осуществлении лечения, результаты были совершенно неудовлетворительными. В конце концов, стало ясно, что она обладала особой структурой характера, которая оставалась непоколебимой, несмотря на все ее и мои усилия, что и обусловливало неудачу в лечении. Однажды мне в руки попал экземпляр книги «Анонимные Алкоголики», которая тогда еще даже не была издана типографским способом. Прочитав ее, я обнаружил в ней очень точное описание проблемы, которую я наблюдал в характере моей пациентки. Пытаясь немного встряхнуть ее, я дал ей эту книгу. К моему удивлению, книга произвела на нее такое глубокое впечатление, что она договорилась о встрече с Анонимными Алкоголиками и вскоре стала активным и очень успешным членом этой группы. С еще большим удивлением я обнаружил, что по мере усвоения ею этой программы, структура ее характера, ранее блокировавшего любую помощь, претерпела такие основательные изменения, что теперь его владелица могла оставаться трезвой.

На моих глазах произошло нечто такое, что невозможно было ни оспорить, ни объяснить простым совпадением. Передо мной встал вопрос: Что же произошло? Я отвечаю на него следующим образом: пациентка обрела религиозный или духовный опыт. Однако такой ответ не слишком-то проливал свет на проблему, и только гораздо позже я пришел к пониманию его истинного смысла.

Прежде чем пытаться объяснить, как я пришел к пониманию важности религиозного фактора, необходимо поговорить о структуре характера, претерпевающей полное изменение. Несмотря на многие работы, где утверждается обратное, сегодня растет понимание определенных общих качеств, обычно присущих алкоголикам, за исключением случаев, явно обусловленных психическим состоянием. Для так называемого типичного алкоголика характерно присутствие нарциссического эгоцентрического ядра, где доминируют чувство собственного всемогущества и намерение любой ценой сохранить свою внутреннюю неприкосновенность. Эти качества встречаются и при других расстройствах, но у подавляющего большинства алкоголиков они присутствуют почти в чистом виде. Как отметил недавно д-р Силлман на основании результатов наблюдения за целым рядом пациентов, ему не удалось определить общую структуру характера у «проблемных» алкоголиков, стремящихся уйти от эмоционального стресса, поэтому он использовал такие определения как «непримиримая индивидуальность» и «претенциозность» в качестве наиболее подходящих для комплексного описания ряда качеств, присущих таким алкоголикам. Мне кажется, это очень точные определения. Алкоголик в душе не выносит никакого контроля со стороны людей или Бога. Он, алкоголик, сам является хозяином своей судьбы и должен оставаться им впредь. Он будет отстаивать эту точку зрения, во что бы то ни стало.

Учитывая более или менее постоянное присутствие подобных черт характера, легко понять, почему такому человеку трудно признать примат Бога и религии. Религия, которая требует от человека признать существование Бога, противоречит самой природе алкоголика. Но с другой стороны, и это самый основной момент в моем докладе, *если* алкоголик сможет *по-настоящему признать* существование Силы более могущественной, чем он сам, то уже тем самым он вносит изменение (хотя бы временное, но, возможно, и постоянное) в свою глубинную внутреннюю структуру, а когда он сделает это без сопротивления или борьбы, он уже более не будет являться типичным алкоголиком. Самое странное то, что если в алкоголике будет сохраняться это внутреннее чувство признания Бога, он может и будет оставаться трезвым до конца своей жизни. В глазах его семьи и друзей он обрел религию! В глазах психиатров это является формой самовнушения, или называй-

те это как хотите. Независимо от того, что же на самом деле произошло в душе алкоголика, отныне он может оставаться трезвым. Такова точка зрения Анонимных Алкоголиков, и я полагаю, что она подкрепляется фактами.

Давайте вернемся к случаю с моей пациенткой и попытаемся описать ее состояние после ее знакомства с Анонимными Алкоголиками. Изначально она полностью соответствовала вышеприведенному описанию структуры характера алкоголика. После того, как она попала под влияние Анонимных Алкоголиков, личностные изменения в ней стали очевидными. Агрессивность ощутимо уменьшилась, исчезло чувство дисгармонии с окружающим миром, а вместе с ним исчезла и подозрительность к другим людям и мотивам их поведения. Появилось ощущение мира и покоя, с реальным снижением внутреннего напряжения; черты ее лица смягчились, и оно стало добрее. Жесткое внутреннее ядро постепенно изменилось настолько, что пациентка смогла оставаться трезвой в течение пяти лет.

Какова природа опыта, полученного у Анонимных Алкоголиков и оказавшего столь сильное воздействие на эту пациентку? Очевидно, каким-то образом произошло пробуждение религиозных или духовных сил. М-р Х отмечает, что успех группового воздействия на любого пациента зависит от того, насколько сильной будет его внутренняя трансформация или степень духовного пробуждения. Его собственный опыт носил чрезвычайно мощный, захватывающий характер и извлек его из трясины уныния, вознеся к вершинам восторженной радости и счастья, и в таком состоянии он оставался в течение нескольких часов. Затем на смену ему пришло чувство спокойствия, умиротворения и глубокого убеждения, что он освободился от пут алкоголя. Он утверждает, что около 10% тех, кто приходит к Анонимным Алкоголикам, накануне этого пережили такое же состояние. Остальные 90%, которым удается обрести трезвость, приходят к аналогичному результату медленно и постепенно, развивая духовную сторону своей личности посредством ряда специальных шагов, указанных в вышеупомянутой программе. Исходя из опыта, накопленного Анонимными Алкоголиками, скорость духовного пробуждения не является показателем глубины или бесповоротности исцеления. Начальный религиозный толчок, каким бы малым он ни был, кладет начало процессу, а программа АА помогает довести его до успешного завершения.

Что же, в таком случае, представляет собой духовное пробуждение? Здесь нам опять может помочь личный опыт м-ра Х. Примерно до 40 лет он был очень способным, энергичным и инициативным человеком, но постепенно алкоголь связал его по рукам и ногам. В течение пяти лет или более того он безуспешно пытался противостоять собственной деградации. За 2 недели до его последнего поступления в клинику его посетил бывший хронический алкоголик, обретший трезвость по методу Фрэнка Бучмана. М-р Х безуспешно пытался воспользоваться учением своего друга и, в конце концов, решил лечь в известную наркологическую клинику, где он надеялся прочистить свои мозги от алкоголя и получить возможность опробовать идеи своего друга по собственной системе, когда он будет свободен от воздействия алкоголя. Он был подавлен, измучен тщетной борьбой и находился в отчаянии. Он был готов пробовать любые методы лечения, так как знал, что альтернативой является помещение в государственную больницу и жизнь в состоянии постоянного безумия. В первый же вечер пребывания м-ра Х в клинике к нему снова пришел его друг и снова подробно изложил те принципы, которые, по его мнению, помогли ему выздороветь. После его ухода м-р Х впал в еще более глубокую депрессию, которую он описывает как «глубокое чувство меланхолии и полной безнадежности». Находясь в этой душевной агонии, он внезапно выкрикнул: «Если Бог существует, пусть Он явится мне сейчас!» И с этой мольбы начался его религиозный опыт. М-р Х отмечает, и, по-моему, совершенно справедливо, что только тогда, когда к нему пришло полное смирение, он сумел обратиться к Богу за помощью, которая была ему дарована.

Иными словами, исходя из опыта м-ра Х, религиозное или духовное пробуждение начинается тогда, когда человек перестает надеяться на собственное всемогущество. Непокорная личность отказывается от вызывающего поведения и принимает помощь, руководство и контроль со стороны. И по мере того, как человек освобождается от негативного и агрессивного отношения к себе и к жизни, он переполняется такими чрезвычайно позитивными чувствами, как любовь, дружелюбие, умиротворенность и глубокое удовлетворение, что является полной противоположностью прежнему беспокойству и раздражительности. Важным фактором является то, что в этом новом душевном состоянии у человека больше нет никаких стимулов к пьянству.

Еще более глубокое понимание феномена духовных перемен пришло ко мне благодаря другому пациенту, о котором я хочу сейчас рассказать. Этому человеку немногим за сорок, он из богатой семьи, где был младшим из нескольких детей, очень избалованным своей матерью, страдавшей неврозами и ипохондрией. Он начал пить еще в юности. Почти сразу же он приучился прибегать к алкоголю для решения своих проблем с обществом, и с годами эта зависимость стала все более выраженной. В конце концов, после одного продолжительного запоя он был помещен в Блитвуд.

Он был чрезвычайно восприимчивым пациентом, с готовностью признавал свою алкогольную зависимость и быстро заинтересовался Ано-

нимными Алкоголиками. Пробыв у нас около месяца, он выписался с убеждением, что справился со своей проблемой. Однако вскоре он вновь начал попивать, а спустя четыре месяца снова поступил к нам после продолжительного запоя. Он опять с готовностью вступал в беседы, но теперь было ясно, что настоящая борьба еще впереди, и что это такая же борьба, которую вела первая из описанных мной пациентов. Отмеченные выше черты создавали непреодолимый барьер для лечения.

В течение недель, пока мы с ним разговаривали об этих барьерах, пациент снова начал украдкой попивать и, в конце концов, ушел в настоящий запой. Для купирования запоя он опять был помещен в Блитвуд. Как это обычно бывает со всеми алкоголиками, протрезвев, он был переполнен раскаянием, чувством вины и глубокого унижения. Крайности собственного поведения смяли эту непокорную личность и, находясь в таком состоянии, он был абсолютно уверен, что больше не возьмет в рот ни капли. Однако на третий день после выхода из запоя, он сказал во время нашей беседы, что мне надо бы принять какие-нибудь меры против «этого», а когда я спросил, что он подразумевает под «этим», он ответил: «На меня накатывает прежнее чувство. Я чувствую, как закрываюсь от Вас, и это случилось только что». Его безразличие к собственной проблеме, вызывающая самоуверенность, полное отсутствие подлинного смирения и чувства вины — все эти черты, которые у него ассоциировались с настроением, приводящим к запою, снова возвращались и вытесняли чувства, мысли и даже ощущения, которые переполняли его, когда он вышел из последнего запоя. Он знал, что если эти чувства окончательно вернутся и возобладают внутри него, то рано или поздно он снова уйдет в запой. Он понимал, что ему необходимо каким-то образом удержать в себе тот настрой, который был в нем сразу после выхода из запоя.

На следующий день он начал наш разговор с заявления: «Док, у меня получилось». Затем он рассказал о том, что пережил прошлой ночью. За неимением лучшего термина, я назову это переживание «психологическим пробуждением». А случилось то, что совершенно внезапно к нему вдруг пришло правильное осознание собственной личности. Это произошло около 11 часов вечера, и затем он лежал без сна до 4 часов утра, пытаясь привыкнуть к этим новым открытиям и прозрениям относительно себя самого.

События, которые произошли с ним за эти пять часов, не очень легко реконструировать, однако они представляли собой величайшее переживание в жизни этого пациента и привели его к правильной оценке себя как алкоголика. Более того, впервые в жизни он взглянул на свое привычное поведение со стороны и почувствовал, каким человеком он должен стать, если сможет оставаться трезвым. Еще не осознавая этого

в тот момент, он перешел от полностью эгоцентричного субъективного восприятия к объективному зрелому осознанию себя и своего отношения к жизни.

Глядя назад, становится ясно, что пациент осознал свою эгоцентрическую сущность. Впервые он сумел пробиться через барьер собственных умопостроений и защитных реакций и понять, что раньше он всегда ставил себя на первое место. Он буквально не отдавал себе отчета в существовании других людей, если они непосредственно не затрагивали его интересов. Ему никогда не приходило в голову, что у них тоже есть своя жизнь, похожая, но и отличная от него. Теперь же он больше не ощущал себя всесильным человеком, для которого весь мир сосредоточен только на нем одном. Вместо этого он смог увидеть себя по отношению к этому миру и понять, что он всего лишь маленькая частичка вселенной, населенной многими другими индивидуумами. Он мог делить жизнь с другими. Ему больше не надо было доминировать и бороться за сохранение господствующего положения. Он мог расслабиться и не переживать.

Его новые взгляды лучше всего описать его собственными словами. Он сказал так: «Док, Вы знаете, я всю жизнь был обманщиком и не подозревал об этом. Я думал, что интересуюсь людьми, но в действительности, это было не так. Я не думал о своей матери как о больном человеке. Я даже не понимал, что она может страдать как личность; я думал только о том, что будет со мной, когда ее не станет. Люди называли меня преданным сыном и ставили в пример, и я верил им. Но на самом деле все было не так. Мне всего лишь хотелось, чтобы она оставалась рядом, потому что в ее присутствии мне было легче. Она никогда не критиковала меня, и с ней я всегда чувствовал, что любой мой поступок был хорошим».

Благодаря этим прозрениям он по-новому взглянул на свои прежние отношения с людьми. В связи с этим он заметил: «Вы знаете, я становлюсь ближе к людям. Иногда у меня получается думать о *них*. И еще мне стало легче в их присутствии. Возможно, это оттого, что я больше не считаю, будто они действуют против меня, так как я больше не чувствую, что должен противостоять им. Я теперь думаю, что, может быть, они по-настоящему любят меня».

Можно процитировать и другие открытия, сделанные им относительно себя и своих отношений с окружающим миром, но они лишь снова подтвердят, что впервые за всю жизнь этого пациента у него появилось по-настоящему позитивное мышление. Однако переход к объективности — это лишь полдела. В связи с этим переходом произошло не менее разительное изменение преобладающего эмоционального тона ощущений. Слова, которыми этот пациент описывал свой новый психо-

логический настрой, напоминали описание своего духовного опыта м-ром Х: «Я чувствую себя превосходно, но не так, как при употреблении алкоголя, совсем по-другому. Я чувствую себя спокойным, не волнуюсь, и мне не хочется суетиться. Я теперь согласен никуда не рваться, и не собираюсь ни о чем беспокоиться. Я нахожусь в расслабленном состоянии, но чувствую, что могу лучше справляться с жизнью, чем когда-либо раньше». Затем он продолжал: «Я по-другому отношусь к Богу. Я согласен думать, что Кто-то наверху управляет вещами, которыми не хочу управлять я сам. По сути, я даже рад, что ощущаю присутствие Всевышнего, который может присмотреть за всем. Возможно, это что-то вроде религиозного чувства, о котором все говорят. Что бы это ни было, я надеюсь, оно никуда не исчезнет, потому что мне еще никогда в жизни не было так спокойно».

Это утверждение пациента демонстрирует его изменившееся отношение к Богу, а также то, что он осознает факт прекращения своих усилий по сохранению собственной индивидуальности, и что теперь он может расслабиться и наслаждаться жизнью тихо, но с огромным удовольствием. Он признает, что такие чувства имеют явно религиозную окраску, и его оценка была верной, потому что ему удается сохранять трезвость уже около года. Переход к объективности и изменение эмоционального тона ощущений оказались именно тем, что ему требуется для сохранения трезвости. Несмотря на то, что этот период трезвости пока относительно короток, пациент чувствует под ногами гораздо более твердую почву. Прежде в периоды трезвости он постоянно боролся с желанием выпить. Сейчас в его душе царит полный покой, так как он знает, что от него требуется для сохранения трезвого образа жизни.

Я привел этот случай, поскольку он демонстрирует возможность очень быстрой психологической переориентации человека, в результате которой совершенно меняется его жизненный уклад и взгляды на жизнь. Можно задаваться вопросом относительно долговечности этих изменений, но нельзя подвергать сомнению факт обретения духовного опыта.

Еще более важным обстоятельством в рамках данного доклада является то, что пациент, обретший такой духовный опыт, использовал те же слова для описания своих новых ощущений, что и м-р Х при описании своего религиозного опыта, и другая моя пациентка после того, как с ней начали работать активисты из Анонимных Алкоголиков. М-р Х сообщил мне, что из тех 10 процентов, у которых происходит быстрое пробуждение, некоторые достигают его на базе подлинно религиозного переживания, а другие — в результате захватывающего психологического переживания, как это произошло с моим пациентом. Остальные 90 процентов приходят к тому же результату постепенно, как та

моя пациентка. Независимо от того, каким путем был достигнут результат, представляется бесспорным, что в конечном итоге все обретают чувство покоя и безопасности, и они связывают это с развитием духовной жизни. Происходит подавление нарциссической составляющей характера, по крайней мере, на какое-то время, и вместо этого возникает гораздо более зрелая и объективная личность, способная позитивно и конструктивно воспринимать жизненные ситуации, не прибегая к помощи алкоголя. По словам м-ра Х, все члены товарищества Анонимных Алкоголиков, которым удается сохранять трезвость, рано или поздно претерпевают такие же личностные изменения. Им необходимо избавиться от нарциссизма навсегда, в противном случае программа Анонимных Алкоголиков будет действовать только в течение какого-то периода времени.

Здесь позвольте мне поделиться еще двумя наблюдениями. Во-первых, существует громадная разница между подлинным, эмоциональным религиозным чувством и нечетким, смутным, скептическим рассудочным верованием, которое многие люди принимают за религиозное чувство. Независимо от того, что именно вкладывает человек в понятие Высшей Силы, до тех пор, пока со временем он не начнет ощущать ее реальность и близость, его эгоцентрическая натура будет снова выдвигаться на первый план с той же силой, и он снова начнет пить. Во-вторых, большинство из тех, кто в конце концов достигает необходимого духовного состояния, делают это исключительно в результате следования программе Анонимных Алкоголиков, а не потому, что им когда-то удалось осознанно пережить внезапный подъем религиозных чувств. Взамен этого они медленно, но уверенно приходят к такому состоянию души, пребывая в котором, они спустя некоторое время начинают резко осознавать огромную разницу между ним и их прежним состоянием. К своему удивлению, они обнаруживают, что их взгляды и мнения приобрели очень отчетливую религиозную окраску.

Следовательно, эффективность программы Анонимных Алкоголиков, в первую очередь, связана с развитием религиозного чувства, которое становится непосредственным нейтрализатором эгоцентрических элементов в характере алкоголика. В случае если это чувство полностью интегрируется в новые поведенческие навыки, пациент будет сохранять трезвость. М-р Х говорит, что такой процесс интеграции занимает определенный период времени, и что если структура личности не претерпевает заметных изменений в течение полугода, то есть вероятность, что духовность в конечном итоге будет побеждена подавленной на какое-то время сущностью алкоголика. Иначе говоря, если религиозный импульс, который обеспечивают Анонимные Алкоголики, не вызовет изменений в более глубинных составляющих личности, то эффект про-

граммы будет недолговременным. Важно заметить, что эти изменения, которые типичны для излечившихся алкоголиков, происходят без вмешательства психиатра, но, судя по описаниям м-ра X, они обладают теми характеристиками, которые мы, психиатры, надеемся обнаружить у своих пациентов в результате нашего лечения. Вкратце он суммирует свои наблюдения следующим образом: «Алкоголик должен обрести объективность и зрелость, иначе он не сможет оставаться трезвым».

Я убежден, что терапевтическая ценность подхода, используемого Анонимными Алкоголиками, базируется на религиозной или духовной силе, способной сокрушить доминирующий нарциссизм алкоголика. По мере укоренения духовного чувства в душе алкоголика, к нему приходят совершенно новые позитивные мысли и ощущения, способствующие его взрослению и дальнейшему духовному росту. Иными словами, группа АА полагается на силу эмоционального воздействия и религию для достижения результата в эмоциональной сфере, что подразумевает избавление от негативных и враждебных эмоций и их замещение набором позитивных эмоций, в присутствии которых человеку больше не надо отстаивать свою непокорность, а вместо этого он может жить в покое и гармонии со своим внутренним миром и окружающими, свободно общаясь и сотрудничая с ними.

Еще одно последнее замечание. Современная психиатрия сдержанно относится к чисто эмоциональным методам воздействия. Метод считается подозрительным, если он не привязан к рассудку и интеллекту. Сегодня для выявления причин, препятствующих синтезу, под которым подразумевается такое эмоциональное состояние, когда человек не страдает от конфликтов и напряжения, упор делается на анализ, опирающийся на рассудок. При этом предполагается, что если с помощью такого анализа выявить и высвободить блокирующие эмоции, то на их месте возникнут позитивные синтетические эмоции. Однако не менее логично вызывать замену эмоций с помощью других эмоций, а затем, когда такая замена произойдет, подключить рассудок и интеллект, чтобы закрепить этот новый ряд эмоций в структуре личности. В определенном смысле, это именно то, что происходит среди Анонимных Алкоголиков: религия воздействует на нарциссизм и нейтрализует его, приводя к состоянию синтеза. Говоря о собственном религиозном переживании, м-р X часто называет его «замечательным синтезирующим опытом, когда впервые в жизни мне все стало ясно, как будто рассеялось гигантское облако и все осветилось неземным светом». Мой второй пациент, говоря о том же самом, отметил следующее: «Теперь я чувствую цельность внутри себя. Во мне есть внутренняя гармония, меня больше не раздирают противоречивые чувства и желания». И именно на фоне этих новых эмоций пациент смог более адекватно участвовать

в обсуждении своих предыдущих проблем и действий, которые необходимо предпринять, чтобы в будущем избежать повторения подобных проблем. Пережив синтезирующий опыт, пациент впервые в жизни смог честно и по-настоящему проделать работу, необходимую для самопонимания.

Это представляется мне вполне очевидным уроком для психиатров. Хотя предполагается, что мы и занимаемся эмоциональными проблемами, в целом мы все же проповедуем интеллектуальный подход и слишком мало доверяем эмоциям. Мы ощущаем неловкость и смущение, когда нам приходится опираться на эмоции, и всегда извиняемся перед своими коллегами, если нам кажется, что они могут посчитать наши методы чересчур эмоциональными. А тем временем другие люди, менее скованные традициями, продолжают использовать такие методы и достигают результатов, нам недоступных. Поскольку мы считаем себя непредубежденными и неконсервативными специалистами, нам совершенно необходимо осуществить грамотное и продолжительное изучение результатов, которых достигают неспециалисты в нашей области деятельности. Возможно, мы зашорены гораздо сильнее, чем нам кажется.

Последние работы д-ра Тьебу:

«Роль психиатрии в области лечения алкоголизма», 1951.
«Сравнительный анализ капитуляции и уступчивости в терапии», 1953.
«Факторы эго в процессе капитуляции алкоголиков», 1954.

ПРИЛОЖЕНИЕ «E:c»

Прения среди членов Медицинского общества штата Нью-Йорк

Фостер Кеннеди, врач

Мы услышали очень трогательное и выразительное выступление, трогательное как по форме, так и по содержанию[1].

Я убежден, что человек, самостоятельно излечивший себя от пристрастия к алкоголю, имеет гораздо больше способностей к лечению алкоголизма, нежели врач, никогда не испытавший этих страданий.

Как бы ни был участлив и терпелив врач, занимающийся пациентом, последний наверняка чувствует или представляет себе снисходительное отношение со стороны врача, или же у него создается впечатление, что его запугивает очередной проповедник.

Организация Анонимных Алкоголиков обращается к двум величайшим источникам силы, известным человечеству: к религии и инстинкту ассоциации с себе подобными, который Троттер назвал «стадным инстинктом».

Мэттью Арнольд характеризует религиозную веру как убежденность в существовании силы более могущественной, нежели мы сами, и способствующей добродетельности; от нее можно получить помощь благодаря духовной трансформации, которую также можно назвать разновидностью религиозного опыта.

Больной человек ассоциирует себя с теми, кто также был болен, но выздоровел или выздоравливает, и именно эта ассоциация и предлагает соответствующий метод лечения и избавления больного от ощущения, что он является парией в обществе. Их способность вскрывать глубокие внутренние силы доказывается стремительным ростом этого независимого и крайне полезного движения. Более того, это движение связано с задачей, которая обладает огромной эмоциональной побудительной силой и состоит в том, чтобы каждый излечившийся алкоголик стал миссионером для другого больного.

Мне кажется, что нам, врачам, всегда было сложно найти занятие для наших выздоравливающих пациентов, которое обладало бы достаточной эмоциональной побудительной силой, способной заменить алкоголь по своему физическому воздействию.

[1] Речь идет о докладе, только что сделанном Биллом (1944 г.)

Эти люди из Анонимных Алкоголиков наполняются священным энтузиазмом, который и позволяет самому миссионеру оставаться трезвым, пока он занимается лечением другого человека.

Я думаю, врачи должны внимательно изучить это мощное терапевтическое оружие. Если мы этого не сделаем, нас обвинят в эмоциональной бедности и в утрате веры, которая может свернуть горы, и без которой медицина почти бессильна.

ПРИЛОЖЕНИЕ «E:d»

Рецензия на книгу Анонимных Алкоголиков (1939 г.)

Д-р Гарри Эмерсон Фосдик (с цитатами из его автобиографии)

Эта замечательная книга заслуживает пристального внимания со стороны всех, интересующихся проблемой алкоголизма, будь то его многочисленные жертвы, друзья этих жертв, терапевты, священнослужители, психиатры или социальные работники. Эта книга даст им взгляд изнутри на проблемы, с которыми сталкивается алкоголик, чего нет ни в одном из научных трактатов, известных автору данной рецензии. Мозаики окон готических кафедральных соборов — это не единственная вещь, которую можно по-настоящему рассмотреть только изнутри. Другая такая вещь — это алкоголизм. Все сторонние наблюдатели имеют об этом не совсем четкие и определенные представления. Только тот, кто сам был алкоголиком и сумел вырваться из этого плена, может адекватно поведать об этом опыте.

В этой книге представлен совместный опыт сотни мужчин и женщин, которые были жертвами алкоголизма, и многих из них специалисты считали безнадежными, но они отвоевали свою свободу и вновь обрели трезвость и контроль над собой. Их истории написаны детально и подробно, и наполнены человеческим интересом. В современной Америке наблюдается рост алкоголизма. Алкоголь — это легкий способ ухода от депрессии. Когда одного английского офицера, служившего в Индии, упрекнули в чрезмерном пьянстве, он поднял стакан и сказал: «Это самая быстрая дорога из Индии». Точно так же и многие американцы используют крепкие спиртные напитки, чтобы сбежать от своих проблем, до тех пор, пока с ужасом не обнаружат, что, добровольно ступив на этот путь, они не могут самостоятельно остановиться. В этой книге сто мужчин и женщин рассказывают свои истории порабощения и последующего освобождения от алкоголя.

В этой книге нет ничего сенсационного. Она отличается благоразумием и сдержанностью, и свободна от экзальтации и фанатизма. Это трезвый, вдумчивый, терпимый и сочувственный подход к проблеме алкоголизма, с описанием успешных методик, принесших свободу многочисленным соавторам этой книги. Группа, которая стоит за появлением этой книги, первоначально насчитывала двух-трех бывших алкоголиков, нашедших друг друга благодаря сходному опыту. Это близкое сходство положило начало целому движению, где бывшие алкоголики работают с алкоголиками без рекламы и фанфар, и которое охватывает все новые и новые города. В книге представлен практический опыт этой группы и дается описание методов, которые они используют.

Сутью данного подхода к лечению алкоголиков является религия. Они убеждены, что единственный способ вылечить безнадежного алкоголика — это избавить его от одержимости алкоголем с помощью Силы более могущественной, чем он сам. Следует сразу сказать, что этот религиозный опыт вовсе не связан с фанатизмом или сектантством. Агностики и атеисты, а также католики, иудеи и протестанты рассказывают свои истории открытия Силы более могущественной, чем они сами. «КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ ОТРИЦАТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА?» — вот что сказал Голос одному из атеистов этой группы, когда он был помещен в больницу для лечения от алкоголизма и осознал абсолютную безнадежность своего состояния. Толерантность и непредвзятость этой книги наиболее явно проявляется в подходе к главному фактору, определяющему успех лечения всех этих мужчин и женщин. Они не являются фанатиками какой-либо определенной ветви официальной религии, хотя настоятельно рекомендуют единоверцам организовать какое-нибудь религиозное сообщество. Под религией они подразумевают опыт, лично известный им самим и спасший их от алкогольного рабства, перед которым оказались бессильны психиатрия и лекарственная терапия. Они соглашаются с тем, что каждый человек должен приходить к Богу своим путем, но абсолютно уверены в существовании Самого Бога, и их истории победы над своим недугом являются прекрасным дополнением к работе Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта».

В целом эта книга является абсолютно реалистичной и написана с необыкновенным умом и мастерством, а скромность и юмор скрашивают это повествование, которое в противном случае могло бы оказаться очень жестким и мучительным.

Д-р Фосдик снова рекомендует нас

В своей автобиографии «Жизнь в эти дни», вышедшей в издательстве «Харпер» в 1956 г., д-р Фосдик великодушно отозвался о нас:

«Анонимные Алкоголики, ныне достигшие поразительной силы — это неожиданный подарок нам, священнослужителям. Как мы можем понять алкоголика с его навязчивой тягой к спиртному, его безнадежной порабощенностью, с которой он безуспешно борется, многочис-

ленными твердыми решениями перестать пить, которые постоянно терпят крах? Когда мы разговариваем с алкоголиком, он знает, что, не побывав на его месте, мы никогда не сможем понять его бедственного положения. Но когда с алкоголиком говорит бывший алкоголик, который сам побывал в этой пропасти и сумел выбраться из нее с помощью Двенадцати Шагов к свободе, это может дать замечательные результаты, как уже было много тысяч раз.

«Месяц за месяцем я читал их официальный журнал «АА Грейпвайн» — самый трогательный сборник свидетельств о возможности личностной трансформации из всех, что мне доводилось видеть. Более того, эти личные свидетельства доказывают реальность религиозного опыта, так как Анонимные Алкоголики являются глубоко религиозными людьми. Важным компонентом их программы является Одиннадцатый Шаг: «Стремились путем молитвы и размышления усилить соприкосновение с Богом, как мы понимали Его, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого». Насколько я знаю, собрания Анонимных Алкоголиков — это единственное место, где на религиозной основе прекрасно ладят друг с другом представители римско-католической церкви, иудеи, все ветви протестантизма и даже агностики. Они не обсуждают богословские вопросы. Многие из них скажут, что ничего не знают об этом. Единственное, что они знают — это то, что в момент полной безнадежности они соприкоснулись с Силой более могущественной, чем они сами, и обрели в ней мощный ресурс, позволивший им одержать победу над алкоголем, что казалось невероятным. Я слышал много ученых споров о Боге, но, по правде говоря, для получения эмпирического доказательства существования Бога, дарования Им силы конкретным людям и несомненного подтверждения Его присутствия в реальности мне достаточно только встречи с Анонимными Алкоголиками!»

ПРИЛОЖЕНИЕ «F»

Список публикаций Всемирного центра обслуживания Анонимных Алкоголиков

КНИГИ

Анонимные Алкоголики (обычного, карманного, большого формата и сокращенное карманное издание)
AA взрослеет
Двенадцать Шагов и Двенадцать Традиций (обычного, большого и карманного формата, в мягкой обложке и подарочное издание)
«Как это видит Билл» (Образ жизни АА)
Д-р Боб и славные ветераны
«Передай другому»
Ежедневные размышления
Опыт, сила и надежда: Избранные истории из первых трех изданий книги «Анонимные Алкоголики»

БУКЛЕТЫ

Пришли к убеждению...
Жить трезвыми
АА в исправительных учреждениях: От заключенного к заключенному

БРОШЮРЫ

44 вопроса
Традиции АА — Как они вырабатывались
Священнослужителям об АА
Три выступления Билла У. перед Медицинскими обществами
АА как ресурс в сфере здравоохранения
Походят ли АА для тебя?
Походят ли АА для меня?
Знакомьтесь, АА
Вопросы и ответы о наставничестве
Думаешь, ты особенный?

АА для женщин
АА для престарелых алкоголиков — никогда не поздно
Статья Джека Александера
Послание женщине-алкоголику
Молодежь и АА
АА для коренных народов Северной Америки
АА и алкоголики-гомосексуалисты/лесбиянки
Могут ли АА помочь и мне? Истории афро-американцев
АА и Вооруженные Силы
Члены АА о лекарственных средствах и других наркотиках
Есть ли алкоголик в вашей жизни?
АА: Взгляд изнутри
Группа АА
Представитель группы АА
Памятка заключенному
Двенадцать Шагов с иллюстрациями
Двенадцать Концепций с иллюстрациями
Организация сотрудничества членов АА
АА в исправительных учреждениях
Послание администрации исправительных учреждений
АА в лечебных учреждениях
Преодолевая пропасть
Что случилось с Джо (книга комиксов)
Что случилось с Алисой (книга комиксов)
Взгляд на Анонимных Алкоголиков изнутри сообщества
Другие проблемы помимо алкоголя
Давайте дружить с нашими друзьями
Краткий справочник по АА
Выступления на встречах с неалкоголиками
Как понимать анонимность
Основатели АА
Если Вы профессионал...
Статистическая информация о членах АА
Ты слишком молод? (рисованный проспект для подростков)
Сидеть в камере — это не здорово (иллюстрированный проспект для заключенных)
Вопросы новичка
Есть ли алкоголик среди ваших сотрудников?

Периодические издания АА

«АА Грейпвайн» (ежемесячно)
La Vina (два раза в месяц)

АА ВЗРОСЛЕЕТ

Сдано в набор 01. 11. 2008. Подписано в печать 11. 03. 2009.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Лазурский.
Печать офсетная. Печ. л. 22 1/2. Тираж экз. Заказ

Отпечатано в Чебоксарской типографии № 1
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15